

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7/96

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- И. И. Жилинский — Блокадный дневник (осень 1941 — весна 1942 г.) 3

СТАТЬИ

- И. Е. Зеленин — Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху» 14
- В. К. Шацлло — США и подводная война Германии в 1914—1918 годах 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- О. Р. Айрапетов — Николай Николаевич Обручев 49

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 70

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 88

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ПУБЛИКАЦИИ

- Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах 106

СООБЩЕНИЯ

- В. В. Шелохаев** — Либералы и массы в годы первой мировой войны 130
- Джонг Хи-Сок** — М. П. Погодин и Кирилло-Мефодиевское общество 30—50-х гг. XIX в. о славянском единстве (сравнительно-исторический анализ) 137

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В. К. Рыков** — Экспедиция Б. А. Вилькицкого . . . 150

ИСТОРИОГРАФИЯ

- О. А. Ржешевский** — Ю. А. Поляков. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки . . . 155
- И. Л. Глушков** — А. И. Бернштейн, В. П. Кораблев, М. И. Павлушенко. Отечественное воздухоплавание. 157
- А. В. Антощенко** — П. Г. Виноградов. Собрание сочинений. 159
- А. Н. Медушевский** — Й. Баберовский. Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864—1914); П. Лиссем. Административная юстиция в поздней Российской империи. Правительствующий Сенат и его решения по вопросам самоуправления в России (1864—1917) 160
- В. В. Похлебкин** — Когда рушатся империи 165
- В. Н. Токмаков** — Человек античности: идеалы и реальность 166
- По страницам зарубежных журналов 167

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- И. В. Топорков** — Самарские масоны: Елшин и другие 174

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Блокадный дневник (осень 1941 — весна 1942 г.)

И. И. Жилинский

Пилим дрова в комнате. Мама получила от соседки, которой когда-то помогала кормом, $\frac{1}{2}$ литра молока — сделали на редкость обед с мукой, чай с молоком. Праздник. Сыты. Чай с солью. Проба чая с глицерином — хорошо. Разговор, как Оля (Ивановна) подвела нас с дровами, отдав половину их на ущелье, а сама теперь уехала — мы мерзнем. Оля купила доску за 10 руб. Нет керосина для фитюлек. За чаем в ходу моя горчица.

16/1.

Оля готовится горчицу по своему способу. С 4 час. дня обстрел дальноточными. Ложатся близко. Что будет? Все равно.

Новость. Защелкало радио, но еще не говорит. Мороз днем около 8° .
16 января 1942 г. (второй раз).

Приближается дата 22 января, когда исполнится 7 месяцев войны. Помню, что в день начала войны, 22 июня, я высказал дома мысль, что эта война — война на два года. Часам к 12 дня 22/VI, в сильно возбужденном состоянии, приехали с дачи Оля, Олег и Юрочка, без вещей, и эти вещи потом доставили немало хлопот мне, моей Оле и Оле Гродской. Наиболее ценное в хозяйстве Оли (Ив.) мы на себе перевезли в Ленинград. Впоследствии, после отъезда уже Гродских Оли и Олега, нам удалось, при посредстве злополучного Бахшиева, перевезти в Лен-д и все остальное — кровати, диван, кухонный стол, табурет и т. п.

22/VI у нас состоялся обмен мнениями по поводу событий. Олег был склонен считать, что война эта закончится очень быстро, и преувеличивал мощь Германии. Он отдавал должное их четкой организации, сильной механизации войск и т. п. Спустя некоторое время я был у Петра Петровича. Я принял позу благожелательства англичанам, Петя был согласен, но, когда я стал высказывать мысли о возможности победы немцев, в том числе и над Россией, Петя категорически возражал, ссылаясь на примеры исторического характера в прочности нашей многострадальной России. (Данная запись, как и все остальные записи, принадлежит моей руке. 16 июня 1942 г.).¹

Спустя месяц или полтора у меня составила твердая уверенность в таком ходе войны:

1) Русский народ, в подавляющем своем большинстве, главным образом из среды интеллигенции и крестьянства (примерно 90—95%) населе-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, № 5—6.

ния, — совершенно далек от большевизма и коммунистического вероучения. Однако он же впитал в себя исторически и дух протеста против засилья иностранцев и, главным образом, против роли в России немцев.

2) Русский народ может в тяжелую годину смириться со всякой русской действительностью и пойдет в ногу со всеми, кто поведет его к победе, против возможности хозяйничать в России иностранцам и гл. обр. против немцев. Вот почему у меня появилась твердая уверенность, что немец, начав войну с Россией, будет наконец (допустив такую ошибку) побежден.

3) Экономические ресурсы Союзников и Стран Оси разные. В то время, когда Англия, поддерживаемая Америкой, с Россией обладают трудно исчислимыми, самыми разнообразными и громадными запасами военного сырья, и Америка обладает колоссальными техническими возможностями производства первоклассного образца, Германия не располагает многими данными для ведения затяжной войны, исходя из своей экономики. Например, она не имеет меди и вообще цветных металлов, нет вольфрама, нет шерсти, что так важно для войны в зимних условиях, и т. д.

4) Много было шума по поводу молниеносной войны. Видимо, вся стратегия немцев была построена на быстром ходе войны. Надеялись на внутреннее недовольство большинства населения России существующим диктаторским, террористическим режимом, правлением в России одной, большевистской партии (меньшинства) и что это недовольство (а так оно и есть) создаст обстановку хаоса в руководстве военными операциями, и война будет выиграна быстро и легко с помощью самого же населения России. Следовало лишь проделать прогулку, вроде как по Польше, до Урала, и в 2—3 месяца Германия будет иметь невероятно колоссальные территориальные границы и экономические запасы и возможности. Далее — Турция и весь Аравийский полуостров, Индия и затем далекая Америка. Но все это провалилось. Роковая ошибка немцев, которая им будет стоить очень дорого.

5) Я убедился в роковой ошибке немцев уже после первых 2—3 недель войны. Они не постарались изучить психологию русского народа. Отсюда — даже продвижение их, с помощью громадного перевеса в огне и в железе, в моторах и стали, до самого Урала не может дать им передышки, не может дать им победного конца над Россией. Рано или поздно они должны будут начать отступать, и это будет начало катастрофы Германии, подобно 1812 году в прошлом. Такова судьба каждого завоевателя, т. к. у России союзники особые — необъятные пространства, особая психология (хоть дурак, да свой), выносливость с нетребовательностью, доходящей до бескультурия.

6) Если так, то неизбежна война затяжная, как я, не совсем без основания, предсказывал, на 2 года, а следовательно, нужна и мощная глубокая экономическая база с большим разнообразием, а ее-то и нет у немцев, или она есть, но не всеобъемлющая, как у союзников.

7) Немцы всюду били поодиночке каждого противника, а тут перед ними стало сразу несколько театров: африканский, русский, да и в оккупационных странах.

8) Немцам страшна война на 2 фронта, а тут появилась возможность такой войны — английская высадка десанта в Бельгию или во Францию и Восточный фронт, да и Африка немало отвлекает.

9) Если у немцев были только победы, удачи, то появились признаки и неудач: Иран, Ирак и т. д.

Вот, исходя из всего сказанного, я сделал себе вывод, что дальнейший ход войны (и в этом уверен твердо и до настоящего времени) будет такой:

вслед за рядом возникших у немцев политических ошибок и просчетов должны появиться и ошибки военного характера. После непрерывных побед должны начаться военные неудачи, вызывающие охлаждение в армии, тем более что Германия уже давно переживает перенапряжение и усталость от войны. Несколько неудач, несколько отступлений заставят многих из них насторожиться и подумать о личной жизни и целях войны, о бессмысленности гибели народных масс для славы верхушки.

Это постепенно должно начать расшатывать укрепившиеся было устои непобедимости немцев, должно отдельных граждан Германии заставить более болезненно оплакивать погибающих родных. Затем — ропот, усиление репрессий внутри, полицейщина, падение подъема духа народа. Будет громче ставиться вопрос — когда же конец войне?

Армия немцев начнет работать под палкой. Время идет. Зима. По русским снежным сугробам техника всегда страдала, где же тут молниеносность? Недостаток бензина. Страх перед русским штыком. Если летом немец избегал рукопашного боя, то зимою он или должен будет его принимать, или бежать, оставляя свою техническую оснащенность, меняя свою психологию зарвавшегося победителя и порождая в себе боязнь погибнуть. Это делает армию слабее, а у русских — наоборот. На какую бы ни вышли немцы линию боя в России, войне конца не будет. При недостатке шерсти — отсутствие теплой одежды. Русские морозы — верный союзник русских. Декабрь — начало трагедии немцев. Январь — начало разочарования немецких солдат. Февраль — начало поварьных болезней. Март — начало простуд, апрель — холодных купаний в разливах рек и болот. Май — начало катастрофы великой Германии. Июнь — август — начало великих потрясений внутри самой Германии. Сейчас немецкий гражданин находится под впечатлением успешного продолжения великих дел сколачивания великой Германии, начатого так успешно в XIX веке великим Бисмарком. Это решает многое внутри страны. В любой пивной, пожалуй, еще много найдется бисмарковских патриотов, готовых языком отстаивать задачу разрешения войны, во что бы то ни стало, в пользу Германии, для сохранения так трудно завоеванного престижа их государства. Они будут пугать оппонентов гибелью великой Германии и требовать при всех обстоятельствах любых жертв для спасения независимой, гордой, величавой, надменной родины. Но когда теперь армии немцев потребуются эти патриоты и их бесцеремонно заставят взять ружье и идти на фронт, где они столкнутся не с приподнятым духом отправившихся на военную прогулку людей, а с людьми разочарованными, то и они в своих письмах домой будут плодить по стране мысли — скорей кончать! Перед Германией встанет либо призрак революции, либо упадок духа и подчинения судьбе побежденного, но гордого своими прошлыми победами. В конечном итоге будет нечто, напоминающее картину: «Все в прошлом». По ходу войны зимою возникнут, по моему мнению, такие трудности у Германии: 1) армия де Голля должна будет сделать попытку высадки десанта во Франции, где их встретят, как желанных. 2) Англичане, имея в августе удачный опыт высадки десанта в Бельгию, где они, побывав хозяевами одного города, захватили немецкий штаб с офицерами и ценными военными бумагами, благополучно вернулись к себе, должны снова будут провести подобную операцию с бельгийцами, рассчитанную уже основательно, для наступательных действий. 3) В Африке немцы уже потеряли инициативу, терпят поражения, и их там должна постигнуть судьба Абиссинии. 4) Пораженческие настроения должны возникнуть в Италии, Венгрии и Румынии. 5) В то же время Греция, Югославия и Чехословакия будут представлять собою бочку с опасным порохом, и взрыв неминуем к весне, если не раньше. 6) Обмороженные немцы и др. на фронт зимою возвращены быть не могут, отсюда качество и количество армий падает. 7) Физический износ перенапряженного оборудования заводов должен отразиться на качестве военной продукции. Ведь сейчас у них все работает «ва-банк». В то же время Англия и Америка только вступают со своей техникой в работу, и в результате в авиации Англия и вообще Союзники имеют 1 к 1, а будет и превосходство. 8) На море: Англия и в Средиземном море, и в океанах уже не только перестала быть мишенью, но уже успешно ведет разрушительную, гибельную войну для «Оси» и решает такие задачи, как наскоки в Норвегию. Это сейчас, а далее будет успешнее, и можно полагать, что и Норвежский фронт не за горами. 9) О привлечении новых союзников себе Германия надеяться уже не может: ни Швеция, ни Турция, уже совершенно очевидно, ими не будут, а возможно, Англии удастся Турцию вовлечь в орбиту войны

с Германией к весне. 10) Испания должна будет искать себе выхода из тупика, в котором она сейчас застряла, это осложнит дело для Германии. 11) Португалия — с Англией. 12) Нефть начнет беспокоить немцев и ограничивать их возможности.

Вот эти реальные трудности приведут Германию к концу лета к поражению.

Что же будет с нами? С Россией?

1) Англия и Америка, не разделяя «коммунистического вероучения» (см. речь Черчилля по поводу декларации Черчилля и Рузвельта при встрече в море в начале августа), помогают России всем, чем только можно, не из желания одной только победы над немцем, но и выторговывают себе в будущем выгодные позиции для рынка. Заем — это одно; но и такие условия, как выделение порта «Ленинград» в международный город, тоже возможно. В таком случае и у нас перед небывальными трудностями легче согласиться на подобное мероприятие, чем лишиться военной экономической помощи или иметь ее недостаточную, т. е. такую, которая только поддерживает фронт, лишь бы дрались и обоюдно гибли, чем располагать ресурсами наступательного характера.

2) Не думаю, чтобы так мог ставиться вопрос и об Одессе или о др. пункте, но, кроме подобного маневра Америки и Англии, я полагаю, они имеют попытку повлиять на внутренний режим в н/стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом, конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам «вариться в собственном соку».

3) Мы будем участниками дележа Германии, но хозяевами положения и разбазаривания германского добра будут Англия и Америка, а мы будем отчасти участниками, а отчасти демагогическими покровителями германских народных масс против угрожающей им нищеты.

4) В конце концов мы снова очутимся в одиночестве со своим Коминтерном, а остальной мир будет мир демократический, парламентский, капиталистический, как принято называть у нас ту сторону.

А Япония? Я не коснулся этой проблемы. Для меня не ясны роль и задачи этой войны в конечном результате: кто сильнее? Конечно, Союзники! Победит ли Япония — нет! Это ясно, но сколько времени она отнимет у Союзников; на сколько затормозит ход помощи нам и т. п., боюсь сейчас высказаться, нет материалов для твердого, уверенного суждения.

Я рассчитываю все же, что обещанная Англией и Америкой помощь нам будет продолжаться независимо от войны с Японией. Возможно, что задача Союзников будет — покончить с Японией после разгрома Германии.

Что же будет с осажденным Ленинградом? Что его ожидает?

Для меня странно, что, имея успехи на Юж. и Юго-Зап. фронтах, на Ленинградском фронте такого нажима нет. Слабовато. Вот это подкрепляет мысль, что зачем тратить силы там, где территория будет международной? Придет, мол, время, и все союзники вместе тут будут ломать колья. Но все же Ленинград — наш город, люди мрут, как мухи, народ гибнет; задача прорвать блокаду города поставлена твердо и ясно. Несомненно, что подготовлено все, что можно, чтобы сразу подкинуть сюда продовольствие и т. д., но эта задача поставлена перед недостаточным контингентом военной силы. Отсюда и затяжка этого прорыва. Успешные действия 54 армии не имеют таких решающих и быстрых результатов, как сила армий под Москвой или на юге. Надо надеяться, что в первой половине февраля блокада будет прорвана. Продукты американские поплывут к нам в достаточном количестве. Люди оставшиеся будут спасены, но это еще месяц, а за месяц многих жизней, и главным образом бедноты, не станет. По моему мнению, это ближе всего касается лично меня и моей семьи; мы получим небольшое увеличение пайка хлеба не с 21/1, как усиленно кто-то распускает слухи, а с 25/1, т. е. ровно через месяц с момента первой прибавки. Потом некоторое улучшение должно наступить с 1/II по прочим продуктам. Числа с 16/II должны нормально начать питаться. Свет должен

появиться в конце февраля полностью. Трамвайное движение будет зависеть от погоды. Мороз и снег затянут дело до середины февраля, т. е. до потепления, если же потепление наступит в конце января, то трамвай пойдет в первых числах февраля, не в полном пока объеме. Вот почему, по моему мнению, официально прекращена эвакуация, а фактически усиленно эвакуируются очень многие из ответственных работников фронта и города вместе с семьями. Не знаю, заблуждаюсь ли я в этом, но вся эта обстановка для меня почему-то кажется очень странной. Между прочим, очень характерным является поведение евреев. Гибели их я не замечаю, и среди отъезжающих то же. О смертности населения ходят разные подсчеты и слухи. Называют цифры до 30—40 тыс. человек в сутки. Не мудрено, голодный паек, без какой-либо возможности достать что-либо на стороне.

На 16/1 линия фронта блокады простирается от Ладожского озера — пункт между Войбокало и Волховом, потом на Кириши, потом на Чудово и на Новгород. Решающий пункт нажима нашей 54 армии с той стороны на линию блокады — это ст. Мга.

17 января 1942 г.

Мороз 16°. В кухне на полке в запыленной бутылочке нашел бензин, видимо для чистки туфель; использовал для освещения. Еще светим два-три дня; бани не работают, нет дров. Радио не работает. Завтра Оля пойдет в свой «Гастроном». Я обессилен. Ноги не хотят ходить. Спим уже 2 месяца, не раздеваясь, отчасти и потому, что очень холодно.

18 января 1942 г.

Мороз 19°. Оля ходила в город. Видала, что в некоторых магазинах выдают пшено и перловую крупу. Веселее: значит, появилась, будет и у нас. Ведь крупы мы не видали 2 м-ца. Ни разу не получали ни сахара, ни замены его. Все ждут, все говорят о увеличении пайка хлеба с 21/1, ко Дню смерти Ленина. Смертность необыкновенно возрастает. Оля видала лежащую мертвую девочку на Строгановом мосту. На берегу — мертвый старик.

Воскресенье. Вся Мигуновская улица покрыта едущими саночками с покойниками, в гробах и без гробов. В несколько рядов везут и тащат за собою лопату, ломик и т. п. Сегодня — перерегистрация карточек. У Серебряникова пропадает карточка покойной жены на 200 гр. хлеба в день. Федорова опечалена: не успел умереть муж, как перерегистрация карточек и хлеба; не поест. Держит покойника в секрете, в сарае. Вчера 17/1 умер и Усачев. Тоже жена вынесла в сарай и держит в секрете. И та, и другая предъявили паспорта, и карточки перерегистрировали.

Обеды в столовых без ложек, люди многие суп-водичку едят через край тарелки или лакают; как коты. Утром у нас в комнате было всего 1½° тепла. Поест нет ничего ни крошки. Чай. Мама бодрa и здорова.

У всех в городе холод адский. За водою люди в городе не приспособлены ходить, нет ведер, ходят с чайниками и проч. Наблюдается обвес в хлебных. Нас уже обвесили на 102 гр., 133 гр. и 129 гр. Ежедневный обстрел дальнoбойными по городу. Слышна канонада с Карельского. Радио не работает.

15/1 мама от молочницы получила ½ бут. молока за прежние остатки пицци. Телилась корова. Имели чудный обед с мукой.

18/1 заварили с Олей большую банку чудной горчицы, туда сахарку, остаток пудры, лимон. кислоты, соль, укс. эссенции (Оля достала) и т. п. Горчица обещает быть дивной. Дадим выстояться до 25/1. Говорят, что с 21/1 хлеба прибавят по 50 гр. и к празднику дадут по 100 гр. конфет. За пачку папирос «Южные» — 100 гр. хлеба.

Променяли 2 шапки-ушанки по 200 гр. Прибавилось 400 гр. Променял свои карманные часы за 1½ кило хлеба, получил пока 900 граммов. Часы пока у меня.

Экономия спичек, жжем лучину. Оля меня спасает жертвой мне коровьего масла. Я, кажется, оживу.

19 января 1942 г.

Мама достала у Марии Николаевны (молочницы) $\frac{1}{2}$ литра молока за 25 руб. и дала еще 25 руб. — на субботу $\frac{1}{2}$ литра. Наш суп сегодня обошелся нам в 26 руб. Чуть не купили саночки дров за 70 руб., но подскочил человек с табаком, сорвалось. Оля (Ив.) оставила «Новинку», жидкость: оказалось, горит. Стали освещаться в фитюльках. Еще свет на пару дней. Купил чая 50 граммов за 65 руб. Радио заговорило в 21 час, но в 23 часа прекратило действие.

20 января 1942 г.

Мороз 20° . У нас в комнате $1\frac{1}{2}^{\circ}$ утром. Вся беда, что на деньги ни купить, ни нанять пилить дрова, а сил нет. Радио работало лишь $\frac{1}{2}$ часа о Ленине.

21 января 1942 г.

Мороз 17° . Продал последний свой табак за сахар. Имеем 180 гр. песку. Разочарование — прибавки хлеба нет.

22/1 1942 г.

Мороз 28° . Оля ходила в «Гастроном». Получила пшено. Ели молочный суп с пшенной крупой и блаженствовали. Мама была на 7-м небе. Радио не работает. Покупатель остался еще должен 150 гр. хлеба. Залог его, часики, не ходят.

23 января 1942 г.

Оля ходила на Большой. Получила кофе (70% натурального кофе и 30% цикорий), одну пачку, 200 граммов. Вместо обеда пили кофе, больше ничего у нас нет. Вот было блаженство. Напились до отказа. Ходили с Олей за водой на Невку, но даже и на льду на реке очередь. Напилили дров, запас на 2 дня. Я наворовал осколков досок, часть истратили уже на плиту.

Вечером — блаженство за самоваром, пили кофе. Вспоминали все и всех.

Радио не работает.

Утром были внезапно разбужены разрывами авиабомб. Две упали на Александровский, позади нас, и одна — на Дибуновской ул. Это было в $5\frac{1}{2}$ час. утра. Удивительное происшествие в такую необычную пору при морозе в 28° .

У всех нас троих мы наблюдаем отеки от большого приема воды, но это единственный продукт питания плюс голодная норма хлеба, 200 граммов в сутки. Деньги у нас тают. Наши часики — будильник, которые остановились 1-го декабря при обстреле нашей деревни из дальнобойных, — теперь нами вынуты снова из чемодана. Я их попробовал пошевелить, и — пошли! Идут. Слава Богу, мы опять со своими милыми, любимыми часиками, нашими вечными спутниками.

24 января 1942 г.

Кошмар. Трудно было встать с кровати. Замерзли. Я проснулся и слышу, Оля на кухне топит плиту. Встал. Термометр показывал $\frac{1}{2}^{\circ}$. У плиты обогрелся. Мама спала. Она хорошо укрывается, вся с головою, всеми пальто и сверху Фалино ватное одеяло. У Марии Николаевны, как сообщила мама, украли корову, где она была в «частичной аренде на корму», и поэтому нам $\frac{1}{2}$ литра молока нет. Может быть, это маневр М. Н., чтобы отвадить клиентку, которая у нее здесь в это время сидела, а может, и правда. Во всяком случае, мы сегодня, не по плану, без молока. Мы, было, решили раз в неделю брать молоко. Чаще невозможно, ведь 25 руб. за $\frac{1}{2}$ кило, а деньги у нас тают и тают; мы оба не служим и доходов не имеем. Наши родные только нас умели подстегивать и подстрекать на жертвы, то Марусе на пальто, то маме на ежемесячное содержание, а вот теперь, когда и мы безработные и когда на нашем иждивении и мама оставлена ими же, то все прекратили даже писать. Я послал даже телеграмму Олегу и Оле

с просьбой выслать нам по телеграфу те 300 руб., что они у нас одолжили, но и эти наши деньги они не высылают. Телеграмма послана 29/XII.

4/I о высылке денег на содержание мамы послал Саларевым. Мама писала Саше об этом числа 6/I, и в декабре, и в ноябре. Володе тоже об этом написала мама 6/I. Марусе мама писала о высылке посылки с продуктами, если можно; но никто — ни звука.

А тут я еще сделал сегодня расход — у Серебряникова приобрел: репродуктор, паяльник, кислоту, нашатырь, ножницы по жести, лист жести, чудо-печь и печь-буржуйку за 260 рублей. Сегодня обедали: кофе с хлебом (на обед у нас было примерно по 50 гр. хлеба), приварок наш — это горчица и соль. На дворе днем мороз 34°.

Мама, чтобы согреться, ходила вниз, к Сыропатовым на часок. Там по секрету говорили, что ходит слух что вчерашние бомбы — это наши и сброшены были в силу каких-то неизбежных причин. Правда или нет? Но что-то и мне казалось необычным в этом бомбометании. Михаил Сыропатов лежит в кровати и уже самостоятельно поворачиваться не может. Это уже определенная жертва голода. Вот и четвертый покойник будет в нашем доме за январь.

Забыл написать о маленькой радостной стороне жизни: с 24/I норма хлеба увеличена на 50 граммов. Теперь мы будем получать по 250 гр., т. е. 750 гр. на троих в день.

22/I я имел намерение сходить в «Свиносхоз» с обменом, но безрезультатно. Шел через кладбище. На главной дорожке стояло 5 автомашин, из них 3 трехтонки и 2 пятитонные, груженные мертвецами, которых сваливают в общие могилы, образованные взрывами. Я подсчитал на одной 3-тонной машине количество замороженных трупов: оказалось 72. На пятитонной, вероятно, более 100. Кроме того, стояла подвода, груженная тем же. Я насчитал 27 трупов. Они, видимо, вымороженные — легкие, т. к. носят их: один человек — один труп на плечо, как палку дров.

Из разговора шоферов с военным я понял, что они сделали с трудом 5 рейсов. Следовательно, 25 машино-дней. В среднем на машину 80 человек, а на 25—2000 человек в сутки. Это на одном Серафимовском кладбище такие успехи. При таких темпах одно кладбище в месяц даст 50—60 тысяч, а 10 кладбищ на Ленинград дадут полмиллиона жизней в месяц. Кошмар. Нет того дома, где нет покойников или живых голодных трупов, вроде Сыропатова, кандидатов на тот свет.

25 января 1942 г.

Мороз 28°. В комнате у нас не бывало низкая температура: -1½° (минус). В кухне замерзла вода всюду: в умывальнике, в ведрах, в тазу, в баке и проч. Топим плиту и печь сразу. Заботы о дровах... Пилили, нет сил... Кое-как. К 11 час. в комнате стало 8°.

Был управдомами Виктор Петр Николаевич (так отрекомендовался), просил снять его для удостоверения. Я использовал его для рекламы, пусть присылает мне заказчиков с оплатой 100 граммов хлеба за 3 карт. для пасп., а его тогда сниму бесплатно, и когда появится электросвет, сделаю увеличенный портрет. Достану материал и примерно в среду начну снимать, в т. числе и его. Обещал в конторе повесить объявление. Была Мария Ивановна, поговорили обо всем. Мелочи жизни. Обещала помощь в обмене некоторых вещей:

Олино платье крепдешин. Светлое — 3 кило хлеба

Сатин кремовый, 7 метров — 2 кило хлеба

Туфли Олины черн. (ей тесны) — 600 гр.

Салфетка своей раб. с красн. полоск., ситец — 300 гр.

Рейтузы — 400 гр.

Патефон с пластинками...

Что выйдет, не знаем. Но будем надеяться, что что-нибудь да обменяем. Уж очень хочется кушать, а у всех так мало этого насущного хлеба. Мы, говоря слово «кушать», не думаем ни о чем больше, как только о хлебе, ведь больше ничего нет, и мы давно забыли, что такое крупа, картофель

и вообще приварок. Какая скудная жизнь, и вся в очередях, даже за водою ходим на Невку и там у проруби стоим в очереди. Безобразие, какая организация помощи населению! Рядом пожарная команда без дела, и не могут нарубить прорубей. В магазинах очереди, хотя там всегда пусто, и только обещания. Нет дров, люди мерзнут. Как на зло, стоят морозы без конца. Ни одной оттепели. Говорят, что ожидаются морозы и до 40°. Те дома, что позавчера пострадали от бомб, сегодня люди разбирают на дрова. Сбежались, как муравьи. Мы с Олей не успели что-либо добыть, уже поставлен сторож.

Что стало с Новой Деревней — на месте домов пустыри! Дома разобраны на дрова для жилмассивов и для хлебопекарен. Если бы Оля Гродская или Олег приехали бы обратно, то Нов. Деревню они не узнали бы. Между прочим, я не написал никому писем в числа 20—23 в январе, как обычно ежемесячно писал всем в обязат. порядке. Рассердился: не только, лентяи, не пишут, но и на телеграммы не отвечают. Оля сейчас стоит у печи, руки греет у самовара и называет его «Милый наш друг». Да! Самовар — это сейчас единственное наше услаждение жизни, наша отрада. Я не представляю, как бы мы могли существовать, если бы в такую неприглядную пору, и голодную, и холодную, и без керосина, и без дров, у нас не было бы самовара. Ужас!

Завтра иду в исследовательский институт на Языковом переулке: о службе. По пути зайду на завод «Трудовой химик». Начнем служить. Здесь можно и без трамвая обходиться. Близо.

Подтвердилось, что у молочницы-соседки Марии Николаевны действительно корову украли. Милиция никакой помощи не оказывает. То же и 3 недели назад: была украдена корова. У Васильева-вора, что живет в доме Бахшиева (все знают, что Васильев — вор), обнаружили голову коровы; но оказалось, что милиционер был у него, и закусывал, и выпивал вместе с Васильевым, и поблагодарил его за угощение. Вот и все право!

У отъезжающего Серебряникова я купил за 260 руб. (210 рубл. деньгами + 1 пара чудных оригинальных теплых эстонских носков мужских 50 р. = 260 руб.) железную печь (временку), очень хорошую, экономическую, оригинальной конструкции, радио-репродуктор, чудо-печь для печений из муки, ножницы по жести, паяльник, нашатырь и кислоту. Кроме того, выменял на некоторую канцелярскую мелочь его старое разобранное радио и разные мелкие части, может быть, впоследствии можно будет собрать аппарат. Мороз к вечеру 28°.

26 января 1942 г.

Был в Центр. научно-исследоват. лаборатории абразивов и шлифования. Договорились, что я им составлю готовый баланс, и за три месяца, окт.-дек., — 2500 р.; из них 2000 р. деньгами и 2 куб. метра дров с их доставкой мне на квартиру. Срок сдачи мною работы — 4 февраля. Срок жесткий, но я берусь, если доставят не позже 28/1 дрова. Горючего (бензин с маслом) они мне уже дали литр. Теперь мы обеспечены, что фитюльки наши будут освещать нас почти весь февраль м-ц. Теперь наша задача — получить дрова, и тогда мы будем в тепле и февраль, и март, все же 2 кубометра.

Мороз 38° с ветром.

27 января 1942 г.

Мороз 30°. Ветер северо-восточный.

Был на службе с 10 ч. утра в «ЦНИЛАШ»е. Подписали с директором трудовое соглашение на мою работу. Дрова обязаны доставить мне (2 м³) не позже 28/1. Направил работу в конторе. Их главбух с ноября болен, и нет надежд на выздоровление. То же нет заместителя, нет бухгалтера по производствен. части. Развал. Одни остались барышники, безобидные работницы, работу не знающие. В 4^{1/2} дня ушел домой, надо покушать, но уже чувствовалось, что приближается катастрофа с хлебом. С утра были громадные очереди в хлебных. Хлеба нет и доставки не ожидалось. Я был

голоден. Утром съел лишь маленький кусочек, граммов 25 хлеба, с чаем и ушел на работу, надеясь прийти к 5 час. дня и тогда поесть. Придя домой, узнал, что Оля нигде хлеба достать не могла, его нет. По счастью, какому-то чуду, нам принес долг красноармеец, 150 граммов хлеба, недоданный за обмененные у меня на 1½ кило часы (мои карманные). Я ему возвратил его залог, маленькие испорчен. часы, и были мы все очень рады. Попили чай, разделив этот хлеб между тремя по 50 граммов. Чай пили с солью и горчицей, но к сожалению и горчица кончилась, и баночку вымыли. Истопили печи и легли спать в 7 час. вечера с расчетом, что Оля-мученица нам в 6 час. утра пойдет за хлебом, а я вскрою яму и все теперь дрова, что там остались, внесу в квартиру; после получения хлеба я пойду на службу.

28 января 1942 г.

Катастрофа, стоившая многих жизней. Нет хлеба. Этот жалкий паек хлеба — это единственное, чем сейчас живет и дышит Ленинградец — не получается уже второй день. Оля ушла в город. Она ушла голодная. Я истопил все печи и плиту, чтобы хоть немного нагреть квартиру. Мороз 24—26°. Разрыл яму. Все мороженные доски, дрова перенес в кухню и переднюю. Если будут бесконечно продолжаться такие жгучие морозы, то этих дров нам хватит всех лишь числа до 6 февраля. Надо какие-то особые меры. Я ворую доски, палки и все, что попадается по пути, но это не дает тепла. После переноски дров на 2 этаж я так устал, голодный, что меня шатало, голова кружилась. Идти за водою я уже не мог, т. к. обратно бы уже не вернулся. Оли нашей с утра нет и нет. Вот и 17 часов. Мы с мамой очень стали беспокоиться за Олю. Что случилось? Что хлеба нет, мы знаем, но на что она решилась? Может, зашла далеко, замерзла и обратно не доберется? Ужас. Погибли и мы тогда. Ведь хлебная карточка и этот кусочек хлеба — маленькая в остаточке надежда на жизнь. Милая, бедная наша кормилица Ольгушенька. Как я искренне молился Богу за нее и ее здоровье.

И вот, наконец, к 6 час. вечера пришла Оля и принесла хлеб, полученный ею чудом. Хлеб американский, дивный. За 2 дня — на 28 и 29/1, по 250 грам. на человека в день. У меня уже был готов самовар. Оля получила и 200 граммов муки. Сделали в чае из муки «заболтку», пили с хлебом. Голодные, мы поели. Как будто ожили. Ведь почти двое суток не ели.

Сегодня умер в н/доме Сыропатов Михаил Сергеевич. Славный был человек, трудящийся. Безобидный. Мне его очень жаль. Какая глупая, дикая смерть от голода. Надо было только кусочек хлеба человеку. Как это мерзко все поставлено и у нас, в Ленинграде, на карту. Гибнут тысячи людей, точно осужденные на смерть. Говорят, что от бомбежек, от обстрела и голода в Ленинграде уже умерло и погибло около 2,3 миллионов человек. Только в нашем доме из пяти мужчин умерло уже трое — Усачев, Федоров, Сыропатов. Осталось двое — я и Серебряников, который 30/1 эвакуируется с «ЦНИЛАШ»ем. Еще у них будут несколько партий уезжать. Как я еще живу, не знаю, но ходить далеко у меня уже тоже нет сил. Добираюсь до Языкова переулка на службу и обратно с большим трудом.

За эти 2 дня в городе творится нечто страшное. У Строганова моста народ разграбил воз с хлебом. В городе Оля наблюдала тоже такие картины. На Большом пр. в магазине народ набросился на полки и разграбил весь хлеб. Почему же не стало хлеба? Говорят, что от мороза полопались трубы и хлебозавод без воды стал. Кто говорит, что хромает транспорт и не подвезена мука. В общем, живем в неведении. Радио не работает, живем, как в мешке. Без трамваев, без воды. Оля в бак набрала выпавший снег и будет оттаивать его.

29 января 1942 г.

Мороз с утра 8°. К 4 час. дня 3°. Снег сырой, идет с полдня. Слава Богу, потеплее. В комнатах у нас стало можно дышать, 8—10°.

Был на службе. Там сотрудники голодные, никто не работает. Варят чай и пьют воду. Многие хлеба еще не получили и до сих пор. Тысячные очереди у хлебных. Охраняются магазины милицией. Возят хлеб и муку

люди от прилавка на саночках, на себе, под охраной милиционеров. Я на службе резко поставил вопрос о дровах, иначе прекращу работу. Ушел в 3¹/₂ часа дня. Директора не дождался. Условился с его заместителем Влад. Ив., что завтра, 30/1, мы перед ним резко поставим вопрос о доставке дров, или я более не работаю.

Кому поручена эта операция (Серг. Ал-ровичу), говорит, что нет подводы, дрова же есть. На завтра я имею крошку хлеба величиной со спичечную коробочку, и Оля дала мне чайную ложку (остаток) муки. Это я сделаю себе утренний завтрак и уйду на службу, где решится: или мы будем с дровами, или я больше к ним работать не пойду. Оля же пойдет на Большой с утра «натошак», понесет взятку магазину — бутылочку горючего граммов 125, и я сделал горелку. Заведующая магазином как-то сказала, что кто принесет горючее, получит хлеб без очереди. Но ни у кого нет этого ценного светила. Ведь и горючее приобретается на хлеб. Вот у нас и есть надежда, что Оля без очереди завтра получит хлеб и заодно муку, 100 граммов по моим отрезанным талонам (что я не мог использовать на службе, как иждивенческие), и рано сумеет вернуться, съев по пути кусочек хлеба. Ну, дай Бог, чтобы так все удачно и было. Говорят, что на той стороне Невы с хлебом такой катастрофы нет и все по-старому.

Эта катастрофа сорвала мне фотозаказы и Оле обмен на хлеб платья, а уже было почти надежно, что можно обменять крепдешиновое светлое Олино за 3 кило, ну, может, что-нибудь пришлось бы уступить. Господи! Пошли нам мужества перетерпеть все это мучение. Одна у нас мама сильна, здорова и переносит не с таким уж страданием и этот голод, и эти ужасы. Правда, она умеет беречь себя, ни одного лишнего движения, ничего не делает, много спит, и все разговоры — только о ее здоровье. Употребляет валериановые с толком, также горчичники, утюги в ноги и проч.

30 января 1942 г.

Утром мороз 10 ° с ветерком. Ночью шел снег. Днем 5 °. Мы встали без крошки хлеба. Решили, что мама будет продолжать лежать в кровати под одеялами и спать, чтобы не топить печи. Мы с Олей уходим в 9 час., я на службу, а Оля прямо в город, на Большой за хлебом. Т. к. она несет зав. магазином обещанное горючее для коптилок, надеемся, что хлеб Оля получит, как условились они, без очереди. Следовательно, можно было предполагать, что Оля вернется из города часам к 2 дня, не позже. Я же решил сегодня уйти со службы домой к 1 часу дня, и буду дома к 13¹/₂ часам, истоплю печи, и будем ждать Олю с хлебом. Покушаем, и тогда я займусь подбором материалов для работы по фотографии в воскресенье. Обещал в воскресенье снять домуправа для паспорта. Может быть, и еще кто придет сняться для этой же цели, как рекламировал меня домуправ. На службе я резко поставил вопрос о дровах. Мне в общем обещали, что в течение этих двух дней дрова они гарантируют доставить мне на квартиру, т. к. решили эту отpravку сделать на автомашине и уже приготовили для этой цели бензин. Сейчас машина перевозит вещи эвакуированных. Поскольку на службе в конторе сотрудники занялись справками для отъезжающих, я решил уйти домой в 12 часов и условился, что мой срок по договору для сдачи моей работы отодвигается на пару дней, т. к. все эти дела, тормозящие мне работу, не от меня зависят. Пришел домой, обессиленный, к 1 часу дня. Голодный. По дороге возле Земской школы упал и лежал минут 10, пока проходящая женщина помогла подняться. Доплелся до дому. Напилили с мамой дров. Затопили печь и плиту. Наносил снегу в бак и натопили со снега ³/₄ бака воды. Оли нет и нет. Вот и 5 часов вечера. Мы с мамой напились крепкого чаю с солью по 2—3 чашки. Я поставил самовар, который и сейчас стоит на столе, все время шумя и играя на все лады. Подбрасываю в него углей, и с нетерпением ждем Олю. Вот и 18 часов, а Оли нет. Мама перечитала все молитвы о здравии Оли, чтобы Бог помог ей добраться домой. Я так голоден, что налил себе чая крепкого и с солью и с касторкой (ложки по 1¹/₂ столовых) выпил 2 чашки. Наконец, выпил и третью чашку крепкого чая с солью, касторкой и глицерином. Как

будто я заморил червячка, и стало теплее. Сейчас я высказал маме мнение, что что-то с Олей случилось. Когда мы с нею утром шли, то она очень слабо шагала... Звонок...

Вот пришла Оля. Мама от радости заплакала. Оля принесла хлеба. Достала его на Зелениной ул., где выстояла в очереди с 12 час. до 5 вечера. На столе уже был давно самовар. Чай заварен крепко. Оля выдала на 2 дня маме хлеб, и мы приступили к чаепитию. Оля, как всегда, нас, голодных, просит не торопиться и есть без особой жадности. Сейчас она об этом особенно настойчиво предупредила и меня, и маму. Мы все спокойно начали ужинать. Медленно. Испытывая вкус хлеба.

Надо отдать должное американской муке, из которой сейчас выпекается у нас хлеб. Хлеб настолько дивный, вкусный, прекрасно выпеченный, с отменными корочками, что плакать хочется, почему так мало имеешь права его съесть — всего 250 гр. в сутки. Хотелось бы сразу съесть килограмма 2 или, во всяком случае, 1 кило. Мы все трое сегодня говорили и обсуждали вопрос о нашей голодовке, о приеме в пищу касторки, о том, почему не запасли ни побольше касторки, ни глицерина, рыбьего жира и т. п. Это все, что во время голода идет впрок, и очень вкусно. Наше вечернее чаепитие (вместо ужина), как обычно, начиналось с приготовления в чашке тюри, потом из чашки отпивается чай, а тюрю остается париться, и так несколько раз, потом съедается с солью и сама тюрю в виде кашицы, а с рук в это время кусаешь корочку от хлеба. Как примитивна стала наша жизнь, и на каком волоске она держится: вот, случилась хлебозаводская авария или еще какое-либо головоунытие у наших горе-организаторов-заправил, не стало хватать в городе хлеба... Не получи мы сегодня хлеб, завтра ослабеем совсем. Допустим, кто-либо из нас доберется в город, достанет, выстоит, голодный, день в очереди и хлеб получит к вечеру, но может не дойти домой... Или вовсе не получит, тогда на третий день все трое мы не сумеем встать с кровати.

(Окончание следует)

Примечание

1. Фраза в скобках, заверенная личной подписью Жилинского и датой, была дважды написана вертикально на полях дневника, охватывая пронумерованные пункты текста. Вероятно, во время следствия от автора потребовали удостоверить подлинность его слов, вмененных затем ему в вину (*Ред.*).

Крестьянство и власть в СССР после «революции сверху»

И. Е. Зеленин

«Революция сверху» привела к трагическим последствиям: произошло разрушение основных производительных сил деревни, было дезорганизовано, пришло в упадок аграрное производство, миллионы крестьян погибли от репрессий, массовых депортаций, от голода и болезней. В год завершения «в основном» сплошной коллективизации на деревню обрушился невиданный еще в России голод, жертвами которого стали более 7 млн. крестьян¹. В настоящей статье делается попытка на основе привлечения новых документов рассмотреть некоторые вопросы развития советской деревни в последующие годы, вплоть до начала третьей пятилетки, когда в результате сильнейшего политического и экономического давления на крестьян-единоличников полностью завершилась коллективизация, и «советское крестьянство, — по определению И. В. Сталина, — окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма»².

Документы показывают, что голод был постоянным спутником коллективизации, и отнюдь не случайно, что в год «великого перелома» в стране была введена карточная система на хлеб и другие продукты питания. В то же время вплоть до конца первой пятилетки проявления голода имели локальный характер, властям в той или иной мере удавалось ограничивать масштабы этих явлений, хотя в 1931 г., когда засуха поразила основные хлебопроизводящие районы на юго-востоке страны, это удалось с большим трудом и тяжелыми потерями. Голодомор 1932—1933 гг., своего рода «апофеоз» коллективизации, был закономерен. Документы, ставшие доступными историкам в самое последнее время, свидетельствуют, что это был воистину «рукотворный» голод, организованный правящей верхушкой и лично Сталиным — главным виновником общекрестьянской трагедии. Глава партии и государства, вплоть до конца 1940 г. отрицавший сам факт наличия голодного мора в деревне, был хорошо осведомлен о трагическом положении колхозников и единоличников, но действовал, как всегда, не в интересах крестьян (не во спасение их!).

Отнюдь не случайно совпали, например, такие события, как поток закрытой информации, в том числе и в письмах крестьян на его имя о начале массового голода в деревне, и принятие ЦИК и СНК СССР 27 декабря 1932 г. постановления о введении в СССР паспортной системы (для всех граждан, за исключением крестьян). Обосновывая это обстоятельство,

---

Зеленин Илья Евгеньевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

секретарь ЦИК А. С. Енукидзе отметил в этой связи, что необходимо предотвратить неконтролируемые перемещения по стране «огромных масс» сельского населения³. А 22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили партийным, советским и карательным органам ряда районов страны директиву, в которой отмечалось, что на Украине и Кубани начался массовый выезд крестьян в ЦЧО, на Волгу, в Московскую и Западную области, в Белоруссию. Эти выезды, отмечали авторы, были организованы врагами Советского государства с целью подрыва колхозов и Советской власти. Органам власти и ОГПУ Украины и Северного Кавказа предписывалось не допускать массового выезда крестьян в другие районы, а «пробравшихся на Север» немедленно арестовывать и после того, как будут выявлены контрреволюционные элементы, выдворять на места их прежнего жительства. К началу марта 1933 г., по данным ОГПУ, было задержано 219,5 тыс. человек, из которых 186,6 тыс. возвращено, а остальные привлечены к судебной ответственности⁴.

На Северном Кавказе во исполнение этой директивы развернулась настоящая «охота на людей». Попытки к бегству рассматривались «как прямое контрреволюционное действие, как прямой злостный срыв мероприятий советской власти». Из работников ОГПУ и милиции с привлечением коммунистов организовывались кордоны и посты на дорогах и железнодорожных станциях для задержания беглых крестьян. «Огромное количество оборванных, изможденных, опухших от голода, еле передвигавшихся взрослых и детей заполнили вокзалы. Вспыхнули эпидемии. Многие беженцы, сваленные голодом и болезнью, умирали в вагонах, на перронах, в залах ожидания и пристанционных скверах»⁵.

Такого еще не было в истории страны. «Старики рассказывали, — пишет В. Гроссман, — голод был при Николае — все же помогали, и в долг давали, и в городах крестьянство просило Христа ради, и кухни такие открывали, и пожертвования студенты собирали. А при рабоче-крестьянском правительстве зернышка не дали, по всем дорогам заставы — войска, милиция, энкаведе — не пускают голодных из деревень, к городу не подойдешь, вокруг станции охрана, на самых малых полустанках охрана. Нету вам, кормильцы, хлеба. А в городе по карточкам рабочему по восемьсот грамм давали»⁶.

Таков был механизм реализации постановления о паспортах. Юридическое и фактическое прикрепление крестьян к земле (точнее к колхозу), к местам проживания состоялось. А отмена нового «крепостного права» в деревне произошла только в 1974 г., через сорок с лишним лет⁷.

Последствия коллективизации и голода, повлекшие за собой тяжелейшие кризисные явления в аграрном секторе экономики и социально-демографические деформации, преодолевались долго и мучительно. Процессы эти имели крайне противоречивый характер, а лежащая в их основе политика исповедовала принципы «кнута и пряника», порой балансировала между «чрезвычайщиной» и «рыночными» подходами. А для начала Сталин разыграл пропагандистский спектакль по поводу «досрочного» выполнения первой пятилетки, «выдающихся успехов» коллективизации, «растущего подъема сельского хозяйства в СССР при наличии кризиса и упадка сельского хозяйства в капиталистических странах». Участниками этой акции, в частности, были С. В. Косиор и Ф. И. Голощекин, персонально ответственные за организацию массового голода на Украине и в Казахстане, сельское население которых, пожалуй, в наибольшей степени пострадало от голодомора. Вот отрывки из их выступлений на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), подводившем итоги первой пятилетки. Косиор: «Сельское хозяйство Украины находилось в самом нищенском положении. Совершенно другое дело теперь. Переселение имело место в начале пятилетки, сейчас этот вопрос совершенно снят жизнью. Коренным образом изменилось положение крестьянства... Сельское хозяйство Украины несомненно выросло и окрепло... Колхозы крепнущие, развивающиеся. Уровень сельского хозяйства значительно выше, чем при индивидуальном хозяйстве... Партия имеет величайшие достижения в области коллективизации».

Правда, отметил он, «несмотря на большое количество хлеба нам сейчас все же трудно его брать. Беда в том, что колхозный хлеб пожирают имеющиеся в колхозах дармоеды и лодыри, большое количество паразитов».

Голощекин: «разительные успехи мы достигли в сельском хозяйстве. Произведено очень резкое изменение в сторону исключительного превалирования социалистического земледелия и животноводства... Провели и проводим оседание казахского населения. Мы входим во вторую пятилетку укрепленными, мы путь нашли»⁸. С подобными речами выступали на Пленуме и другие соучастники организации голода в краях и областях — Б. Шеболдаев, П. Постышев, И. Варейкис, М. Хатаевич, В. Птуха и др. Однако отдельные члены ЦК высказывали и иное мнение.

На том же Пленуме рассматривался вопрос «Об антипартийной группировке» А. П. Смирнова, В. Н. Толмачева, Н. Б. Эйсмонта. Докладывавший по этому вопросу председатель ЦК ВКП(б) Я. Э. Рудзутак обвинил членов «подпольной фракционной группировки», в первую очередь возглавлявшего ее наркома сельского хозяйства РСФСР Смирнова, в том, что они «выражали сомнение в отношении правильности некоторых решений партии в области сельского хозяйства», заявляли, что «в результате неправильной политики ЦК партии Казахстан разбежался, Украина разбежалась, разбегается Северный Кавказ»; что «ЦК партии докатился до того, что отдает приказ о том, чтобы за срезанный колос невинного человека расстреливать»; критически отзывались о деятельности комиссии Кагановича на Северном Кавказе. Смирнов даже ставил вопрос о смещении Сталина: «Нужно выбирать: или Сталин, или крестьянское восстание»; «Сталин не папа римский и переизбрать его можно»⁹.

Несколько раньше «контрреволюционная группа» М. Н. Рютина — А. Н. Слепкова обвинила Сталина в том, что осуществляемая под его руководством «авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий и террора..., экспроприации деревни, путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду»¹⁰.

Причинами многолетнего умолчания Сталиным об общекрестьянской трагедии 1932—1933 гг. были: боязнь международного резонанса (принцип «нет факта — нет проблемы»); боязнь персональной ответственности за «рукотворный» голод, в чем его недвусмысленно обвиняли рютинская группа и группировка Смирнова.

Однако тяжелейшее, по существу, критическое положение страны, о котором правящая элита, в первую очередь Сталин, знала не понаслышке, не позволило ограничиться заклинаниями и дифирамбами по поводу досрочного выполнения первой пятилетки. Надо было проводить весенний сев, уборочную кампанию, снабжать продовольствием крестьян районов, охваченных голодом (хотя бы тех, кто работал в поле). А главное — на основе более гибкой политики попытаться (в который раз!) восстановить, хотя бы в минимальной степени, доверие крестьян к колхозам и советской власти, создать реальные стимулы для труда колхозников в общественном хозяйстве.

А начинать надо было с закона, сулившего крестьянам прекращение хлебозаготовительного беспредела. 19 января 1933 г. ЦИК СССР и ЦК ВКП(б) приняли такой закон — «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами», дополненный вскоре аналогичными законами о поставках подсолнечника, картофеля и продукции животноводства. Согласно закону о зернопоставках не позднее 15 марта каждому колхозу и единоличному хозяйству вручалось обязательство, в котором точно указывалось, сколько они должны сдать государству зерна с каждого гектара посевной площади и в какие сроки. Причем обязательная поставка не должна была превышать трети валового сбора каждого хозяйства при среднем урожае. Все оставшееся зерно после выполнения обязательной поставки и натуроплаты МТС оставалось в полном распоряжении производителей. Особое значение для крестьян имел пункт о «безусловном запрещении» «местным органам власти и заготовительным органам допус-

кать встречные планы или налагать на колхозы, единоличные хозяйства обязательства по сдаче зерна, превышающие нормы, установленные законом. Все излишки хлеба после выполнения обязательств сдачи государству зерна остаются в полном распоряжении самих колхозов, колхозников и единоличников».

Ровно через год, 19 января 1934 г., был принят закон «О закупках хлеба потребительской кооперацией», которые должны были производиться у крестьян на основе полной добровольности по ценам на 20—25% выше заготовительных с предоставлением им права приобретать дефицитные промтовары на сумму, в 3 раза превышавшую стоимость проданного хлеба¹¹.

Сталинское руководство вынуждено было пойти на некоторое ослабление репрессивного режима в деревне, значительное сокращение массовых депортаций крестьян. Один из первых шагов на этом пути был сделан еще в конце 1932 г., когда было принято решение о ликвидации комиссии А. А. Андреева — Я. Э. Рудзутака по выселению кулачества и направлению раскулаченных на спецпоселения (она была создана Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1931 г.)¹². А 8 мая 1933 г. Сталин и Молотов направили «всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры» секретную директиву-инструкцию, названную Н. И. Ежовым в докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. «чрезвычайно важной директивой и постановлением ЦК партии». В этом документе давалась установка на прекращение массовых репрессий в деревне. «Три года борьбы, — говорилось в нем, — привели к разгрому сил наших классовых врагов в деревне». Создается «новая благоприятная обстановка», дающая возможность «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий», «наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников». Авторы директивы не осудили применения в деревне «методов» массовых репрессий и террора против крестьянства, выселение в отдаленные районы страны «кулаков». Их беспокоило прежде всего то, что дальнейшее применение «острых форм репрессий» может «свести к нулю влияние нашей партии в деревне». Были даны конкретные указания о прекращении массовых выселений крестьян, об упорядочении производства арестов и о разгрузке мест заключения¹³.

По существу, был дан отбой политике ликвидации кулачества как класса, провозглашенной Сталиным в конце 1929 года. Эту директиву можно считать политическим рубежом (за которым немедленно последовали практические меры) завершения такой политики. Документы показывают, что в 1933 г. массовые депортации крестьян прекращаются, а в 1934—1935 гг. высылки приобрели ограниченный характер¹⁴. Политика «кну́та» отступила на задний план, на первый выдвигались уступки и обещания, политика «достижения соглашения с крестьянством» путем компромиссов.

Публикация закона об обязательных поставках зерна совпала с принятием резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о создании политотделов МТС и совхозов. В системе антикризисных мероприятий в сельском хозяйстве эти чрезвычайные органы партии мыслились как «основное звено», что вполне укладывалось в систему тоталитарного мышления правящей верхушки. Политотделы сочетали функции партийно-политических, хозяйственных и карательных органов, однако на первый план их деятельности выносились две узловые задачи: обеспечение «безусловного и своевременного» выполнения государственных заготовительных планов и очищение колхозов и МТС от классово-враждебных и вредительских элементов в духе концепции Сталина, изложенной им в речи на Пленуме («О работе в деревне»)¹⁵.

В то же время чрезвычайные органы были выведены из непосредственного подчинения райкомам партии и тем самым как бы могли решать «по справедливости» вопросы «своих» колхозов и крестьян, не оглядываясь на территориальные органы, апеллируя в случае необходимости к более высоким инстанциям вплоть до ЦК партии. Однако система партийного

«двоевластия» в районах тотчас породила острые конфликты между политотделами МТС и райкомами партии, особенно в период распределения заданий по хлебосдаче. Всплеск страстей произошел на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1934 года. Начальник объединения «Заготзерно» И. М. Клейнер отметил, что при вручении обязательств по зернопоставкам весной 1934 г. многие местные работники, в том числе и начальники политотделов, ставили вопрос о завышенности плана хлебозаготовок, просили и требовали уменьшения зернопоставок. Клейнер квалифицировал эти факты как проявление антигосударственной тенденции, как «скидочные настроения». С. В. Косиор, П. П. Постышев, И. М. Варейкис обвинили в этом главным образом политотделы. Косиор говорил, например, что политотделы заботятся лишь о том, как бы их колхозы не обидели, не взяли лишнего, «многие политотдельщики срослись с местными людьми, забыли о том, какие задачи перед ними ставились в начале 1933 г.». Он предложил «ударить по таким настроениям, указать на это в резолюции Пленума». Так и сделали: пленум обязал «партийные и советские организации и в особенности политотделы МТС и совхозов — дать решительный отпор антигосударственным тенденциям и мобилизовать силы и бдительность колхозников и совхозных работников на борьбу за полное выполнение в установленные сроки плана зернопоставок и возврат ссуд»¹⁶.

Помогли Сталин и Молотов. В нарушение законов о хлебозаготовках и хлебозакупках они в директиве от 31 августа 1934 г. обязали колхозы, выполнившие планы хлебозаготовок и натуроплаты, немедленно (до распределения доходов по трудодням) создавать фонды для выполнения плана закупок, фактически превратив последние во «встречные планы»¹⁷. В большинстве случаев выполнение хлебозакупочных планов в полном объеме вело к значительному снижению размеров распределения по трудодням. Проходившие в это время общие колхозные собрания с обсуждением закупочных планов, как сообщали политотделы, по своей многолюдности и активности «напоминали крестьянские собрания первых лет коллективизации». Приводились такие высказывания колхозников: «Нам говорили, что дополнительного плана не будет. Вывеску переменили, а на деле получается одно и то же»; «говорили-говорили, а теперь опять лезете со сверхпланами»; «Пусть Сталин заберет свой лозунг, чтобы сделать колхозников зажиточными». К тому же декларированные в законе от 19 января 1934 г. льготы колхозникам, продавшим хлеб государству, на практике часто нарушались: система «отоваривания» действовала с большими перебоями, не гарантировала владельцам квитанций о сдаче хлеба по закупкам приобретение тех или иных товаров¹⁸.

С «первой заповедью» политотделы справились блестяще. Правда, как всегда, пришлось поднажать на крестьян, грубо нарушить их интересы при проведении закупок и децентрализованных заготовок, фактически превратив последние во «встречные планы». И вот победа: хлебозаготовительные планы «впервые в истории советской деревни» были выполнены не только по стране в целом, но и в отдельности каждой областью, краем, республикой в рекордные для тех лет сроки: в 1933 г. — к середине декабря, а в 1934 г. — к 1 ноября¹⁹.

Но вот парадокс: валовые сборы и урожайность зерна в 1933—1934 гг. по сравнению с 1932 г. не только не выросли, но даже несколько снизились, а хлеба было заготовлено больше — соответственно на 22 и 24% (232,9 и 268,0 млн. ц против 187,8 млн. в 1932 г.)²⁰. Победа, разумеется, Пиррова: действуя как послушные исполнители, составная часть механизма тоталитарной системы, чрезвычайные органы сумели «взять хлеб»; заставили крестьян выполнить не только основные хлебозаготовительные планы, но и «встречные». Победа на «хлебном фронте» позволила с 1 января 1935 г. отменить карточную систему на хлеб и другие продукты. В резолюции ноябрьского 1934 г. Пленума ЦК ВКП(б) констатировалось, что «государство теперь располагает достаточно большим количеством хлеба, чтобы полностью и безусловно обеспечить снабжение населения без карточной системы»²¹. Но отмена карточной системы на хлеб была достигнута непо-

мерно высокой ценой, которую заплатило крестьянство, причем не добровольно, а при «непосредственном участии» политотделов.

Кстати, в самом благополучном по хлебосдаче 1934 г. не удалось избежать голода крестьян, в частности, на левобережье Средней Волги. Секретарь Средневолжского крайкома партии В. П. Шубриков на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1934 г. сказал, что примерно 10% населения Левобережья в конце 1933 — начале 1934 г. ушло на Северный Кавказ и Украину. На реплику П. Постышева: «А чего же пускаешь?» Шубриков ответил: «Как же не пустишь, когда кормить было нечем». Сталин иронически заметил: «Откочевники? У вас разве есть откочевники?»²². Хорошо хоть, что кордоны на дорогах в это время были сняты.

Не произошло перелома и в животноводстве: при некотором росте поголовья скороспелых видов скота (свиньи, овцы) валовая продукция отрасли продолжала сокращаться и в конце 1934 г. не достигла даже уровня 1932 года. В сопоставимых ценах она составила к уровню 1913 г.: в 1932 г. — 75%, в 1933 г. — 65%, в 1934 г. — 72%²³. Но наблюдались и другие явления: значительно возросла обеспеченность колхозников индивидуальным скотом. Используя предусматриваемые государством льготы, поощряемые политотделами, колхозники приобрели в 1933—1934 гг. для личных подсобных хозяйств (ЛПХ) около 5,5 млн. голов скота, в том числе 1,9 млн. коров и телок, 3 млн. свиней и поросят, более 0,5 млн. овец и ягнят. Особенно резко увеличилось поголовье крупного рогатого скота и овец у скотоводов Казахстана. К концу 1934 г. почти $\frac{2}{3}$ колхозных семей СССР имели коров (против 52% в 1932 г.), а в некоторых регионах страны (Белоруссия, Западная, Московская и Свердловская области) — $\frac{3}{4}$. На 100 колхозных дворов приходилось в среднем по СССР 62 коровы и 80 голов других видов индивидуального скота, в РСФСР соответственно — 65 и 85. В 1934 г. в личных подсобных хозяйствах колхозников было произведено 20,6% всей валовой продукции животноводства страны²⁴. Благодаря политотделам удалось преодолеть негативное отношение к ЛПХ колхозника как к пережитку прошлого, отвлекающему крестьянина от работы в общественном хозяйстве. За счет доходов от приусадебного хозяйства крестьянин-колхозник сводил концы с концами, компенсировал мизерные поступления в семейный бюджет за работу в колхозе. Однако средние выдачи зерна на трудодень в 1933—1934 гг. ненамного превышали показатели 1932 г. (1932 г. — 2,3 кг, 1934 г. — 2,8 кг), правда увеличилась выработка колхозниками трудодней, в связи с чем выдачи на один двор возросли с 6 до 9 ц²⁵.

На «высоте» оказались политотделы МТС и при решении своей второй важнейшей задачи — очищение колхозов и МТС от антиобщественных и классово враждебных элементов. Имелось в виду «обеспечить настойчивое, правильное и своевременное применение законов Советского правительства об административных и карательных мерах в отношении организаторов расхищения общественной собственности и саботажа мероприятий партии и правительства в области сельского хозяйства»²⁶.

Механизм чистки был заранее продуман. В состав политотделов был введен заместитель начальника политотдела по ОГПУ, непосредственно подчинявшийся в своей оперативной работе ведомству Г. Г. Ягоды. На практике работа этих замов сводилась к проверке и чистке кадров колхозов и МТС, т. е. к осуществлению карательной функции²⁷. К лету 1933 г. в колхозах Северного Кавказа, Нижней Волги и Казахстана было снято от 26,5 до 31,5% председателей колхозов, во многих МТС — до половины трактористов и агрономов. Большинство отстраненных от работы председателей колхозов и бригадиров было обвинено во вредительстве, классово враждебной деятельности²⁸.

После майской директивы 1933 г. масштабы чистки несколько снизились, но тем не менее она продолжалась на всем протяжении этого года и только в 1934 г. была осуждена в ряде постановлений ЦК ВКП(б) и даже в выступлении Сталина 2 июля 1934 г. на совещании в ЦК по вопросам коллективизации. «В некоторых районах, — сокрушался он, — прямо сотнями лупят и не считаются с тем, что значит для человека выгнать из

колхоза. А это значит обречь его на голодное существование или на воровство... Исключить из колхоза хуже, чем исключить из партии»²⁹. Политотделы вынуждены были развернуть работу по выдвижению рядовых колхозников на «вакантные должности» «вычищенных» руководителей. Всего было выдвинуто 250 тыс. человек, в том числе около 30 тыс. председателями колхозов. Эффект от таких выдвигений был небольшим, а нередко негативным. Корреспондент газеты «Социалистическое земледелие» по Западной Сибири направил в начале 1934 г. начальнику Политуправления МТС Наркомзема СССР такое письмо: «Страницы районных газет забиты постановлениями об исключении из колхозов и отдаче под суд. По приблизительным подсчетам, исключено по краю около 2 тыс. человек. Возмутительна практика исключения. Этим оголяются колхозы. Приходят новые люди, не знающие хозяйства. Пора прекратить эту вакханалию. Бесперывные массовые избиения только деморализуют»³⁰.

Разрушительные последствия этой акции невозможно было восполнить никакими «выдвижениями» и перетасовками людей, не говоря уже о моральных издержках. Для десятков тысяч людей — рядовых колхозников, механизаторов, организаторов и руководителей производства — она обернулась подлинной трагедией, нанесла немалый ущерб колхозам, породила у крестьян чувство страха и неуверенности (что вынужден был признать даже Сталин), сводила к минимуму их желание «добросовестно трудиться», к чему призывали политотделы.

Чрезвычайные органы были ликвидированы в ноябре 1934 г., быстро и неожиданно, их поглотили райкомы партии. Это была победа партийного единовластия над двоевластием в районах. «Политотделы себя оправдали, — дипломатично говорил Варейкис на Пленуме ЦК в ответ на реплику Сталина («Двоецентрие было одно время необходимо»), но далее сохранять их нецелесообразно: нет единого центра в районе, продолжают непрерывные разногласия, часть района вырывается из единого целого, а райком должен отвечать за все». Постышев в свою очередь подчеркнул, что райкомы во взаимоотношении с политотделами стремились «не упустить власть из рук»³¹.

Недолгий опыт создания и деятельности чрезвычайных органов в сельском хозяйстве со всей очевидностью показал нецелесообразность их функционирования в условиях мирного времени. Политика «чрезвычайщины» и на этот раз себя не оправдала. Свои полномочия они употребили главным образом на то, чтобы провести глобальную чистку кадров колхозов и МТС и путем применения репрессивных мер добиться безусловного выполнения непосильных для крестьян хлебозаготовительных планов. Находясь в железных тисках между тоталитарными подходами и «неонэпом», пытались в той или иной мере внедрить элементы материальной заинтересованности, товарно-денежных отношений (путем улучшения организации и оплаты труда, поощрения развития торговли и т. п.)³², политотделы, как правило, вынуждены были отдавать предпочтение первым, а поэтому не смогли добиться подлинного перелома в развитии производства, заложить прочные основы для его подъема вопреки утверждению резолюции ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1934 года³³.

После ликвидации чрезвычайных органов дальнейшая корректировка аграрной политики была неизбежна. Сталину (отчасти по тактическим соображениям) пришлось поступиться некоторыми своими принципами. Но сначала ему пришлось обратить внимание на один забытый политотделами, равно как и райкомами партии, такой «участок социалистического строительства», как вовлечение в колхозы единоличных крестьянских хозяйств. В документах партии опрометчиво утверждалось, что к концу первой пятилетки была «решена историческая задача перевода мелкого, индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы крупного земледелия...». Сталин заявил, что реорганизационный период сельского хозяйства закончился в 1932 г., а «дальнейший процесс коллективизации представляет процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков индивидуальных крестьянских хозяйств колхозами»³⁴.

В то же время вне колхозов оставалось около 40% крестьянских хозяйств страны, правда, главным образом в районах потребляющей полосы и национальных республиках на востоке страны. Уже одно это обстоятельство позволяет усомниться в правильности утверждения некоторых историков, что голод 1932—1933 гг. «нанес смертельный удар по крестьянству», стал «концом крестьянского движения в России... и концом России как крестьянской страны»³⁵. Заметим, что эти 9 млн. крестьянских хозяйств отнюдь не горели желанием поскорее вступить в колхозы, не хотели, как прогнозировал Сталин, «всасываться в колхозы». И это им удавалось вплоть до второй половины 1934 — начала 1935 г. Власти, занятые решением более важных аграрных проблем, как бы забыли об «остатках» индивидуальных крестьянских хозяйств. А между тем коллективизация буксовала. В 1933 г. ее общий уровень вырос на 7%, а за первую половину 1934 г. — на 2,6%. В ряде республик, краев и областей наблюдался спад коллективизации³⁶.

Из деревни поступали сообщения, что часть крестьян-единоличников ускользала от налогового обложения, не полностью выполняла обязательства по заготовкам, не принимала участия в расходах, связанных с ремонтом школ, починкой мостов, дорог и т. д. Члены бригады Всесоюзного Аграрного института, обследовавшие единоличные хозяйства Воронежской области в 1934 г., отмечали, что они «очень быстро приспособились к рынку, занимаются извозом, временами получают большие доходы от обработки своей лошадью огородов колхозников и безлошадных единоличников»³⁷. В Дмитровском районе Московской области с января 1933 г. по 1 июля 1934 г. уровень коллективизации вырос всего на 2%. За пределами колхозов оставалось 2,5 тыс. крестьянских хозяйств, в колхозах было 10,6 тыс. дворов. Районных руководителей беспокоило, что почти все единоличные хозяйства района имели лошадей и коров (на 2543 хозяйства приходилось 2049 лошадей и 2340 коров) и лучше, чем колхозники, были обеспечены мелким скотом и пахотными землями. Помимо приусадебных земель многие имели и полевые посевы. Подавляющее большинство крестьян-единоличников были связаны с подсобными промыслами, главным образом извозом, а в некоторых сельсоветах выжигом угля и заготовкой дров. По данным райфо, годовой доход от земледелия единоличного хозяйства Кульчинского, Прудцевского, Даниловского и Надеждинского сельсоветов колебался от 200 до 445 руб., а доход от продажи сельскохозяйственных продуктов — от 500 до 730 руб. Часть единоличников на своих лошадях заготавливала и вывозила дрова для леспромхозов, получая в год по несколько тысяч рублей дохода³⁸.

Такая ситуация не могла устроить и партийно-хозяйственных руководителей на местах. Единоличник, оставшийся без должного надзора, демонстрировал свои явные преимущества перед колхозами и колхозниками в развитии сельского хозяйства и предпринимательской деятельности, повышении своего благосостояния. Пора было вмешаться Сталину. По его указанию 2 июля 1934 г. в Кремле было созвано специальное совещание по вопросу о коллективизации и единоличнике. В нем участвовали члены ЦК партии и секретари республиканских, краевых и областных партийных организаций. Почти все выступавшие говорили, что за последние полтора-два года вовлечение крестьян в колхозы происходило очень медленно, что уровень коллективизации в большинстве районов стабилизировался, а если и рос, то главным образом за счет сокращения общего числа крестьянских хозяйств в деревне. Подчеркивалось, что райкомы партии и политотделы ослабили внимание к единоличнику, не изучали причины выходов колхозников из колхозов. В конце совещаний с подведением его итогов выступил Сталин. Он подробно аргументировал необходимость обсуждения вопросов о состоянии колхозов, росте коллективизации, о положении колхозников и единоличников. Полемицируя с утверждением секретаря Свердловского обкома партии И. Д. Кабакова о том, что единоличный труд вообще дает больше выгод, чем колхозный, он сказал: «Вопрос не стоит о том, выгодны ли колхозы или нет... Этот вопрос решен. Он не стоял и не будет

стоять». «Речь идет о том, почему у нашего актива на местах перестало хватать внимания на дело коллективизации. Успокоились, дескать, все сделано, победа полная и дальше не о чем заботиться». Не заметили, что «индивидуал перевооружился». При этом назидательно заметил, что если коллективизация растет, а сельское население сокращается, то «это не настоящая коллективизация».

Признав, что в колхозах «демократия сплошь и рядом уничтожена целиком», он заметил, что «в колхозах должна быть известная демократия». Основную причину, «почему дело с колхозами идет не так хорошо», он усмотрел в ошибках местных руководителей, обрушившись на них с рядом претензий: «Кто вам велел допускать, чтобы единоличник арендовал землю? Кто вам велел допускать, чтобы усадебное хозяйство у индивидуальных было больше, чем у колхозников?».

Сталин дал установку «наступать на единоличника. Надо, чтобы индивидуал видел, что лучше в колхозе... Это не значит, что я стою за то, чтобы уничтожить индивидуальных, арестовать, наказать, расстрелять их и пр... Это будет не хозяйский подход. Индивидуальное хозяйство нам дает кое-какой хлеб... Их надо воспитывать в порядке экономических и финансовых мероприятий... Усилить налоговый пресс»³⁹. «Усилить налоговый пресс» — это, пожалуй, главная мысль в его выступлении, нацеленном на экономическое удушение миллионов крестьянских хозяйств.

26 сентября 1934 г. СНК и ЦИК СССР установили единовременный налог на единоличные крестьянские хозяйства. Ставки налога значительно повышались в зависимости от наличия средств производства и рыночных доходов. Была значительно повышена ответственность единоличников за выполнение обязательных поставок и внесение денежных платежей. Основная тяжесть единовременного налога ложилась на хозяйства, сохранявшие еще средства производства (в первую очередь рабочий скот) и хозяйства, сумевшие приспособиться к рыночным условиям. Кроме того, были установлены искусственно завышенные нормы доходности и ставки при обложении сельхозналогом; неземледельческие и рыночные доходы включались в облагаемый доход. К поставкам мяса стали привлекаться все единоличные хозяйства, независимо от наличия в них скота и птицы⁴⁰.

Как всегда, дело не обошлось без «перегибов». О «грубейших перегибах в области налогового обложения единоличных хозяйств» сообщалось в информации, поступавшей в Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП(б) из Калининской области: «Сельсоветы и местные финансовые органы при учете объектов обложения сельскохозяйственным налогом преувеличивали рыночные доходы единоличников и в соответствии с этим завышали размеры налога и всех других видов платежей». В результате платежи оказывались непосильными для плательщиков, и тогда сельсоветы и финансовые органы прибегали к массовому принудительному взысканию налога путем изъятия и продажи имущества. «Изъятие имущества производилось немедленно после составления описи, без установленного законом десятидневного срока. Изымалось буквально все, вплоть до домашних вещей — жилые постройки, лошади, коровы, сарай, риги, сельскохозяйственный инвентарь, платья, продукты и т. д. Нередко изъятие производилось по несколько раз»⁴¹. По существу, это уже было раскулачивание, правда без арестов и депортаций.

Крестьянство и в этих условиях отстаивало свои права. Северо-Кавказский крайком в ноябре 1934 г. информировал Сельскохозяйственный отдел ЦК партии о том, что единоличники Ставрополя «проявляют исключительную изворотливость и изобретательность в деле укрепления своих позиций. В колхозы идут весьма неохотно». «Наиболее упорными и твердокаменными» были бывшие партизаны. Один из них (И. И. Панерин из Благодарненского района) заявил: «Я на своих плечах принес эту власть, я воевал за свободу и свободную жизнь, за землю, волю и народное право, а получилось рабство. Я бы сейчас на обоих плечах вынес эту власть обратно, если бы мог». Все это было сказано в присутствии председателя сельсовета.

Были еще такие высказывания: «Партизаны, которые не в колхозе, в большинстве живут богато... Они шли воевать затем, чтобы забрать землю у помещиков и расширить свой хозяйство, а о социализме не думали» (Виноделенский район); «В колхоз не надо идти, колхозники денег не зарабатывают на трудодни, а работать заставляют много; у себя в поле и дома я сам хозяин, и никто мне не указывает, когда захочу — тогда и работаю, хочу — сплю» (Прикумский район, село Архангельское) ⁴².

Однако «налоговый пресс» делал свое. Хозяйства единоличников постепенно разорялись. Так, если в 1933 г. в среднем на один двор крестьянина-единоличника СССР приходилось 0,56 гол. лошадей, 0,59 — коров, 0,66 — овец и коз, то в 1937 г. соответственно — 0,35; 0,55; 0,54. В 1938 г. после введения налога на лошадей был перекрыт «последний клапан» возможности функционирования предпринимательского (рыночного) хозяйства. Удельный вес единоличного крестьянского хозяйства в производстве сельскохозяйственной продукции СССР снизился с 19,1% в 1933 г. до 1,5% в 1937 г., продукции животноводства — с 29,9 до 2,7% ⁴³.

Еще более «отрадная» картина, с точки зрения властей, наблюдалась на «фронте коллективизации». После июльского совещания 1934 г. и принятия Примерного устава сельскохозяйственной артели 1935 г., в ходе коллективизации произошел перелом, следствием которого стало практически полное завершение коллективизации почти на всей территории страны. Уже к лету 1935 г. в колхозах страны состояло 83,2% крестьянских дворов, на которые приходилось 94,1% посевных площадей крестьянско-колхозного сектора (против соответственно 61,5 и 70% в конце 1932 г.). Значительно отстававшие по уровню коллективизации от основных зерновых районов животноводческие области Средней Азии и Казахстана, районы потребляющей полосы Российской Федерации, Белоруссия, Закавказские республики (кроме Грузии) до минимума сократили этот разрыв. Порадовала сталинских коллективизаторов даже Украина. Замершие были показатели коллективизации в республике на уровне 69—70%, с середины 1934 г. стали быстро расти, достигнув в июне 1935 г. 93%, а по посевным площадям — 98%. Победа над единоличником была «полная и окончательная». А своего рода «великий перелом» наступил с осени 1934 г. после «исторического» совещания в Кремле 2 июля 1934 года ⁴⁴.

За период с января 1933 г. по апрель 1935 г. численность единоличных крестьянских хозяйств в стране сократилась с 8911,5 тыс. до 4099,5 тысяч. Однако вступили в колхозы не более 2,1 млн., большая же часть их — 2,7 млн. «раскрестьянилась» — порвала связь с крестьянским хозяйством, перешла в город или же была репрессирована. К концу второй пятилетки в стране насчитывалось 1,4 млн. хозяйств крестьян-единоличников и 18,5 млн. колхозных дворов; процент коллективизации по числу крестьянских дворов достиг 93, а по посевной площади — 99,1. Около двух третей единоличных хозяйств не имели ни рыночных доходов, ни неземледельческих заработков, ориентировались в основном на удовлетворение собственных потребностей: выращивали картофель, огородные культуры, содержали мелкий домашний скот, птицу ⁴⁵.

Решив силовыми методами проблему единоличника, Сталин в конце 1934 — начале 1935 г. сосредоточил внимание на проблемах аграрной экономики (которую надо было выводить из кризиса), упорядочения отношений с крестьянством на основе разумного компромисса, установления более сбалансированных отношений деревни с городом. Будучи с момента перехода к сплошной коллективизации бескомпромиссным сторонником продуктообмена между городом и деревней, на основе которого, как он был убежден, легко и быстро решались проблемы сельского хозяйства (в том числе самая животрепещущая — зерновая), он в январе 1933 г. на Пленуме ЦК заявил, что производственную смычку между городом и деревней нужно дополнить товарной смычкой «для того, чтобы связь между городом и деревней стала прочной и неразрывной» ⁴⁶.

Выступая на ноябрьском (1934 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) по докладу Молотова об отмене карточной системы с целью «разъяснить некоторые

вопросы», поскольку «ораторы не совсем представляют смысл и значение этой реформы», — Сталин утверждал, что отмена карточной системы — радикальная экономическая реформа, направленная на развитие в стране товарно-денежных отношений. «В чем смысл всей политики отмены карточной системы? — поставил он вопрос. И отвечал: «Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство..., всю развернуть товарооборот, заменив системой товарооборота нынешнюю политику механического распределения продуктов. Мы стали на почву товарооборота... вот основной смысл предпринимаемой нами реформы».

Сталин резко критиковал «левацкие» и леворадикальные элементы в партии, которые исходили из того, что можно «с места в карьер, сразу перейти на продуктообмен. Это глупость. Мы сейчас стоим на той стадии, когда смычку промышленности с сельским хозяйством, обмен между городом и деревней можно производить только через товарооборот. Установить обмен между городом и деревней без товарооборота, без купли-продажи — немыслимое дело». Низкие карточные (пайковые) цены он не без основания охарактеризовал как «дар от государства рабочему классу, социально-классовый паек для рабочего класса». Он утверждал, что после отмены пайков цена на хлеб на рынке должна упасть вдвое, что благотворно скажется в животноводстве: крестьяне поймут, что «лучше зерно провести через скот, через мясо, чем продавать хлеб... Пойдет мода на деньги, деньги пойдут в ход, чего у нас давно уже не было. Денежное хозяйство станет более прочным, рубль укрепится»⁴⁷.

Эти пассажи «рыночной» речи Сталина явно выходили за рамки доклада Молотова, выдержанного в традиционных теоретико-идеологических подходах того времени. Возможно, в этом одна из причин того, что это выступление генсека на Пленуме не было опубликовано, в отличие от доклада Молотова⁴⁸.

Объявив отмену карточной системы экономической реформой, Сталин, по-видимому, исходил из того, что эта мера сопровождалась введением единых розничных цен взамен крайне низких пайковых и высоких (почти на уровне рыночных) коммерческих с одновременным повышением заготовительных цен, что должно было стимулировать колхозную торговлю, а также хлебопоставки и хлебозакупки. На деле все выглядело иначе. Заготовительные цены, которые Сталин без всякого преувеличения назвал «даровыми», повысились незначительно: на зерно не более чем на 10%, а на сахарную свеклу и животноводческую продукцию остались прежними. Правда, заготовительная цена на хлопок поднялась в 5 раз, но при этом была отменена система отоваривания хлопкоробов хлебом⁴⁹. Крайне низкие заготовительные цены (примерно в 3—4 раза ниже себестоимости колхозной продукции) подрывали экономику колхозов, не создавали материальных стимулов для роста производства, развития товарно-денежных отношений. Невысокими экономическими стимулами обладала и система закупок. Все время приходилось ее подкреплять административными мерами. По хлебу закупки вплоть до конца второй пятилетки держались на уровне 15—16% во всей хлебосдаче колхозов. Правда, общая стоимость государственных закупок всей сельскохозяйственной продукции с 1934 по 1937 гг. выросла почти в 8 раз (с 250 млн. до 1900 млн. руб.)⁵⁰.

В то же время при сравнительно небольшой и стабильной доле закупок в структуре государственных заготовок хлеба, значительно возросла доля натуроплаты МТС — наиболее надежного и гарантированного для государства источника получения зерна и наименее выгодного для крестьян. За период с 1933 по 1935 гг. поступление хлеба из этого источника увеличилось с 27,1 млн. до 62 млн. ц, а в структуре колхозных заготовок — с 15,5 до 25,4%⁵¹. А ведь натуроплата по существу являлась разновидностью продуктообмена, никакого отношения к рынку не имела.

Был еще один канал экономического стимулирования торговли, рыночных отношений — личное подсобное хозяйство крестьянина-колхозника. Кое-какие шаги в этом направлении (половинчатые, малоэффективные) были предприняты в 1932—1933 гг. в связи с постановлением ЦК ВКП(б) от

26 марта 1932 г. ««О принудительном обобществлении скота». Сталин явно преувеличил значение этой акции, когда в речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников (февраль 1933 г.) заявил: «У советской власти было в недавнем прошлом маленькое недоразумение с колхозницами, дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено, и недоразумение отпало. Мы добились того, что у большинства колхозников уже имеется по корове на двор»⁵². «Недоразумение», конечно, не отпало. По данным на январь 1933 г., коров имели немногим больше половины (52,6%) колхозников страны, а у 29,8%; дворов скота вообще не было, в том числе у 43,5% дворов колхозников Украины и 64,8% дворов колхозников Армении. Посевы на усадьбах производили только 60,4% дворов колхозного крестьянства СССР⁵³.

Урегулирование отношений с крестьянством на основе общественного хозяйства не получилось. Тоталитарная система на практике не смогла ни на шаг отступить от директивного планирования, отказаться от командно-мобилизационных методов руководства экономикой. Угрозу своему господству она не без основания видела в любых попытках установления реальных рыночных отношений в госсocialистическом народном хозяйстве. Сферой компромиссов с крестьянством могло, пожалуй, стать только приусадебное хозяйство колхозника. Раньше всех это поняли политотделы.

Под давлением колхозников, учитывая ситуацию в деревне, Сталин вынужден был согласиться с увеличением размеров приусадебных хозяйств колхозников. Ноябрьский (1934 г.) Пленум ЦК ВКП(б) пришел к выводу о необходимости созыва II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для обсуждения и принятия нового примерного колхозного устава, в котором предполагалось принять во внимание изменения, происшедшие в деревне за годы коллективизации, лучше учесть нужды и интересы колхозного крестьянства. Съезд собрался в феврале 1935 года. Делегаты — колхозники-ударники передовых колхозов — зачитывали заранее подготовленные рапорты-отчеты о достижении своих колхозов; в них было немало славословий в адрес Сталина и партии, льстивой благодарности «за счастливую и зажиточную» колхозную жизнь. Но в речах колхозников была проявлена и неподдельная активность, искренняя заинтересованность при обсуждении проекта нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, разработанного специальной комиссией во главе с заведующим Сельхозотделом ЦК ВКП(б) Я. А. Яковлевым. Делегаты съезда внесли немало поправок и дополнение, направленных на то, чтобы закрепить в уставе право колхозника на ЛПХ, четко и справедливо определить его размеры (площадь участка, количество скота, наличие построек и т. д.). И это им в той или иной мере удалось. В зависимости от региона колхознику разрешено было иметь от 0,25 до 0,5, а в отдельных районах до 1 га приусадебной земли и от одной до 2—3 коров, неограниченное количество птицы, кроликов и т. д. В районах же кочевого животноводства (Казахстан, Средняя Азия и др.) — до 20 коров, 100—150 овец, до 10 лошадей, до 8 верблюдов и т. д. Сталин, вошедший в состав комиссии съезда по выработке устава, пошел в этом вопросе на большие уступки колхозникам. Например, согласился с тем, чтобы им разрешалось иметь до 2—3 коров. По его предложению формулировка проекта Устава о закреплении за колхозом земли «в бессрочное пользование» была дополнена словами «то есть навечно»⁵⁴, что имело большое пропагандистское значение, в том числе и для единоличников при вступлении в колхоз. Были значительно облегчены условия приема в колхозы новых членов.

В то же время предложения колхозников о включении в Устав пункта, обязывающего правление колхоза заботиться об обеспечении индивидуального скота кормами, не было принято. Не были учтены и пожелания делегатов записать в уставе о недопустимости нарушений прав колхозников районными органами при проведении заготовок, предъявления дополнительных заданий («встречных планов») и др. Новый Примерный устав закрепил «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням — после выполнения колхозом обязательных поставок, засыпки

семенных, фуражных и страховых фондов, создания фонда государственных закупок и т. д. И тем не менее колхозники получили известную гарантию от государства (устав, принятый II съездом колхозников, был 17 февраля 1935 г. утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б)) на ведение ЛПХ, размеры которого четко определялись и закреплялись в уставе. Разрешалась колхозникам и продажа своей продукции на рынке. Были несколько расширены их права в управлении колхозами, при решении вопроса об исключении из колхоза и т. д.⁵⁵

Съезд сыграл важную роль в нормализации обстановки в деревне, в урегулировании, насколько это было возможно в условиях тоталитаризма, взаимоотношений государства с колхозами и колхозниками. Примечательно, что в 1935 г., вскоре после принятия нового устава артели, колхозники приобрели для приусадебного хозяйства 5,4 млн. голов скота, в том числе 1,6 млн. коров и телок, 2,8 млн. свиней⁵⁶.

В производстве животноводческой продукции и овощей ЛПХ колхозников начинают играть все большую роль. В 1937 г. в общем объеме валовой продукции колхозного сектора удельный вес приусадебных хозяйств составлял: по картофелю и овощам — 52,1, по плодовым культурам — 56,6, по молоку — 71,4, по мясу — 70,9, по производству кож — 70,4%. Иначе говоря, в конце второй пятилетки ЛПХ значительно опережали общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции и давали более половины картофеля, овощей и плодов, что шло в основном на личное потребление, но частично и продавалось на рынке (примерно четверть животноводческой продукции, до половины картофеля и овощей). За годы второй пятилетки обороты колхозной торговли увеличились с 7,5 млрд. руб. до 17,8 млрд., или в 2,4 раза. К 1938 г. по сравнению с 1933 г. рыночные цены снизились на 63,9%, в том числе по хлебной группе — на 82,8%, по картофелю — на 79,9% по овощам — на 39,2, по мясу — на 29,4, по молоку — на 43,1%⁵⁷. Они либо соответствовали ценам государственно-кооперативной торговли, либо были ниже. Важная особенность колхозной торговли состояла в том, что ее основными участниками были крестьяне, продававшие на рынке продукцию, выращенную в ЛПХ, а нередко и муку, полученную по трудовням. Значительная часть выручки за эту продукцию шла на погашение весьма обременительных денежных и натуральных налогов с приусадебных хозяйств.

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений в колхозной деревне происходило главным образом через колхозные рынки, а основным источником поступавшей на них продукции было приусадебное хозяйство колхозников. И это при том, что возможности ЛПХ в производстве товарной продукции были в значительной мере скованы различными ограничениями и запретами, в первую очередь высоким налогообложением. Да и земельные участки у основной массы колхозников были крошечные — 0,25 га. Парадоксально, что именно на базе этого «частновладельческого» хозяйства, на клочке земли крестьянин-колхозник решал свои главные бытовые проблемы — и не только свои, — трудился с полной отдачей сил, сохраняя подлинно крестьянские черты в условиях почти полного раскрестьянивания (юридического и фактического) в системе общественного хозяйства. «Великий компромисс» правящей элиты с крестьянством — двух противоборствующих сторон в годы коллективизации — состоялся, по существу, на базе остаточной формы частнособственнического производства!

С отменой карточной системы характер экономических отношений в стране, в том числе и в деревне, принципиально не изменился, товарно-денежные отношения получили распространение в крайне узких сферах. Колхозная торговля, хотя и способствовала оживлению рыночных связей между городом и деревней, не могла широко развернуться, поскольку была жестко привязана к обязательным поставкам («первой заповеди»), базировалась на «остаточном принципе», а потенциальные возможности приусадебных хозяйств колхозников были крайне ограничены рамками государственного социализма. Сталин, видимо, на большее и не рассчитывал. В его представлении рынок («большевистский!»); товарно-денежные отношения

не должны были слишком далеко выходить за рамки процессов, жестко регулируемых пролетарским государством.

И тем не менее все отмеченные новации в аграрной политике позволили (наряду с использованием других факторов, в частности усиления материально-технической базы сельского хозяйства) вывести аграрный сектор экономики из глубокого кризиса, стабилизировать обстановку в деревне, а во второй половине 30-х гг. добиться сдвига в развитии сельскохозяйственного производства. Это подтверждается данными о динамике валовой продукции сельского хозяйства СССР (в сопоставимых ценах) за период с 1928 по 1939 г., исчисленные в процентах к 1913 г., причем расчеты произведены как по продукции сельского хозяйства в целом, так отдельно по продукции земледелия и животноводства.

Самые низкие показатели, как и следовало ожидать, наблюдались в 1933 г. (падение по сравнению с 1928 г. на 23 пункта, в том числе по животноводству более чем в 2 раза) в связи с катастрофическими последствиями голода. А далее начался постепенный выход из аграрного кризиса, причем показатели 1934 г., хотя и остались в целом на уровне 1932 г., но все же несколько выросли по сравнению с 1933 г. С 1935 г. начался подъем производства. Наилучшие («рекордные») показатели были достигнуты в 1937 — наиболее благоприятном по погодным условиям (валовой сбор зерна 974,3 млн. ц при средней урожайности 9,3 ц с 1 га). А затем производство стабилизировалось на уровне среднегодовых показателей второй половины 30-х годов. Однако валовое производство, несмотря на «полную и окончательную победу колхозного строя», в целом осталось на уровне 1928 г., а животноводство существенно недотягивало до этого уровня (почти на 20%). А ведь это был уровень предколхозного периода, когда в деревне абсолютно господствовало единоличное крестьянское хозяйство (в колхозах состояло всего 1,7% крестьянских дворов).

Эти выводы подтверждаются и данными о динамике производства зерновых культур и животноводческой продукции в натуральном исчислении. Так, валовые сборы зерна в конце 30-х годов составляли 70—72 млн. т, или примерно столько же, что и в 1928 г. (73,3 млн.) при урожайности соответственно 7,9 и 7,3 ц с 1 га. Правда, более чем в 2 раза выросли государственные заготовки хлеба (с 10,3 млн. т в 1928 до 32 млн.⁵⁸). Но это лишь свидетельствует о мобилизационных возможностях советской системы сельского хозяйства. Следует учесть все же и один позитивный момент — значительное сокращение экспорта зерна: с 17,6 млн. ц в 1933 г. до 8,4 млн. в 1934 г. и 7,4 млн. ц в 1935; в конце же 30-х годов он был сведен к минимуму⁵⁹.

Крайне низкими были показатели по животноводству. поголовье скота в стране к концу 30-х гг. далеко еще не достигло уровня 1928 г. и даже 1916 г. Вот данные за 1928 и 1938 гг. (в млн. гол.): крупный рогатый скот соответственно — 60,1 и 50,9, в том числе коров 29,3 и 22,7; овцы — 97,3 и 57,3; лошади — 31,1 и 16,2%⁶⁰.

Крестьянин-колхозник не был заинтересован в высокопроизводительном труде в общественном хозяйстве, который не приносил ему ни высоких доходов, ни морального удовлетворения, как и всякий принудительный, нетворческий труд. Но следует все же учитывать, что общий жизненный уровень колхозников во второй половине 30-х гг. несколько повысился, в том числе и за счет выплаты по трудодням, но главным образом за счет ЛПХ, торговли на рынке. Многие колхозники продолжали верить в пропандистский лозунг Сталина, выдвинутый им в феврале 1933 г. на 1 съезде колхозников-ударников — сделать всех колхозников зажиточными в ближайшие 2—3 года⁶¹.

Дополнительные блага крестьянству обещала новая, «Сталинская» Конституция, обсуждение которой проводилось с июня по ноябрь 1936 г. Долгое время подлинные материалы обсуждения проекта Конституции хранились в «особых папках», под грифом строгой секретности. Письма крестьян, негодные властям, пересылались из газет и журналов в ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР. В фонде Сельхозотдела ЦК отложились некоторые из такого рода

писем (в том числе и обобщенные в виде сводок-обзоров). Весьма любопытна классификация этих писем, принадлежавшая либо соответствующим образом проинструктированным редакторам газет, либо кремлевским «аналитикам». Выделялись две основные рубрики: «Враждебные отклики и предложения» и (более мягкая и менее опасная для их авторов формулировка) «Неправильное толкование отдельных статей Конституции».

К «враждебным откликам» были отнесены предложения некоторых колхозников и крестьян-единоличников дополнить ст. 126 Конституции (о праве граждан на объединения в общественные организации, в том числе профессиональные союзы) указанием на то, что колхозники и крестьяне-единоличники имеют право «создавать при сельсоветах крестьянские союзы, которые бы заботились о всех крестьянских нуждах». Аргументировалось это тем, что правления колхозов «в большинстве случаев ведут колхозное крестьянство не к зажиточной и культурной жизни, а к развалу колхозов». К «враждебным» (надо полагать, «антисоветским») высказываниям было отнесено предложение колхозников Ярославской области «запретить сельсоветам нагло издеваться под видом разного рода налогов над гражданами». Не менее враждебным показалось авторам сводок-обзоров предложение многих крестьян в соответствии со ст. 124, провозглашавшей «свободу совести», разрешать им восстанавливать (открывать) церкви и проводить религиозные собрания в частных домах. И, конечно, к этой группе предложений было отнесено требование «снять всякие ограничения с печати, разрешить беспрепятственно выезжать за границу», которое выдвигалось в соответствии со ст. 125, провозглашавшей свободу слова, печати, собраний и митингов ⁶².

Но, пожалуй, наибольшую тревогу властей вызывали просьбы и требования крестьян записать в Конституции о возвращении незаконно изъятых у них при коллективизации имущества и земель. Ссылаясь на ст. 8, 9, 10, многие крестьяне наивно полагали, что «согласно новой Конституции они заживут по-старому». «Разницы между колхозником, кулаком и единоличником не будет. Будет возвращено все имущество, что у нас забрано. Будет полная равная свобода всем». В принципе, это один из примеров неправильной трактовки статей Конституции, а с точки зрения властей речь шла «о покушении на колхозно-кооперативную собственность», которая еще в сталинском законе «о пяти колосках» (от 7 августа 1932 г.) была приравнена к государственной и объявлена «священной и неприкосновенной»; а ст. 131 новой Конституции, подтвердив эту формулировку, дополнила ее указанием на то, что «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» ⁶³. Так что авторы, выступавшие с подобными предложениями, вполне могли быть осуждены по 58 ст. Уголовного кодекса.

Почти через все письма крестьян, посвященные обсуждению проекта новой Конституции, красной нитью проходили, порой до конца не осознанные, стремления колхозников вернуться к крестьянскому хозяйству. «Новая Конституция, — писали они — гласит, что можно в колхоз не вступать, землю будут давать, натиска на единоличника не будет, кого лишили права голоса, будут восстанавливать. Теперь мы заживем, как и раньше». А 19 жителей села Н. Слобода Черниговской области даже прислали свои заявления о выходе из колхоза с просьбой вернуть им имущество и отобранные земли. Крестьяне предлагали ст. 8 Конституции (о закреплении земли, занимаемой колхозом, «в бесплатное и бессрочное пользование») распространить и на землепользование единоличника.

Немало было писем с жалобами на тяжелую жизнь в колхозах, на то, что по сравнению с рабочими колхозники бесправны. «Почему у нас в СССР, — спрашивала колхозница К. Ф. Шестакова из Свердловской области, — получилось два класса — один освобожденный, а другой угнетенный? У нас государство покупает дешево, а нам продает дорого». Ей вторила колхозница Погребная из Черниговской области: «Колхозники недостаточно получают за свой труд против рабочих. Мы работаем по 20 часов, а они по 8 часов в день. Мы имеем нужду в одежде и обуви, ходим

в рваных платьях, а они обеспечены полностью, получают путевки на курорты». Колхозница Ф. М. Плиндина из Воронежской области сетовала: «Колхозами недовольны, но говорят об этом по углам. Не хотят в колхозах работать, работаем — работаем, а есть нечего. У нас сейчас хлеба почти нет... Крестьянин должен работать всяк себе, а государству отдавать сколько нужно с гектара». Колхозники предлагали заменить трудодень на ежемесячную денежную плату, «как в городе». Просили редакции газет печатать их откровенные письма⁶⁴.

Демографические источники показывают, что последствия «революции сверху» и голода 1932—1933 гг. в деревне далеко еще не были преодолены. По данным недавно опубликованных «Кратких итогов» переписи населения 1937 г., в стране в январе этого года насчитывалось 110,1 млн. сельских жителей против 120,7 млн. по переписи, проведенной в декабре 1926 г., или на 10,6 млн. (на 9%) меньше. В то же время в районах, пораженных голодом, сельское население сократилось в значительно больших размерах: в Казахстане — на 31%, в Поволжье — на 23, на Украине — на 20,5, на Дону и Северном Кавказе — на 20%⁶⁵.

В этих цифрах нашли свое отражение общие потери крестьянского населения в результате сталинской коллективизации и прежде всего от голода. По данным демографов Казахстана, казахский этнос, потерявший от голодомора около 2 млн. коренных жителей, проживавших в кочевых и полукочевых районах, был восстановлен только к концу 60-х годов. По мнению экономиста О. Р. Лациса, после организованного голода 1933 г., «унесшего десять миллионов жизней при достаточном урожае», и «сегодня спустя шестьдесят с лишним лет, деревня не оправилась от «плановых» ударов по ее генетическому потенциалу и, видно, не в силах когда-либо оправиться»⁶⁶.

Крестьянство защищало себя от насилия властей, как умело и могло. Но силы были слишком неравны. Активное противодействие кормильцев страны в целом было сломлено на рубеже 1932—1933 гг. под жесточайшими ударами политики раскулачивания, кровавых репрессий, рукотворного голода. Но не окончательно. Сопrotивление крестьянства властям в тех или иных формах продолжалось и в «политотдельский период», и в 1935 г., когда разрабатывался новый колхозный устав, и на завершающем этапе коллективизации, и в местах спецпоселений депортированных крестьян (почти единственной формой протеста здесь были побеги «спецпереселенцев») ⁶⁷. В условиях «полной и окончательной победы колхозного строя» социальный протест как колхозников, так и сохранившихся кое-где крестьян-единоличников, весьма отчетливо проявился при обсуждении проекта новой Конституции СССР. Подлинные материалы этого обсуждения, трусливо упрятанные властями в спецхраны, показывают, что крестьянство, опираясь на статьи-декларации Основного Закона, предлагало, просило и требовало расширить их права на деле, предоставить им возможность свободного выбора формы хозяйствования, возратить отобранные земельные наделы и имущество, санкционировать восстановление разрушенных храмов и открытие сохранившихся и т. д. Но, как всегда, не было услышано. Власти не могли отказаться от фундаментальных принципов тоталитарной системы. Несмотря на некоторые уступки «противоборствующей стороне», сущность ее, в том числе и «социалистической системы сельского хозяйства», не изменилась. По-прежнему основное назначение последней состояло в том, чтобы, используя в качестве основных внеэкономические, а иногда и чрезвычайные методы (как это было в 1933—1934 гг.), перекачивать из деревни в город продукты питания, сырье, людские ресурсы. Вынужденное отступление от этих методов делало эту систему более гибкой, позволяло решать с меньшими издержками для крестьянства некоторые проблемы политического и социально-демографического характера, предотвращать или загонять вглубь проявления открытого недовольства колхозников, всего сельского населения.

Мало считаясь с интересами крестьян, государство продолжало изымать из колхозов за бесценок в пользу города, промышленности и армии

основную часть производимой продукции. Сохранялся и крайне высокий уровень налогового обложения как общественного хозяйства колхозов, так и приусадебных хозяйств колхозников и особенно дворов крестьян-единоличников. В таких условиях жизненный уровень основной массы крестьян повышался медленно и даже после происшедших сдвигов в развитии сельскохозяйственного производства в целом оставался низким (вопреки утверждениям официальной пропаганды, что чуть ли не поголовно все колхозники стали культурными и зажиточными). Искусственно созданные огромные мобилизационные возможности колхозной системы партийно-государственное руководство страны в полной мере использовало в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

1. См. Вопросы истории, 1994, № 10, с. 28—42.
2. СТАЛИН И. В. Соч., т. 13, с. 324.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 3316, оп. 25, д. 938, л. 22; Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7446, оп. 5, д. 115, л. 206, 210—211, 217—218; Правда, 26.V. 1964; Вопросы истории, 1994, № 3, с. 3—25. Об антикрестьянской направленности постановления о введении паспортной системы откровенно говорилось в самом тексте этого документа и еще более откровенно в редакционной статье «Правды». «Введение паспортной системы, — подчеркивалось в этой статье, — должно прежде всего ударить по укрывшимся кулакам, спекулянтам и жуликам., помочь быстрейшей очистке городов от антиобщественных элементов». Проведение паспортной системы было поручено органам милиции под руководством ОГПУ СССР, при котором было создано Главное Управление рабоче-крестьянской милиции. (Правда, 28.XII.1932).
4. См. ИВНИЦКИЙ Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. 1994, с. 204.
5. ОСКОЛКОВ Е. Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991, с. 75—76; Отечественная история, 1994, № 6, с. 259.
6. ГРОССМАН В. Все течет. — Октябрь, 1989, № 6, с. 79.
7. СП СССР, 1974, № 19, ст. 109; Известия, 4.X.1994; Социологические исследования. 1995. № 9, с. 12
8. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 2, д. 514, с. 64—65, 83—85.
9. Там же, с. 41—44.
10. Известия ЦК КПСС, 1989, № 6, с. 100.
11. СЗ СССР, 1933, № 4, ст. 25; 1934, № 5, ст. 37.
12. Спецпереселенцы в Западной Сибири весна 1931 — начало 1933. Сб. док. Новосибирск, 1993, с. 5, 309—311; Исторический архив, 1994, № 4, с. 146, 153—180.
13. История СССР, 1990, № 6, с. 41—42; Вопросы истории, 1994, № 10, с. 14—15, 38—39.
14. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933—1938. Сб. док. Новосибирск. 1994, с. 4, 15—22, 26.
15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 5. М. 1971, с. 81.
16. Там же, с. 177; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 525, с. 14—15.
17. РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 3155, л. 11.
18. См. Отечественная история, 1992, № 6, с. 55, 56.
19. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 536, с. 22.
20. Отечественная история, 1992, № 6, с. 53, 55.
21. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 195.
22. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 525, с. 32.
23. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М. 1960, с. 79.
24. РГАЭ, ф. 1562, оп. 78, д. 175, л. 40, 242; д. 211, л. 87, 88; оп. 79, д. 298, л. 100.
25. Там же, оп. 79, д. 175, л. 20; Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.-Л. 1939, с. 110.
26. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 82.
27. См. Исторические записки, 1965, т. 76, с. 53—54.
28. Отечественная история, 1992, № 6, с. 48—50.

29. Справочник партийного работника. Вып. 9. М., 1935, с. 123—124; РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 5324, л. 6.
30. РГАЭ, ф. 8372, оп. 42, д. 3, л. 267.
31. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 536, с. 29, 31.
32. См. Отечественная история, 1992, № 6, с. 52.
33. См. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 201.
34. Там же, с. 68; СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 323.
35. Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). Материалы международной конференции. 14—15 июня 1994 г. М., 1996, с. 120, 399—400
36. См. РГАЭ, ф. 4372, оп. 33, д. 745, л. 7—9; ф. 7486, оп. 3, д. 1099, л. 35
37. На аграрном фронте, 1934, № 12, с. 101—102.
38. Гос. архив Московской обл., ф. 5639, оп. 1, д. 638, л. 2—5.
39. РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 5324, л. 1—6, с. 7—13, 21—23.
40. СЗ СССР. 1934, № 49, ст. 380; № 40, ст. 321; № 48, ст. 370.
41. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 277, л. 26, 28, 29.
42. Там же, д. 118, л. 84, 85, 86.
43. См. ГЛУМНАЯ М. Н. Единоличные крестьянские хозяйства СССР в годы второй пятилетки. В кн. Формы сельскохозяйственного производства и государственного регулирования. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. М., 1994, с. 173—175.
44. См. Отечественная история, 1993, № 3, с. 45—53.
45. РГАЭ, ф. 7486, оп. 3, д. 100, л. 35; ф. 1562, оп. 82, д. 271, л. 130; Колхозы во второй сталинской пятилетке, с. 79.
46. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 202.
47. РЦХИДНИ, ф. 558, оп. 1, д. 5324, л. 32—34, 39—45.
48. См.: Правда, 30.XI.1934. В 1956 г. сотрудники ИМЛ при ЦК КПСС подготовили сигнальный экземпляр 14 тома сочинений И. В. Сталина (июнь 1934 — апрель 1941 г.), в который в извлечении была включена и эта речь, однако не попало выступление генсека от 2 июля 1934 г. (см. РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 10, д. 127). Видимо в связи с состоявшимся в начале 1956 г. XX съездом партии и постановлением ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., том не был издан.
49. См. Отечественная история, 1994, № 2, с. 115.
50. РГАЭ, ф. 1562, оп. 83, д. 51, л. 51; Советская торговля, 1937, № 1, с. 12; № 6, с. 61.
51. Колхозы во второй сталинской пятилетке, с. 95.
52. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 252.
53. РГАЭ, ф. 1562, оп. 76, д. 160, л. 17—18.
54. РЦХИДНИ, ф. 71, оп. 10, д. 130, л. 229.
55. См. Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—1935 гг. М. 1957, с. 531—536; История советского крестьянства. Т. 2. М. 1986, с. 320—326.
56. Колхозы во второй сталинской пятилетке, с. 105.
57. История советского крестьянства. Т. 2, с. 377—379; ВЫЛЦАН М. А. Завершающий этап создания колхозного строя. М. 1978, с. 171.
58. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб. М. 1960, с. 79, 196; История советского крестьянства. Т. 2, с. 261, 355.
59. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М. 1936, с. 222; Отечественная история, 1995, № 3, с. 24.
60. Сельское хозяйство СССР. Стат. сб., с. 263.
61. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 245, 247, 249—250.
62. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 48—51, 72, 74, 79, 83.
63. Там же, л. 49, 51; СЗ СССР, 1932, № 62, ст. 360; Съезды Советов в документах 1922—1936 гг. Т. 3. М. 1960, с. 243—244.
64. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 120, д. 232, л. 49, 50, 72, 74, 82, 83.
65. Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991, с. 49, 51—59, 61.
66. Вопросы истории, 1994, № 10, с. 38; Известия, 31.V.1995.
67. См. Спешпереселенцы в Западной Сибири 1933—1938, с. 10.

США и подводная война Германии в 1914—1918 годах

В. К. Шацилло

Утро 22 сентября 1914 г. на Северном море выдалось по-летнему теплым. У Швенингских банок было ясно, а ветер к утру почти совсем стих, хотя на море и продолжала оставаться большая зыбь. Эту безмятежную картину внезапно в 7 ч. 30 м. нарушил мощный взрыв. Еще через 25 минут английский броненосец «Абукир» перевернулся и пошел ко дну. Полагая, что причиной катастрофы стала мина, к тонувшему кораблю для оказания помощи погибавшим подошло другое военное судно «Хог», которое через 5 минут после двух одновременных взрывов погрузилось в воду. Точно таким же образом пришедший для спасения оставшихся в живых моряков броненосец «Кресси» был торпедирован и через 25 минут пошел ко дну. Так перестала существовать Седьмая крейсерская эскадра британского флота.

Три британских броненосца менее чем за час отправил на дно капитан немецкой подводной лодки У-9 Отто Веддиген. Оставшийся в живых после войны его помощник лейтенант И. Шписс так описывал гибель «Кресси»: «У борта обреченного корабля поднялся клуб дыма и огромный белый фонтан. Теперь перископ показывал страшную картину. Гигант с четырьмя трубами стал медленно переворачиваться. Люди, как муравьи, карабкались по его борту, и затем, когда он совершенно перевернулся, они побежали по его ровному плоскому килю, пока через несколько минут корабль не исчез окончательно под водой. Веддиген и я наблюдали по очереди в перископ. В течение долгих минут мы находились в оцепенении, как бы в трансе»¹.

Таким образом, впервые в истории проявило себя одно из самых грозных и по сей день видов оружия — подводные лодки.

Корсары морских глубин. В июне 1914 г. Киль сверкал необычной даже для Германии чистотой. Особенно празднично выглядел порт и стоявшие на рейде суда. Город готовился к «неделе флота», посвященной годовщине открытия Кильского канала. На торжестве в качестве почетных гостей присутствовало мощное английское соединение, состоявшее из новейших дредноутов и крейсеров. Между немецкими и британскими моряками установились теплые, дружеские отношения. Мирную идиллию в Киле нарушило одно обстоятельство, омрачившее праздник — убийство в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. И тем не менее, никто не мог тогда предположить, что через два месяца эти участники парада сойдутся в смертельной битве на море.

Шацилло Вячеслав Корнельевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Рядом со сверкающими новой краской линкорами и крейсерами на кильской регате совсем незаметно выглядели непривычные сигарообразные субмарины. Британские гости их даже не удостоили своим вниманием — в Лондоне, впрочем так же как и в Берлине, скептически относились к техническим возможностям подводных лодок: они имели маломощные сильно чадающие керосиновые двигатели, их аккумуляторные батареи были слабыми и требовали постоянной подзарядки в надводном положении, воздух в лодке был пропитан их ядовитыми и взрывоопасными испарениями, из-за чего часто случались аварии. Ни о каких дальних походах на подводных лодках до войны и не мечтали — по немецким инструкциям даже ночевка на подводной лодке в порту считалась опасной для здоровья экипажа и допускалась лишь в чрезвычайных случаях.

Поэтому не кажется удивительным признание британского адмирала Дж. Джеллико, что «возможности подводных лодок как наступательного оружия явились после начала войны некоторой неожиданностью для обеих воюющих сторон»².

Подводные лодки существенно изменили стратегию ведения войны на море. Прежде она заключалась исключительно в создании реального численного превосходства больших кораблей и в решении исхода войны на море при помощи одного или нескольких генеральных сражений. Субмарины поставили перед морскими стратегами иные задачи. Причем, что касается Германии, то для нее не менее важное значение, чем успешная атака У-9, стало потопление в октябре 1914 г. подводной лодкой У-17 под командованием лейтенанта А. Фельдкирхена британского парохода «Глитра», шедшего с грузом швейных машинок и виски. После этого случая в недрах германского Адмиралтейства родилась идея подводной войны против торговых судов противника, что до сих пор никем не предусматривалось.

Командующий немецким флотом в последние годы войны адмирал Р. Шеер писал: «В нашей войне с Англией вопрос о применении подводных лодок имел исключительное значение. Они могли быть направлены либо на непосредственную борьбу против английской торговли, либо против английского боевого флота. Каждое из этих решений оказывало существенное влияние на ход операций»³.

В итоге победила идея войны против торговых судов. Принимая это решение, в Берлине руководствовались, прежде всего, объективными обстоятельствами: у Германии не оказалось достаточного числа субмарин, чтобы вести войну против военных судов противника, не говоря уже об одновременной борьбе по двум направлениям. К началу 1915 г., например, общее число лодок, находившихся в строю у немцев и годных к использованию, достигло 30, однако 7 из них были переданы на Балтику. Но для правильной оценки, много ли 23 лодки или мало, надо иметь в виду, что каждый длительный переход требовал не меньшего времени на ремонт. Таким образом, по подсчетам командора кильской флотилии субмарин А. Михельсена, в боевых операциях против неприятеля одновременно могли участвовать лишь две пятых всех лодок, в начале 1915 г., в частности, только 9 единиц⁴.

Первый конкретный план участия немецких подводных лодок в войне на море, в том числе и торговой войне, в начале октября 1914 г. представил командир подводного флота корветт-капитан Х. Бауэр. Однако тогда он был отклонен шефом Адмиралтейства, адмиралом Г. фон Полем из-за боязни обвинений со стороны нейтралов в нарушении международного права⁵.

Ситуация изменилась 2 ноября 1914 г., когда Англия, в нарушение существовавших до той поры международных норм, объявила все Северное море районом боевых действий. Фактически это означало морскую блокаду Центральных держав. В ответ немцы решили установить блокаду Англии, используя для этой цели подводные лодки. Теперь шеф германского Адмиралтейства решительно потребовал объявления подводной войны, однако на сей раз против этого возразили канцлер Т. Бетман-Гольвег и МИД

Германии. Они посчитали, что хотя торговая война при помощи субмарин в принципе приемлема, в данной политической ситуации она может привести к осложнениям с нейтральными державами, прежде всего, с США и Италией. Эту же точку зрения разделяли и в Адмиралтействе все, кроме его шефа. В итоге 9 января 1915 г. кайзер решил временно отложить начало подводной войны ⁶.

В результате жесткой политики Англии с конца января 1915 г. в военном руководстве Германии стали преобладать сторонники решительных действий. При этом реакция нейтралов уже не принималась в расчет, более того, по мнению высокопоставленных флотских офицеров, решительные действия Германии неприменно заставят их воздержаться от торговли с Лондоном.

Результатом такого развития событий стала декларация кайзера Вильгельма от 4 февраля 1915 г., согласно которой воды вокруг Британских островов объявлялись зоной войны, где через две недели будут уничтожаться все вражеские торговые суда без гарантий спасения их экипажей и пассажиров. Решение о начале подводной войны, хотя и ограниченной водами вокруг Британии, базировалось на неверной информации, представленной канцлеру относительно реакции на этот шаг со стороны нейтральных стран. По этим данным выходило, что сильного противодействия нейтралов опасаться не следует, осложнений между Берлином и Вашингтоном не будет, а на уступки можно пойти уже после того, как план вступит в силу ⁷.

Реакция американцев долго ждать себя не заставила. Уже 12 февраля, т. е. до начала блокады, посол США в Берлине Дж. Джерард передал министру иностранных дел Германии Г. фон Ягову ноту своего правительства, в которой создавшаяся ситуация была оценена как «прискорбная», и там же подчеркнуто, что «правительство Соединенных Штатов будет вынуждено призвать имперское германское правительство к строгой ответственности за подобные акты своих военно-морских властей». Еще через неделю об опасности серьезного ухудшения германо-американских отношений из-за объявленной Берлином ограниченной подводной войны предупредил посол Германии в Вашингтоне граф И.-Г. Берншторф, заявивший, что «уничтожение американских судов может привести к чрезвычайно рискованному возбуждению, которое будет иметь самые тяжелые последствия» ⁸. В Берлине стало очевидным, что жесткие меры имеют шанс спровоцировать полный разрыв с еще сохранявшими свой нейтралитет государствами.

Резко негативное отношение со стороны нейтральных держав по отношению к подводной войне оказалось неожиданностью для Берлина. Крайне неблагоприятная реакция США, в частности, показывала, что в защите своих прав на морскую торговлю с Европой они готовы пойти очень далеко. И это не удивительно — постоянный рост поставок вооружения Англии и другим странам Антанты делал обеспечение безопасного судоходства в Европу одной из основных задач американского правительства. Однако возможности американского правительства в отношении формы противодействия немцам в начале 1915 г. были ограничены — общественное мнение страны еще не было готово поддержать крайние меры для защиты экономических интересов страны.

Зато в Германии подводную войну единодушно рассматривали как естественную ответную меру на блокаду со стороны Англии и односторонний нейтралитет Вашингтона, снабжавшего Лондон всем необходимым. В связи с этим, Берлину было трудно отказаться от своей политики, даже несмотря на возможность резкого ухудшения американо-германских отношений.

16 февраля послу США в Берлине Джерарду была передана ответная нота имперского правительства. Нота эта была составлена под диктовку Адмиралтейства и в ней Берлин весьма настойчиво подчеркивал свое фундаментальное право на ведение торговой войны при помощи подводных лодок в ответ на блокаду Германии англичанами ⁹. Одновременно, правда, канцлер Бетман-Гольвег издал 14 февраля приказ, существенно ограничивающий свободу действий в отношении торговых судов нейтральных стран со стороны капитанов субмарин.

Осторожность по отношению к американским торговым судам несколько улучшилась находившиеся в весьма напряженной ситуации после объявления о начале Берлином подводной войны германо-американские отношения. «Наше нынешнее дипломатическое положение в последнее время значительно улучшилось», — сообщал из Вашингтона 11 марта граф Берншторф¹⁰.

Германо-американские противоречия в связи с отношением к подводной войне обрели новый ракурс с 28 марта 1915 г., когда немцами был потоплен британский пароход «Фалаба», на борту которого находился один американский гражданин — некто Фрезер. После этого инцидента между государственным секретарем У. Брайаном и советником Государственного департамента Р. Лансингом развернулась острая дискуссия по поводу формы ответной реакции США. По сути, они оба олицетворяли собой два различных подхода не только к перспективам развития американо-германских отношений, но и стратегии США в европейском конфликте вообще. Р. Лансинг с самого начала войны полагал, что США во всех отношениях стоят неизмеримо ближе к Англии, чем к Германии. Для него вступление США в войну на стороне Антанты было не только неизбежным, но и желательным. У. Брайан был давно известен как строгий изоляционист, сторонник равноудаленного подхода к Англии и Германии. В случае с «Фалабой» он не увидел ничего чрезвычайного, написав президенту В. Вильсону, что судьба жертвы потопления на этом пароходе не имеет существенных черт отличия «от судьбы тех, кто остался на территории ведущей войну страны и постоянно находится под угрозой» и рекомендовал президенту закрыть глаза на инцидент¹¹.

«Бог мой, это «Лузитания». Утром 7 мая 1915 г. у юго-западного побережья Ирландии стоял такой густой туман, что думать о каких-либо операциях было бесполезно. Командиру немецкой подлодки У-20 капитан-лейтенанту В. Швингеру за несколько дней не удалось потопить ни одного корабля. Запас топлива был мал, да и торпед оставалось только две. Проанализировав ситуацию, Швингер принял решение возвращаться домой в Вильгельмсхафен. Этим курсом лодка шла до 14 час. 20 мин. Туман к этому времени рассеялся. В 14 час. 20 мин. в вахтенном журнале капитана появилась запись: «Прямо перед нами я заметил четыре трубы и мачты парохода, под прямым углом к нашему курсу, шедшего с зюйд-веста и направляющегося к Галлей Хед. В нем был опознан пассажирский пароход. ...15 час. 10 мин. Выпущена торпеда с дистанции 700 метров... Попадание в центр парохода, сразу за мостиком. Необычайно большой взрыв с громадным облаком дыма и обломками, подброшенными выше труб... На борту наблюдается большое смятение»¹².

Стоявший рядом с капитаном штурман приложил глаз к перископу и через мгновение закричал: «Бог мой, это «Лузитания». Громадный пароход пошел на дно за 20 минут. Катастрофа произошла столь внезапно, что спасательные суда, поспешившие к месту гибели лайнера, смогли подобрать только 800 человек, а 1198 нашли свою смерть в холодных водах Атлантики. 128 из них были американцами.

Гибель «Лузитании» остро поставила вопрос — является ли подводная война бесчеловечным, варварским оружием, ведь ее жертвами зачастую становились невинные люди, хотя и официально уведомленные германским правительством о смертельной опасности для них плавания на английских судах. Но вот что писал главнокомандующий британскими ВМС в первые годы войны адмирал Дж. Фишер своему извечному сопернику гросс-адмиралу А. фон Тирпицу: «Вы единственный немецкий моряк, который понимает толк в войне! Убей своего врага, чтобы он не убил тебя. Я не виню вас за эти дела с подводными лодками. Я бы и сам сделал то же самое и давно предупредил об этом, только наши идиоты в Англии не верили»¹³. Думается, что Фишер не кривил душой.

Есть немало примеров того, что моряки союзников вели войну на море теми же самыми методами, что и немцы. 5 мая 1915 г. за 2 дня до гибели «Лузитании» английская подводная лодка без всякого предупреждения

отправила на дно Эгейского моря турецкое пассажирское судно «Стамбул». При этом погибли сотни мирных жителей, правда, среди них не было американских граждан. В марте 1916 г. французская субмарина потопила госпитальное судно «Мадален Рикмерс», а затем атаквала такой же плавучий госпиталь «Электра». Можно привести и другие примеры. Так что немецкие моряки в годы первой мировой войны были не более кровожадны и жестоки, чем союзники. Просто Антанта не вела подводную войну в таких же масштабах, как рейх.

Но факт остается фактом — пропагандистская война Германии в Соединенных Штатах была проиграна вчистую. Гибель «Лузитании» вызвала бурю негодования в Соединенных Штатах. Все средства массовой информации развернули мощную антигерманскую кампанию. «Дело «Лузитании» вызвало здесь, бесспорно, неслыханное возбуждение и развязало чрезвычайно враждебные Германии настроения. Это возбуждение распространяется не только на биржевые круги, которые вследствие этого случая потеряли деньги, но особенно на большую часть публики. Утром в субботу в трамваях и подземках можно было везде наблюдать возбужденных людей, которые крепко и угрожающе выражались в отношении Германии», — сообщал немецкий консул в Нью-Йорке. Русский посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметьев также сообщал в те дни в Петроград о реакции в США на гибель лайнера: «Безжалостное потопление громадного парохода «Лузитания» и гибель более полутора тысяч пассажиров, между которыми может быть половина была американцами, как громом поразила всю страну»¹⁴.

Более благоприятного предлога для Вильсона, чтобы вступить в войну, трудно было придумать. Однако после недолгих раздумий президент твердо решил, что делать этого не стоит — слишком уж запутана была ситуация на фронтах в Европе, конца войне не было видно. Вместе с тем, последующие события показали, что президент Вильсон окончательно склонился в пользу союза с Англией и усиленного давления на Германию. Наиболее ярко об этом свидетельствовала замена «нейтрала» Брайана на посту государственного секретаря явно проанглийски настроенным Лансингом в июне 1915 года.

Май 1915 г. был крайне неблагоприятным для Германии временем для конфликта с нейтральными странами. Вступление в войну на стороне Антанты 23 мая Италии хотя и не внесло стратегических изменений в раскладе сил, заставило Берлин и Вену уделять особое внимание ситуации на Балканах с тем, чтобы заполучить в союзники Болгарию и предотвратить от присоединения к Антанте Румынию. В условиях вступления в войну США и то, и другое сделать было практически невозможно. Именно реальность подобного развития ситуации имел в виду шеф Генштаба Э. Фалькенхайн, когда стал настаивать на удовлетворении претензий Америки в связи с делом о «Лузитании». Среди дипломатов наиболее последовательным противником продолжения подводной войны был посол в Вашингтоне граф Берншторф, имевший наиболее полную информацию как о ситуации в Белом доме, так и в стране в целом. Берншторф не только резко выступал против любых действий, могущих осложнить американо-германские отношения, но и вплоть до случая с «Лузитанией» лелеял планы стратегического сотрудничества между Берлином и Вашингтоном. По мнению посла, и США, и Германия имеют общую цель — защиту принципа «свободы морей», а далеко идущие уступки со стороны немцев, в конечном итоге, обязательно приведут к новым мирным инициативам США¹⁵. В Берлине, однако, далеко не все разделяли оптимизм графа, да и после гибели «Лузитании» отношения между двумя державами приняли такой оборот, что говорить о сотрудничестве между ними всерьез никто не решался.

В Вашингтоне, между тем, почти целую неделю после случая с английским лайнером велись интенсивные совещания о перспективах развития отношений с Германией и форме протеста против действий ее подводного флота. Итогом этих дискуссий стала нота, которая была подготовлена лично Вильсоном и представляла собой компромисс между двумя противоборствующими лагерями в Белом доме. Документ учитывал как позицию

Брайана, так и Лансинга. Государственный департамент направил ноту протеста по делу «Лузитании» германскому правительству 13 мая. В ней США решительно потребовали прекращения нападений подводных лодок на пассажирские пароходы под флагами Антанты и гарантии безопасного мореплавания для всех нейтральных судов. Вильсон в ноте намекнул на вероятность коренного поворота в американской внешней политике, однако непосредственно вступлением в войну не угрожал¹⁶.

Американская нота имела компромиссный характер и была составлена в весьма умеренных тонах. Тем более неприятным для Вильсона оказался ответ немцев от 28 мая. Берлин в категорической форме отменил все претензии американцев. В ответной ноте Берлина «Лузитания» характеризовалась как крейсер британского флота, перевозивший боеприпасы и вся моральная ответственность за случившееся переносилась на англичан, первыми начавших блокаду континента¹⁷.

Вместе с тем, именно в последний день мая в ставке Верховного главнокомандования в замке Плес на совещании под председательством кайзера состоялось генеральное обсуждение вопроса о целесообразности дальнейшего продолжения подводной войны. К единому мнению на нем прийти не удалось. Канцлер, начальник Генштаба Фалькенхайн, посланник К. фон Трейтлер придерживались той точки зрения, что подводную войну можно вести лишь в форме, которая не вызовет политических конфликтов. Начальник же морского генерального штаба Г. Бахман и адмирал Тирпиц настаивали на решительных действиях. В итоге результатом совещания стал направленный командирам подводных лодок приказ, предписывающий шадить нейтралов, но зато топить все без исключения суда англичан. Не было единства по вопросу о перспективах подводной войны и в германском МИДе. Наряду с сообщениями посла Берншторфа, на Вильгельмштрассе поступали и телеграммы консула в Нью-Йорке Э. Хоссенфельдера и информация от таких прогерманских организаций в США, как Германо-американская торговая палата. В них отмечалось, что уступки американцам в вопросе о подводной войне не только не являются необходимыми, но наносят рейху непоправимый вред¹⁸.

В Вашингтоне, между тем, Вильсон решал как реагировать на ответную ноту Германии. Апломб, с которым она была написана, побудил президента вновь взяться за перо. Именно во время обсуждения проекта второй ноты по поводу «Лузитании» произошел окончательный разрыв Вильсона с Брайаном и замена его на посту государственного секретаря проанглийски настроенным Лансингом. 10 июня нота была подписана Лансингом и передана министру иностранных дел Германии фон Ягову американским послом в Берлине Джерардом. Этот документ был составлен в значительно более жестких выражениях. В нем подчеркивалось, что «потопление пассажирских кораблей затрагивает принципы гуманности», которые не могут быть «предметом дипломатической дискуссии или международного противоборства», и категорически требовалось, чтобы немцы обеспечили безопасность на море американским гражданам¹⁹.

По поводу реакции на новую ноту американского правительства в правящих кругах Берлина опять развернулись острые дискуссии. Берншторф бомбардировал МИД телеграммами, в которых вновь и вновь утверждал, что «Вильсон и здешнее правительство полностью нейтральны» и уговаривал не только пойти на уступки Белому дому, что касается подводной войны, но и сотрудничать с ним в поисках взаимоприемлемого мирного выхода из войны. Часть немецкой ура-патриотической общественности и деятели, подобные принцу Генриху, считали реакцию США на произошедшее «чистым блефом» и полностью сбрасывали со счетов крупнейшую в экономическом отношении державу мира. Высшей точки эта дискуссия достигла в конце июня — начале июля. Верх взяла точка зрения канцлера, проводившего среднюю линию. Эта компромиссная линия нашла свое выражение в ответной ноте германского правительства от 8 июля. В ней Берлин согласился гарантировать безопасность американских граждан в объявленной зоне военных действий в том случае, если пароход плыл под нейтральным флагом²⁰.

Такая позиция, хотя в некоторой степени и снимала остроту в американо-германских отношениях, оставляла все же нерешенными принципиальные противоречия между двумя странами в способах ведения подводной войны: Германия, как и прежде, настаивала на своем законном праве в ответ на английскую блокаду атаковать без предупреждения в зоне военных действий вокруг Британских островов торговые суда противника, в то время как Соединенные Штаты требовали, чтобы перед атакой каждое торговое судно должно было быть предупреждено, а экипаж и пассажиры спасены. И хотя российский посол в Вашингтоне Бахметьев сообщал, что «вторая германская нота оказалась не более удовлетворительной, чем первая», дипломатическая конфронтация между Германией и США по поводу «Лузитании» была вроде бы улажена. Однако 21 июля Вильсон отправил немцам еще одну, третью по счету, ноту. Некоторые места в ней вновь были составлены в жестких тонах, но на сей раз смысл ноты сводился к другому: Вильсон приглашал немцев к «практическому сотрудничеству» в деле восстановления и защиты принципа «свободы морей»²¹.

Новый дипломатический демарш американского президента был принят в Берлине неоднозначно. Если одни видели в ноте только угрозу, то министр финансов К. Гельферих призвал канцлера поддержать политику, предложенную Берншторфом и позитивно ответить на предложение американцев. Сам он советовал руководствоваться в отношении США следующими принципами: тыловое прикрытие против Америки при помощи финансовых, хозяйственных и политических отношений во время предполагаемой решающей фазы войны, усиление благоприятных для Германии тенденций в США и поддержка антианглийских настроений в Белом доме и, наконец, существенное увеличение импорта из США и других нейтральных стран. Идею сотрудничества с Вашингтоном в деле «нейтрализации морей» поддержал и ряд других видных деятелей Германии, в частности, государственный министр по делам колоний Б. Дернбург. Аргументы этих наиболее дальновидных представителей правящей элиты постоянно поддерживал посол Берншторф, сообщавший, что «достижение свободы морей как прежде, так и сейчас остается основной задачей президента Вильсона»²².

Таким образом, в вопросе о целесообразности дальнейшего продолжения подводной войны в прежней форме в начале августа 1915 г. в правящих кругах Берлина отнюдь не было единства. Адмиралам Тирпицу, Бахману и их сторонникам из Генштаба, ратующим за продолжение курса, противостояли представители МИДа, министерств финансов и по делам колоний. Последние считали, что у Германии на данный момент нет достаточного количества субмарин, чтобы осуществить эффективную блокаду Британских островов. К началу августа 1915 г. под давлением аргументов противников жесткой линии и поддерживающего их канцлера Вильгельм все же больше стал склоняться в пользу временного прекращения подводной войны и переговоров с Америкой о «свободе морей». Точку в этой затянувшейся дискуссии поставил случай с «Арабиком».

Британский пассажирский пароход «Арабик», на борту которого находилось трое американцев, был потоплен немецкой торпедой 19 августа. Эта подводная атака произошла в нарушение приказа кайзера командирам субмарин от 6 июля, запрещающего торпедировать пассажирские суда. Однако приказ этот был секретным и в Вашингтоне о нем не знали. Реакция на произошедшее в Соединенных Штатах была весьма бурной. «Даже в некоторых церквях проповедуют войну с Германией», — телеграфировал в Петроград Бахметьев. «В первые 48 часов после получения сообщения о случае с «Арабиком» настроения здесь такие же плохие, как и в дни «Лузитании». Я чувствую, что вновь нахожусь во враждебной стране», — сообщал Берншторф. Впрочем, его коллега, консул в Нью-Йорке Хоссенфельдер, ярый сторонник неограниченной подводной войны, был иного мнения: «Сообщение о потоплении «Арабика» здесь было принято спокойно, можно сказать с равнодушием. Возбуждения, как было в случае с «Лузитанией», здесь не наблюдается»²³. Но консул явно кривил душой.

Субмарины возвращаются на базы. Крайне негативная реакция со сторо-

ны США была для Берлина предсказуемой, и уже 26 августа, еще до возвращения на базу подводной лодки У-24, потопившей «Арабик», в замке Плес состоялось совещание ведущих политических, военных и морских лидеров Германии. На совещании стоял практически один вопрос: отношение в свете последних событий к перспективам продолжения подводной войны. Рейхсканцлер, который, по словам Тирпица, «не желал больше жить на вулкане», посчитал необходимым дать указание командирам подлодок ни в коем случае не топить пассажирские суда, не предупредив их и не дав команде и пассажирам возможности спастись. Обсуждение вопроса в Плесе не привело ни к какому результату, а на состоявшейся в тот же день встрече канцлера с Вильгельмом кайзер дал указание, дождавшись прибытия на базу злополучной субмарины, подготовить совместно с военно-морскими специалистами декларацию, которая, в случае необходимости могла бы быть послана американскому правительству. Однако тревожные сообщения из Вашингтона заставили Вильгельма уже на следующий день прийти к принципиальному решению о прекращении подводной войны. 28 августа были посланы инструкции Берншторфу, в которых тот уполномочивался передать это сообщение американскому правительству. Фактически в инструкциях пересказывалась указанная выше позиция канцлера²⁴.

Бесспорно, на решении кайзера сказались в немалой степени поддержка политики Бетман-Гольвега со стороны начальника Генштаба Фалькенхайна. Этот генерал в отношении США занимал весьма умеренную позицию, ибо, по его мнению, вступление Вашингтона в войну неизбежно ухудшит отношения с европейскими нейтральными государствами, чья помощь необходима Берлину для того, чтобы избежать полного истощения²⁵. Изменение политики Германии в отношении Соединенных Штатов в конце августа 1915 г. и отказ от подводной войны в прежней форме вызвали серьезный кризис в военной верхушке страны. Против корректировки курса резко выступили Тирпиц и Бахман. Оба были немедленно отправлены в отставку. Преемник Бахмана адмирал Г. фон Гольцендорф разделял взгляды канцлера и был противником продолжения подводной войны любой ценой, не считаясь с реальной возможностью разрыва с Вашингтоном. Вскоре действия германских подлодок вокруг Британских островов были ограничены правилами ведения крейсерской войны и постепенно подводная война была практически сведена на нет, хотя официально об этом и не объявлялось.

Между тем Берншторф развернул в Вашингтоне необычайную активность. Обсуждая с госсекретарем Лансингом ситуацию, сложившуюся в двусторонних отношениях после гибели «Арабика», он дважды нарушил полученные из Берлина инструкции: первый раз, когда дал согласие на публикацию германской декларации о запрещении потопления без соответствующего предупреждения пассажирских судов, а во второй — осудив действия командиров подводных лодок. Как бы то ни было, но 1 сентября имперский посол в письменном виде сообщил американскому правительству, что отныне немецкие подлодки не будут топить суда без предупреждения. Так закончилась первая фаза подводной войны Берлина. Вильсон был «крайне обрадован современным положением дел», — сообщил 2 сентября Берншторф²⁶.

Таким образом был улажен, хотя и временно, серьезный кризис в американо-германских отношениях, связанный с потоплением «Лузитании» и «Арабика». Кроме того, отказ Германии от дальнейшего продолжения подводной войны против торговых судов противника показывает, что к концу лета — началу осени 1915 г. в Берлине взяли верх те представители правящих кругов, которые не только понимали пагубность и бесперспективность курса на конфронтацию с крупнейшей державой мира, но и признавали важную роль США в решении мировых конфликтов.

Однако 7 ноября произошел инцидент, вновь привлечший внимание мировой общественности к проблеме способов ведения подводной войны: в Средиземном море без предупреждения и предоставления возможности спастись экипажу и пассажирам был торпедирован итальянский лайнер

«Анкона». Среди жертв было двадцать американских граждан. Хотя ответственность за совершенное взяла на себя Австро-Венгрия, на Германию, как основную силу в альянсе Центральных держав, вновь обрушились обвинения в несоблюдении правил ведения войны. «Местная пресса внушает, что здешнее австро-венгерское консульство работает под моим руководством. Если случай с «Анконой» приведет к разрыву дипломатических отношений с Австро-Венгрией, здесь это будут рассматривать как предупреждение нам», — сообщал в Берлин Берншторф²⁷.

Одновременно с этим конгресс и правительство США вновь поставили вопрос о недостаточности гарантий, данных Германией США в связи с делом «Лузитании». Так, американо-германские отношения, вроде бы стабилизировавшиеся в начале осени 1915 г., к концу года опять обострились. Этому в значительной мере способствовало также разоблачение в Соединенных Штатах германской шпионской сети, возглавляемой Ф. Ринтелемом, куда входили военный атташе посольства Ф. фон Папен и военноморской атташе К. Бой-Эд. Стала известна также и провокационная роль Германии в Мексике, которую она всеми силами подталкивала на конфликт со своим северным соседом. В свою очередь, в декабре 1915 г. немцы развернули широкую кампанию в своих средствах массовой информации против поставок Соединенными Штатами вооружения Антанте. Кампания эта велась и по дипломатическим каналам. Все это в конце 1915 г. вновь обострило германо-американские отношения.

К лету 1915 г. в Соединенных Штатах произошло принципиальное изменение внешнеполитической линии и отход от строгого нейтралитета к совместному с Антантой давлению на Германию. Однако в ряде вопросов Вашингтон проводил свою собственную, отличную от Лондона политику, идя на открытые конфликты с ним. Беспредел, творимый Англией и Германией на океанских просторах, больно бил по торговле Америки с Европой, сокращал ее экспортные возможности. Вот почему, резко выступая против беспощадной подводной войны Германии, Белый дом активно противился и установлению неограниченного господства на море Англии²⁸.

2 января 1916 г. государственный секретарь положил на стол президента конкретные предложения по упорядочению ведения морской войны. 18 января соответствующий меморандум был передан Лансингом послам союзных держав.

Вкратце, суть американского плана сводилась к требованию, чтобы немцы вели так называемую «крейсерскую» войну на море и придерживались принципа призового права, обеспечивая безопасность команды и пассажиров атакуемого судна. В ответ Антанта должна была разоружить свои торговые пароходы. Однако по ряду причин американский проект противоречил интересам Лондона и англичане категорически отказались его принять, что привело к весьма заметному охлаждению англо-американских отношений²⁹.

Вашингтон официально не поставил немцев в известность о своих новых дипломатических инициативах, однако в Берлине они быстро перестали быть секретом. Министр иностранных дел Ягов, например, дал инструкции Берншторфу, чтобы тот сообщил Государственному департаменту о возможности Берлина пойти на уступки Белому дому лишь в ожидании «принятия, наконец, Америкой энергичных шагов для установления истинной свободы морей»³⁰.

С другой стороны, ухудшение англо-американских отношений в связи со спорами о вооружении торговых судов и по проблеме «свободы морей» вдохновило сторонников беспощадной подводной войны на активизацию своей деятельности. Милитаристы сделали из последних событий ложный вывод о том, что в новой обстановке Белый дом не будет столь категорично выступать против акций немецких субмарин. Их уверенность черпалась, помимо других источников, и из односторонних, ни на чем не основанных, оптимистических сообщений из Америки прогерманских организаций. Так, руководство Германо-американской торговой палаты сообщало 19 февраля и 10 мая из Нью-Йорка, что «в Вашингтоне точно знают, что страна ни при

каких обстоятельствах не хочет вступать в войну. Девяносто процентов населения за мир любой ценой. К тому же нельзя забывать о позиции (американских) немцев»³¹.

К началу 1916 г. серьезно изменилась и геополитическая ситуация на европейских фронтах. Одной из основных причин, почему ряд высокопоставленных немецких военных в конце лета 1915 г. выступили за прекращение подводной войны, была неопределенность на фронтах, особенно на Балканах. Однако к началу 1916 г. ситуация здесь прояснилась. Присоединение к Центральным державам Болгарии содействовало разгрому Сербии и обеспечению, таким образом, надежной непосредственной связи с Турцией. Благоприятно для Германии складывалась обстановка и на других фронтах. Именно эти обстоятельства способствовали тому, что и шеф Генштаба Фалькенхайн и новый руководитель Адмиралтейства Гольцендорф в конце осени 1915 г. начали пересматривать свое в недалеком прошлом негативное отношение к беспощадной подводной войне. 27 октября 1915 г. Гольцендорф в письме на имя Ягова рекомендовал как можно быстрее на прежних условиях возобновить подводную войну³².

Стратегическая переоценка ситуации произошла и в руководстве Генерального штаба. Фалькенхайн пришел, в частности, к выводу о том, что в условиях затягивания войны и угрозы полного экономического истощения Германии курс на дипломатическое маневрирование и заигрывание с Америкой не оправдывает себя. Впервые об этом было сказано на совещании 30 декабря 1915 г. и 5 января 1916 г. в военном министерстве по вопросу о подводной войне. Особую активность здесь развил Тирпиц, который новой декларацией о военной зоне предложил объявить под запретом все торговые сношения с Англией. 15 и 18 января состоялись две аудиенции Гольцендорфа у кайзера, практически целиком посвященные началу с 1 марта неограниченной подводной войны. На ней Адмиралтейство получило высочайшее задание: обеспечить начало военных действий субмарин, принимая во внимание интересы нейтральных государств.

Борьба между различными группировками в Берлине по поводу возобновления подводной войны в начале 1916 г. была крайне острой и привела к серьезным кадровым изменениям. Как бы то ни было, правительство Германии 11 февраля официально заявило о начале с 1 марта 1916 г. так называемой «обостренной» подводной войны, при которой немецким субмаринам давался приказ без предупреждения торпедировать наряду с военными и все вооруженные торговые суда Антанты. Это не была «неограниченная», «беспощадная» подводная война, которой требовали крайние милитаристы, но и она могла привести к далеко идущим последствиям.

При принятии решения об «обостренной» подводной войне вновь была неправильно спрогнозирована реакция на это событие со стороны Соединенных Штатов. В Берлине явно переоценили американо-английские противоречия по поводу вооружения торговых судов и стремление Вашингтона прийти к соглашению по поводу «свободы морей». Несомненно, свою роль здесь сыграли и чересчур оптимистические сообщения из Вашингтона Берншторфа, которые дезориентировали Берлин. Давая, например, оценку политической ситуации в США в январе 1916 г., Берншторф сообщил, что президент Вильсон активно начал избирательную кампанию под лозунгом «Мир и процветание». По мнению посла это означало, что Соединенные Штаты и впредь останутся вне войны и что «ни один американец, будь он хоть безоговорочным приверженцем Англии, не желает хладнокровно вмешиваться в европейскую войну, ибо это будет стоить много денег без гарантии принесения соответствующего выигрыша». Да и конгресс, как считал Берншторф, «в такой же степени антианглийский, как и антинемецкий». Аналогичные сообщения поступали в Берлин и от Хоссенфельдера, заявившего, что «о возможности победы над Германией здесь больше никто не думает»³³.

«Сассекский кризис». «Обостренная» подводная война рано или поздно обязательно должна была привести к новому американо-германскому конфликту. Так оно и произошло 24 марта 1916 г., когда французский пас-

сажирский пароход «Сассекс» был без предупреждения атакован в Ла-Манше немецкой подлодкой UB-29. И хотя судно не было потоплено, погибло и было ранено восемьдесят человек, из них несколько американцев. Белый дом отреагировал на случившееся крайне резко. Ближайшие советники Вильсона — полковник Э. Хауз и государственный секретарь Лансинг категорически требовали самого жесткого ультиматума в отношении Германии.

С первых же дней кризиса Берншторф приложил максимум усилий, чтобы свести к минимуму его последствия. 8 апреля состоялись его конфиденциальные встречи с Хаузом, однако все попытки графа урегулировать за кулисами вопрос о «Сассексе» потерпели неудачу. Еще больше ситуацию усугубила неуклюжая нота Берлина от 10 апреля, в которой вопреки фактам отрицалось, что «Сассекс» был атакован именно немецкой субмариной. Президент, однако, медлил. Лишь после долгих размышлений он 16 апреля составил текст ноты, которая и была передана Ягову через три дня. 19 апреля Вильсон зачитал ноту на объединенной сессии конгресса. Это был, фактически, ультиматум. В нем говорилось, что использование подводных лодок «несовместимо с принципами гуманности» и «правами нейтралов» и заявлялось в категорической форме, что в случае, если Германия будет продолжать свою порочную практику, у Соединенных Штатов не останется иной альтернативы, кроме разрыва дипломатических отношений³⁴.

На многих немцев, в том числе и на военно-политическую верхушку, резкая американская нота подействовала как холодный душ. В «глубокой депрессии» находился начальник морского императорского кабинета адмирал Г.-А. фон Мюллер, «крайне удрученным» был канцлер, спокойным оставался лишь Вильгельм. Имеются свидетельства, что министр иностранных дел Ягов после получения ноты из Вашингтона посчитал неизбежным разрыв с США и хотел лишь оттянуть его на некоторое время³⁵.

И вновь в Берлине в апреле 1916 г. разгорелись острые дискуссии по поводу перспектив подводной войны. Милитаристы, воспользовавшись случаем, усилили давление на правительство и кайзера с тем, чтобы они активизировали войну на море, полагая, что конфликта с Америкой теперь не избежать. Особенно усердствовал Тирпиц, который по обнародовании американской ноты 24 апреля отправил Вильгельму докладную записку «с настойчивой просьбой не уступать Вильсону».

Свою лепту в разжигание страстей по поводу подводной войны внесли и некоторые немецкие промышленники. Так, еще 12 февраля 1916 г. состоялось совещание, в котором приняли участие видные представители торговых палат различных земель, крупнейших банков (в том числе председатель совета управляющих Дрезденского банка) и руководители ведущих немецких фирм. Они выработали «рекомендации» Адмиралтейству. Смысл этих рекомендаций ярко выразил экономический советник Р. Шмидт, заявивший: «Я совершенно не боюсь Америки». На совещании господствовало общее мнение, что в случае объявления беспощадной подводной войны Англия через несколько месяцев или сдастся на милость победителя или вымрет с голоду. Оппозиция этой линии на конфронтацию, как и прежде, исходила из ведомства канцлера и МИДа. «Насколько я могу понять, наш ответ должен быть нацелен на то, что мы, как уже в прошлые годы, вели бы подводную войну в соответствии с Лондонской декларацией, если бы Антанта предложила бы соответствующие встречные меры. На этой позиции мы стоим сегодня», — писал 21 апреля 1916 г. канцлер Ягову³⁶.

По мере ужесточения позиции Вашингтона, вопреки мнению сторонников решительных действий, Бетман-Гольвег и его окружение были склонны идти на все более существенные уступки Белому дому. 25 апреля министр иностранных дел отправил запрос Берншторфу по поводу того, можно ли избежать разрыва с Соединенными Штатами, если впредь продолжать вести подводную войну в Атлантике на тех же условиях, на каких она ведется в Средиземноморье, т. е. по правилам «крейсерской» войны, когда атаке без предупреждения подвергаются лишь военные суда противника, а экипажам торговых судов должна быть предоставлена возможность спастись.

В дискуссиях апреля 1916 г. о целесообразности и формах подводной войны в роли главных «ястребов» выступили, в отличие от прошлого, сухопутные генералы, в частности, Фалькенхайн. Это во многом объясняется сложившейся к весне 1916 г. военно-стратегической ситуацией на фронтах. Речь идет о Брусиловском прорыве и кровопролитных боях под Верденом. Даже человеку, не сведущему в военной стратегии, становилась все более очевидной невозможность для Германии выиграть войну, принявшую изнурительный характер борьбы за выживание в условиях практически полной блокады. «Генерал Фалькенхайн... считает неизбежным, что подводная война будет продолжаться в нынешних формах», — и при этом начальник Генерального штаба полагал, что «Америка сейчас откажется от разрыва и мы построим мосты к дальнейшим переговорам», — информировал МИД канцлер. Дальнейшие события показали, насколько была лишена оснований подобная точка зрения. Следует, однако, отметить, что не все в Берлине поддерживали эту линию. 24 апреля 1916 г. в имперской канцелярии в присутствии ведущих политиков и военных состоялось совещание по проблеме подводной войны. Большинство его участников, в том числе сам канцлер, его заместитель А. Циммерман, Ягов, министр внутренних дел К. Гельферих, морской министр Э. фон Капелле — преемник на этом посту Тирпица — и многие другие пришли к выводу о необходимости уступок США. Двусмысленную позицию занял лишь Гольцендорф. Совещание, в конечном итоге, пришло к выводу о целесообразности переговоров с Соединенными Штатами о правилах ведения подводной войны³⁷.

Пока шли острые дискуссии, 24 апреля Гольцендорф отдал приказ морякам в Вильгельмсхафене прекратить все военные действия против торговых судов вокруг Британских островов и вести все операции по правилам крейсерской войны, т. е. в случае обнаружения торгового судна, подозреваемого в провозе вооружения противнику, капитаны подводных лодок обязаны были лично в этом удостовериться, предоставить команде возможность его покинуть и лишь затем могли торпедировать пароход. В свою очередь, командование подводного флота отказалось от ведения крейсерской войны, сославшись на большой риск для их субмарин. Об этом решении был немедленно информирован кайзер.

К концу апреля и кайзер все более стал склоняться в пользу компромисса с Америкой. 26 апреля, уступив давлению канцлера, он принял в своей штаб-квартире Джерарда, с которым подробно обсудил пути выхода из кризиса. В конечном итоге кайзер отказался дальше поддерживать взгляды Фалькенхайна, упорно утверждавшего, что в случае начала беспощадной войны Англия будет блокирована и не способна оказать действенную помощь Франции. На него большее впечатление произвели аргументы Гольцендорфа, заявившего: да, Англия при помощи неограниченной подводной войны может за шесть месяцев быть поставлена на колени, но только при одном условии — если не приобретет новых союзников.

В свою очередь, Берншторф сообщал, что ведение войны по типу средиземноморской «будет рассматриваться в Вашингтоне как законное, а все не соответствующее этому как незаконное» и настоятельно предложил «частично прервать на время переговоров подводную войну». Более того, он считал, что при определенных условиях Вильсон поддержит требования в отношении Англии и в период приближающихся выборов и он, и конгресс не пойдут на войну с Германией, если та согласится с американскими требованиями³⁸.

Итак, к началу мая 1916 г. вопрос о целесообразности дальнейшего продолжения подводной войны в прежней форме был, фактически, предрешен. 4 мая Джерарду была вручена в ответ на ноту Вильсона от 16 апреля нота германского правительства, в которой признавалась «несдержанность» командиров подводных лодок и было обещано впредь не атаковать суда без учета возможной гибели их пассажиров и экипажа, а также проводить перед торпедной атакой инспекцию судов. В Берлине, таким образом, оценили угрозу со стороны США и пошли на удовлетворение практически всех их требований. На следующий день, 5 мая

1916 г., состоялась встреча заместителя министра иностранных дел Циммермана с представителями прессы, на которой тот объяснил позицию своего правительства. «Правительство рейха было против разрыва (с США) именно по следующим причинам: если мы не будем больше иметь в Америке дипломатического представителя, то наши враги будут иметь по ту сторону океана полностью свободные руки для влияния на общественное мнение и Вильсону было бы легко склонить конгресс к войне против Германии. Мы придерживаемся мнения, что из дипломатического разрыва автоматически возникнет война с Америкой», в результате которой военно-стратегическая и геополитическая ситуация изменится не в пользу Берлина³⁹.

В этих условиях, несмотря на давление Лансинга, Вильсон решил не обострять ситуацию и принять извинения Германии. На его позицию в данном случае оказали решающее воздействие предвыборные соображения — желание получить голоса пацифистов и тех, кто был против вмешательства в европейский конфликт. Таким образом, «сассекский» кризис между Германией и США пришел к мирному завершению и вплоть до окончания президентских выборов в ноябре 1916 г. в деятельности американской дипломатии наступило затишье. Тирпиц вспоминал: «Нота по поводу «Сассекса» явилась поворотным пунктом в ходе войны, она знаменует собой начало нашей капитуляции. Весь мир увидел, что Америка сломала нас. Со времени этого решения мы пошли назад»⁴⁰.

Однако высшая военно-морская верхушка Германии отнюдь не отказалась от планов возобновления подводной войны. Весь май, например, Адмиралтейство разрабатывало план действия подлодок в новых условиях с тем, чтобы он удовлетворял как политическим, так и военным требованиям текущего момента. В середине мая Адмиралтейство представило меморандум канцлеру с предложением начать торговую блокаду Англии, при этом без предупреждения атакуя лишь вооруженные торговые суда и не трогая пассажирские. 9 июня Гольцендорф уведомил канцлера о том, что в условиях изменившейся ситуации на море после Ютландского боя английского и германского флотов (31 мая — 1 июня 1916 г.) он попросил аудиенции у Вильгельма с тем, чтобы убедить того возобновить с 1 июля 1916 г. в ограниченных формах подводную войну. Канцлер отрицательно отнесся к этому предложению. Наступление русских войск в Галиции, опасность вступления в войну на стороне Антанты Румынии, негативное отношение к подводной войне со стороны нейтралов, прежде всего, Голландии и Швеции, — все это могло в случае возобновления акций немецких субмарин привести к нежелательным для Германии последствиям. И все же, несмотря на явно отрицательное отношение к этому предложению канцлера, видимо, под давлением общественного мнения, германский МИД стал разрабатывать варианты возможного возобновления подводной войны. 12 июня Ягов попросил Берншторфа выяснить предполагаемую реакцию президента Вильсона на возможное возобновление со стороны Германии подводной войны. Ответ посла сводился к следующему: любое отклонение от ноты немецкого правительства от 4 мая будет означать немедленный разрыв отношений с Берлином со стороны Соединенных Штатов.

В июне 1916 г. крайним милитаристам так и не удалось столкнуть Германию в пропасть — было решено подождать окончания выборов президента США и начала ожидавшейся американо-мексиканской войны. Именно эта грядущая война должна была, по замыслу немцев, отвлечь внимание Белого дома от европейских дел. 2 июля Берншторф был проинформирован о том, что Германия не отступит от своих обещаний, данных ею правительству США⁴¹.

Немецкие моряки вновь выходят в океан. 4 августа Гольцендорф в письме канцлеру потребовал направить Соединенным Штатам ноту по поводу экспорта вооружения через Ла-Манш. Этот дипломатический демарш должен был предшествовать началу неограниченной подводной войны. При этом руководитель Адмиралтейства ссылался на убеждение Вильгельма о недопустимости любых поставок вооружения через пролив.

6 августа Бетман-Гольвег созвал представительное совещание для об-

суждения вопроса о возобновлении подводной войны. На нем присутствовали Ягов, государственный секретарь Гельферих, морской министр Капелле, прусский военный министр и другие ответственные чиновники. Решение совещания было единогласным: политический риск планируемых действий значительно превышает их военный эффект. 14 августа канцлера поддержал и сам Вильгельм, посчитавший, что ситуация на Сомме не столь критична, чтобы бросать в бой последние резервы и, к тому же, приобрести себе еще одного врага. День спустя Ягов сообщил послу в Вашингтоне о необходимости в условиях неблагоприятного для Германии военно-стратегического положения поддерживать «мирные тенденции президента Вильсона»⁴².

В конце августа, однако, в военной верхушке Германии произошли серьезные перестановки, которые существенно сказались и на отношении к подводной войне. К руководству армией пришли генералы П. фон Гинденбург и Э. Людендорф, сторонники победы любой ценой. И хотя они детально не разбирались в специфике военных действий на море, но активно поддерживали и здесь самые решительные действия. Людендорф, например, считал, что «неограниченная подводная война является последним средством закончить войну победоносно, не затягивая ее до бесконечности. Если подводная война в такой форме могла стать решающей, — а флот надеялся на это, — то она при нашем военном положении становилась долгом по отношению к германскому народу»⁴³.

Именно Гинденбург и Людендорф дали толчок к дискуссии о подводной войне, когда 31 августа на совещании в Плесе заявили о необходимости ее возобновления. В начале осени 1916 г. в двух германских ведомствах, имевших непосредственное отношение к военно-морскому флоту — Адмиралтействе и командовании океанического флота началась интенсивная разработка новых планов возобновления беспощадной подводной войны. По существу, однако, ни Гольцендорф, ни командующий флотом адмирал Шеер и его помощники не предложили никаких новых идей. Полностью игнорируя опасность вступления в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов, они потребовали скорейшего возобновления акций субмарин в самых жестких формах. Подобный план был представлен Верховному главнокомандованию морскими офицерами А. фон Тротой и Ф. фон Бюловым, которые подчеркивали неспособность Соединенных Штатов организовать в прошлом эффективные действия против Мексики и Испании, что должно было подвести к выводу о неспособности Вашингтона создать современную армию⁴⁴. 1 октября военные проинформировали канцлера о том, что с середины этого месяца они возобновляют подводную войну в полном объеме, однако Вильгельм и на этот раз пошел навстречу Бетман-Гольвегу, утверждавшему, что эффект от подобных мер трудно правильно оценить. Более того, Германии на данном этапе куда целесообразней следить за развитием событий в России и ждать новых мирных инициатив от Соединенных Штатов. Итак, 4 октября высочайшим решением возобновление подводной войны было вновь отложено.

Прошло, однако, всего лишь два дня после решения Вильгельма, как 6 октября Гольцендорф объявил приказ о возобновлении подводной войны против торговых судов на принципах крейсерской войны. Само по себе это решение не противоречило американо-германским соглашениям, но таило в себе одну опасность — большинство торговых судов противника были вооружены, а стало быть, с немецкой точки зрения, автоматически становились военными судами и могли быть атакованы без предупреждения. Все это создавало благоприятную возможность для новых конфликтов между Берлином и Вашингтоном на почве правомерности действий подводных лодок. Так оно и случилось 28 октября, когда английское вооруженное торговое судно «Марина» было торпедировано к западу от Ирландии. При этом погибли и были ранены пятнадцать американских граждан. Еще через несколько дней, 6 ноября, в Средиземном море немцы также без предупреждения потопили вооруженный английский пароход «Арабия». Возможность разрыва американо-германских отношений после этих двух инцидентов вновь стала угрожающей, хотя, вполне вероятно,

именно этого и добивалось высшее германское морское командование. В те дни Берншторф сообщал: «Если Его Величество все еще хочет посредничества Вильсона, то совершенно необходимо немедленно устранить без дальнейших споров проблемы с «Мариной» и «Арабией» и не дать позволить возникнуть новым спорным вопросам». По словам посла, американский президент воспринял известия об этих случаях «трагически»⁴⁵.

Эти тревожные сообщения полностью игнорировались германскими военными стратегами. Опыренный успехами в Румынии, 8 декабря Гинденбург представил меморандум, в котором, в частности, заявил, что немецкие войска в Румынии будут продвигаться лишь до реки Серет, затем будут переброшены на запад для ведения войны против Дании и Голландии. Одновременно с этим в конце января он начинает неограниченную подводную войну. Таким образом, впервые из уст военных прозвучала конкретная дата возобновления подводной войны.

Дискуссии в Берлине о статусе вооруженных торговых судов противника продолжались весь ноябрь и в начале декабря, и все же в условиях активных переговоров о мире при посредничестве США немцы в очередной раз решили не обострять отношений с Вашингтоном и пошли ему на уступки в деле «Марины» и «Арабии». 9 декабря на совещании Верховного главнокомандования в замке Плес в преддверии немецкой мирной инициативы было решено временно ввести новые ограничения на подводные операции. Но военные отнюдь не капитулировали, а лишь отложили свои требования. Однако уже в середине месяца, когда стали поступать первые сообщения о негативном отношении к немецкой мирной инициативе, провозглашенной 12 декабря, Людендорф вновь потребовал немедленного возобновления неограниченной подводной войны. Одновременно Адмиралтейство разработало новый детальный план действий немецких субмарин, согласно которому в случае начала беспощадной войны с 1 февраля, Англия, как считали его составители, будет повержена за пять недель⁴⁶.

Гольцендорф и его окружение полагали, что неограниченная подводная война прервет связи США с Европой, а поэтому и вступление в войну Вашингтона не следует воспринимать серьезно. 24 декабря с точкой зрения шефа Адмиралтейства полностью солидаризировался и Гинденбург. В Берлине к этому времени пришли к выводу, что войну можно выиграть только при коренном повороте в свою пользу, введя в дело своего рода чудооружие. Не случайно, что вопрос о подводной войне столь остро возник после Брусиловского прорыва и боев за Верден, показавших, что и на востоке, и на западе Антанты имеет достаточные резервы для окончательного перелома хода военных действий в свою пользу. Эта тенденция отчетливо проявилась во время совещания в Плесе 29 декабря военных и политических лидеров Германии, которое по сути стало поворотным пунктом в этой затянувшейся дискуссии. 29 декабря 1916 г. было днем окончательной капитуляции перед Верховным главнокомандованием Бетман-Гольвега и министра внутренних дел Гельфериха, оттягивавших до последнего момента принятие фатального для Германии решения.

Однако события развивались уже помимо воли их участников. В январе за возобновление неограниченной подводной войны высказался шеф Адмиралтейства, который и проинформировал 6 января Верховное главнокомандование о том, что считает своим долгом потребовать от кайзера принятия решения в пользу военных. И хотя 4 января 1917 г. новый министр иностранных дел Германии Циммерман сообщил Берншторфу, что Берлин в ближайшее время начнет военные действия на море, атакуя при помощи субмарин без предупреждения лишь вооруженные торговые суда и впредь действуя на основании обещаний, данных американцам в ноте от 4 мая 1916 г. вопрос, по существу, был уже предрешен. Через несколько дней, 7 января послу были отправлены инструкции противоположного рода. В них отмечалось, что американское мирное посредничество «совершенно нежелательно», Вашингтон обвинялся в поддержке Антанты и поставках ей вооружения, отвергались обвинения Вильсона и его соратников в адрес Германии в аннексионизме. Последний раз вопрос о подводной войне обсуждался

между канцлером и членами Верховного главнокомандования 9 января 1917 года. Именно тогда окончательно было одобрено роковое для Германии решение о начале с 1 февраля неограниченной подводной войны. Немецкие генералы и адмиралы пошли ва-банк. Напрасно Берншторф пытался убедить американское правительство понять ситуацию, которая вынудила Германию использовать «грубые методы войны» и не доводить дело до полного разрыва. 3 февраля государственный секретарь Лансинг передал Берншторфу ноту о разрыве дипломатических отношений между двумя странами⁴⁷.

Титаническими усилиями за годы войны Германии удалось существенно увеличить число подводных лодок. Первые месяцы беспощадной подводной войны, казалось, подтверждали расчеты немецких стратегов. Если в январе 1917 г. общие потери торгового флота союзников от действий немецких подводных лодок и мин составляли 368 500 т., в феврале того же года — 540 000 т., в марте — 593 800 т., то в апреле — уже 881 000 тонн. Но большего немцам достичь уже никогда не удалось. С этого месяца потери союзников на море неизменно снижались, и через год, в апреле 1918 г. «трофеи» немцев составляли лишь 278 700 т., т. е. меньше, чем в период, предшествовавший неограниченной подводной войне. Британцам удалось полностью сорвать планы немцев, проведя целый комплекс успешных мероприятий по нейтрализации подводной угрозы. К этим мерам можно отнести и создание новых типов глубинных бомб и минных сетей, изобретение гидрофонов и других приборов для обнаружения субмарин под водой. Были построены специальные суда-ловушки и новые типы противолодочных кораблей, активнее стала действовать и авиация. Однако особенно эффективной оказалась система конвоев. Так, потери атлантических конвоев от действий подводных лодок в период с 26 июля 1917 г. по 5 октября 1918 г. составляли в целом 0,79% от числа всех конвоируемых судов, или 0,85% в брутто-тоннаже⁴⁸.

Таким образом угроза немецких военных за пять недель при помощи беспощадной подводной войны поставить Англию на колени оказалась блефом и лишь приблизила конец рейха.

Примечания.

1. ЛОВЕЛЛЬ Т. Корсары глубин. М.-Л. 1940, с. 11.
2. ГИБСОН Р., ПРЕНДЕРГАСТ М. Германская подводная война 1914—1918 гг. М. 1938, с. 11.
3. ШЕЕР Р. Германский флот в мировую войну. М.-Л. 1940, с. 112.
4. МИХЕЛЬСЕН А. Подводная война. М.-Л. 1940, с. 38.
5. BAUER H. Als Fuhrer der U-Boote im Weltkriege. Leipzig. 1943, S. 145.
6. SPINDLER A. Der Handelskrieg mit U-Booten. Bd. I. Brl. 1932, S.29.
7. BIRNBAUM K. Peace Moves and U-Boat Warfare. Stockholm. 1958, p. 24; SPINDLER A. Op. cit., p. 83, 145.
8. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Bonn (PAAA), Grosses Hauptquartier 31 (GHQ 31), Akten des Auswärtigen Amts im Grossem Hauptquartier, R22426, Weltkrieg 2 geheim (WK 2 geh.) Vermittlungsaktionen, R20449.
9. Frankfurter Zeitung, 18.II.1915.
10. PAAA, Vereinigte Staaten von Amerika 16 (VSA 16), Beziehungen der Vereinigten Staaten zu Deutschland, RI7356.
11. УТКИН А. И. Дипломатия Вудро Вильсона. М. 1989, с. 69.
12. ЛОВЕЛЛЬ Т. Ук. соч. с. 39—40.
13. Fear God and Dread Nought. Vol. 3. Lnd. 1959, p. 334.
14. PAAA, VSA 16, RI7356; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Канцелярия министра иностранных дел, ф. 133, оп. 470, д. 60, с. 131.
15. PAAA, Weltkrieg 18 geheim (WK 18 geh.), Unterseebootkrieg gegen England und andere feindliche Staaten, R 21455; WK 2 geh., R20454.
16. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (FRUS). Supplement: The World War 1914—1918. 1915. Washington. 1929, p. 393—396.

17. PAAA, GHQ3, Amerika, R22146.
18. BIRNBAUM K. Op. cit, p. 31; PAAA, VSA 16, R17356.
19. PAAA, GHQ3, Amerika, R22146.
20. Ibid. Weltkrieg 18a (WK 18a). Versenkung der Lusitania, Arabic und andere Schiffe, R21543; WK 18 geh., R21455; GHQ3, R22146.
21. АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 60, с. 193; FRUS, 1915, p. 480; PAAA, GHQ3, R22146.
22. PAAA, WK 18 geh., R21456; BIRNBAUM K. Op. cit., p. 32—33.
23. АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 60, с.234; PAAA, VSA 16, R17358.
24. ТИРПИЦ А. Воспоминания. М. 1957, с. 412; PAAA, WK 18a, R21456.
25. CHRISTOF H. Deutsch-amerikanische Entfremdung. Dissertation. Wurzburg, 1975, S. 125.
26. BERNSTORF H. Deutschland und Amerika. Brl. 1920, S. 175, 184; PAAA, WK 18a, R21548.
27. Ibid., VSA 16, R17361.
28. ГЕРШОВ З. М. «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М. 1962, с. 126—127.
29. FRUS, 1916, Washington, 1929, p. 146—148.
30. PAAA, WK 18 geh., R21456.
31. Bundesarchiv, Koblenz (BA), kleine Erwerbungen, № 451 1.
32. PAAA, WK 18 geh., R21457.
33. Ibid., VSA 16, R17362.
34. PAAA, VSA 16 geh., R17381.
35. BIRNBAUM K. Op. cit., p. 75—76.
36. ТИРПИЦ А. Ук. соч., с. 422; BA, kleine Erwerbungen, № 795; PAAA, GHQ31, R22426.
37. PAAA, WK 18 geh., R21467; Ibid., GHQ31, R22426, R22427.
38. Ibid. WK 18 deh., R22467; WK 2 geh., R20463.
39. Ibid., GHQ31, R22467; BA kleine Erwerbungen, № 451-- 2.
40. ТИРПИЦ А. Ук. соч., с. 423.
41. PAAA, WK 18 geh., R21470; R21472.
42. Ibid. WK 18 deh., R21472; WK 2 geh., R20466.
43. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне. 1914—1918. Т. 1. М. 1923, с. 249.
44. HERWIG H. Politics of Frustration. The United States in German Naval Planning. 1889 --1941. Boston — Toronto. 1976, p. 120.
45. PAAA, WK 2 geh., R20472.
46. BIRNBAUM K. Op. cit., p. 238.
47. PAAA, WK 18 geh., R21477; WK 2 geh., R20474.
48. ГИБСОН Р., ПРЕНДЕРГАСТ М. Ук. соч., с. 356, 373, 400; МИХЕЛЬСЕН А. Ук. соч., с. 134—135.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Николай Николаевич Обручев

О. Р. Айрапетов

Николай Николаевич Обручев — один из крупнейших русских военных второй половины XIX в., талантливый генштабист, исследователь и военный журналист, педагог, воспитавший целое поколение офицеров Генерального штаба, — следуя либеральной моде своего времени, критически относился к роли личности в истории. Находившийся в мае 1879 г. в Константинополе А. А. Половцев оставил нам описание любопытной сцены: «По возвращению Лобанова (русского посла в Турции. — А. О.) между ним и Обручевым завязался интересный спор о значении биографии для истории. Обручев, разумеется, всецело отвергал значение биографий, приписывая всякое историческое значение исключительно массам. Лобанов, напротив, доказывал важность биографий, особенно за то время, когда, по неразвитию масс, судьба их гораздо более зависит от единичных личностей»¹. История XX в., приведшая в движение массы, прошла над могилой генерала в прямом и переносном смысле. После революции на Никольском кладбище Александро-Невской лавры была разрушена часовня над последним пристанищем Обручева. Погиб его архив, бесследно исчезли мраморные доски в 1-м кадетском корпусе, Николаевской академии Генерального штаба, на которых, «в назидание потомству» еще при жизни Обручева его фамилия была проставлена золотыми буквами. Кронштадтский форт «Обручев» получил новое имя — «Красноармейский». Историки упоминали о нем только в связи с его якобы революционными симпатиями в начале 60-х гг. XIX в., участием в разработке плана русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и заключении русско-французского союза. Не во всем принимая аргументацию Лобанова-Ростовского, последуем за его мыслью о важности биографий.

22 ноября 1830 г. в Варшаве, в семье капитана лейб-гвардии Литовского полка Николая Афанасьевича Обручева и Марии Лукиничны Обручевой (урожденной Колотовой) родился 4-й ребенок, которого окрестили Николаем. Военная карьера мальчика была predetermined традициями семьи.

Род Обручевых нельзя назвать древним. Его основатель — Афанасий Федорович, сын штык-юнкера, архангельский дворянин, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени, дослужился до инженер-генерал-майора. В разные годы ему довелось строить и укреплять Новодвинскую, Динамюндскую, Рижскую, Фридрихсгамскую и Бобруйскую крепости².

Айрапетов Олег Рудольфович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Из 19 детей А. Ф. Обручева 13 умерло во младенчестве. В 1802 г. родился отец Н. Н. Обручева³, который, окончив 2-й кадетский корпус, начал службу прапорщиком в лейб-гвардии Литовском полку⁴. 19 мая 1837 г. полковник Николай Афанасьевич Обручев, командир Самогитского гренадерского полка, скоропостижно скончался. Вдова с семьей малолетними детьми оказалась в крайне тяжелом положении. По ходатайству И. И. Пущина и Я. И. Ростовцева перед вел. кн. Михаилом Павловичем Николай I назначил вдове полковника пенсию в 428 руб. сер. (1500 руб. ассигнациями) в год, мальчики — Афанасий и Николай — были приняты в Александровский сиротский кадетский корпус, дочерей определили в Смольный институт. Финансовое положение семьи долгое время оставалось тяжелым.

Смерть отца, отрыв от семьи были тяжелым ударом для мальчика. Поддержку, оказанную в это время двоюродным братом, будущим академиком А. Ф. Бычковым, Обручев запомнил навсегда. В 1890 г., поздравляя Бычкова с 50-летием его служебной деятельности, он писал: «Припоминаю твое первое появление к кадету Александровского корпуса, твой первый фунт конфет... твое постоянное участие ко мне как к младшему, но якобы равному тебе брату»⁵.

Александровский малолетний сиротский кадетский корпус был образован в 1830 году, когда все малолетние отделения петербургских кадетских корпусов были упразднены и кадет от 5 до 10 лет свели в него. Шефство над новым корпусом взяла императрица Александра Федоровна. Он располагался в Царском Селе в здании упраздненного в 1829 г. пансионата при лицее. По окончании корпуса его выпускники распределялись по «взрослым» корпусам. 26 августа 1841 г. Обручева перевели в 1-й кадетский корпус⁶, старейшее из армейских военно-учебных заведений. В то время шефом корпуса был Николай I.

Попав сюда 10-летним мальчиком, Обручев покинул корпус 18-летним офицером. В одной роте с ним служили братья Алексей и Владимир Жемчужниковы, сын Шамиля Джемалэддин, взятый заложником при овладении Ахульго, Николай Негош, сын черногорского князя. В корпусе царили довольно грубые нравы. Важным средством воспитания считалась розга, а у воспитанников — кадет не считался кадетом, не будучи высеченным хоть раз. «Первая порка производила в кадеты, вторая — в ефрейторы, третья — в унтер-офицеры и т. д., возвышаясь в чинах, иные в год и в два, не имея 12 лет от роду, доходили до «фельдмаршала», то есть были 18 раз высечены»⁷. У кадет было сильно развито чувство товарищества, они приучались при любых обстоятельствах защищать свое достоинство. Нормой считалось дерзкое поведение с воспитателями-офицерами, позволявшими себе грубость по отношению к кадетам. Но если офицер не наказывал кадет беспричинно, то делом чести считалось прикрыть его от взысканий начальства.

Учителя 1-го кадетского, как правило, выделялись в лучшую сторону в это нелучшее для образования николаевское время. Хорошо было поставлено преподавание статистики, естественной истории, физики, математики. Хуже обстояло дело с гуманитарными дисциплинами. То была эпоха официального противопоставления России Европе, особенно после событий 30-х и 40-х годов. Программы курса военной истории (и не только ее) грешили ура-патриотизмом и шапкозакидательством: «Военные науки у нас преподавались по особым программам; кадеты в 17—19 лет критиковали Наполеона I, восхищались Суворовым, Кутузовым и всеми русскими полководцами во все времена и войны. Эти же кадеты критиковали Вобана⁸ и не находили ошибок в нашем укрепленном лагере на Дриссе, где некоторые люнеты были построены горжей⁹ к неприятелю. Нам преподавали, что вооружение русских войск есть самое усовершенствованное во всем мире. Нам говорили, что обмундирование русского солдата приноровлено для похода под экватором и под полюсом, его серая шинель сохранит от солнцепека и согреет от мороза. Что же касается до снабжения армии и до устройства провиантской и комиссариатской частей, то тут настолько все

предусмотрено, что солдат может обойти кругом земного шара и нигде не почувствует недостатка в пище, одежде и обуви», — вспоминал один из одноклассников Обручева¹⁰.

Идеал кадета был указан Ростовцевым в «Наставлениях для образования воспитанников военно-учебных заведений» (1848 г.): «Христианин, верноподданный, русский, достойный сын, надежный товарищ, скромный и образованный юноша, исполнительный, терпеливый и расторопный офицер»¹¹. Обручев хорошо служил и учился: 8 марта 1846 г. он получил звание унтер-офицера. Кадеты в зависимости от успеваемости распределялись в роту Его Величества и мушкетерскую роту, а также на специальные и обычные курсы. Успеваемость кадета 2 класса специального курса Обручева была высока: в корпусе была принята 12-балльная система оценок, и сумма полученных им баллов по 13 предметам составила 152 из 156 возможных. 28 января 1848 г. Обручев был произведен в фельдфебели и по успеваемости открывал список своей роты. Его личная характеристика была блестящей: «Кроток, исполнительен, честолюбив, способности отличные, трудолюбив и содействует к воле начальства». 11 июня 1848 г. Обручев блестяще сдал выпускные экзамены, получив 239 баллов из 240 возможных (только по военной топографии — 11 баллов), окончив, таким образом, курс наук по 1-му разряду с большим отрывом от остальных кадетов. Обручев и еще 6 отличников из 123 выпускников 1848 г. переводились в гвардию прапорщиками¹². 19 июня 1848 г. Обручев стал офицером Измайловского полка, шефом которого был император. В мае 1849 г. гвардия была направлена к западным границам Империи — Европу лихорадило. Это был первый поход Обручева. Правда, в боевых действиях он не принимал участия. По возвращении из похода, в 1850 г., полк отпраздновал 50-летний юбилей шефства Николая I. Праздник был роскошен. 11 июня 1850 г. состоялся обед в Зимнем дворце, где император провозгласил тост за офицеров-измайловцев: «За ваше здоровье, товарищи! Еще раз благодарю вас!»¹³.

Офицера гвардии, воспитанного в духе преданности монарху, этот праздник мог только еще раз убедить в тождественности России и Царя, в правоте идеи консерватизма, позволившей России стать арбитром Европы. Об этом писал Обручев в изданной в 1853 г. работе «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год», которая удостоилась «высочайшего благоволения». Стиль молодого подпоручика полностью соответствовал духу военной истории николаевского времени: «Французы восхищаются воззваниями Наполеона, — вспоминал он, — но есть ли в них хоть что-нибудь подобное сему приказу (Полтавскому Петра I. — *А. О.*), проглядывает ли хотя в одном из них хоть что-нибудь подобное сему приказу... столько души, искренности и самой нежной привязанности к народу и войску?.. только у Русского Царя могло вырваться такое слово, краткое, но могущественное, которое, сведя на Монарха и Его войско благословение Божие, дало им силу, перед которой все рушилось!». Обручев выявляет преемственность в истории русской военной литературы петровского и николаевского периодов, особо отмечая значение последнего: «Научившись всему, что нужно, дабы хорошо понимать и знать сущность дела, мы уже двигаемся вперед не чужими трудами, а собственным своим умом»¹⁴.

В начале 50-х годов XIX в. положение семьи Обручевых улучшилось; в августе 1851 г. Николай Николаевич производится в поручики, три его сестры последовательно окончили Смольный институт первыми по успехам; блестящие успехи детей помогли матери в 1851 г. стать инспектрисой Смольного института. В 1852 г. Обручев поступил в Академию Генерального штаба. Она была основана в 1832 году. Первую такую академию в Европе основал в 1763 г. Фридрих II. Просуществовала она недолго, но в 1801 г. по инициативе Г.-И.-Д. Шарнгорста восстановлена. В 1818 г. Академия Генерального штаба появляется во Франции, в 1852 — в Австрии. В Академию имели право поступать офицеры не моложе 18 лет и званием не старше капитана армии или штабс-капитана гвардии. Они сдавали

вступительные экзамены по строевым уставам, арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии, полевой и долговременной фортификации, артиллерии, всеобщей и русской истории, географии, русской грамматике и словесности. Обручев, как и все офицеры гвардии, сдавал экзамены при штабе Гвардейского корпуса в июле и августе 1852 года ¹⁵.

Казалось бы, николаевская Россия не отставала от требований времени. Однако формализм и посредственные исполнители никогда не способствовали благотворному развитию наук, в том числе и военной. Во главе Академии стоял «невыносимо тяжелый для подчиненных» И. О. Сухозанет, любивший говорить: «Без науки побеждать можно, но без дисциплины никогда». Уровень преподавания в Академии был невысоким. Курс предметов представлял собой, по свидетельству Д. А. Милютин, нагромождение «фактов, имен, чисел, слов, правил и слишком мало времени оставалось ученику, чтобы усвоить себе предмет, приобрести навык к практическому приложению науки» ¹⁶. Все попытки полковника Милютин изменить положение дел с 1846 г. разбивались о несокрушимую позицию Сухозанета.

4 февраля 1854 г. академию передали под начальство наследника престола, наметились долгожданные перемены. Но воспользоваться ими курсу Обручева не удалось — началась Крымская война, срочно нужны были офицеры, особенно генштабисты: «При начале каждой войны повсюду слышатся жалобы на малое число офицеров, способных и знающих свое дело» ¹⁷, — писал еще до войны Милютин. 29 мая 1854 г. приказом по военно-учебным заведениям Обручев по окончании академии был причислен к Генеральному штабу, а 31 мая того же года за успехи в науках произведен в штабс-капитаны и отправлен в штаб цесаревича — главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами ¹⁸.

Русская армия могла противостоять турецкой, но не армиям ведущих европейских стран. Ее ахиллесовой пятой была нехватка обученных кадров, недоставало и нарезного стрелкового оружия. В связи с опасностью нападения противника на западные границы Империи в сентябре 1854 г. гвардия была передислоцирована в Остзейский край и Виленское генерал-губернаторство. Для прикрытия столицы был образован гвардейский резервный пехотный корпус трехдивизионного состава. 29 апреля 1855 г. Обручев стал квартирмейстером 2-й гвардейской резервной дивизии. При формировании резерва путем слияния небольшой части специально оставляемых старослужащих с рекрутами, его командование столкнулось с огромными сложностями. Не хватало всего — даже учебного оружия, пороха и свинца. Для стрелковой подготовки солдат выделялось: старослужащим пороха на 10, а свинца на 5 выстрелов, а новобранцам соответственно на 15 и 8. Реалии николаевской России расходились с представлениями о них Обручева, изложенными всего лишь в 1853 году. Тринадцать лет спустя Обручев писал: «Не Крымская ли война обнаружила наше богатство? Но союзники, в особенности Англия, не успели еще развернуть всех своих сил, как мы должны были уже осознать свое истощение». Николаевская система воспитала поколение, настолько привыкшее к мысли о непобедимости России, что оно неудачу воспринимало как поражение, а поражение — как катастрофу. Новости воспринимались только эмоционально. Можно привести в пример реакцию на сдачу Бомарзунда его комендантом ген. Бодиско: «Из всех неудач, которые до сих пор мы испытывали на разных театрах войны, — вспоминал Милютин, — ни одна не произвела у нас такого тяжелого впечатления, как потеря Бомарзунда (4 августа 1854 г. — *А. О.*). Как-то особенно казалась прискорбною сдача в плен гарнизона крепости, хотя в сущности и не было ничего позорного для чести нашего оружия: войска держались, пока было возможно, и отдали неприятелю одни развалины». Главным виновником всех неудач для многих стал император. В какой-то мере он сам подготовил эту реакцию, приучив русское общество к мысли, что кроме него в России никакой политической силы нет и не может быть. «Этот взгляд тем более укоренился, что он составлял традицию». По свидетельству сослуживца Обручева по Гвардейскому Генеральному штабу штабс-капитана И. Ф. Савицкого, Николай Николаевич был настолько рад

известию о смерти своего августейшего тезки, что даже отметил его бутылкой шампанского¹⁹. Война превратила верноподданного офицера в либерала, что, впрочем, не помешало его дальнейшей карьере.

13 июля 1856 г. гвардейский резервный корпус был расформирован. Обручев сохранил должность дивизионного квартирмейстера уже во 2-й гвардейской пехотной дивизии, что было признанием его трудов в резерве. Позже он стал начальником дивизионного штаба. В сентябре 1856 г. капитан Обручев, всего два года назад окончивший академию, возвратился в двухэтажный особняк на Английской набережной в качестве адъюнкт-профессора кафедры военной статистики. Службу в академии он совмещал с выполнением обязанностей в Гвардейском Генеральном штабе, откуда, по словам Милютин, во второй половине 50-х годов «исходила инициатива военных нововведений». Важным достижением сторонников реформ в армии было основание в январе 1858 г. журнала «Военный сборник». Первоначально его редакторами были назначены подполковник В. М. Аничков и капитан Обручев — оба к тому времени профессора академии. Но Аничков вскоре оставил редакцию. Усилиями Обручева должность заведующего хозяйственной и ответственного по литературной части журнала занял Н. Г. Чернышевский²⁰.

Конец 50-х годов XIX в. был временем роста либеральных настроений, отчасти из-за поражения в Крымской войне. Для многих, переживавших это как оскорбление чувства национальной гордости, либерализм казался средством восстановления величия России. Увлечение им среди молодого офицерства было почти поголовным и породило конфликт между поколениями военных: часть генералитета, не отрицавшая, кстати, необходимости изменений, враждебно восприняла первые шаги к публичному их обсуждению в подцензурной печати. Но были еще и противники реформ, которые в лице Сухозанета руководили тогда Военным министерством. «Военный сборник» еще не выходил, а к нему уже проявила внимание цензура «так что первый номер был выпущен только к маю»²¹. Военный министр находился под сильным влиянием своего брата И. О. Сухозанета и директора Канцелярии Военного министерства генерала А. Ф. Лихачева, которые были противниками всех нововведений. Они инспирировали доклад военного цензора полковника Штюрмера «О вредном направлении всей русской литературы вообще и «Военного сборника» в особенности». Последовало смещение редакции, успевшей выпустить 8 томов журнала. Более всего осуждалось привлечение к сотрудничеству в журнале Чернышевского. «Последний, слишком известный в литературном мире 60-х годов, орудовал всем изданием и дал журналу столь дикое направление, что самые отчаянные либералы пришли в ужас!» — записал в своем дневнике сторонник военных реформ генерал П. К. Меньков в день назначения его на пост редактора вместо Обручева. На самом деле влияние Чернышевского было не столь уж сильным. За период редакторства Обручева журнал опубликовал 69 статей и рассказов. Доля литературного отдела, которым заведовал Чернышевский, составляла только пять рассказов, а специфический характер остальных тем не позволяет говорить о серьезном вмешательстве литератора, не имевшего военной подготовки. После отстранения Обручева приоритетные темы «Военного сборника», как и состав его авторов, практически не изменились. За восемь месяцев работы в журнале Обручев написал 4 статьи, 3 из них — о Крымской войне. Две, объединенные общим названием «Изнанка Крымской войны», подверглись суровой критике командования Южной армии, не справившейся, по мнению Обручева, с интендантским обеспечением войск, что вызвало значительные небоевые потери.

Результатом именно этих статей был доклад Штюрмера, который обер-квартирмейстер Гвардейского корпуса А. П. Карцов в письме Милютину назвал доносом, хотя направлен он был уже не столько против журнала, сколько против тех, кто его поддерживал, — гр. Э. Т. Баранова и Карцова, то есть против сторонников реформ в Гвардейском Генеральном штабе. Карцов приписывал разгон редакции журнала исключительно интригам ретроградов. На такой же позиции стоял и Милютин: «Редакция,

задавшись, по-видимому, благою целью — ратовать против укоренившихся в войсках и военных управлениях стародавних злоупотреблений и незаконий, к сожалению, увлеклась слишком неосторожно на этом скользком пути и впала в резкий обличительный тон. Само собой разумеется, что такое направление «Военного сборника» должно было вызывать настоящий гвалт в среде начальствующих лиц и старых служаков, которые с ужасом вопили о подрыве дисциплины, даже о революционной пропаганде в войсках»²². Иначе говоря, как только Обручев позволил себе критиковать командование Южной армии (а к нему относились И. Ф. Паскевич, М. Д. Горчаков, Н. О. Сухозанет да и П. К. Меньков), он был сразу обвинен в симпатии к антигосударственным элементам.

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. Обручев получил репутацию стойкого либерала, симпатизирующего революционному движению, а может быть и участвующего в нем. Уже в XX в. с легкой руки М. К. Лемке, некритически воспринявшего подобную оценку от А. А. Слепцова, народилась легенда о причастности Обручева к печатанию номеров «Великорусса», о демонстративном отказе подавлять мятеж в Литве и т. д. Недостоверность сообщения Слепцова ясна из того, что с 7 мая 1860 по 30 октября 1861 г. Обручев находился в заграничной командировке, он «не мог принимать практического участия в создании, издании и распространении номеров «Великорусса», выходявшего с июля по октябрь 1861 г. в Петербурге, и не мог являться реальным членом комитета «Великорусса»²³. В деле поручика Измайловского полка В. А. Обручева (двоюродного брата Николая Николаевича), действительно связанного с «Великоруссом», нет упоминания о полковнике Обручеве. По возвращении в Петербург, пока шло следствие по делу его двоюродного брата, Обручев продолжал общаться с Чернышевским и Добролюбовым. Он был одним из тех, кто подписал некролог на смерть Добролюбова. Есть свидетельство, что во время пребывания в Лондоне в 1861 г. Обручев встречался с А. И. Герценом. Можно ли делать из всего этого вывод о принадлежности Николая Николаевича к революционным организациям? Вспомним, что Герцена посещали и братья Ростовцевы, а генерал-губернатор Петербурга А. А. Суворов подписался в листе пожертвований в пользу заключенного в крепость Чернышевского. Вряд ли можно серьезно рассматривать как доказательство революционности Обручева его участие в судьбе брата, осужденного 31 мая 1862 года. В семье Обручевых родственные связи были крепкими, родители Николая Николаевича были крестными отцом и матерью В. А. Обручева. На основании документов личного архива семьи Обручевых можно утверждать, что Э. Ф. Обручевой в хлопотах о сыне помогал не только Николай Николаевич, но и Бычковы, Сеченовы и другие родственники, причем не только в 1861—1862 гг., но и все десять лет, пока Владимир Афанасьевич находился в заключении. В 1872 г. он был освобожден, а в 1878 г. получил право вернуться в столицу, где его тепло встретили родные, и прежде всего крестная Мария Лукинична.

В начале 60-х годов важная перемена произошла и в личной жизни Обручева. В мае 1860 г. он отправился в заграничную командировку с целью изучения иностранных армий, сильнейшей из которых считалась французская. Естественно, большую часть командировки он провел во Франции. В Париже Обручев жил в семье Марии Millet. По окончании пребывания во Франции он сделал «Марии Николаевне» предложение, а 30 августа 1862 г. здесь состоялась их свадьба; 26 сентября молодожены приехали в Петербург. Это был единственный в жизни Обручева случай, когда он задержался в отпуске дольше положенного — на 12 дней. Впрочем, начальство признало причину уважительной²⁴.

1863 год — особая дата в биографии Обручева, как, впрочем, и многих русских людей, особенно военных. В январе 1863 г. началось восстание в Польше, вызвавшее взрыв антирусских настроений во Франции и Англии. «Военный сборник» печатал сообщения о трофеях — французском обмундировании и стрелковом оружии, о базах партизан в Галиции. Вместе с восставшими поляками сражались вчерашние враги России в Крымской

войне — французы, англичане, итальянцы, подданные Австрии; угрожала война с Европой. Тесно связанный с Францией, Обручев, конечно, следил за настроениями французской печати. Интересна оценка этих настроений, данная другим внимательным наблюдателем Н. А. Милютиним в письме к брату из Парижа: «Общественное мнение Европы нам враждебно, это факт... Все, что может рисовать наше патриотическое воображение в минуту самого восторженного своего настроения, все это мерещится и Европе в виде страшного призрака»²⁵.

Резко враждебно отнеслись к повстанцам и к тем, кто их поддерживал, старшие коллеги Обручева, вообще отличавшиеся независимостью в суждениях (Д. А. Милютин, Г. А. Леер, Э. И. Тотлебен²⁶). В начале восстания существовала и примиренческая позиция, сторонники которой рассматривали конфликт как прискорбное столкновение двух славянских народов. Однако затем события приняли характер тотального противостояния России и Европы.

Русские военные готовились к войне, причем весьма серьезно, понимая мрачные перспективы такого развития событий. Ноты протеста западных держав по польскому вопросу только усилили эти настроения. Д. А. Милютин писал, что война с коалицией европейских держав «в эту эпоху была бы нам гибельна. Военные силы наши не были готовы к войне, по всем частям только начаты были преобразования и разрабатывалась новая организация армии». Вместе с тем опасность войны вызвала национальный подъем. Английский посол в России лорд Непир писал своему министру иностранных дел графу О. Росселю: «В случае вмешательства или угроз со стороны иностранных дел воодушевление будет чрезвычайно сильное. Все национальные и религиозные страсти русского народа затронуты польским вопросом. Рекруты спешат стать в ряды войска с небывалым рвением, твердо уверенные в неизбежности войны за веру»²⁷.

В подавлении восстания в Польше 2-я гвардейская дивизия, в которой он служил, не принимала участия, она была переведена в Виленское генерал-губернаторство уже в феврале 1863 года. Тогда же приказом военного министра Обручев был направлен в комиссию по составлению положения о военно-окружном управлении. Через 15 лет вел. кн. Николай Николаевич старший обвинял его в отказе подавлять восстание, и на слова неудачливого командующего Дунайской армией ссылались враги Обручева при его жизни и часть историков, хотевших видеть в нем революционера. Вряд ли, однако, Д. А. Милютин, не терпевший полонофильства, стал бы терпеть в своем окружении офицера, позволившего себе что-либо подобное. Работой Обручева и его коллег в комиссии военный министр был удовлетворен в высшей степени²⁸.

Карьера Обручева успешно продолжалась. 1 декабря 1863 г. он стал членом совещательного Комитета ГУГШ и его делопроизводителем (само Главное управление Генерального штаба было основано в октябре 1863 г.). К 1865 г. средний возраст армейского полковника составлял 43,87 года (в гвардейской пехоте — 36,2 года²⁹). Полковник с 1859 г., Обручев не мог пожаловаться на несправедливость командования к себе.

1863—1875 гг. Обручев провел на службе в Совещательном и Военно-ученом комитетах Главного штаба, которые представляли собой особую стадию в истории становления русского Генерального штаба. Армии, основанные на профессиональном принципе, в том числе и русская, не нуждались в сложном механизме предварительного планирования и управления боевыми действиями по причине малочисленности войск, действующих на поле боя. В Семилетнюю войну численность армий не превышала 60—70 тыс. человек. Французская революция привнесла изменения в старый принцип комплектования армий. Европейские армии вынуждены были частично заимствовать принцип организации противника (Пруссия, в меньшей мере — Австрия) или наращивать численность армии более привычным путем (Россия). Армии в 100—150 тыс. человек становятся обычным явлением. Численность их многократно возросла, управление войсками значительно усложнилось; успех боевых действий больше, чем прежде, зависел от

качества управления ими. Перед франко-прусской войной обе стороны имели примерное равенство потенциалов, но превосходство немцев в организации управления позволило им выставить в 1870 г. 461 тыс. человек против 267 тыс. французов, а к февралю 1871 г. — 936 тыс. против 736 тыс. французов. Этим успехом Германия была обязана прусскому Генеральному штабу во главе с Г. фон Мольтке-старшим³⁰.

Пришедший 9 ноября 1861 г. в Военное министерство Д. А. Милютин имел свое личное отношение к идее организации Генштаба. Предыстория этого отношения такова. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский — наместник Кавказа, выдвигая своего подчиненного, начальника штаба Кавказской армии генерала Милютина, на пост военного министра, рассчитывал создать Генеральный штаб по прусскому образцу и возглавить его, и тогда, согласно прусской системе, военный министр фактически занимал бы положение, подчиненное начальнику Генштаба. Милютин сумел похоронить проекты своего бывшего командира, а вместе с тем усвоил крайне отрицательное отношение к самой идее создания Генштаба. Более того, противодействуя любым попыткам ослабить свое единовластие в министерстве, он упразднил должность товарища военного министра. Блестящий ум Милютина тяготел к схемам, покушение на которые он не прощал никому и предпочитал окружать себя посредственными исполнителями³¹. Исключение составлял Обручев, который был гораздо моложе Милютина и которого тот привлекал к работе в качестве талантливой исполнителя своей воли.

С исполнителями не считаются, и поэтому, когда Обручев, поддержанный начальником Главного штаба ген. Ф. Л. Гейденом, представил министру записку полковника Фельдмана о желательности реформы Генерального штаба по прусскому образцу, то Милютин взглянул на это предложение как на «сепаратистскую попытку, на желание вырвать у него часть власти». В 1863 г. он создал в виде опыта сроком на два года Главное управление Генерального штаба. Особую роль в ГУГШ играл Совецательный комитет, где и были сосредоточены собственно функции Генштаба. Членом и делопроизводителем этого комитета был назначен Обручев. С 1866 г. ГУГШ и инспекторский департамент были по настоянию Милютина объединены в Главный штаб. «Полагаясь вполне на такого дельного и добросовестного помощника, каков был граф Федор Логгинович Гейден, — вспомнил позднее Милютин, — я мог освободить себя от подробностей текущего делопроизводства, оставив за собою лишь высшее руководство и направление деятельности Министерства»³². Властный либерал превратил «мозг армии» в канцелярию при себе.

Совецательный комитет пережил ГУГШ, переместившись в состав Главного штаба и получив название Военно-ученого комитета (ВУК). Обручев сохранил должность делопроизводителя в нем. Это был сильный аналитический центр и бесправный коллегиальный орган для исполнения воли и шлифовки мыслей Милютина. Обручева он привлекал в качестве составителя записок по вопросам, занимавшим главу военного ведомства. Иногда эти записки попадали в печать.

В «Еженедельных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» в 1864 г. вышла серия статей Обручева под общим названием «Сеть русских железных дорог, участие в них земства и войска» (потом они были изданы отдельной книжкой). Обручев настаивал на строительстве стратегических железных дорог, и прежде всего на подступах к Балканам. «Восточный вопрос стих, а не решен, — писал он. — Кто может поручиться, что нашему поколению не придется еще его вновь увидеть, и притом в гораздо большем размере, чем как он проявился в последнюю войну». Он призывал быть готовым и к возникновению новых беспорядков в Польше³³.

Предложения Обручева были отвергнуты по финансовым соображениям, и в 1866 г. появилась новая серия его статей в «Еженедельном прибавлении», также изданная и отдельной книжкой, — «Наше финансовое положение». Обручев оспаривал позицию Министерства финансов, доказывая, что финансовый кризис есть плата за Империю, ибо несоответствие между требованиями внешними, заданными самим географическим положением

России, и неразвитостью ее громадного потенциала внутренних сил вынуждало жить в долг, за счет будущего: «Чем энергичнее боролась Россия за упрочение своего политического существования, тем шире приходилось ей прибегать к долгам». Но теперь, когда реформа сделала бюджет России фатально дефицитным, политикой экономии не решить проблему дефицита. «Государство заимствует силу у единиц общества только для того, чтобы в измененном виде возвращать им ее обратно. И если оно ее не возвращает, — общество необходимо слабеет, приходит в упадок и своим бессилием начинает компрометировать самое существование государства».

Исход Крымской войны, по мнению автора, продемонстрировал несостоятельность русских финансов и экономики в целом в новое время. Необходимы реформы, движение вперед за Европой, продемонстрировавшей преимущества своей экономики в прошлую войну. Государство, по мысли Обручева, должно обеспечить свободу развития благосостояния людей, опираясь на земства. Свобода труда и земские учреждения, убеждал он, являются главным условием создания военного могущества новой России: «Мало не желать войны, надо, чтобы это желание уважалось другими. А для этого первое условие — сделаться сильными, не многочисленною только армиею, которую мы уже имеем, а собственным, внутренним развитием народа, основанным на знании, дружбе и единении»³⁴. Работу Обручева военный министр высоко оценил и в 1868 г. привлек его к составлению записки на высочайшее имя по железнодорожному вопросу. Александр II, ознакомившись с ней, оставил запись: «Весьма дельно». Этот документ глубоко проанализирован П. А. Зайончковским³⁵. Отметим лишь, что, цитируя слова Обручева об уязвимости России с Запада, выдающийся историк несколько сузил пределы этого понятия: для автора записки «Западом» была не только русско-прусская, а вся европейская граница Империи: «Россия, опирающаяся на Азию, представляется по отношению к Европе величайшим государством, неуязвимым ни с тыла, ни с флангов, но удободоступным, однако, с запада, где Балтийское и Черноморское побережья открыты нападению неприятельских десантов, а центр, от Пола-нгена до Троянова вала — вторжению сухопутных армий»³⁶. Основным театром будущей войны Обручев по-прежнему считал дунайско-черноморский. Однако предложения об активизации строительства стратегических железных дорог Комитет министров отверг.

Личное же положение Обручева укреплялось — 27 марта 1866 г. он стал генерал-майором, в апреле того же года — управляющим делами ВУК³⁷. Находясь под жестким контролем Милютина, Комитет агонизировал. В 1872—1877 гг. проходило по одному заседанию в год. Комитету полагалось рассматривать вопросы, направляемые для обсуждения военным министром или начальником Главного штаба, а таковые не поступали. Тем временем в рамках Комитета Обручев развернул работу по военной статистике. В 1868 г. под его редакцией вышел первый «Военно-статистический сборник», положивший начало серии ежегодников, издававшейся вплоть до первой мировой войны.

После неудавшихся попыток преобразовать Генеральный штаб Обручев искал решения проблемы за пределами Комитета. Как и в других странах, в России серьезно взялись за нее только после поражения, носившего характер национального унижения, то есть после русско-японской войны. Победы Пруссии над Австрией в 1867 г., над Францией — в 1871 г. встревожили Военное министерство. Обручев неоднократно участвовал в составлении Милютиным записок в защиту военного бюджета от сокращений. 28 февраля — 31 марта 1873 г. работало секретное совещание под председательством Александра II по вопросам введения всеобщей воинской повинности, организации войск и о стратегическом положении России. Обручев был делопроизводителем этого совещания, и его усердие было отмечено царским благоволением, с производством в генерал-лейтенанты³⁸.

Через день после производства в новый чин, 15 мая 1873 г., он был командирован в Турцию, Германию и Австро-Венгрию собирать сведения

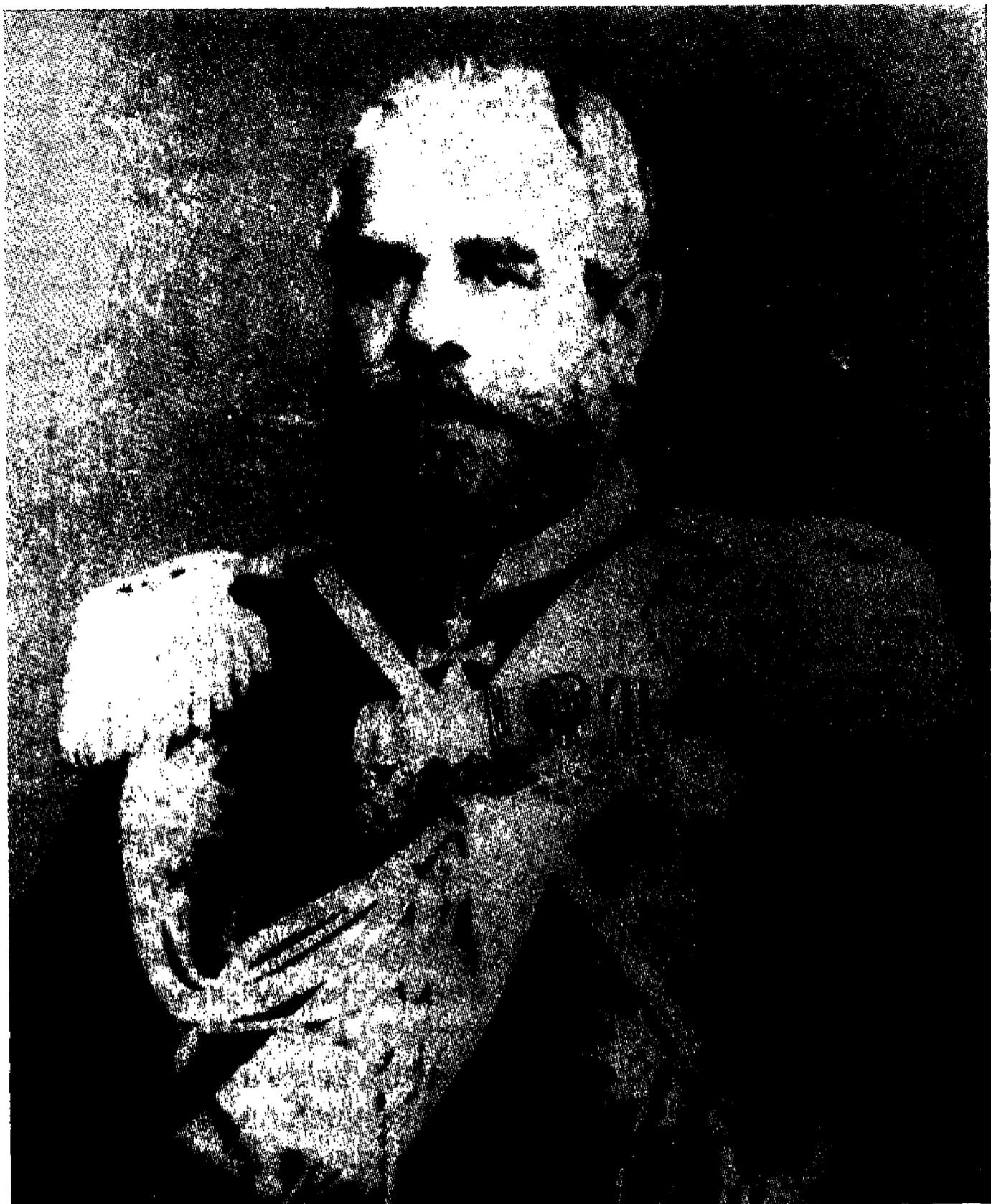
о вооруженных силах этих стран. Знаменателен выбор маршрута: на первом месте стояла Турция. Официально Обручев отправился в качестве главного редактора готовившихся в Главном штабе военно-статистических обзоров этих государств для объяснений с военными агентами (атташе) России. «При этом, — гласила инструкция, — согласно неоднократно выраженному мнению нашего посла в Константинополе, генерал-майору (в документ не успели ввести новое звание. — *А. О.*) Обручеву представится возможность принять личное участие в разработке программ для собирания статистических сведений о Турции через посредство наших консулов и, пользуясь открытием железнодорожных линий, проехать по наиболее важному пространству Балканско-Дунайского театра»³⁹.

В Константинополе Обручев ограничился визитом к военному министру Гуссейн-Али-паше, который разрешил ему посетить военный лагерь в Шумле и снабдил русского генерала султанским фирманом и сопроводительным письмом к командующему Дунайским корпусом Абдул-Керим-паше. Посетил он и места боев 1828 г., Преславу и Рушук. В Шумле «нельзя было и желать большего внимания и почета, чем какие были оказаны нам как русским», — писал он Милютину. Из своих наблюдений Обручев сделал вывод: турецкая армия плохо организована и обучена, состояние железных дорог плачевно. Несмотря на хорошие качества своих солдат турки не смогут организовать эффективное наступление. Броненосный флот также не представляет серьезной угрозы для России: у турок плохие команды на хороших кораблях. «Но помимо техники вооруженные силы Турции скудны, малопригодны к большим действиям и, если не давать им только опомниться и распутываться, несомненно, обречены на новые Кюрюк-Дара и Башкадыклары»⁴⁰, т. е. на сокрушительные поражения.

По возвращении из командировки Обручев занялся проблемой укрепления так наз. «польского треугольника», то есть линии Новогеоргиевск — Варшава — Сероцк. Летом 1875 г. под его руководством Николаевской академией Генштаба проводилась стратегическая рекогносцировка Царства Польского. Ее выводы определяли ход укреплений западной границы России с 1880 вплоть до 1914 г., но в 1875 г. сама эта поездка и критика Обручевым военных инженеров на местах вызвали конфликт с Тотлебенем. Герой Севастополя, по свидетельству его адъютанта, а позже и биографа Н. К. Шильдера, не терпел вмешательства «чужаков» в область своей деятельности, фортификацию. «Тотлебен не может допустить, — писал Милютин, — чтобы кто-либо, а тем более офицер Генерального штаба, смел вмешиваться в его владения — то есть в сферу инженерного ведомства. Тотлебен до крайности самолюбив и обидчив»⁴¹. Этот конфликт имел самые печальные последствия уже год спустя, при решении вопроса о назначении командующего Дунайской армии и его начальника штаба.

В 1875 г. началось восстание сербского населения Боснии и Герцеговины против владычества турок. В апреле 1876 г. оно перекинулось в Болгарию. Балканские события не остались без ответа в России. Вопрос, который пыталось решить правительство, состоял в выборе способов оказания помощи восставшим, и прежде всего — должна ли Россия открыто участвовать в освобождении славянских братьев. Канцлер А. М. Горчаков и министр финансов М. Х. Рейтерн, поддерживаемые вел. кн. Константином Николаевичем, последовательно выступали против войны. Позиция Милютина была сложнее: он видел относительную неподготовленность армии к войне, но не считал возможным для России сохранять нейтралитет при любых условиях. Решающая роль в этом вопросе принадлежала императору.

Весной 1876 г. Милютин, неоднократно советовавшийся с Обручевым, решил составить план мобилизации, увязанный с конкретными целями будущей войны. Обручев подготовил соответствующую записку, однако, когда 25 марта 1876 г. военный министр попытался вручить ее императору, тот отказался даже читать ее, сказав: «Я признаю войну в близком будущем невозможной и совершенно уверен, что мы избегнем ее». В тот момент были еще надежды на решение проблемы путем совместного дипломатичес-

кого выступления великих держав, и доводы противников войны возобладали. Не оправдались надежды тех, кто думал, что судьбы балканских славян будут решены их собственными силами. Между тем общественное мнение в России было настроено воинственно, тогда как власть выглядела нерешительной, что вызывало критику. «Для одержимого бесом братушколюбия, — вспоминал князь В. П. Мещерский, — события в Европе, создавшиеся при участии нашей дипломатии, казались до такой степени в разладе с тогдашним чисто воинственным настроением в России, что я был готов в эти минуты объявить врагом всякого, кто не хотел, как я, и войны, и освобождения всех славян, и заодно взятия Константинополя»⁴². Не стоит преувеличивать влияние общественного мнения на правительство империи, но и исключать воздействие этой воинственной атмосферы на людей, ею окруженных, вдыхавших ее, пусть даже и против своей воли, также нельзя.

С 25 августа 1876 г., по прибытии в Ливадию Александра II, графа Адлерберга, князя Горчакова, графа Игнатьева, генерал-адъютанта Миллю-

тина, там начались совещания по балканскому вопросу. 25 сентября к ним присоединился и наследник престола. Еще перед совещанием Милютин пришел к мысли о неизбежности войны. С предварительными планами ее он вызвал в Крым Обручева. «Первоначально я прочил его в начальники штаба предполагаемой действующей армии, — записал в своем дневнике Милютин, — но если главнокомандующим будет Тотлебен, то Обручев не пойдет к нему в начальники штаба, и в свою очередь Тотлебен не пожелает Обручева»⁴³.

За 15 лет близкого сотрудничества авторитет Обручева в глазах министра значительно вырос. (В 1867 г. он был лишь седьмым кандидатом на должность начальника штаба одной из четырех армий, третьим — на должность помощника начальника штаба, восьмым — на должность начальника корпусного штаба и первым — лишь на должность офицера для особых поручений при Главнокомандующем.) В Ливадию Обручев был вызван из Брюсселя, где он находился в качестве представителя русского отдела международной выставки 1876 г.⁴⁴, и приехал вместе с Рейтерном. «Общая атмосфера в Ливадии была крайне воинственна», — вспоминал министр финансов. 1 октября 1876 г. Обручев представил Милютину свой первый план войны, политической целью которой он предлагал считать освобождение Болгарии, а стратегической — взятие Константинополя. Такая война должна была быть молниеносной — на мобилизацию и начало движения к Константинополю, при благоприятном времени разрыва с Турцией, по расчетам, отводилось 3—4 месяца. Решить эту задачу предполагалось силами 5 пехотных, 2 кавалерийских дивизий, 10 казачьих полков, саперной бригады и осадного парка. Предусматривалась возможность подкрепления этой армии при подходе к турецкой столице в случае английского вмешательства⁴⁵. Кавказская армия должна была ограничиться активной обороной после взятия Батума, Карса (или Эрзерума). Обручев предлагал в качестве основного операционного направления русской армии не традиционное — низовье Дуная, Добруджу, с ее нездоровым климатом, преобладающим мусульманским населением и треугольником турецких крепостей Силистрия — Варна — Шумла, а среднее течение Дуная, от района Систово — Руцук до Балкан и через Казанлык — Сливно до Адрианополя. Это и был кратчайший путь к Константинополю по турецкой территории. Численность турецких войск здесь не была велика, а наиболее боеспособные силы турок связаны действиями против Сербии и Черногории.

Записка имела успех, позиции канцлера и министра финансов были серьезно поколеблены. Последнему даже пришлось вытерпеть весьма неприятную сцену — император резко отчитал Рейтерна за его излишне миролюбивую позицию, изложенную в записке. По свидетельству Н. К. Гирса, император был настолько возмущен, что швырнул эту записку через стол Рейтерну, говоря, что теперь нужны не записки, а дела. По мнению Рейтерна, именно в Ливадии было принято решение не только о мобилизации, но и о Московской речи⁴⁶.

29 октября 1876 г. в Большом Кремлевском дворце, на приеме многочисленных представителей различных сословий страны, император сказал речь, смысл которой заключался в следующем пассаже, встреченном с восторгом: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Но если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно»⁴⁷.

В начале ноября была проведена частичная мобилизация. Но еще до этих событий Милютин настоял на посылке Обручева в Вену, «чтобы негласно помочь нашим дипломатам выработать серьезный проект конвенции». Это было явное вмешательство военных в дела МИДа. Инструктируя посла в Австро-Венгрии Е. П. Новикова, Горчаков подчеркнул ограниченный характер миссии Обручева, предписывая принять его как «простого путешественника». «Путешественник» прибыл в Вену 28 октября. Его реальная роль в начавшихся переговорах видна из того, что Новиков уже через два дня после приезда Обручева просил у Горчакова позволения открыть

перед австрийцами «секрет миссии Обручева», придав ей таким образом официальный статус ⁴⁸, на что канцлер не согласился.

На переговорах с австрийцами основными были два вопроса: 1) о дружественном нейтралитете Австро-Венгрии в случае русско-турецкой войны, о конкретных формах этого нейтралитета; 2) о территориальном урегулировании на Балканах после войны. Новиков, согласно инструкциям, согласовывал военную часть предполагаемого соглашения с Обручевым, хотя мнение военного ведомства, представленного им, не было определяющим даже в военных вопросах. Все, что вызывало сомнение Новикова, немедленно отсылалось на окончательное согласование канцлеру. Военное ведомство хотело получить право на эксплуатацию австрийских железных дорог в Галиции на время войны. Д. Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии, соглашался только на организацию санитарных учреждений России на австрийских железных дорогах, принятие и транспортировку русских раненых, категорически возражая против военного транзита. Такое решение Андраши полностью устраивало Горчакова: он считал, что армия не имеет нужды в транзите через австрийскую территорию. В конце концов Горчаков уговорил Милютину отказаться от этого требования, и переговоры ускорились. Новиков отмечал в своем донесении в МИД: «Военные условия нашего проекта основаны на полученных мною инструкциях и согласованы с ген. Обручевым, чье присутствие здесь крайне важно» ⁴⁹. 8 декабря 1876 г., еще до подписания соглашения, но после окончания переговоров, Обручев покинул Вену. Он вез с собой в Россию личное послание Франца-Иосифа Александру II и корреспонденцию Новикова для канцлера.

Александр II согласился с проектом конвенции. После частичной мобилизации лавирующая позиция МИДа для императора все больше стала казаться несовместимой с честью России. В письме от 7 декабря 1876 г. вел. кн. Николаю Николаевичу старшему он писал: «...на предварительных конференциях в Константинополе мы сделали все возможные уступки, для *мирного* исхода конференции, которые совместимы с нашим достоинством, и для достижения согласия с прочими Державами» ⁵⁰.

Срыв решений конференции сделал мирный исход балканского кризиса почти невозможным. И вновь по поручению Милютина Обручев составил записку в пользу военного решения проблемы; 8 февраля она была подписана военным министром и подана на обсуждение под названием «Наше политическое положение в настоящее время». Учитывая возможные возражения со стороны противников войны, Обручев сначала детально перечислил все их доводы в пользу мира, чтобы затем самому их и разбить, лишив Рейтерна и Горчакова аргументов. Так и произошло. Записку читал Милютин. «Первая половина моей записки, — отмечает он в своем дневнике, — очень пришлась по вкусу и ему (Горчакову. — А. О.), и Рейтерну, и всем другим, так что кн. Горчаков несколько раз вполголоса выражал, что сам готов подписать все слышанное. «Не спешите, — сказал я, — заключение мое будет совсем не в вашем смысле»». Действительно, там говорилось: «Другие государства могут колебаться и медлить в приискании решений для турецких недоразумений. Нам же медлить нельзя: мы связаны и перед Россией, и перед христианами, и перед всей Европой словами Государя Императора... Вера в святость слова Царя не должна ничем помрачиться». Возможный при ином решении роспуск отобилизованной армии без успеха в балканских делах Обручев сравнил с Крымским поражением. Горчаков потерпел крах. «Сей последний положительно надтреснут», — отметил в дневнике другой противник войны, П. А. Валуев, посетивший канцлера 10 февраля ⁵¹.

Обручев тем временем продолжал составлять план войны. В марте 1877 г. он закончил «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 года», внося значительные поправки в свои предложения от 1 октября 1876 года. Между тем Турция провела мобилизацию армии, усилила Дунайскую флотилию, были приняты меры по укреплению крепостей, в Болгарию переброшены дополнительные войска. Учитывая эти изменения и слабые финансовые возможности России, Обручев вновь предложил план молни-

еносной войны, предусматривающий взятие Константинополя. Действующая армия в Европейской Турции должна была составить 303 тыс. человек (186 батальонов, 213 эскадронов, 774 орудия). Турецкая оборона по Дунаю не имела стратегического резерва, к тому же турецкие войска были растянуты в одну линию. Ни одна армия в такой ситуации не выдержала бы флангового удара. Это и предлагал использовать Обручев. После перехода через Дунай русская армия должна была разделиться на две части: одной, численностью в 114 тыс. человек при 220—250 орудиях, следовало перейти Балканский хребет и двинуться к Адрианополю и затем к турецкой столице; второй — обеспечивать фланги и тыл Забалканской армии как со стороны турецких крепостей в низовье Дуная, так и в верховье этой реки⁵². Константинополь требовалось взять в одну кампанию, до наступления зимы.

Однако император, военный министр, главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич старший, его начальник штаба ген. А. А. Непокойчицкий, его помощник ген. К. В. Левицкий — все они внесли в этот план свои коррективы. Состав армии сократился до 199 782 человек⁵³. Позже эта численность поднялась до 266 тыс., что по-прежнему было на корпус меньше предложенного Обручевым. Для действий за Балканами была выделена не армия, а отряд И. В. Гурко численностью в 12 тыс. человек. Все перечисленные военачальники находились в плену традиций русско-турецких войн, основные события которых проходили в низовье Дуная. Туда и были направлены основные силы русской армии. Блицкриг превращался в крепостную войну. Кроме того, даже такой вдумчивый человек, как Милютин, явно недооценил Виддин, не как позицию для обороны, а как позицию для маневра, приведшего Осман-пашу к Плевне. В результате после перехода через Дунай у русской армии оказался почти полностью открытым правый фланг при полном отсутствии резервов. Это и привело к трагическим плевенским событиям.

Обручев безуспешно пытался отстоять свой план. Война началась, а он и Тотлебен остались в Петербурге: главнокомандующий не желал их присутствия в армии. Когда Тотлебен встретил Обручева в Летнем саду, он сказал ему: «Николай Николаевич, а нас забыли, нас оставили здесь!»⁵⁴. Но вскоре о них вспомнили.

После неудачных попыток взять Плевну в сентябре 1877 г. на Балканы был вызван Тотлебен. Еще раньше, 26 июня 1877 г., на Кавказский фронт — Обручев. Там также за первыми успехами последовали неудачи: была снята осада Карса, 6 июля турки заняли стратегически важные Аладжинские позиции, а 13 августа даже потеснили на этом направлении русские войска. 14 августа в штаб М. Т. Лорис-Меликова прибыли вел. кн. Михаил Николаевич и Обручев, который предложил окружить и уничтожить турецкую армию на Аладже, а потом взять оставшийся без сильного гарнизона Карс⁵⁵.

В войсках традиционно не любят штабных генералов. Среди частей Кавказской армии эта нелюбовь сочеталась с особым корпоративным духом. Здесь привыкли, что карьера делается под огнем. Приобрести репутацию настоящего «боевого» генерала среди «кавказцев» было трудно. Обручев неоднократно появлялся на линии огня, лично проводил рекогносцировку вместе с казаками и милиционерами. Генерал В. А. Комаров, будущий герой Кушки, вспоминал о боях 20 сентября 1877 г.: «Талантливый генерал-адъютант Обручев чрезвычайно понравился войскам тем, что в течение дня беспрерывно появлялся там, где было больше огня». Предложенный им план был принят. 27 сентября началась и 4 октября закончилась Авлияр-Аладжинская операция. Турецкая группировка перестала существовать. В плен сдались 26 батальонов, 1 эскадрон — 2 дивизионных, 5 бригадных генералов, 26 старших и 224 младших офицера, 8 тыс. солдат, захвачено 25 орудий. Потери русских убитыми составили 216 офицеров и 5334 солдата, турок — 5—6 тыс. человек⁵⁶.

«Стратегия представляет собой умение находить выход из положения», — эти слова Мольтке-старшего позволяют назвать обручевский план

Аладжинского сражения стратегическим. Достигнутая победа резко изменила баланс сил на Кавказском фронте в пользу России и привела к падению 6 ноября 1877 г. ключевой турецкой позиции — крепости Карс. Вскоре после победы под Аладжей Обручев отправился на Балканы. Вел. кн. Михаил Николаевич писал Александру II: «Присутствие его здесь было несомненно весьма полезным, во время боев 20 и 22 сентября и 3 октября он находился при командующем корпусом и фактически исполнял должность начальника штаба, поэтому я признаю его вполне достойным награждения орденом Св. Георгия 3 ст., о чем представляю на твое благоусмотрение»⁵⁷. 30 октября 1877 г. под Плевной Обручев получил эту награду из рук императора.

Доказанная Плевной обоснованность предложений Обручева, его успехи на Кавказе, благосклонность императора вызвали сдержанно-негативное отношение к нему со стороны офицеров штаба, переживавших свои неудачи на Дунае, и вел. кн. Николая Николаевича старшего, который на следующий день после награждения Обручева обвинил его в «яром либерализме» и отказе подавлять польское восстание⁵⁸. Раздражение главнокомандующего росло вместе с ростом авторитета Обручева в армии и у императора, выразившимся в его участии вместе с Милютиным в Порадимском совещании, созванном Александром II по поводу плана действий после взятия Плевны. На совещание не был приглашен ни один офицер штаба главнокомандующего.

Обручев предложил перейти Балканы, чтобы нанести туркам удар с тыла и фланга, а затем двинуться на Софию, Филиппополь и Адрианополь⁵⁹. Это предложение было принято, но его автору пришлось покинуть действующую армию — Николай Николаевич старший не желал больше видеть здесь Обручева. Наследник престола, выразивший желание назначить его на пост начальника штаба своего отряда, также получил категорический отказ.

5 декабря 1877 г. Александр II выехал в Петербург, Обручев сопровождал его⁶⁰. Император не хотел конфликта с братом, а чтобы не обидеть Обручева, осыпал генерала знаками внимания: монаршее благоволение — 29 января 1878 г., разрешение принять и носить черногорский орден св. Даниила I ст. — 25 февраля, 17 апреля, то есть в день рождения Александра II — производство в генерал-адъютанты⁶¹.

Весна и лето 1878 г. прошли под знаком угрозы новой войны, на этот раз с Англией и Австро-Венгрией. 8 июля Обручев был назначен начальником полевого штаба предполагавшейся к формированию Юго-Западной армии. Это было лестное и очень высокое назначение. Командовать армией должен был цесаревич — вел. кн. Александр Александрович. Это была самая мощная из подготавливавшихся на случай войны группировок. Она должна была захватить карпатские перевалы на территории Румынии, вторгнуться в Северную Трансильванию и Восточную Галицию и поставить под контроль перевалы в Лесистых Карпатах. Обручев предлагал нанести по австрийцам ряд фланговых и фронтальных ударов, имевших шансы на тактический успех. (Загруженный работой, Обручев нашел время, чтобы организовать составление для храма Христа Спасителя в Москве списков воинов, убитых, раненных и награжденных в войне 1812—1814 годов.) Однако воевать не пришлось — ресурсы России были исчерпаны. Пришлось пойти на пересмотр условий Сан-Стефанского договора в Берлине.

Обручеву было поручено окончательное решение одного из вопросов, входивших в малоприятное наследие Берлинского конгресса. Человек, сыгравший важную роль в подготовке войны, в ходе боевых действий, вновь появился на Балканах и в Константинополе в качестве доверенного лица императора. Его миссия должна была подвести черту под долгими спорами о судьбе Восточной Румелии. По условиям Берлинского договора, султан имел право ввести войска в эту автономную провинцию Османской империи. 6-месячный срок оккупации, определенный тем же договором для русских войск, истекал. Забалканская Болгария, так сильно пострадавшая в 1876 и 1877 гг., могла опять стать очагом восстания. Утром 21 апреля 1877 г. Обручев прибыл в турецкую столицу, в 4 часа дня он вместе

с русским послом кн. А. Б. Лобановым-Ростовским был принят Абдул-Хамидом II во дворце Илдис, вручив султану письмо Александра II. Султана удалось уговорить отказаться от ввода войск в Восточную Румелию. Кроме того, генерал встретился с великим визирем Хайреддин-пашой. 23 апреля он покинул Константинополь и через два дня достиг центра Румелии. В Филлополе он встретился с представителями общественности, заверил их в том, что ввода турецких войск не будет, и призвал не спровоцировать его необдуманным поведением. Русский представитель в Филиппополе А. Н. Церетелев докладывал Лобанову: «Впечатление, произведенное словами Обручева, весьма сильное»⁶².

Восстания не было. Обручев возвращался домой победителем. Война все расставила по своим местам. Она подтвердила правоту и способности Обручева, и он перестал быть простым протеже властолюбивого военного министра (кстати, именно после войны началась их личная переписка и дружба).

1879 г. был очень насыщенным. Летом Обручев присутствовал на маневрах французской армии. Часто бывая в этой стране, он, судя по всему, привязался к ней. Здесь, в департаменте Дордонь, в замке Жор, чета Обручевых проводила месяц-два в год под осень; там генерал любил заниматься садоводством и виноделием. Но теперь он поехал туда в качестве главы русской военной делегации. В этот год в Европе вообще очень активно маневрировали. «Военный сборник» отмечал, что 1879 год «для больших европейских армий, кроме английской, был годом мирной деятельности на почве всесторонней подготовки к войне»⁶³. В маневрах французской армии принимало участие 7 корпусов и 2 отдельные кавалерийские дивизии. Русская делегация была радушно встречена, Обручев награжден Большим офицерским крестом ордена Почетного легиона.

Имея репутацию либерала и франкофила, он, однако, отрицательно оценивал перспективы и выгоды союза с Францией и относился к Третьей республике с большим недоверием — и прежде всего из-за ее внутренней нестабильности, республиканского устройства. (Для этого были основания: с 1871 по 1900 г. во Франции военные министры сменялись 32 раза!)⁶⁴. Это тем более интересно, что не кто иной как Бисмарк обвинял Обручева в поиске союза с французами во время командировки: Бисмарк готовился к подписанию германо-австрийского союза (7 октября 1879 г.) и ему был нужен миф об угрозе с Востока.

Двуличие Германии приобретало угрожающий характер. 12 октября 1879 г., отчитавшись о виденном на маневрах, Обручев уехал инспектировать укрепления на русско-германской границе. Эта поездка позволила ему вновь поднять вопрос о крепостях в Царстве Польском. На этот раз, летом 1880 г., его предложения были одобрены, но осуществлять их пришлось уже при Александре III.

Взрывы 1 марта 1881 г. подвели неутешительный итог правлению Царя-Освободителя. 2 марта 1881 г. Валуев записал в дневнике: «Государь в слезах. В Николаевской зале (Зимнего дворца. — А. О.) он сказал несколько слов генералам и офицерам. В ответ прекрасное дружное долго неумолкавшее ура!!! Я видел слезы почти на всех лицах. Войско у нас еще здорово. Все прочее, увы — гниль!.. Добрые силы только в войске»⁶⁵. Такое представление, видимо, разделял и новый монарх, но как же он должен был оценивать активных деятелей прошлого царствования (тем более таких штатских, как бывший министр внутренних дел Валуев)? Опираясь на армию, Александр III хотел видеть во главе ее надежных, с его точки зрения, людей. Милютин был отправлен в отставку, на его место назначен П. С. Ванновский. Вновь вокруг имени Обручева возникла интрига с обвинениями в либерализме. Но заступничество Ванновского, а, может быть, и личные воспоминания Александра III о прошлой войне, сделали свое дело — Обручев был назначен начальником Главного штаба.

Новый министр имел репутацию человека, умеющего наводить дисциплину и поддерживать порядок, сурового, но справедливого начальника. С. Ю. Витте писал, что «ум Военного министерства, конечно, составлял

Обручев, а Ванновский представлял собственно характер Военного министерства; они, так сказать, друг друга восполняли»⁶⁶. Среди лиц, определявших лицо русской армии в последнее 20-летие XIX в., кроме Обручева и Ванновского, можно назвать еще двух человек — М. И. Драгомирова и Г. А. Леера. Все они, представители одного поколения, чрезвычайно болезненно восприняли остановку русского наступления у ворот Константинополя весной 1878 года. Каждая война оставляет после себя воспоминания об упущенных возможностях. Тогда Россия была слаба на Западе и недостаточно сильна на Востоке. Действия Обручева в правление Александра III были направлены на исправление этого положения.

Обручев вел настоящую войну с Министерством финансов. Новый император, как и его отец, начинал правление с попытки сочетать режим строгой экономии средств страны с обеспечением ее обороноспособности. Между тем, в 80—90-е годы XIX в. сделать это было несравненно труднее, чем в 60-е. Ассигнования на нужды армии лишь в 1891 г. приблизились к показателям 1881 г., после чего начался их стабильный рост. «Всю энергию напрягаем, чтобы двигаться, — писал Обручев в 1884 г. — Строим помаленьку крепости, строим в виде опыта хозяйственным способом казармы..., стратегические железные дороги. Но, что надобно сделать в 5—10 лет, то раскладывается на 15—20 лет. А история на носу, не даст она нам и 6—7 лет, будем опять не готовы»⁶⁷.

Обручев приложил немало усилий к максимальному распространению воинской повинности. В результате принятых мер 94% населения империи было охвачено ею. Однако процент участия нерусского населения в обороне империи рос медленно, и к концу пребывания Обручева на его посту задача выравнивания норм Кавказа (там призывалось 5,5% населения), Финляндии (2%) и общеимперских (84,4%) не была решена. Рост числа запасных, перевооружение — все это требовало проведения учебных сборов. Жалобы на Обручева министров финансов Александра III — Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте — были хроническими, как, впрочем, и его упреки в их адрес. С 1887 по 1894 г. на 6-недельные учебные сборы было призвано 722 593 человека⁶⁸.

В 1881 г. Обручев оказался в тяжелом положении. В начале его пребывания на посту начальника Главного штаба император к нему относился подозрительно, его позиции при Дворе и в правительстве были слабы. Противники Обручева припоминали ему то легендарные (отказ подавлять восстание 1863 г.), то реальные (близость к Милютину) страницы его биографии, которые не понравились бы Александру III. Но настоящий, живой генерал очевидно обладал рядом качеств, вызывавших симпатию царя. Прежде всего таким качеством было трудолюбие Обручева. Период с лета 1881 по осень 1884 г. он почти в буквальном смысле этого слова полностью провел на службе, работая по 10—12 часов в сутки. От постоянного письма у него начала развиваться болезнь пальцев. Лишь в августе — сентябре 1884 г. он позволил себе съездить во Францию и отдохнуть два месяца в имении жены. В 1882 г. на праздновании 50-летия Николаевской академии Генерального штаба представитель Московского университета проф. Цингер объявил об избрании двух великих тружеников русской армии — Обручева и Драгомирова — почетными членами университета⁶⁹.

Человек не состоит из одних только достоинств. Обручев был представителем Милютинской школы, разъединившей штабную, научную и строевую жизнь армии. Некоторые из ошибок, допущенных им, объясняются его принадлежностью к этой школе, некоторые — оторванностью от строя. Ум Обручева — ум храброго, честного, интересно мыслящего человека, за годы службы с Милютиным усвоившего некоторые взгляды своего начальника, — иногда тяготел к схематичным конструкциям, может быть, слишком логичным для жизни. Так, во время работы Комиссии для рассмотрения вопросов реорганизации военного управления графа П. Е. Коцебу Обручев выступил против реформы Генерального штаба, сторонником которой он был когда-то. Следующей ошибкой Обручева было его участие в реформе, а точнее, в разгроме русской кавалерии как боеспособного рода

войск. Реализация идей проф. Николаевской академии Генерального штаба Н. Н. Сухотина, поддержанного Обручевым, привела к тому, что вместо многочисленной дешевой конницы (драгун) армия получила ездящую пехоту. Недооценивал начальник Главного штаба и значение магазинной винтовки. «Берданки прекрасное оружие, — писал он, — поводов же к отговоркам не идти вперед под убийственный огонь не избежать ни при каком оружии»⁷⁰. Большинство армий Европы начало получать магазинные винтовки в 1886 г., в России знаменитая трехлинейка была официально принята на вооружение в 1891 г., реально же переход русской армии с берданки на мосинскую винтовку состоялся в 1893—1895 годах. Нельзя не отметить и недостаточный рост артиллерии в правление Александра III. Если в 1881 г. на 1000 строевых нижних чинов приходилось 2,4 орудия, то в 1895 г. на это же число солдат приходилось 2,3 орудия. Рост артиллерии не успевал за ростом пехоты.

Между тем опасность большой войны и при Царе-Миротворце была велика. Один за другим в Европе, Азии и Африке следовали конфликты, и почти каждый негативно отзывался на взаимоотношения великих держав. Это было время, когда спор из-за развалин глиняной крепостицы, затерявшейся где-нибудь в песках Туркмении или на Верхнем Ниле, мог вызвать европейскую войну. В 1885 г. опять обострились отношения на Балканах. Именно тогда в письме Обручеву император сформулировал свое сredo в Восточном вопросе: «По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это занятие Константинополя, чтобы на сей раз навсегда укрепиться на проливах». Обручев выдвинул развернутую программу действий, обосновав необходимость захватить Галицию (с целью окончательно объединить русские земли) и Босфор (с целью замкнуть оборону Черноморского побережья в одной точке). Те же мысли он изложил и в письме Милютину летом 1886 года.

Этой задаче подчинялось все военное строительство при Александре III, начиная с 1885 года. На границе с Германией русская армия готовилась к обороне по линии крепостей Варшава, Зегрж, Новогеоргиевск, Ковно, Осовец и Либава. На границе с Австро-Венгрией готовились к наступлению. Существовавший здесь треугольник крепостей Луцк — Дубно — Ровно идеально прикрывал возможное сосредоточение Волынской армии, предназначенной для захвата Галиции и нацеленной на Лемберг (Львов). С 1885 г. при Киевской крепостной артиллерии были сформированы три горные батареи, сведенные в 1891 г. в горный артполк⁷¹ указывая на Карпаты как цель будущего русского наступления.

Это понимали и австрийцы, укреплявшие проходы через горы и создавшие в галицийском предполье Карпат укрепленный лагерь во Львове. По словам А. М. Зайончковского, «борьба за Константинополь и за проливы перекинулась... постепенно с юга на запад и должна была решиться на полях Галиции и на берегах Вислы». С другой стороны, и судьба Галиции и Польши решалась на проливах. Обручев и предлагал, обороняясь на одном участке, наступать на другом⁷². С 1884 г. в Одесском военном округе проводились учения по отработке высадки десанта в условиях, близких босфорским, а с 1886 г. — маневры смежных округов. Эти маневры и учения на Черном море подтверждают наличие планов атаки против Босфора и Галиции при обороне на германской границе.

Решению проблемы проливов Обручев отдавал все силы. Было очевидно, что реализация этого проекта вызовет кризис отношений с Англией. Когда близорукая политика Вильгельма II вынудила Александра III на союз с Францией, Обручев (заявивший, кстати, на переговорах с помощником начальника французского Генерального штаба Р. Буадефром о наличии у России «только» двух серьезных интересов в Европе: Галиции и Босфора)⁷³ настоял на принятии французами союзных обязательств в случае нападения на Россию Австрии, поддержанной Германией. Французы предпочитали заключить договор если не исключительно на случай войны с Германией, то обеспечить в случае такой войны максимальную концентрацию сил против немцев. Русская сторона (во всяком случае военные во

главе с Обручевым) предпочитала заручиться союзником на случай конфликта с Австро-Венгрией и Англией. Интересы союзников сходились лишь в одном: желании избежать изоляции. Образной иллюстрацией разницы стратегических устремлений России и Франции можно назвать визиты эскадр в Кронштадт и Тулон. Если центр тяжести государственных интересов Франции лежал на северо-западе, то русские государственные интересы были сконцентрированы в районе восточного Средиземноморья и подступов к нему.

В октябре 1894 г. умер Александр III. Это произошло тогда, когда война, к которой готовилась его армия, казалось, была близка и когда готовность к осуществлению босфорского проекта была высока как никогда. Однако Николай II отклонился от внешнеполитического курса своего отца. Море, флот, выбор места для базирования океанского флота, флота открытого моря — эти идеи вели Николая II далеко от единственной открытой незамерзающей гавани России — Мурманска. Пророческими оказались мысли Обручева, высказанные им на особом совещании по вопросу о японо-китайской войне в марте 1895 г.: «Для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. ...Нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей 40 млн. населения и весьма развитую промышленность. Все предметы снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон... мы могли бы достигнуть всего, что нам нужно в согласии с Японией, а Китай нам не страшен. По соглашению с Японией мы могли бы занять северную Манчжурию». Обручев по-прежнему думал прежде всего о Босфоре. В июне 1895 г. он составил документ «Наши вооруженные силы на Черном море», переданный в ноябре 1895 г. министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому. В ней делалась попытка убедить Николая II сосредоточить все внимание на захвате Босфора, доказать, что армия и флот готовы осуществить эту операцию через 12 часов после получения соответствующего приказа. Русский флот полностью господствовал на Черном море, 13 пароходов Добровольного флота могли за один рейс перевезти около 25 тыс. человек⁷⁴.

Босфор не был достаточно укреплен, в турецкой армии еще шло перевооружение. Русский десант, по мнению Обручева, имел бы успех. Командование английского флота на первый запрос премьер-министра Роберта Солсбери относительно готовности противостоять возможной русской операции на проливах ответило отрицательно, а на повторные запросы первый лорд Адмиралтейства адмирал Дж. Гошен поставил явно невыполнимые условия. Трудно оспорить утверждение английского историка Дж. Гренвилла: «На деле это означало, как предвидел Солсбери, что Британия будет не в состоянии вовремя противостоять русскому захвату Константинополя»⁷⁵. Таким образом, с точки зрения потенциального противника предложения Обручева не были утопическими. Однако царь не решился. К тому же активное сопротивление русским планам оказала и Франция, заинтересованная в территориальной целостности Османской империи — одного из главных ее должников. Уже к концу 1896 г. план захвата Босфора был окончательно отменен. Это был крах дела, которому Обручев посвятил больше 10 лет своей жизни.

Новая политика, которую вел молодой император, была чужда старому начальнику Главного штаба, упорно выступавшему против дальневосточных увлечений Николая II. В конце 1897 г. в отставку подал Ванновский. Первоначально предполагалось, что его преемником станет Обручев, но внезапно был назначен А. Н. Куропаткин. 21 декабря 1897 г. Обручев подал в отставку, а в июне 1898 г. пышно отмечалось 50-летие его службы. По подписке было собрано 12 тыс. рублей. Обручев поместил эти деньги в банк, причем проценты с 6 тыс. должны были пойти в помощь нуждающимся офицерам, а проценты с другой половины — на премии за лучшие работы учащихся в Академии Генерального штаба. 13 июня 1898 г. последовал приказ о переименовании форта «В» Кронштадтской крепости в форт «Генерал-адъютант Обручев»⁷⁶.

Во Франции, в имении жены, в замке Жор он дожил до русско-японской войны и скончался здесь 25 июня 1904 г. под влиянием несчастных для

России событий на Дальнем Востоке⁷⁷. Похоронен Николай Николаевич Обручев в Петербурге, на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. На могиле была поставлена часовня с неугасимой лампадой, уничтоженная после революции. Ещё недавно могила Обручева находилась в удручающем состоянии, но к юбилею русско-французского союза, в ожидании французской делегации, ее все же привели в порядок.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 583, оп. 1, д. 15, л. 6.
2. Архив семьи Обручевых. Обручев Н. А. Заметки о нашем семействе, с. 118.
3. Дворянский адрес-календарь на 1898 г. Т. 1. СПб. 1897, с. 193.
4. Обручев Н. А. Заметки о нашем семействе, с. 218.
5. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ), ф. 120, д. 1017, л. 1.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 314, оп. 1, д. 5818, л. 102.
7. КРЫЛОВ И. А. Кадеты сороковых годов. — Исторический вестник, 1901, сентябрь, с. 944.
8. Себастьян Ле Петр Вобан (1633 —1707) — маршал Франции, выдающийся фортификатор.
9. Горжа — тыльная часть некоторых укреплений (форт, люнет и пр.).
10. КРЫЛОВ И. А. Ук. соч., с. 963.
11. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб. 1912, с. 553.
12. РГВИА, ф. 314, д. 5818, л. 102, 35—36, 64, 95.
13. ЗНОССКО-БОРОВСКИЙ Н. Э. История л.-гв. Измайловского полка. СПб. 1882, с. 124.
14. ОБРУЧЕВ Н. Н. Обзор рукописных и печатных памятников... СПб. 1853, с. 150, 4.
15. ГЛИНОЕЦКИЙ Н. П. Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. Т. 2. СПб. 1882, с. 62.
16. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 12, д. 4, л. 147, 167; ГЛИНОЕЦКИЙ Н. П. Ук. соч., с. 106.
17. ОР ГПБ. Ф. 169, оп. 17, д. 23, л. 2 об., 1.
18. РГВИА, ф. 409, оп. 382, д. 386, л. 2 об., 1.
19. Приказы военного министра за 1854 г. Приказ № 70 от 27 июля 1854 г.; ОБРУЧЕВ Н. Н. Наше финансовое положение. СПб. 1866, с. 8; ОР ГПБ, ф. 169, оп. 13, д. 4, л. 121; БЕРВИ-ФЛЕРОВСКИЙ В. В. Три политические системы: Николай I, Александр II и Александр III. Берлин. 1897, с. 122; STELLA-SAWICKI I. Moje Wspomnienia [1831—1910]. Lwow. 1921. S. 20.
20. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 13, д. 3, с. 18; ФЕОКТИСТОВ Е. М. За кулисами политики и литературы. М. 1991, с. 312.
21. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 13, д. 3, с. 20.
22. Там же.
23. ГЕРЦЕН А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 16. М. 1920, с. 72; НОВИКОВА Н. Н. Революционеры 1861 года. М. 1968, с. 222.
24. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 362—386, л. 6.
25. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 14, д. 3, 179.
26. ШИЛЬДЕР Н. К. Граф Э. И. Тотлебен. Т. 1. СПб. 1885, с. 179.
27. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 14, д. 3, л. 279, 72.
28. ГАЗЕНКАМПФ М. А. Мой дневник 1877—1878 гг. СПб. 1908, с. 169; ОР ГПБ, ф. 169, оп. 14, д. 4, л. 294.
29. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 362—386, л. 6; Военный сборник, 1865, январь, с. 56.
30. Там же, с. 276; КЛАУЗЕВИЦ К. 1806 год. М. 1937, с. 54; РЕДИГЕР А. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб. 1900, с. 28; ШАПОШНИКОВ Б. М. Мозг армии. Кн. 1. М. 1927, с. 14.
31. ФЕОКТИСТОВ Е. М. Ук. соч., с. 310; *Denkwürdigkeiten des Botshafters General von Schweinitz*. Bd. 2. Berlin. 1927, S. 68.
32. ВЕНЮКОВ М. И. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. Лейпциг. Т. 2, 1879, с. 56; ОР ГПБ, ф. 169, оп. 15, д. 3, л. 3.
33. ОБРУЧЕВ Н. Н. Сеть русских железных дорог, участие в них земства и войска. СПб. 1864, с. 5.
34. ОБРУЧЕВ Н. Н. Наше финансовое положение. СПб. 1866, с. 5, 28, 59.
35. РГВИА, ф. 401, оп. 5, д. 416, л. 30; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Военные реформы 1860—1870 гг. в России. М. 1952, с. 121—122.

36. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 37, д. 14, л. 1.
37. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 382- 386, л. 2.
38. Там же, л. 1, 1об.
39. Там же, л. 7; ф. 401, оп. 2/926, д. 49, л. 1об.
40. Там же, л. 13об., 19.
41. ШИЛЬДЕР Н. К. Ук. соч., с. 522, 524; МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч. Т. 1. М. 1949. с. 93.
42. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 34; Восточный вопрос во внешней политике России. М. 1978, с. 201, 205; МЕЩЕРСКИЙ В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. СПб. 1898, с. 287.
43. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 93.
44. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 37, д. 1. См.: Приложение: Кандидатские списки на случай войны, л. 41 -43; РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 362 -386, л. 7.
45. ГАЗЕНКАМПФ М. А. Ук. соч., приложение 1, с. 1; КУЛОМЗИН А. Н., РЕЙТЕРН В. Г., М. Х. Рейтерн. СПб. 1910, с. 158, 2.
46. Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 2. М. 1966, с. 187; КУЛОМЗИН А. Н. Ук. соч., с. 188.
47. Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877- 1878 гг. Вып. 1. СПб. 1899, с. 32.
48. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 104; Архив внешней политики Российской империи (АВП-РИ), ф. 133, оп. 470, д. 129, л. 266, 268.
49. Там же, ф. 133, оп. 470, д. 127, л. 329, д. 128. л. 342об., 344об.
50. ГАРФ, ф. 646, оп. 1, д. 128, л. 1об.
51. МИЛЮТИН Д. А. Ук. соч., с. 139; ГАЗЕНКАМПФ М. А. Ук. соч. Приложение № 2, с. 1—2; ВАЛУЕВ П. А. Дневник 1877—1884 гг. Пг. 1919, с. 6.
52. ГАЗЕНКАМПФ М. А. Ук. соч. Приложение № 4, с. 8, 4.
53. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 37, д. 9, л. 2, 2об.
54. БИЛЬДЕРЛИНГ А. Памяти Николая Николаевича Обручева. — Русская старина, 1914, июнь, с. 483.
55. КИШМИШЕВ С. О. Война в Турецкой Армении 1877—1878 гг. СПб. 1884, с. 316.
56. Там же, с. 359; КОМАРОВ В. А. Ардаганский отряд. Русская старина, 1907, т. 132, № 11, с. 337; Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском фронте. Т. 2. СПб. 1904. Приложение № 10, с. 243.
57. ШЛИФФЕН А. Канны. М. 1938, с. 375; ГАРФ, ф. 649, оп. 1, д. 214, л. 2об.
58. ГАЗЕНКАМПФ М. А. Ук. соч., с. 169.
59. Особое прибавление... СПб. 1901. Вып. 4, с. 90.
60. Описание русско-турецкой войны 1877-- 1878 гг. на Балканском полуострове. Т. 8. Ч. 1. СПб. 1912, с. 56.
61. РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 362- 386, л. 2об.
62. РГВИА, ф. 846, оп. 3с., д. 31, л. 56—57; оп. 2с., д. 17, л. 363, 40об.
63. Военный сборник, 1880, № 1. Иностранное военное обозрение, с. 42.
64. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 71, д. 61, л. 1; РЕДИГЕР А. Ук. соч., с. 460.
65. ВАЛУЕВ П. А. Ук. соч. с. 148.
66. ВИТТЕ.С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М. 1994, с. 300.
67. Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. СПб. 1903, с. 323; ОР ГПБ. ф. 169, оп. 71, д. 63, л. 2об.
68. Обзор деятельности..., с. 127, 6.
69. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 71, д. 63, л. 1; Военный сборник, 1883, № 1. Русское военное обозрение, с. 30.
70. ОР ГПБ, ф. 169, оп. 71, д. 63, л. 14.
71. Обзор деятельности, с. 37.
72. *Studia i materialy do historii wojskowosci*. Tom 12. С. 1. Warszawa. 1966, s. 237; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А. М. Подготовка России к мировой войне (планы войны) М. 1926, с. 64, 33.
73. *Documents diplomatiques français (1871—1914)*. 1-re Serie (1871—1901). Т. 8. Р. 1938, р. 578.
74. Красный архив, 1932, т. 3(52), с. 82; ПОГГЕНПОЛЬ М. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб. 1903, с. 233, приложение к с. 234.
75. GRENVILLE J. A. S. *Lord Salisbury and Foreign Policy*. Lnd. 1962, p. 26.
76. Русская старина, 1914, № 6, с. 493.
77. ОР ГПБ, ф. 1000, оп. 3, д. 935, л. 2.

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 8 июля 1944 года ¹

Щ е р б а к о в (председательствующий). Продолжим работу нашего совещания. Слово имеет т. Ковалев.

К о в а л е в. Я остановлюсь на одном вопросе, который в прениях не нашел достаточного отражения, — на вопросе о том, что до сих пор в советской исторической науке не преодолено до конца пренебрежительное отношение к великому прошлому нашей Родины, которое насаждалось длительное время антимарксистской «школой Покровского». В 1936 г. при опубликовании замечаний тт. Сталина, Жданова и Кирова ЦК и СНК отмечали, что попытки ликвидации истории как науки связаны с распространившимися взглядами «школы Покровского»: «Совнарком и ЦК указывают, что задача преодоления этих вредных взглядов является необходимой предпосылкой как для составления учебников по истории, так и для развития марксистско-ленинской исторической науки и подъема исторического образования в СССР, имеющих важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для обучения подрастающего поколения». Советские историки проделали большую работу по ликвидации этих вредных взглядов, и это дало возможность создать учебники по истории и двинуть вперед историческую науку. Однако сделано еще не все. Следует указать, что пренебрежительное отношение к прошлому нашей Родины насаждалось не только «школой Покровского», но всей дворянской и буржуазной историографией. Это пренебрежение вытекало из неправильных методологических основ дворянской и буржуазной историографии.

С одной стороны, — метафизический рационализм, считавший все предшествующее развитие человечества сплошным заблуждением, ошибкой, с другой стороны — идеалистическая философия, связанная с именем Гегеля, с ее презрением к народным массам, с ее отрицанием творческой роли трудящихся в истории, наконец, политическая позиция историков, по преимуществу консервативная, — все это являлось идейным источником пренебрежительного отношения к прошлому. Это пренебрежение в той или иной степени свойственно всем дворянским и буржуазным историкам России начиная от Карамзина и кончая Ключевским. Наиболее полно оно сказалось в характеристике русского народа, данной историком Погодиным ². Погодин указывал, что «основное свойство русского народа — это покорность и равнодушие». Русский человек изображается как «сиволапый увалень, настоящий медведь, национальный зверь наш». Основоположник

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—6.

«государственной школы» Кавелин писал, что «Европа и Россия — это два отдельных мира. Россия в отличие от Европы — это мужицкое царство. Народные массы у нас не сформировались еще, не осели. Это какая-то этнографическая протоплазма, «калужское тесто»». Даже Соловьев высказывал подобные взгляды с той лишь разницей, что вместо «калужского теста» у него народные массы — это «жидкий элемент», который нуждается в опеке монархического государства. Такова в сущности точка зрения и у Ключевского. Ликвидация этого пренебрежительного отношения к нашему прошлому, которое было свойственно дворянской и буржуазной историографии и «школе Покровского», является важнейшим условием для создания подлинной исторической науки.

Рецидивы такого рода взглядов сказываются в нашей исторической науке. Это проявляется, в частности, в том, что среди части советских историков укоренился совершенно неверный взгляд, согласно которому наука, литература, искусство в России всегда отставали в своем развитии от культуры Запада, а выдающиеся деятели России — ученые, писатели, деятели культуры и искусства — являлись простыми подражателями культуры Запада и не создали ничего самостоятельного. Дело представляется таким образом, что Россия и русские ничего не дали миру ценного, а находились как бы на иждивении Запада. Для примера возьму первый том учебника для исторических вузов (под редакцией Лебедева, Бахрушина, Грекова). В этом томе есть глава, которая называется «Русская культура XVII века». Как подается эта глава, как описывается развитие русской культуры XVII века? XVII век — это особый век, век Болотникова, Разина, век, когда русский народ отбил нашествие польско-шведских интервентов, век Богдана Хмельницкого, когда произошло воссоединение русского и украинского народов. В это время русский народ уже имел богатую культуру. Взять, к примеру, такое глубоко патриотическое произведение, как «Плач о пленении и окончательном разорении русского государства», как «Повесть об Азовском сидении донских казаков» и т. д. Но авторы не нашли ничего лучшего, как характеризовать развитие русской культуры в течение всего XVII в. словами изменника Родины Котошихина³. Известно, что Котошихин будучи служащим в одном из приказов продавал государственной важности документы иностранцам, затем бежал за границу и там по заказу шведского канцлера Магнуса Делагарди написал пасквиль на русское государство и русский народ. Авторы учебника цитируют наиболее отвратительные места этого пасквиля. В учебнике приводятся, например, такие слова Котошихина: «Русские люди природою своею спесивы и непривычны ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют кроме спесивости и бесстыдства и ненависти и неправды...»

Приведя эту клевету на русский народ, авторы пишут: «Котошихин живо отражает потребность в более высоком образовании, которая ощущалась в Московском государстве XVII века». В учебнике по истории для неисторических факультетов вузов Котошихин прямо характеризуется как передовой деятель России. Вслед за высказываниями Котошихина авторы приводят писания другого изменника Родины, князя Хворостинина⁴. Как известно, Хворостинин был приближенным Лжедмитрия I, ставленника польских интервентов, и писал свои «сочинения» на польском языке. Он презирал все русское и даже пытался бежать в Литву, за что был арестован. Тем не менее авторы приводят высказывания Хворостинина о русских людях, в которых он говорит, что «в Москве людей нет, весь люд глупый, жить не с кем» и у него общения с русскими людьми не может быть никакого. Непонятным становится, почему эти писания изменников родины Котошихина и Хворостинина отнесены к русской культуре XVII в. и зачем привели авторы их высказывания для характеристики развития русского народа.

Далее, в той же главе авторы приводят высказывания о России хорвата Юрия Крижанича⁵. Затем идет подзаголовок «Немецкая слобода», в которой повествуется о культурной миссии немцев в Московском государстве. После этого следует заголовок «Украинско-Белорусское влияние», затем

идет «Борьба украинского и греческого влияний», где русское государство изображается как пассивный объект для борьбы иностранных культурных влияний. Лишь после всех этих высказываний авторы дают краткую характеристику состояния культуры, науки, искусства в Московском государстве XVII в., причем в характеристике состояния культурной жизни русского государства преобладающее внимание отводится иноземному влиянию. Во всей этой главе проводится мысль, что никакой самостоятельной культуры в русском государстве XVII в. не было, что русский народ — это тупой, ни на что не способный народ, нуждающийся в постоянной опеке иностранцев.

Нечего говорить, насколько неправильно такое изложение истории нашей страны. Тот же учебник приводит далее следующую характеристику Радищева: «Радищев — типичный ученик французских рационалистов и враг мистицизма, хотя в некоторых его философских представлениях материалистические идеи Гольбаха и Гельвеция неожиданно смешиваются с идеалистическими представлениями, заимствованными у Лейбница, которого Радищев изучал в Лейпциге. Его идеи о семье, браке, воспитании восходят к Руссо и Мабли. Общая мысль о свободе, вольности, равенстве всех людей сложилась у Радищева под влиянием другого французского просветителя — Рейналя»⁶. Таким образом, Радищев рисуется простым эпигоном западных деятелей. Даже мысль о свободе у него, оказывается, навеяна не условиями России, а навеяна Рейналем. Подобным же образом характеризуется и другой великий русский революционер-демократ Белинский.

Понятно, что передовые люди нашей страны воспринимали и использовали прогрессивные идеи и достижения Запада и всего человечества. Историческое величие и сила выдающихся деятелей в том и состоит, что они поднимаются до вершин науки и культуры своего времени. Без этого они не могли бы сыграть своей выдающейся роли в истории. Не могло быть Пушкина без Эхила, Вергилия, Шекспира, Рабле, Гёте и др. Однако нелепо было бы считать, что выдающиеся деятели России — писатели, ученые, деятели искусства, передовые государственные деятели — были простыми подражателями и популяризаторами достижений Запада. Передовые идеи выдающихся деятелей России, все их духовное творчество вытекали из потребностей развития нашей страны и играли большую прогрессивную роль в развитии России. Толстой по поводу спора славянофилов и западников писал: «Петр, т. е. время Петра, сделало великое необходимое дело; но, открыв себе путь к орудиям европейской цивилизации, не нужно брать цивилизацию, а только ее орудия для развития своей цивилизации. Это и делает народ» (Толстой Л. Избранное, с. 140—141).

Представление о том, что Россия в своем духовном развитии слепо подражала Западу, противоречит важнейшему тезису марксистской науки о том, что идеи людей возникают на основе их общественного бытия, вырастают из условий материальной жизни общества. Ясно также, что, достигая вершин мировой культуры, русские выдающиеся деятели создали величайшие духовные ценности, которые явились замечательным вкладом в мировую культуру и оказали на нее огромное влияние. Энгельс в письме Е. Э. Паприц, русской эмигрантке в Лондоне, в 1884 г. писал: «Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще кое-где блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только о революционных социалистах, действующих на практике, но также об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в этом отношении в Германии и Франции официальной исторической наукой» (Соч. Т. XXVII, с. 389)⁷.

Другим проявлением пренебрежительного отношения к великому прошлому нашей Родины является такое освещение истории, когда на первый план выдвигаются реакционные моменты и совершенно забываются, упускаются прогрессивные стороны. Если мы опять возвратимся к учебникам,

а учебники более всего отражают состояние нашей исторической науки, то там можно найти довольно пространные описания таких отрицательных сторон нашей истории, как бироновщина, реакция Павла I, Николая I, реакция 80—х годов и т. д. Там можно найти подробное описание аракчеевщины и Аракчеева, там, например, много говорится о мракобесе архимандрите Фотии, приводится такая деталь, что Фотий был интимно близок к графине Орловой-Чесменской и т. п. В характеристике Победоносцева указывается такая мелочь, что он произносил речи, «бледный, как полотно, нервно волнуясь», и т. д. Но в учебниках для вузов не найти даже упоминания фамилий адмиралов Ф. Ф. Ушакова и М. П. Лазарева. Конечно, неправильно было бы совсем не писать о реакционерах и мракобесах. Однако об Ушакове и Лазареве нужно писать прежде и больше, чем о Магницком⁸, который знаменит лишь тем, что учинил погром в Казанском университете, и «подвиги» которого подробно расписаны в учебнике для вузов. Недавно произошла странная вещь. Когда правительство учредило орден Ушакова, то не было ни одной работы, где бы можно было посмотреть, кто такой Ушаков. Даже историки, кончившие исторические факультеты, не знали ничего об Ушакове, так как в учебнике, по которому они учились, эта фамилия не упоминалась.

Дальше, в этом же учебнике не дано характеристики Суворова. Там имеются личные характеристики почти всех реакционных деятелей, но имя Суворова упоминается только в связи со взятием тех или иных крепостей и ничего не говорится о значении Суворова в развитии русской армии, русского военного искусства, ничего не говорится о том, что Суворов был великим военным преобразователем, создавшим новую военную науку и новые методы военного воспитания. Во II т. учебника для вузов при описании Бородинского сражения можно найти самые подробные описания того, как руководил французскими войсками Наполеон, какие части куда посылал, когда и куда выехал, как наблюдал за сражением и т. д., но ничего не говорится о том, как руководил русскими войсками Кутузов. (Нечкина. Там это есть.) Это так, т. Нечкина. И там, где никак нельзя обойтись без Кутузова, там говорят: «русское командование». Это более чем странное описание Бородинского сражения. Или взять такой момент, как иллюстрации. На этом тоже воспитываются наши школьники. В учебнике Панкратовой, переизданном в 1943 г., напечатаны рисунки и гравюры Чингисхана, Батыя, Тамерлана, Лжедмитрия, но нет изображений Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина, Пожарского. (Панкратова. Их вообще нет.) Если взять старые учебники, Вы в них найдете иллюстрации, показывающие битву на Неве и т. п. Можно было бы вместо портрета Лжедмитрия дать снимок известного памятника Минину и Пожарскому. Наконец, можно было взять кадры из фильмов, изображающие, например, Ледовое побоище, и др. Это было бы более правильным, чем давать портреты тех, кто разорял русскую землю. Имеются рецидивы «школы Покровского» в оценке таких деятелей, как Минин и Пожарский. В недавно вышедшей работе проф. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I и его идеология» дана такая же характеристика событий начала XVII в., какую давал этим событиям Покровский.

Характеризуя события начала XVII в., проф. Сыромятников пишет: это была «эпоха революции начала XVII века, когда, отбив последнюю атаку феодальной знати, торговые люди по призыву Козьмы Минина, поддержав выступление дворянского ополчения под водительством кн. Пожарского, не только совершили свой «патриотический» подвиг, освободив общими усилиями «Царство русское» от иноземной интервенции, но и покончили с угрозой социальной революции со стороны народных масс» (с. 140). Таким образом, проф. Сыромятников извратил характер событий начала XVII в., представил их по Покровскому. Минина и Пожарского он называет лжепатриотами, так как их подвиг берется в кавычки, народное ополчение Минина и Пожарского Сыромятников называет дворянским ополчением, острие борьбы которого было направлено якобы против «социальной революции». Считаю целесообразным

привести характеристику Минина и Пожарского, данную в свое время Белинским: «Вот, — думаю я, вот два исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой Родине. Они всем жертвовали ей: имуществом, жизнью, кровью. Когда отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой Москвой, когда вероломный король их брал города русские, — они одни решили спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолюбия, все расчеты подлой корысти и спасли погибающую отчизну».

Многие историки при изображении деятелей прошлого подходят к их оценке антиисторически, забывая при этом важнейшее требование марксизма — рассматривать исторические события в зависимости от условий, места и времени. Забывается важнейшее указание Ленина, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками» (Ленин В. И. Соч. Т. II, с. 51)⁹.

Особенно неправильно, односторонне изображается в учебниках по истории развитие культуры. Развитие науки, литературы, искусства обычно рассматривается под углом зрения реакционных мероприятий царизма. В учебнике для средней школы под редакцией А. Панкратовой такие разделы истории СССР, как «Формирование идейных течений и общественное движение 30—50-х годов», «Наука, литература, искусство в первой половине XIX в.», «Культура народов царской России в первой половине XIX в.», даются в главе «Царизм — жандарм Европы». Почему деятельность Пушкина, Белинского, Шевченко должна освещаться в главе «Царизм — жандарм Европы», непонятно. Следует отметить, что события Отечественной войны 1812 г. освещаются в этом учебнике в главе «Царизм в период наполеоновских войн», как будто бы Отечественная война 1812 г. — дело царизма. Это говорит также о том, что у наших историков с периодизацией истории СССР дело запутано. В этом же учебнике в разделе «Просвещение и культура в России перед революцией» (1907—1917 гг.) не дается характеристики развития передовой русской культуры, а описываются лишь реакционные мероприятия царизма и упадочные явления в области буржуазной культуры и искусства.

«Настоящие народные ученые не получали ни признания, ни поддержки, — говорится в этом учебнике, — великий генетик-селекционер И. В. Мичурин не был признан ученым-исследователем, хотя к Мичурину приезжали учиться даже американцы. Непризнанным оставался и другой крупный ученый — Циолковский, сконструировавший дирижабль за 10 лет до появления «Цепелина». Он вынужден был оставаться преподавателем математики в Калуге и вести научную работу на свои крайне скромные средства. Выдающийся механик, отец русской авиации Н. Е. Жуковский поставил изучение аэродинамики и теории самолетовождения, но его работы нашли применение только при советской власти. Первые русские летчики (Россинский, Уточкин и др.) совершали свои полеты, рискуя жизнью, на плохих предпринимательских самолетах для увеселения публики». О таких писателях, как Блок и Брюсов, говорится лишь следующее: «Настроения упадочничества чувствовались в творчестве даже таких поэтов, как Блок и Валерий Брюсов». И далее: «В творчестве выдающегося композитора Скрябина (1871—1915 гг.), новатора в области музыкальной формы, также находили свое отражение элементы мистики и символизма». Таким образом, вместо изображения великих культурных достижений русского народа и его выдающихся представителей авторы учебника излагают лишь реакционные мероприятия царизма в борьбе с передовой культурой, о самой же культуре не говорится ничего. Школьники из этого описания ничего не узнают ни о Мичурине, ни о Циолковском, ни о Жуковском, ни о Блоке, ни о Брюсове, ни о Скрябине и т. д.

В этой связи необходимо привести интересное высказывание Л. Н. Толстого о русской истории. Он писал: «Читаю «Историю» Соловье-

ва. Все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правед, грубость, глупость, неумение ничего сделать. Правительство стало исправлять. И правительство это такое же безобразное до нашего времени. Читаешь эту «Историю» — и невольное приходишь к заключению, что рядом безобразий совершалась история России. Но как же так ряд безобразий произвел великое, единое государство? Уже это одно показывает, что не правительство производило историю. Но, кроме того, читая о том, как грабили, правили, воевали, разоряли, невольно приходишь к вопросу: что грабили и разоряли? А от этого вопроса к другому: кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья, камни, в которых щеголяли цари и бояре? Кто ловил черных лисиц и соболей, которыми дарили послов, кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары? Кто воспитывал и рожал этих людей единого корня? Кто блюл святыню религиозную, поэзию народную, кто сделал, что Богдан Хмельницкий передался России, а не Турции и Польше? Народ живет».

Негативное, нигилистическое освещение истории России, которое свойственно многим нашим историкам, может привести к превратному представлению о прошлом нашей Родины. Создается впечатление, что лицо нашей страны определяли одни реакционеры. При этом упускается важнейшее указание Ленина о наличии до Октябрьской социалистической революции в русской нации двух наций и в русской культуре — двух культур. Понятно, что подлинными представителями русской нации, патриотами своей Родины всегда были передовые прогрессивные деятели России, а не царизм и его верные слуги. Понятно также, что если нация и культура пуришкевичей, гучковых, струве все более и более шли к упадку, то нация и культура Чернышевского, Толстого, Горького, Менделеева, Тимирязева, Павлова, Плеханова, Ленина, Сталина все более и более крепили и развивались. Забвение этого приводит к антинаучному освещению истории нашей страны, затрудняющему воспитание чувства любви к Родине, чувства национальной гордости в советском народе. «Мы полны чувства национальной гордости, — писал Ленин, — ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (соч. XVIII, с. 81) ¹⁰. Это чувство национальной гордости еще более укрепляется от сознания того, что русская нация показала непревзойденные образцы борьбы против иноземных поработителей, благодаря которой человечество было спасено от тирании монголов, Наполеона и других завоевателей. Русская нация может гордиться тем, что именно она дала миру выдающихся представителей литературы, науки, искусства и высшее достижение русской культуры — ленинизм, приобретший всемирно-историческое значение, что она привела народы СССР к созданию самого передового общественного строя — советского строя. В период Отечественной войны Советского Союза чувство национальной гордости русского народа еще более окрепло от сознания того, что народы СССР во главе с великим русским народом сумели остановить фашистские войска, поработившие многие государства Европы, и нанести гитлеровской армии непоправимые поражения.

Некоторые советские историки, выпячивая отрицательные явления и принижая прогрессивные стороны в дореволюционной истории нашей страны, искажают ту историческую истину, что история нашей Родины с древнейших времен и до наших дней со всеми противоречиями, свойственными дореволюционной России, представляет процесс поступательно-прогрессивного развития. «Поступательное развитие, — говорит Энгельс, — при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь» (Энгельс. «Людвиг Фейербах», 1939 г., с. 37) ¹¹. Необходимо при этом помнить, что до октября 1917

г., поступательно-прогрессивное развитие нашей страны совершалось за счет ограбления трудящихся масс и происходило в непрерывной борьбе прогрессивных сил против сил реакционных. В борьбе с реакционными силами в нашей стране, вопреки гнету невиданно дикого царизма, неодолимо развивались производительные силы, развивалась культура, возрастало общественное движение народных масс против чужеземных и «отечественных» поработителей. Марксистско-ленинская наука учит, что новый общественный строй не может утвердиться и развиваться без использования всего лучшего, что создано предшествующими поколениями. Если игнорирование реакционных моментов в истории нашей страны до 1917 г. ведет к тому, что Октябрьская социалистическая революция становится немотивированной, то, с другой стороны, принижение прогрессивных явлений в истории России, затушевывание передовых сил,двигающих исторический процесс вперед, приводит к тому, что пролетарская революция становится незакономерной. В этом случае становится непонятным, как могла победить социалистическая революция впервые в истории именно в России, почему ленинизм, который является вершиной передовой теоретической мысли всего человечества, вместе с тем является высшим достижением русской культуры, почему русскому народу и другим народам СССР удалось первыми в истории построить социалистическое общество.

Волгин. Товарищи, из множества вопросов, которые были здесь поставлены, я хочу остановиться на вопросе об исторической характеристике в наших трудах деятелей и явлений дореволюционного прошлого нашего народа. Так как я не специалист по истории СССР, то те соображения, которые я буду здесь развивать, быть может, покажутся недостаточно насыщенными конкретным материалом, чрезмерно общими по своему характеру. Но мне кажется, что эти общие соображения небесполезно привести на настоящем собрании.

Товарищи, с точки зрения марксизма-ленинизма история является, употребляя выражение т. Ленина, естественно-историческим процессом. Признание этого положения имеет громадное теоретическое и практическое значение. Истинная наука есть наука объективная, то есть наука, верно отражающая объективный мир. Историческая наука есть наука, отражающая объективное развитие человеческих обществ. Лишь такая историческая наука нужна рабочему классу, нужна социализму, ибо лишь она может давать правильную ориентировку в явлениях общественной жизни. Субъективизм в исторической науке являлся, как известно, характерной чертой мелкобуржуазной социологии народничества. С субъективизмом Ленин всю свою жизнь вел самую ожесточенную борьбу. Именно постольку, поскольку историческое учение Маркса устанавливает объективные закономерности, социализм превращается из утопии в науку. Объективность подлинной науки не тождественна буржуазному объективизму, который заявляет претензии на то, что он поднялся выше определенных классов, а на самом деле выступает в роли апологета буржуазной действительности. Объективизм марксистско-ленинской исторической науки не только не противоречит партийности, но, наоборот, связан с ней в диалектическом единстве. «Материализм, — говорит Ленин, — включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹². Но так как эта общественная группа — передовой класс общества, так как объективный исторический процесс с неизбежностью ведет к торжеству этого класса, то материализм именно в силу своей партийности способен к гораздо более последовательной объективности, чем буржуазный объективизм, «глубже, полнее проводит свой объективизм»¹³.

Как известно, несмотря на совершенно ясные указания основоположников марксизма-ленинизма Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, несмотря на существование ряда классических образцов марксистской исторической литературы в развитии нашей советской исторической науки было немало болезненных искривлений. Эти искривления были отражением клас-

сово чуждых марксизму-ленинизму влияний. В наиболее яркой форме они проявились, как здесь уже неоднократно указывалось, в работах Покровского и его «школы». Мне кажется небесполезным остановиться еще раз на этом вопросе. История для Покровского не является наукой, открывающей объективные закономерности объективного исторического процесса. Это материалистическое понимание истории Покровский подменял немарксистским, насквозь субъективистским учением о том, что история — есть политика, опрокинутая в прошлое. В одном из своих выступлений он прямо заявил, что объективной исторической науки не существует. Учение об исторической науке как о политике, опрокинутой в прошлое, с неизбежностью ведет к искажению исторической перспективы, к рассмотрению событий прошлого в отрыве от обстановки той эпохи, когда эти события совершались. Возможно ли научно оценить историческое значение введения христианства на Руси, игнорируя культурные и международные отношения в X в., опрокидывая в прошлое нашу оценку роли православия в царской России XIX—XX веков? Возможно ли научно оценить историческое значение деятельности московских князей XIV—XVI вв. или Петра Первого, опрокидывая в прошлое нашу оценку самодержавия XIX—XX веков?

Вероятно, все помнят ту характеристику, которую Покровский считал возможным дать одному из величайших государственных деятелей России — Петру Первому. Я не буду о ней напоминать. Я укажу лишь на то, что прием, который употребляет Покровский в этой характеристике, можно считать типичным для него и его учеников во всех тех случаях, когда им приходится говорить о людях, так или иначе связанных с военно-политическими и государственными организациями периода господства самодержавия. Все они — слуги царизма, и поэтому для их портретов используется лишь то, что может их компрометировать, причем полностью игнорируется то, что было для соответствующих моментов их исторической заслугой. При таком подходе фигуры нашего прошлого предстают перед нами в однообразно черных тонах. Их индивидуальность сказывается лишь в различии их пороков. Само собой разумеется, что такая трактовка нашего прошлого, при которой, скажем, облик Дмитрия Милютин трудно отличить от облика Муравьева-вешателя, облик адмирала Макарова — от облика Абазы¹⁴, не может содействовать правильному пониманию нашего прошлого.

К особенно вредным последствиям опрокидывание политики в прошлое в стиле Покровского приводило при изучении истории международных отношений. Как известно, в русско-японской войне 1904—1905 гг. большевики занимали пораженческие позиции. Как интерпретирует Покровский русско-японскую войну, как он опрокидывает в данном случае в прошлое неверно им интерпретируемый политический лозунг? «Пораженчество» отнюдь не означало, что большевики считали войну захватнической только со стороны царской России. Между тем, по мнению Покровского, японский империализм не играл активной роли в возникновении русско-японской войны. Япония только защищалась от хищнических стремлений русских захватчиков. Такая установка, конечно, искажала историческую действительность и совершенно противоречила тому, что писал по этому поводу Ленин, а защита подобной концепции войны несомненно лила воду на мельницу японских империалистов.

Наиболее чудовищной в свете тех событий, которые мы сейчас переживаем, представляется пропагандируемая Покровским «теория» происхождения Первой мировой войны. Вопреки всей очевидности, вопреки всем данным, Покровский утверждает, что германскому империализму были чужды захватнические планы, что, по существу, Германия, как в предыдущем случае — Япония, только оборонялась против агрессоров. Главным из этих агрессоров опять-таки, конечно, был русский империализм, а не кто-либо иной. В истории международных отношений, как они представлены в трудах Покровского, Россия всегда и во всех случаях является агрессором, для противников России всегда изыскивается то или иное оправдание. Русские дипломаты и государственные деятели

противопоставляются деятелям других стран как люди сплошь либо бездарные до смешного, либо беспринципные. Так, опрокидывание политики в прошлое привело Покровского к своеобразному «антипатриотизму», который он считал, конечно, совершенно ошибочно, проявлением интернационализма. Подобный «антипатриотизм» ничего общего с подлинным интернационализмом не имеет.

Мне казалось полезным еще раз напомнить об ошибках «школы Покровского», ибо их влияние было очень сильно, и, как мне кажется, вряд ли оно может считаться устраненным до конца. Логическое конструирование исторической схемы, исходя из положений, выдвинутых в политической борьбе для определенного момента, — дело более легкое и более соблазнительное, чем кропотливое исследование подчас почти необозримого исторического материала. Но даже тогда, когда исходное положение в известной исторической обстановке совершенно правильно, его механическое распространение на явления, происходившие в иной обстановке, ведет к искажению исторической действительности, а теория, изображающая исторический процесс в искаженном виде, утрачивает свое драгоценное качество правильного руководства к действию, не способна ориентировать в событиях. «Учение Маркса всеильно, — говорил Ленин, — потому, что оно верно».

Великая Отечественная война повысила интерес наших историков к истории международных отношений и к военной истории. Великая Отечественная война научила их на многое смотреть по-новому, заставила многое пересмотреть и уточнить. В этом процессе пересмотра должны быть выкорчеваны все корешки покровщины, поскольку они еще кое-где остались. Для нас теперь совершенно ясно, насколько ошибочно и вредно изображение нашей страны как извечного агрессора, а окружающих ее стран и народов — как извечно страдающих от этой агрессии, насколько ошибочно и несправедливо огульное охаивание всех государственных деятелей России только на том основании, что они все в известном смысле «состояли на службе» самодержавия.

Мне кажется, что при рассмотрении вопросов международной политики широкого масштаба, мирового масштаба вряд ли сейчас возможно сколько-нибудь широкое применение антиленинских схем Покровского. Но, судя по данным, приводившимся на настоящем совещании, отнюдь не исключена возможность воскрешения их под новым флагом. Вытесненные из истории, скажем, русско-германских или русско-японских отношений, эти схемы могут иметь хождение и пользоваться известным влиянием в истории отношений между Россией и народами, ныне объединенными в Советском Союзе. В новом своем облики оно отражает нездоровые мелкобуржуазные националистические тенденции. В этом отношении характерно суждение одного казахского историка. Этот историк жаловался мне на то, что в нашей историографии установилось отрицательное отношение к монгольским нашествиям на Россию. Как же так, говорил он, ведь в этих нашествиях принимали участие люди, которых мы, казахи, считаем своими национальными героями? Этому историка, очевидно, татарское иго представляется явлением прогрессивным, а завоеватели-монголы — борцами за прогресс. Здесь мы, очевидно, имеем дело с националистическим искажением, с идеализацией действий и явлений национального прошлого, образцы которой приводил в своем выступлении т. Толстов.

Мне кажется, что наличием такого рода тенденции объясняются и те неудачные формулировки, которые здесь товарищи приводили из «Истории казахского народа». Возможно, что наши товарищи, работавшие по истории Казахстана, подверглись известному давлению со стороны историков такого типа, как охарактеризованный мною сейчас. (Ш е р б а к о в. Если не секрет, кто этот историк?) По-моему, его фамилия Маргулан¹⁵ (Г о л о с с м е с т а. Есть такой. П а н к р а т о в а. Историк, от которого они сами все давным-давно отказались.) Тем не менее он работает по истории Казахстана и может оказывать известное влияние на других историков-казахов. (П а н к р а т о в а. Он не типичен для казахских историков). Во всяком

случае, те историки, которые составляли историю таджикского народа, о которой говорил т. Толстов, они, очевидно, типичны и достаточно влиятельны. Мне кажется, что среди некоторых историков отдельных наших народов тенденция к идеализации «национальных героев», тенденция к тому, чтобы героизировать подчас людей, которые такого рода героизации недостойны, такого рода тенденция все-таки имеется. При такой идеализации все положительное оказывается сосредоточенным на стороне данного народа, все отрицательное — на стороне других народов. Не надо, однако, думать, что пагубный для исторической науки субъективизм может выступать в наши дни только в том обличье, которое сразу его показывает как явное наследие «школы Покровского».

Возможны и иные разновидности субъективизма, иные по своим исходным положениям, но не менее ложные методологически, не менее опасные практически. Тенденция изображать наше прошлое в сплошных черных тонах может быть противопоставлена тенденция изображать это прошлое в сплошных розовых тонах. Если у Покровского Россия — всегда агрессор, обижающий «невинных» соседей, то можно дать и такую схему, в которой Россия всегда добродетельно обороняется, а соседи всегда либо *sua sponte*¹⁶ на нее нападают, либо являются орудием в руках других, более мощных, противников России. Если Покровский даже Петра считает нужным показать как полусумасшедшего сифилитика, а Кутузова — как выжившего из ума старика, то возможно и такое построение, в котором игнорируются отрицательные черты в деятельности того или иного генерала, того или иного дипломата только потому, что он доблестно служил императорской власти, «исторически» выразившей будто бы в изучаемый период интересы русского народа.

Само собой разумеется, что такая тенденция, которую можно назвать покровщиной с обратным знаком, может быть проведена последовательно лишь при отказе от теории классовой борьбы, при отказе от учения о классовом характере государства. Эта тенденция нашла свое отражение и на настоящих совещаниях, в частности в выступлении т. Аджемяна, который пренебрежительно отмахнулся от теории классовой борьбы. Ему необходимо пересмотреть этот вопрос и уточнить свои позиции, если он хочет вернуться к марксизму и если он на это еще способен. Очень ярко сказалась эта тенденция также в выступлении А. И. Яковлева. Характер выступлений Аджемяна и Яковлева, мне кажется, не требует комментариев. Но известную опасность с точки зрения развития той же тенденции представляет и то, что здесь говорил Б. Д. Греков о государстве. Осталось, по-моему, неясным, как Б. Д. примиряет свое учение об отношении между народом и государством с классовой теорией государства. К сожалению, Б. Д. должным образом этого вопроса не осветил; поэтому может получиться впечатление, что он от классовой теории государства вообще решил отказаться. Думаю, что это не так, в таком случае ему следует свою позицию разъяснить.

Е. В. Тарле просил не цитировать его саратовское выступление по направленной стенограмме. Я понимаю его отношение к этому вопросу. Я считаю нужным все же говорить об этой направленной стенограмме. Раз Е. В. отмежевывается от стенограммы, будем рассматривать ее просто как материал, который выявляет определенную точку зрения. (П а н к р а т о в а. Но слушатели слушали направленную стенограмму.) Е. В. мог сказать как то, что есть в направленной стенограмме, так и то, чего в ней нет, ибо, как известно, стенографистки не всегда записывают правильно. Но для меня этот апокрифический документ, с которого Е. В. просит снять его имя, интересен потому, что в нем мы находим кристаллизацию некоторых идей, которые имеют хождение в нашей исторической среде. Е. В. Тарле, как всем известно, — крупный ученый, который всегда был чужд покровщине. Это человек, прекрасно понимающий весь вред схематизма и всю важность конкретного изучения истории; в стенограмме имеется много прекрасных слов на эту тему. Критикуя извращения «школы Покровского», Е. В. предупреждает против опасностей

перегибов в противоположную сторону, против изображения деятелей прошлого как «ангелов с крылышками». Акад. Тарле говорит: «Как бы молитвенно не было наше настроение, не следует разбивать себе лоб». Я думаю, однако, что мысли, изложенные в стенограмме, могут некоторых историков толкнуть к такому нецелесообразному использованию своего лба. Изложу ход рассуждения стенограммы схематически.

Русская история — это огромное образование, подобное Римской империи. Это образование «живет» как единое государство. Эта громадная территория — один из факторов нашей победы, наших завоеваний. Напавший на нас враг мечтал о расчленении этой территории, мечтал поднять против нас объединенные в Советском Союзе народы, напоминая об их борьбе против России и об их «былой» независимости. Можем ли мы давать повод врагу говорить, что сами русские признают, что они производили разбойничьи набеги и т. д.? Нет. Положительно оценивая результаты объединения, мы должны бережно относиться к тому, как выковывались это оружие, этот инструмент, который спасает не нас, а «спасает земной шар, не более, не менее».

Общий вывод акад. Тарле как будто безобиден: надо беспристрастно подходить к истории русских завоеваний. Однако в его аргументации есть большие опасности. Значение для нашей Отечественной войны того факта, что наш Советский Союз охватывает громадную территорию, с громадными естественными ресурсами, никто не будет отрицать. Но, говоря об этой предпосылке наших побед, нельзя создавать впечатление, что территории — это есть то, что нас спасает. Нельзя умалчивать об основном — о нашем социальном и политическом строе.

Тарле. Я не говорил так.

Щербаков. Стенографистка, писавшая эту стенограмму, была грамотная, с историческим образованием.

Тарле. Это являлось одним из факторов.

Волгин. «Спасает» — там было сказано. Конечно, иногда у лектора просто срывается неудачная формулировка. Но приходится учитывать не только то, что он «хотел» сказать, но и то, как его речь воспринимается, что отлагается в сознании слушателей в результате такого хода изложения.

Панкратова. Так и получилось, нам шлют письма.

Волгин. Я уверен, что письма и должны получаться. Дальше я упомяну о двух ляпсусах, которые, я уверен, Е. В. выправил бы, если бы ему на них указали.

Тарле. Мне ее и не показали.

Волгин. Эти два ляпсуса, тем не менее, есть в стенограмме. Там говорится не о присоединении Казахстана к Российской империи, а о включении Казахстана в общую советскую территорию. А с другой стороны, утверждается, что русская империя — это образование, которое «живет». Слушателей и читателей эти формулировки, в связи со всем остальным изложением, неизбежно должны вести к неправильному выводу: положительно расценивая результаты завоевания, как они сказываются сейчас (в Советском Союзе), мы должны положительно оценивать и всю ту политику царизма, которая к этим завоеваниям вела. (Тарле. Так я не говорил.) Вы это не говорили, но это умозаключение вытекает из хода мыслей стенограммы. Между тем оно ложно. Оно ложно логически, ибо для историков очевидно, и Е. В. знает это так же, как и я, что результаты действий сплошь и рядом не соответствуют тем целям, которые ставят действующие лица.

Щербаков. Очень много реверансов, ближе к стенограмме.

Панкратова. Получается третий текст.

Тарле. Это совершенно выдуманное.

Волгин. Это вытекает из того, что там на самом деле написано.

Панкратова. Это совершенно не то, что написано, абсолютно не то.

Тарле. То, что было прочитано, — это вздор, этого я не говорил.

Волгин. Но вывод, к которому ведет изложение стенограммы, сугубо ложен, поскольку между политикой царизма и результатами, как они сказались сейчас, лежит величайший в истории революционный переворот,

поскольку национальная политика Советского Союза ни в какой мере не является продолжением национальной политики царской России. Скобелевы и черняевы ковали оружие для своих целей, нам чуждых; мы вырвали это оружие из рук их наследников, и в наших руках оно получило совсем иное значение. Контекст стенограммы может толкнуть к реабилитации царского правительства, к реабилитации научно недопустимой и политически вредной.

Задача марксистско-ленинской науки на данном этапе ее развития состоит в том, чтобы, ликвидировав пережитки покровщины, в то же время искоренить зародыши ложной идеализации прошлого. Мы не «Иваны, не помнящие родства» в отношении прошлого русского народа. Мы должны помнить людей, которые по-своему, в соответствии с условиями своего времени, служили русскому народу, содействовали созданию условий, обеспечивавших его существование и прогресс. Таких людей в нашем прошлом немало, и нам незачем компрометировать их соседством с заведомыми врагами прогресса, с мракобесами типа Каткова, этого «верного сторожевого пса самодержавия». Для научной характеристики того или иного исторического явления, того или иного исторического деятеля необходимо конкретное изучение, конкретное исследование того соотношения классовых сил, которое нашло в данном явлении или в деятельности данного лица свое выражение. Без такого классового анализа конкретных фактов мы не сможем правильно понять исторический смысл явления. Схемы, универсальные отмычки того или иного порядка способны привести к безнадежной путанице. Мы вели борьбу на протяжении ряда лет с путаницей, созданной «школой Покровского», не для того, чтобы тотчас же, не ликвидировав еще полностью ее пагубных последствий, создавать новую путаницу с противоположным знаком.

Несколько слов я хочу сказать по поводу тех организационных вопросов, о которых здесь упоминали. Упрекали историков, в частности Институт истории, в том, что историки мало обсуждают основные исторические проблемы, основные исторические труды в стенах Института истории, в Академии наук вообще, в стенах других исторических учреждений. Это относительно правильно, но я хотел бы обратить внимание не на количественную сторону, а на качественную сторону этого вопроса. Мне кажется, что мы зачастую с формальной точки зрения уделяем как будто достаточно внимания обсуждению того или иного исторического труда, но качественно это обсуждение проходит на таком уровне, что в результате не получается точной и полной апробации данным коллективом данного исторического труда. Приведу пример. Здесь очень многие выступали с критикой книги А. И. Яковлева. Ведь книгу по сути дела (судя и по выступлениям) единодушно порицали как с научной, так и с политической точки зрения. Однако ведь эта книга все-таки составлялась в недрах Института истории. Эта книга пришла в редакционно-издательский совет Академии наук с маркой Института истории и с рекомендацией Института истории. Очевидно, какие-то историки давали также рекомендацию этой книге при представлении к Сталинской премии.

Я не знаю, как в данном конкретном случае обстояло дело, но мы зачастую страдаем от того, что в нужный момент люди не решаются высказать достаточно решительно и прямо свое мнение. Здесь меня упрекнули в «реверансах» по адресу Е. В. Тарле. Мне кажется, при всех «реверансах» я указал с полной четкостью, что мне представляется опасным и вредным в материале, носящем имя Е. В. У нас зачастую дело обстоит хуже. Ко мне пришли однажды с заявлением о том, что А. И. Яковлев развивает неправильные точки зрения в своей книге по истории холопства. Я предложил поставить доклад А. И. Яковлева, подвергнуть его критике, и тогда дело будет совершенно ясно. Доклад был поставлен на тему, близкую к теме работы. Но обсуждение этого доклада, как мне передавали, превратилось в хор хвалебных речей. Вот от этой нерешимости высказать прямо мнение отрицательного порядка, мне кажется, мы страдаем в большей степени, чем от того, что мы будто бы мало обсуждаем в смысле

количества заседаний. Заседаний в институте и в отделении много, пожалуй, слишком много, а толк из них не всегда получается.

Исторический институт Академии наук, о котором тут уже говорили, как мне представляется, должен стать центром, организующим историческую науку в Советском Союзе. К сожалению, пока он таким центром не является. Нам еще нужно очень и очень много работать для того, чтобы действительно объединить вокруг Института истории наших историков и для того, чтобы Институт истории решительно занял то место, которое теоретически должно ему принадлежать, — место руководителя исторического фронта. Но для того, чтобы Институт истории мог разрешать эти задачи, необходимо значительно укрепить его собственное руководство, ибо историческая работа ведется сейчас во всех наших республиках, кадры историков очень выросли. Координация этой большой и разнородной работы — дело ответственное и сложное.

Щербakov. Слово имеет т. Волин.

Волин. Тов. Волгин действительно сделал ряд реверансов, критикуя некоторые выступления. И сделал он не только реверансы по отношению к акад. Тарле, но даже по отношению к присутствующему здесь Аджемяну. Я хочу по этому поводу кое-что сообщить, но без реверансов. Я был первый, ошарашенный трудом Аджемяна как редактор «Исторического журнала». (Аджемян. Не первый (смех).) Не первый? Значит, кто-то был счастливее, чем я. Значит, Вы еще куда-то толкались. По отношению же «Исторического журнала» Вы проявили поистине исключительную настойчивость. Когда же я Вам, наконец, по телефону процитировал некоторые Ваши места, в которых говорилось относительно гегелевских положений, где Вы совершенно зря, клеветнически ссылались на поддержку этих положений Энгельсом, когда я Вам указывал на Ваши невероятные в устах советского человека заявления относительно движения Пугачева и того «блага», которое совершила Екатерина, когда она задушила пугачевское движение, Вы заявили следующее: «Вас ничему, т. Волин, война не научила». (Аджемян. Да, да — Вас ничему война не научила.) Вот об этом я и хочу сказать — кого чему война научила. Очевидно, по Аджемяну, выходит так, что война неким особым мыслям «научила» его и возможно тех, чьим отголоском и подголоском он является. Возможно, что он не один является автором этой своей концепции. Она, может быть, — результат еще каких-то других мнений, которые где-то гуляют вокруг него. Очевидно, аджемяны решили, что трудности войны первого периода должны были научить нас, большевиков, пересмотру основных принципиальных позиций, которые даны нам Лениным и Сталиным, Центральным Комитетом нашей партии, всем нашим советским бытием, бытием большевистским. Очевидно, аджемяны поняли так, что трудностями, которые пережила наша страна в начальный период нашей Великой Отечественной войны, можно воспользоваться для того, чтобы реваншироваться, да, политически реваншироваться.

Вот я, большевистский человек, прожил в партии 40 лет. Нас партия никогда так не учила, чтобы верить только внешним явлениям, партия учит видеть глубоко, видеть в высказываниях политическую подоплеку. Я считаю, что та концепция, с которой выступил Аджемян и еще кое-кто здесь, — это есть реваншистская концепция. Здесь несколько раз по иному поводу цитировали нашего великого Пушкина, что тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. Война действительно, как тяжкий млат, подлинно ковала наш советский булат. А вот стекло тех рассуждений, которыми полны выступления Аджемяна и некоторых других, война дробит безжалостно. Дробит потому, что это антипатриотические, антисоветские, антинародные выступления и концепции. Очевидно, некоторые люди, живущие в нашей среде, прикрываются известной фразеологией, и известное время им удается выдавать стекло своих концепций за подлинную науку — за булат. Но это раскрыто, понято и разоблачено. Это не прошло. Так же, как не прошли Ваши статьи, Аджемян. Подобные статьи несмотря на все Ваши настойчивые требования и угрозы, Ваши и подобных Вам, — они не пройдут.

(А д ж е м я н. Я не раз печатался у вас.) Я Вам сказал по телефону, знаете ли Вы, в какой компании Вы находитесь? Вот в «Климе Самгине» в связи с замечанием упадочной декадентки Нехаевой, что народ - враг человека! Об этом говорят Вам биографии почти всех великих людей. Горький отмечает следующее насчет Самгина: «Клим находил, что... какая-то чудовищная пасть поглощает одного за другим лучших людей земли, извергая из желудка своего врагов культуры, таких, как Болотнитков, Разин, Пугачев»... Вы повторяете, Адемян, Клима Самгина, Вы идете рука об руку с самгинщиной. А что такое самгинщина, Вы знаете. Вы находитесь в компании людей, которые вот что когда-то писали о пугачевском движении. Вот у Рамбо ¹⁷ в «Живописной истории древней России» сказано: «Пугачевский бунт показал, какие элементы беспорядка еще бродили в отдаленных провинциях империи... Как мало эти необузданные элементы согласовались с новейшим государством». Да, ведь Аджемян списал оттуда! (А д ж е м я н *(кричит.)* Невежда!) Вы ведете себя, как маленький геростратик: Вы не больше того, как тот чеховский герой, который, совершив непотребство, за что попал на страницы местной губернской газеты, возомнил о себе как о герое, который прославился на всю губернию.

Вот в Петербурге в 1811 г. вышла «Российская история от Рюрика до дней ныне благополучно царствующего государя императора Александра I Павловича, служащая для украшения сердца и памяти юношества» Семена Ушакова. История в вопросах и ответах. Вот, например, вопрос: «Какое несчастье обрушилось на Россию в 1771 году? Ответ: «Моровая язва». Вопрос: «Каким еще несчастьем была опечалена Россия в царствование Екатерины I Алексеевны? Ответ: «Бунтом Пугачева, одного из донских казаков». Вот, Вы, Аджемян, в какой компании находитесь! Но Вы не в литературной компании находитесь. Ваши высказывания явно политически враждебны, и это необходимо без всяких реверансов Вам и другим, подобным Вам, сказать здесь. И по тому, как Вы себя здесь ведете, я не уверен, что Вас может исправить призыв акад. Волгина. В полной мере это относится также и к некоторым другим выступлениям на этом совещании. Здесь упоминалось уже известное положение и указание В. И. Ленина относительно двух культур. Владимир Ильич говорил о культуре Струве и Пуришкевича, говорил и о культуре Чернышевского и Плеханова. (А д ж е м я н. Я и отношусь к культуре Плеханова.) Нет, Вы относитесь к культуре Пуришкевича. Именно Пуришкевич так говорил и писал, как Вы. Теперь о т. Бушуеве. Как может поворачиваться, товарищи, язык у партийного советского человека, у большевистского пропагандиста-историка говорить о Каткове, Победоносцеве или об Аракчееве что-нибудь доброе! Ведь это же смердящие трупы! Они относятся к той категории русской культуры, о которой говорил Владимир Ильич, — к категории Струве и Пуришкевича.

Вот Ленин в одной из своих статей упоминает о Каткове ¹⁸, приводя его же слова, что он «верный пес самодержавия». Владимир Ильич с негодованием говорил о всяких катковых, которых покупало и подкупало царское правительство. Владимир Ильич подчеркивает несколько раз, что Катков вел отвратительную политику царского самодержавия, национализма, шовинизма, беспардонного, бешеного черносотенства. В своей статье «Карьера» по поводу смерти Суворина Владимир Ильич никого иного не вспоминает, никого другого, чтобы как следует заклеить Суворина ¹⁹, как только Каткова. Он вспоминает веховцев, Струве, Каткова, чтобы именно с ними сравнить растленного Суворина ²⁰. Вот отношение Ленина ко всей совокупности того, что собой представлял Катков. Так как же можно говорить о Каткове, как же можно брать его себе на службу, в наш арсенал? Как можно так говорить о Каткове, о котором даже такой растленный человек, как Леонтьев ²¹, говорил, что это «публичный мужчина».

Товарищи, все это говорит, конечно, об очень серьезных явлениях в области истории. Иначе, мы, советские люди, не можем рассуждать, потому что история, как говорил Маркс, является одной из самых политических наук. Вопросы, которые мы здесь обсуждаем, — это самые политические вопросы истории. Должен вам сказать, что есть попытки

протаскивать через печать, реставрировать, или, вернее сказать, гальванизировать, статьи, которые в свое время были самыми ревизионистскими, антимарксистскими статьями, которые специально задались целью ревидовать Маркса. Была в 1901 г. статья молодого историка Савина по поводу 24 гл. «Капитала» Маркса о первоначальном накоплении²². И вот находятся люди, которые считают, что война их научила тому, что можно воскресить в полной мере все те гнусные уловки, которые пытались уличить Маркса в незнании материала, в смешении авторов и т. д. Они считают, что настало время воскрешать на страницах журнала все эти вражеские, давным-давно разоблаченные попытки.

Уже говорилось сегодня о стенограмме акад. Тарле, о ней говорилось и в прошлый раз. Поэтому я не буду останавливаться на ее отдельных положениях. С точки зрения сегодняшнего дня там заявляется о том, что завоевательная политика царского правительства, видите ли, оправдана сегодняшними событиями. Все, де, исторически оправдано. Это напоминает очень многое из прошлого нашей истории, из истории борьбы нашей партии и, прежде всего, В. И. Ленина. В самом деле, историки вроде Тарле считают, что раз известное явление совершилось и оно играет известную роль сегодня, значит оно оправдано. Имеется в виду завоевательная политика царизма. Разве это не напоминает то, против чего боролся Владимир Ильич, разве это не напоминает легальный марксизм, струвизм? Мы, марксисты, говорили, что капитализм — более прогрессивная формация, чем феодализм. Какой вывод делали струвисты? Струвисты рассуждали так: раз капитализм есть явление более прогрессивное по сравнению с феодализмом, следовательно, пойдем на выучку к капитализму, следовательно, — к черту классовую борьбу!

А как рассуждали революционные марксисты, как рассуждал Ленин, чему учил нас Ленин? Капитализм есть более прогрессивное явление сравнительно с докапиталистической формацией, но наше дело не апологетировать капитализм, а разоблачать капитализм, наша святая задача — бороться с ним, а не защищать его. Этот «струвизм» в данный исторический момент приобретает особый политический смысл и значение. Некоторые товарищи, видимо, совершенно справедливо полагают (и я с ними согласен), что многие подобные обнаруженные здесь настроения и суждения имеются и за пределами этого совещания. Все это говорит о том, что мы имеем дело с известным рецидивом или с возрождением в процессе войны того, что раньше было затушено, о чем эти люди не решались говорить. Это — реваншизм!

Люди решили так, что война большевиков кое-чему научила, что поэтому сейчас возможен пересмотр. Вот проф. Ефимов говорит о том, что следует притушить классовые позиции. (Ефимов. Кто говорит?) Как будто бы Вы. (Ефимов. Я этого не говорил, это Ваше изобретение.) А мы все это слышали. Мы разобрались в Вашей словесности. Конечно, это есть попытка повернуть внимание нашей исторической общественности, а через нее — и широких кругов нашего народа — от марксистско-ленинских позиций, которые так блестяще-победоносно себя оправдали в этой войне. Они себя оправдали именно потому, что мы стоим под победным знаменем Маркса — Ленина — Сталина, о чем говорит неоднократно в своих выступлениях т. Сталин. Именно потому мы и победили, именно потому наше дело оказалось правым, что проводили линию Маркса — Ленина — Сталина, то есть линию передовой настоящей общественно-политической науки. Об этом я еще буду говорить в заключении. Поэтому-то вещи нужно называть без реверансов своими именами. Это вещи значительно более серьезные, чем некоторые пытались их здесь представить. Это — политика.

Но я хочу и на другой стороне вопроса остановиться. Есть вместе с тем и другая сторона вопроса. Вот мне пришлось быть рецензентом готовящейся работы по истории Узбекистана. На что я обратил внимание и высказывал не раз на ряде совещаний в Институте истории Академии наук и с чем товарищи полностью согласились? (Кстати, я хочу сказать что на наших совещаниях здесь больше всего поднимались вопросы досоветского пери-

ода. Насколько я помню, на вопросах советского периода здесь не останавливались. Совершенно правильно был поставлен вопрос т. Генкиной о том, что изучение истории советского периода по-существу заканчивается 1921 годом). Когда читаешь разные главы, написанные разными авторами, русскими и нерусскими, по истории Узбекистана, получается такое впечатление, что хотя идет речь, конечно, о советской социалистической республике, но она, эта республика, стоит где-то в стороне, она органически не связана всеми нитями со всем тем, что собой представляет Советский Союз. Она не представляет органическую часть единого организма. Когда речь идет о хозяйственном строительстве в Узбекистане, не видно, как оно, это строительство, связано со строительством во всем Союзе, какое это значение имеет для всего Советского Союза. Это какая-то авторкия! Когда речь идет о культуре, эта связь показана еще меньше. Если по вопросам строительства приводятся известные постановления центральных советских органов, то по вопросам культуры совсем ничего не говорится о взаимоотношении со всей культурой Советского Союза, не показано громадное влияние на культуру Узбекистана русской культуры.

Обыкновенно ограничиваются такого сорта заявлениями, что литература обогатилась переводами классиков русской и мировой литературы (и все это свалено в одну кучу, не дифференцировано), говорят о том, что народ оказался в состоянии читать Пушкина, Лермонтова, Толстого, Шекспира, Байрона, Бальзака — все это в одну строчку, как будто узбекский народ не учится, не воспитывается именно, прежде всего, на русской литературе. Это же касается и вопроса театра. Рассказывается о достижениях театра. Конечно, это достижение, если узбекский или казахский театр поставил «Гамлета», «Отелло», но ничего не рассказывается о постановках пьес русских классиков. Так, националистические перехлесты такого порядка выступают с такими заявлениями: «Особенностью науки 1933—1942 гг. в Узбекистане является достижение ею уровня, на котором ее результаты далеко превосходят нужды и потребности только краевые, приобретая принципиальное значение для мировой науки». Или относительно музыкальной культуры рассказывается так: «Первая узбекская опера «Бурани» написана в 1939 г. Ее написали композиторы М. А. Ашрафи и С. Н. Василенко. Эта опера, как и другие оперы последних лет — «Лейли и Меджнун» Т. Садыкова и Р. М. Глиэра, «Великий канал» Ашрафи и Василенко, свидетельствуют о том, что узбекское музыкальное искусство достигло своего нынешнего уровня в предельно сжатые сроки. Надо учесть, что путь возникновения оперы в Европе растянулся на гораздо более продолжительное время... понадобилось не менее ста лет, а в иных случаях — и больше, чтобы в европейских странах создались свои национальные оперы. Узбекистану же суждено было перешагнуть в 15—20 лет расстояние, на которое Европа потратила целый век!»

Это, несомненно, — некритическое отношение к путям развития культуры. Это механическое перенесение того, что Узбекистан благодаря Октябрьской революции и советской власти перешел от докапиталистической формации к формации социалистической. Прямое и непосредственное перенесение этого механически на вопросы культуры является неправильным. Надо показать роль русского народа, русской культуры в этой области, показать исторически, научно, как все это прошло, что все это означало.

Товарищи, конечно, по-настоящему, всесторонне, правильно освещать исторические вопросы — дело очень трудное, но делать так, как зачастую делалось раньше, то есть подходить односторонне, нельзя. Ленин говорил в своей статье «Марксизм и ревизионизм», что есть «хитрая» (и революционная) диалектика и есть «простая» (и спокойная) эволюция²³. Ленин и Сталин учат нас сложной и «хитрой», то есть революционной, диалектике. Этому надо научиться. Это трудно, но необходимо. А историкам овладеть ленинско-сталинской диалектикой особенно необходимо. Еще 50 лет тому назад Ленин в «Друзьях народа» писал о марксизме: «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность

(являясь последним словом общественной науки) с революционностью... соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»²⁴. Историкам помнить об этом надо особенно. Надо сказать, что у большинства людей, у которых появились шатания (я не говорю о враждебных выступлениях), эти шатания являются результатом того, что люди не полностью, не серьезно овладели теорией марксизма-ленинизма, марксистско-ленинским, сталинским диалектическим методом.

Щербakov. Скажите о журнале.

Волин. О нашем журнале. Прежде всего мы делали все для того, чтобы в наш журнал не проникли какие-нибудь враждебные или антимарксистские влияния. Мы давали статьи по вопросам нашего исторического прошлого, истории русской культуры, советского периода и Отечественной войны. Мы стремились к тому, чтобы журнал в области истории отражал линию советской науки, нашей партийной науки.

Щербakov. По одному номеру создается впечатление, что, может быть, вражеских статей не пропускали, но историческую науку вы пускаете на страницы своего журнала?

Волин. Обязательно.

Щербakov. Вот сейчас вышел № 5 и 6. Разрешите прочитать содержание этого номера. (Читает).

Вот здесь жаловались, что журналов нет, что еще нужны журналы, а вот единственный исторический журнал никакого отношения к исторической науке не имеет, очень мало, с натяжкой, имеет отношение к исторической науке. Все эти документы, которые сегодня напечатаны в газетах, извиняюсь, здесь не нужно особого ума, это писарь может сделать. Вот вам исторический журнал, который вышел из печати сегодня, и вот историческая наука обогатилась, получила что от этого журнала? Ничего, ни на ломаный грош. Вот Вы говорите, что выпускали журнал, выпускали-то выпускали, а что от этого получила историческая наука? Члены редакции этого журнала здесь присутствуют, так скажите, товарищи редакторы, такой исторический журнал нужен или нет? Редакция принимала участие в составлении этого номера журнала или нет?

Панкратова. Много раз говорили об этом.

Щербakov. Мы шестой раз собираемся, сколько вопросов, сколько проблем исторических, касающихся действительно исторической науки, разве здесь хоть полслова есть о том, что обсуждается на наших совещаниях? Ни полслова нет.

(Окончание следует)

Примечания

1. На заседании 8 июля присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Иовчук, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Лебедев, Минц, Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов, Ратнер, Рубинштен, Сидоров, Суворов, Сыромятников, Тарле, Толстов, Удальцов, Федосеев, Хвостов, Щербakov, Яковлев А. И., Яковлев Н. Н. (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 207—209).
2. Погодин М. П. (1800—1875) — историк, писатель, академик Петербургской АН, автор трудов по истории Руси, летописанию.
3. Котошихин Г. К. (ок. 1630—1667) — подъячий Посольского приказа, в 1664 г. бежал в Литву, затем — в Швецию. По заказу шведского правительства составил сочинение о России.
4. Хворостинин И. А. (ум. 1625) — князь, политический деятель и писатель, один из фаворитов Лжедмитрия I, последние годы жизни — монах Троице-Сергиева монастыря. Автор сочинения о событиях XVII в. в России «Словеса дней и царей и святителей московских еже есть в России».
5. Крижанич Ю. (ок. 1618—1683) — хорват, писатель, сторонник идеи «славянского единства», главную роль в котором отводил Российскому государству.

6. Мабли Г.-Б. (1709– 1785) французский коммунист-утопист; Рейналь Г.-Т. (1713– 1796) – французский историк и социолог, энциклопедист, критиковал абсолютистский порядок и католическую церковь.
7. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 36, с. 147.
8. Магницкий Л. Ф. (1669—1739) – преподаватель математики в Школе математики и навигационных наук в Москве, автор первого русского печатного руководства «Арифметика» (1703 г.).
9. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 2, с. 178.
10. ТАМ ЖЕ. Т. 26, с. 107 –108.
11. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. 21, с. 302.
12. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 1, с. 419
13. Там же, с. 418.
14. Милютин Д. А. (1816 –1912) – генерал-фельдмаршал, профессор Военной академии и действительный член Петербургской АН, в 1861– 1881 гг. – военный министр; Муравьев М. Н. (1796 –1866) – граф, в 1863– 1865 гг. – губернатор Северо-Западного края, за жестокость при подавлении польского восстания 1863 г. прозван «вешатель»; Макаров С. О. (1849– 1904) – вице-адмирал, океанограф, во время русско-японской войны командовал тихоокеанской эскадрой, погиб на броненосце «Петропавловск»; Абаза А. А. (1821– 1895) – русский политический деятель, в 1880– 1881 гг. – министр финансов, примыкал к группе «либеральных бюрократов».
15. Маргулан А. Х. (1904–1985) – историк, филолог и археолог, с 1938 г. – научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, труды по истории древнего Казахстана.
16. По собственному почину, по доброй воле (лат.).
17. Рамбо А. (1842–1905) – французский историк, иностранный член Петербургской АН, труды по истории России.
18. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 5, с. 333.
19. Суворин А. С. (1834 –1912) – журналист и издатель, в 1876– 1912 гг. – владелец газеты «Новое Время».
20. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 22, с. 43– 44.
21. Леонтьев К. Н. (1831 –1891) – писатель, публицист, поздний славянофил.
22. Савин А. Н. (1873 –1923) – историк, профессор Московского университета, проявлял интерес к концепции аграрной революции, изложенной К. Марксом в 24 гл. I т. «Капитала», но отрицал насильственный характер экспроприации английского крестьянства в эпоху Тюдоров, автор труда «Английская деревня в эпоху Тюдоров» (М. 1903).
23. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 17, с. 19.
24. Там же. Т. 1, с. 341.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1920

27.VI.

Малоплодотворная неделя. Ни разу не прикоснулся к летописи!.. Три вечера провел вне дома — на лекции Гредескула, в гостях у Лебедева, на опере «Фауст». Остальные три вечера ушли на подготовку к лекции (последней, до сих пор еще не готовой). Нет, надо изменить распределение своего времени. С меня достаточно того общения, которое я имею на службе, а вечерние часы надо, наконец, посвятить научным занятиям, ничем не отвлекаясь от своей основной задачи — от подготовки к магистерским экзаменам. Время уходит, годы бегут, а моя давняя цель остается такой же далекой...

Лекция Гредескула — «злоба дня» — симптом намечающегося перелома среди интеллигенции. Гредескул, бывший видный кадет, публично исповедуется в пережитом переломе и зовет интеллигенцию в ряды трудящихся над созданием нового мира. Я ожидал большего от его лекции — более глубокого подхода к вопросу. Его аргументация была упрощена, взгляды антисоветской интеллигенции искажены, были упущены самые существенные моменты (национальный, аграрный, тактический).

Тем не менее лекция была интересной, так как поднимала жгучий вопрос, встречавший необычайно активное отношение аудитории. Аудитория жила, горела, причем, несомненно, преобладали сторонники коммунизма. Самым ярким впечатлением вечера были прения, а в прениях — яркие и резкие выступления коммунистов. Да, это — новая демократия, сильная духом, проникнутая волей к жизни, волей к победе и до сих пор — победоносная. Она — сила, не сдающаяся и уверенная в себе...

Несмотря на сильную боль в ноге, я пошел вчера на Шаляпина. Но, увы! Героя вечера не было, и мне снова не суждено было услышать его в Мефистофеле. Голоса были неважные, исполнение мертвое, постановка полна обычных условностей, музыка казалась старой и надоевшей. Даже воспоминания о первом посещении «Фауста», об очаровании поэтических впечатлений юности не могли убить моей скуки. (Снова у меня пониженное настроение, быть может, от усталости?)

28.VI.

Вчера весь день — за подготовкой к последней лекции на Учительских курсах (составление конспекта). Работаю и плохо и вяло. Настроение — пониженное. Поздно вечером были С. А. и Л. В. Голубцовы. Спорили о политике Советской власти, об отношении к современности, о восприятии жизни. В противоположность задумчивому и мягкому Сергею Александровичу Л. В. резка и одностороння.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; 1996, №№ 1—4.

Проспорили почти до двух часов ночи. Заснул я после пяти, окончив подготовку, и долго думал о возбудившей меня беседе.

29.VI.

Вчера несмотря на сильнейшую боль в желудке засел за Летопись и проработал 3 часа. Сегодня была моя последняя лекция на Учительских курсах — теперь я свободен и могу целиком отдаться научной работе. Розенталь сделал мне выгодное предложение — читать за паек на Военно-хоз[яйственных] курсах, но я решил отклонить его предложение: буду беречь время для подготовки, да и не хочется читать лекции, чувствуя над собой партийную ферулу.

2.VII.

В общем несмотря на отвлекающие занятия (вчера с 10 до 11 пробыл в Комиссариате!) снова втягиваюсь в занятия. Мешают внешние условия: приезд Масальских, общее собрание военкомцев, заседание редакционной коллегии. Экономлю время, сосредоточиваю силы на летописи и Ключевском. «Боярская Дума» увлекает и заинтересовывает, как раньше.

Из всех впечатлений последних дней самое интересное — вчерашнее заседание ред[акционной]коллегии возникающего красноармейского журнала; интересны молодые поэты — коммунисты, представители рабочей интеллигенции, в которых брызжет жизнь, талант, стремление вперед. Интересно, что все они захвачены современными художественными влияниями, один из них даже приближается к имажинизму. Они чувствуют себя носителями новой пролетарской культуры, но, право, не ясно, чем отличается эта пролетарская культура от всякой иной культуры? В сущности то же индивидуальное творчество, та же зависимость от последнего слова поэтической техники (в лучших произведениях), то же разнообразие мотивов — тоска и бодрость, правда, с преобладанием гражданской боевой ноты.

11.VII.

Снова — перерыв в моих занятиях, еще более длинный, чем прежде... Что было за эти дни?.. По-прежнему напряженно-нервная организационная работа по Лекторскому столу; за последнее время политический элемент в этой работе заметно усилился, агитации мы уделяем больше энергии и времени, чем научному просвещению. На очереди — 2 конгресс 3-го Интернационала, на который коммунисты возлагают такие широкие надежды; готовятся и к торжественному параду 18-го июля, к грандиозной выставке трофеев гражданской войны и результатов социалистического строительства. Получаются предписания, приказы об усилении агитации; созываются лекции, митинги, собрания. В Политпросвете, после слияния с Губвоенкомом, заметно усиливается коммунистическое течение, инструктора Информационного отдела ведут скрытую атаку против «спецов» школы на Лекторской секции, даже гуманные и образованные коммунисты — Филимонов, Преображенская, Л. А. — стали одностороннее, нетерпимее, жестче: побеждает дух Лебедева и т[оварища] Марии. После служебных часов сплошь да рядом приходится оставаться то на экзамен школы политруков, то на доклад о III Интернационале.

По-прежнему я живу среди двух противоположных и враждебных течений, с одной стороны, — культурная, но реакционная среда Университета, подавленная, но скрыто протестующая, нетерпимая в своем отрицании современности и близорукая в своей оценке переживаемого момента; с другой стороны, — полная жизни и силы, властная и поработщающая, разорвавшая со старой культурой и стремящаяся творить новую жизнь среда коммунистов, беспощадно-нетерпимая ко всякому иному течению. Я связан с обеими, в обеих ценю их творческие начала, но одинаково далек от их односторонности, узости и нетерпимости. Я чувствовал красоту Бетховенского вечера, который устроил «Профсоюз» для оживления московской ученой интеллигенции; но я не ощущал того, что ощущали организаторы и слушатели («антибольшевистское» слово Прокофьева, холодный аристократизм Полины Доберт!), и думал: все-таки они — гробокопатели! С огромным интересом я пошел на заседание пленума Московского Совета (доклад приехавшей делегации Красина), с глубоким вниманием всматривался в серые демократические лица переполненного зала, старался не пропустить ни одного слова докладчика. Да, размах широкий, ставка — грандиозная, мировая, но... сколько в основе этой тактики интеллигентского утопизма и недооценки накопленной культуры! Революционные боевые слова, хитроумная дипломатия, рассчитанная на близкую социальную революцию, но... по существу чем является это политическое перемирие

с Англией, это принятие условий капиталистической страны, как не сдачей экономических позиций?.. Быть может, поэтому так настойчиво и широко агитируют о значении предстоящего конгресса. Он призван организовать общеевропейскую социальную революцию... На нее все надежды, она должна разбить все договоры, осуществить все давние чаяния... Об этом докладывал вчера — содержательно, глубоко и живо — Лебедев-Полянский. Собрание было интересно — по составу, по настроению, по вопросам аудитории. Это была — «своя», коммунистическая семья, в которой можно было говорить откровенно и до конца. Точка зрения докладчика была выдержана и цельна; это был доклад коммуниста-революционера, который идеен и идет напролом, который не способен на компромиссы и не верит в их реальность. Здесь выявлялся разрушительный лик российского коммуниста — лик сокрушающей борьбы, насилия и террора, охватывающий в своем движении весь земной шар.

В этих настроениях последних дней слышится отчаяние последней борьбы, сознание своих побед над Польшей и ощущение новой опасности — со стороны усиливающегося Врангеля. Врангель несет с собой царизм и землю (так говорят газеты). Как отнесется к нему мелкобуржуазная стихия южного крестьянства? Вот — вопрос, который решит судьбу этой новой реакционной попытки.

Лето в полном разгаре. По утрам свежий бодрящий воздух, напоенный ароматом земли и цветов (даже в городе!). В полдень ясно и знойно. Все — налегке, женщины в белых костюмах, с открытой шеей и обнаженными руками. На улицах — цветы и ягоды. Зима с ее морозами и страданиями забыта окончательно. Хочется в деревню, на вольные поля!

13.VII.

Еще и еще — победы на Польском фронте: Бобруйск, Минск, Молодечно, отступление польской армии по всему фронту. Война оборонительная переходит в войну наступательную, позиция коммунистической партии становится все агрессивнее, веет духом мировой революции. Будущее сулит новые кризисы, социальный переворот готовится выйти за местные пределы Советской России. Не успокоение, а новые катаклизмы несет с собой эта сокрушающая победа. События принимают грандиозный характер. Мощная энергия поднявшихся масс потрясает землю. От мирных лозунгов недавних дней не осталось следа: слышатся боевые кличи, готовятся к новым великим битвам. И снова становится ясно, насколько стихийен этот процесс, насколько внутренняя логика движения опережает и направляет волю людей — даже тех, которые идут впереди. Бурная волна поднимается и вместе с собой поднимает руководящую партию, ее идеология все время изменяется соответственно ходу событий; непрерывно идет осознание и формулировка начал, которые выдвигаются стихией жизни.

Меня назначили начальником агитационного отделения и вручили мне новые штаты из 30 сотрудников. Это повышение есть выражение доверия к моей работе, оно возлагает на меня новые ответственные обязанности и лишает меня большого преимущества скромной роли «инструктора-организатора», подчиненного Преображенской. Для нее самой этот шаг был неожиданностью. Завтра он будет предметом обсуждения на межсекционном совещании.

Н. М. Черемухина вступила в число лекторов Военкомата. В. И. Сытова ищет через меня работы. Всех гонит надежда на паек.

Вчера было общее собрание оставленных [при Университете]. Я председательствовал. Обсуждали вопросы о пайке (все та же злоба дня), о создании научной ассоциации, охватывающей все факультеты, о всероссийском объединении оставленных, о предстоящей конференции по вопросам высшей школы. Возвращались с С. А. и горячо беседовали с ним о современности.

19.VII.

Международное положение снова становится необычайно сложным: конференция в Спа разрешилась ультимативной нотой Керзона, которая обуславливает возобновление торговых сношений заключением политического перемирия с Польшей и с Врангелем; в противном случае Англия угрожает активной помощью Польше. Ответ Чичерина очень миролюбив по тону, но очень выдержан, последователен и достоин. Я искренно радовался, читая этот отказ от неизменного посредничества, и так же искренно радовался, читая о взятии Вильны. Польские войска стремительно откатываются назад под напором Красной Армии. На Ближ-

нем востоке — новый поход Антанты на Азиатскую Турцию. В Москве открывается международный конгресс Коммунистического Интернационала, который должен составить диспозицию социальной революции. Азиатские и африканские колонии охвачены глухим брожением, мы — накануне новых великих событий, которые должны перестроить мир.

28.VII.

Два ярких впечатления были пережиты мною в последние дни: в воскресенье — лекция Луначарского и вчерашняя грандиозная демонстрация на Красной площади.

Лекция Луначарского «Толстой и Маркс» была прочитана в страшной духоте и давке переполненного зала Политехнического музея, я изнемогал от жары, но это не мешало мне с захватывающим интересом прослушать эту непрерывную двухчасовую речь — яркую, талантливую, дышавшую красотой внутреннего подъема. В сущности это была лекция о Толстом с точки зрения марксизма, далеко не исчерпывающая предмета и подходившая к нему с одной определенной точки зрения: идейной борьбы против «непротивленства». Толстовская проповедь рассматривалась как «пророчество», как социальное явление — классового протеста мелкобуржуазной массы против несправедливостей капитализма. Я не мог не согласиться с основными выводами лекции, ибо всегда разделял их: использование всей сложности капиталистической культуры, во-первых; необходимость и неизбежность насилия, во-вторых. Но я не мог согласиться с упрощением в оценке толстовской морали: правы были оппоненты Луначарского, когда они указывали на самостоятельное и могущественное значение морального момента: нравственный подъем отдельной личности до высоты любовного самопожертвования является параллельной и независимой задачей для каждого отдельного человека.

Вчерашняя демонстрация в честь 3-го Коммунистического Интернационала останется одним из самых интересных и сильных впечатлений моей жизни. Это была, действительно, историческая демонстрация: в течение 6 часов, под ярким солнцем и синим небом, бесконечной лентой в стройном боевом порядке маршировали красноармейские полки, коммунистические батальоны, вооруженные отряды Всевобуча, колонны допризывников, тысячи рабочих. Особенно блестящим было движение командных курсов, достигших всей высоты военной техники, особенно интересным — дефилирование женских и юношеских полков, которые наглядно говорили о могучих резервах, о том, «кому принадлежит будущее». Не менее интересна была пестрая масса иностранных делегатов, которая заполняла трибуны, — эта разноязычная, разноплеменная среда, в которой было нетрудно уловить характерные черты национального облика — и «чопорных англичан», и белокурых скандинавов с их неизменными трубками, и жителей Востока с их чалмами, халатами и барашковыми шапками. В рядах демонстрантов было мало проявлений внутренней жизни — одушевления и кликов восторга, и в этом смысле демонстрация резко отличалась от обычных стихийных массовых выступлений; перед зрителями проходила масса, организованная в железные рамки боевой государственности, подчиненная военному строю и военной команде, послушная единой организующей и направляющей власти. Это был мощный и красивый апофеоз коммунистической государственности, в этом была ее особенность и историческое значение.

3.VIII.

Новые места и новые люди... После утомительно-пестрой сутолоки Комиссариата, после московских духоты и зноя, после нервного напряжения лихорадочной работы — тишина монастырской ограды, вольный воздух полей и лесов, спокойное сознание отдыха и свободы. Я — в «Филимонках», в имении Военкомата, 20 верст отделяют меня от Москвы, но кажется, что не 20, а больше: нет железной дороги, нет дачных поселков, и никаких следов столичной культуры, даже газет! Я выбрался не без труда: правда, отпуск был дан беспрепятственно и быстро (ни тени колебания со стороны «начальства»), зато с воскресенья начались мои мытарства: шестичасовое напрасное ожидание экипажа на дворе пустующего комиссариата, разочарованное возвращение домой, а на следующий день — беганье по лестницам (от Воскресенской к Фельдману, от Фельдмана к Ермилину, от Ермилина к Ильину), столкновения с представителями имения, досадно-унизительное чувство человека, которому приходится «выхлопывать» свое право.

Но вот все сделано, и я, правда, не в экипаже, а в трясучей военной фурманке, двигаюсь по направлению к Калужской заставе, и счастлив и доволен ощущением

свободы и новых впечатлений. Проезжаем Якиманку, и я с удовольствием провожаю красивые старинные особняки и храмы, ветхие особнячки с мезонинами, разукрашенный дом Игумнова; начинается Калужская с ее огромными монументальными зданиями и зеленью густых садов; мелькнул изящный фасад Нескучного дворца, спрятанный в вековом парке; миновали заставу, скучную серую подмосковную слободу и высохшие поля, напоминающие город. Я еду по той дороге, по которой когда-то, 17 лет назад, гимназистом 6 класса шагал вперед, лелея детски гордое желание «дойти пешком до Одессы». Вот то же самое село, где в троицын день я пил чай под березками. Вот большое ровное поле, где меня охватило чувство тоски, одиночества и где доносилась до меня разгульно-пьяная песня «Коробочка»... Теперь я наблюдаю то, что раньше проходило незамеченным: старинные дворянские усадьбы, которые влекут к себе таинственной прелестью умершей красоты (вот круглые каменные столбы имения Воронцова, так живо напоминающие въезд в Ясную Поляну; вот выдающиеся верхушки дворца Трубецкого, с желтой колокольней, поднимающейся над зеленью парка); чистенькие белые крестьянские избы новой стройки (из помещичьего леса?); чисто городские костюмы девушек, недавно проложенная узкоколейка и длинные штабеля березовых дров с клеймом «Бромлей» (новое заводское топливо, заготовленное дружинами).

Мы едем рысцой, под ясным солнцем и легким охлаждающим ветерком. Сворачиваем с Калужского шоссе (Москва — далеко, вон в дымке тумана еще виднеются ее купола и колокольни, кругом — деревня!) и через две-три версты подъезжаем к первому имению Военкомата «Никольское-Хованское» (раньше баронессы Шеннинг). Тенистый пруд, липовая аллея и белый старый барский дом, уже ветхий и разграбленный. Неожиданно встречаю в доме б[ывшего] агента Филатьевой Бориса Петровича (фамилии не помню); это — один из родственников, который гостит здесь с чадами и, может быть, домочадцами. В большой столовой комнате — чаепитие, но не очень любезное и обильное. Здесь же огромные полки со старыми, красиво переплетенными книгами (Lamartine, Les Girondin, Dictionnaire и проч.). Сергей Сергеевич Бармищев и комиссар Воробьев встречают меня очень любезно, и Бармищев ведет меня показывать имение: сельскохозяйственный инвентарь, небольшой огород, садик с кустами малинника и яблонями (по дороге лакомимся зелеными, но сладкими яблоками) и обширные поля (десятки десятин!), засаженные картофелем и капустой. Я очень интересуюсь состоянием «совхозов» и внимательно вслушиваюсь в объяснение моего спутника: разбираюсь в преимуществах германских плугов системы Сака перед нашими, «российскими», рассматриваю рядовую сеялку Эльворти и деревянный каток, постигаю тайны пикировки капусты и свеклы, воочию убеждаюсь в тлетворном действии капустной «килы» и капустных вшей. Засаженные поля производят на меня прекрасное впечатление, и я сочувственно поддакиваю С. С[ергееви]чу, когда он рассказывает о своих усилиях поднять запущенное имение силами небольшого красноармейского отряда и местных монашенок. Я очень благодарен моему спутнику, прощаюсь с ним и сажусь в крестьянскую тележку, которая должна отвезти меня за 7 верст, в имение «Филимонки».

Дорога прелестная: поле, лес и луга, живописные извивы зеленеющих опушек, нежные сумерки, сменяющие золотистый свет потухающего солнца. Мы оживленно беседуем с моим возницей, симпатичным молодым парнем-красноармейцем, о войне, о советской политике, о грядущих перспективах. Он кончил сельскую школу и почти ничего не читал, но как правильно-чист его язык и как развита его мысль! Да, Русь перевернулась, и прежний заскорузлый, корявый мужик уже отходит в прошлое!

Впереди — живописный уголок, всхолмленный и заросший лесом, с высокой белой колокольней. Это и есть — цель моей поездки, приют моего двухнедельного отдыха, женский Филимоновский монастырь. Мы подъезжаем к небольшому одноэтажному домику — «Дом отдыха» наших сотрудников. Меня встречают супруга Н. Н. Лебедева и другая сотрудница, которая любезно ведет меня в номер (подальше от детей!), ставит самовар, снабжает молоком. Уже темно, а огня нет... в темноте, заваривая кофе, я делаю глупость — лью кипяток в кофейник, забыв вынуть из него оладьи (пропали мои оладьи!), но это не злит меня, даже сердитые клопы, которые начинают кусать мое уставшее тело, не могут убить моего приятного чувства — впереди две недели на свежем деревенском воздухе!

4.VIII.

Прохладное ясное утро. «По-московски» уже девять часов, а по «здешнему», то есть по солнцу (крестьяне не признают «нового» времени), — еще половина седьмого. «Мать Катерина», которая прислуживает в Доме отдыха, еще не приходила, кипятка нет — и я сажусь за дневник.

Вчера почти весь день целиком провел на воздухе. Обошел монастырь и облегающие его поля, любовался живописными видами на зеленые обрывы и речку, а в дневной зной укрывался под сенью сосняка. «Дом отдыха» — бывшая монастырская гостиница, небольшой деревянный домик за монастырской стеной. Сейчас в нем обитает два семейства с огромным количеством детей, моя соседка, несчастная и больная Марина Александровна, и молодая жена Лебедева с лицом и фигуркой хорошенькой девочки.

Монастырь только что пережил драму, его «раскассировали», заперли храмы, увезли мебель и разогнали всех монашенок (впрочем, часть из них осталась в качестве вольнонаемных работниц на огородах). Говорят, были глубоко драматичные сцены расставания с обителю уезжавших монашенок. Монастырь — нестаринный, но уже имеет свою историю. Говорят, здесь, в глубине леса, стоял католический костел князей Четвертинских, живших в соседнем имении; одна из княжон приняла православие, переделала костел в православную церковь, постриглась в монахини и дала основание женской обители. Монастырь существует 30 лет и насчитывал 200 монашенок, теперь большая часть из них с рыданиями разошлась по градам и весям России. Вчера вереница возов, нагруженных мебелью, стояла за оградой, готовая двинуться в путь, — это вещи, реквизируемые Подольским Советом; его представитель уверенно и деловито делал отметки в списке. Мужички у подвод беседовали, не выражая ни тени оппозиции или недовольства или нравственного осуждения. И вообще местное население как будто нисколько не протестует против антирелигиозного поворота церковной политики. Это — явление, ставшее обычным, к нему пригляделись и привыкли.

Жизнь отлетела от обители, и эта перемена наложила печать смерти на окружающее. Все-таки в этом насильственном уничтожении монастырских общин есть элемент государственной борьбы с религией. И я никогда не оправдаю этого насилия над духом, ненужного и бессмысленного, хотя отлично знаю исторические прецеденты, не имеющие ничего общего с коммунизмом: закрытие конгрегаций Комбом, изгнание ордена иезуитов, борьба с монастырями Петра Великого, разрушение монастырей в эпоху реформации.

Мои впечатления от деревни мимолетны, но интересны: все говорит об огромном бытовом и духовном сдвиге, который обнаруживается в ряде мелочей: и костюмы другие, и говор иной, и настроение новое. Правда, это подмосковные, живущие почти одной жизнью со столицей, но все-таки...

В деревню я взял с собой корзину книг; по истории только две: сословия Ключевского и мемуары Винского; остальные — о современности. Думаю эти свободные две недели употребить на постижение современного момента и, в частности, на более обстоятельное знакомство с [ападно]-е[вропейским] рабочим движением последнего года (по №№ Коммунистического Интернационала). В центре моего внимания стоит 3 Интернационал, который в период 2 конгресса вызвал к себе напряженный интерес. Правда, при личном посещении одного из заседаний я вынес некоторое разочарование: это — не грандиозный съезд сотен делегатов, представляющих огромные массы пролетариата; скорее, это — сектантское собрание профессиональных революционеров, которые «по домашнему» заняты внутренними партийными счетами. Несмотря на блеск внешней обстановки — роскошное *entré* Кремлевского Дворца, украшенное тропическими растениями и красными портьерами, золотой Андреевский зал, устланный красным ковром, уставленный столами с малиновым сукном, не было ничего импозантного, грандиозного. Чувствовалось, что это — зародыш великого будущего, что до «генерального штаба» еще далеко. И все-таки это — центральный фокус современности, это — начало обновленного великого социалистического движения.

5.VIII.

Вчера и сегодня стоит «сухой туман», в воздухе пахнет гарью, горят окрестные леса, дышать тяжело. Солнце светит сквозь дымку тумана ярко-красным диском. На душе тяжело, неприятно. Все время вспоминается «тот год» — та же сушь, те же

лесные пожары, то же тяжелое ощущение на сердце; каждая береза, каждая колея на дороге напоминает мне Богородское 1914 года. Минуло ровно шесть лет с тех памятных дней — объявлений войны, святой национальной тревоги, сознания грядущих массовых ужасов. Я ощущал войну как великую мировую трагедию; страдальчески предчувствовал всю бездну горя, которое она несет человечеству; считал социализм бессильным и разбитым, и, видя неотвратимость этой нахлынувшей стихии, искренно и целиком отдался идее национальной обороны. Я видел угрожающую железную десницу германской реакции, занесенную над европейской демократией и нашей молодой культурой. Международный социализм капитулировал — прежде всего в лице германских парламентариев. Что было делать? Защищаться! Защищаться во имя будущего, во имя независимости, во имя спасения демократических идей. Уже тогда я предвидел неизбежность нашей политической революции и возможность революции социальной. Но восстановление международных пролетарских связей казалось задачей отдаленной, послевоенной; очередная и близкая задача — сосредоточение всех сил на самозащите; во имя этого временно должны смолкнуть все разногласия-распри; острота национальной опасности должна сплотить на основе национальной самозащиты все партии и течения.

С тех пор прошло шесть долгих лет, развеявших многие верования и призраки. Политика Антанты, Версальский мир, международная блокада России разоблачили скрытые пружины англо-французской политики. Мы пережили страшное военное поражение, унижительный Брестский мир и новый подъем под эгидой коммунизма. Мы снова национально возрождаемся, восстанавливаем и преобразуем старую культуру, предварительно разорвав все прежние связи. Идеалы европейской демократии поблекли и постепенно отходят в прошлое. Назревает новое великое движение, которое одно в состоянии разрешить социально-политические вопросы нашего времени, осуществить идею равенства и, сохранив преемственность культуры, обеспечить ее дальнейшее развитие. Разбитый, раздавленный социализм ожил, встрепенулся, окреп, превратился в могущественную непреодолимую силу, готовую завоевать весь мир. Ему принадлежит будущее, его энтузиазм призван омолодить нашу жизнь, его могучие жизненные резервы должны влить здоровую крепкую сильную кровь в дряхлевшее европейское общество. Мы на пороге новых великих событий, новых страданий и мук, но впереди брезжит свет — рождение нового общества.

Да, многое изменилось. Отчасти изменились оценки прошлого. Но, в общем, я ни одной минуты не раскаиваюсь в прошлом, не осуждаю своей позиции и продолжаю ценить и чтить те же святыни. Воспоминания о днях 14 года, полные шемящей грусти, как-то мучительно сладки и дороги. Я так же люблю отчизну, мне так же дорого наше прошлое, наша культура, и этого национального чувства не может подавить мое сочувствие интернациональной социалистической идее. Ибо прав Зомбарт: интернационализм не исключает, а предполагает и утверждает национальность.

Вчера я совершил две прогулки: сначала был в доме управляющего Павла Сергеевича, в старой усадьбе князей Святополк-Четвертинских; любовался фасадом княжеского особняка, построенного сравнительно недавно, в 59 г., но в стиле Александровского классицизма — с гербом и характерной орнаментацией. Беседовал с милой и кроткой монашенкой, которая заведует канцелярией, она осведомлялась, «не предстоит ли каких перемен», любовно вспоминала прошлое и выражала наивно, но смело, самый монархический уклон чувства и настроений.

Днем вместе с соседкой Мариной Александровной я прогулялся в Валуево, б[ывшее] имение Святополк-Четвертинских, о котором пространно рассказывает цитата из Писцовых книг в брошюре, посвященной обители (эту «патриотическую» брошюру мне любезно дала на прочтение монашенка). Имение — прелестное, но полуразрушенное (им овладела «коммуна», которая загрязнила и привела в негодность многие здания и службы). Красивый старый парк «у речки, у Лековы» — пруды, аллея, гроты, павильоны, глухие дикие уголки, заросшие ельником и осиной; изящный дом-дворец с неизменной колоннадой, боковые круглые башни, огромные оранжереи, фруктовый сад — богатство... и красота старинного дворянского имения, которое поддерживалось и подновлялось новыми владельцами, просвещенными московскими коммерсантами Лепешкиными.

Но сколько следов печального разрушения: изящный охотничий павильон завален разбитыми статуями, парк содержится неряшливо и грязно, пруды покры-

лись зеленью, многие деревья засохли, штукатурка дома обваливается, а внутри дома мерзость запустения. Правда, там устроен «Дом имени Максима Горького» — столовая, буфет, библиотека, помещение для собрания, висят трогательные увещания «оставить за порогом грубые привычки и навыки, воспитанные эпохой рабства и деспотизма», но, видимо, это мало помогает делу. В комнатах (они содержатся относительно чисто) хозяйничают ребяташки, которые без толку и без пощады стучат по клавишам прелестного пианино и пианолы; в некоторых комнатах без всякого порядка свалены мебель и разные вещи, не видно зоркого глаза и любовной жизни.

Это щемяще-грустное чувство (правда, смягчаемое сознанием временности, переходности этой грустной картины) усиливалось от рассказов моей спутницы, которая, гуляя по Валуеву, бредила свои раны: это одна из тех, которых раздавил социальный переворот: бывшая княжна, супруга крупного генерала, обладательница богатейшего имения на юге России, она потеряла все — мужа, сына, состояние, здоровье; два раза ее разбивал паралич, два раза ее отвозили в лечебницу для нервных больных; теперь она, еще молодая годами, превратилась в развалину-старуху, ей изменяет память, она утешается только религиозной верой и мечтает только о куске хорошего хлеба. Еле-еле брезжат в ее сознании воспоминания юности — годы, проведенные в Италии и Франции, блеск петроградских балов, аристократические приемы... Все в прошлом, все погибло... Я — не сторонник аристократии и не скорблю о социальном крушении русского дворянства, но мне от души ее жаль, жаль «по человечеству».

7.VIII.

Вчера воздух очистился, и был прекрасный день, особенно хорошо было вечером, после дождя, в свежей и влажной атмосфере, напоенной ароматом освежившейся зелени.

Я использую отпуск в прогулках и чтении. Здесь удивительно живописные места, настоящая «деревня». В номере только питаюсь и сплю. Ухожу в поле, в лес, устраиваюсь на каком-нибудь пеньке и штудирую книги о социализме, о современном коммунизме. Прочитал небезызвестную книгу Кремба (англ[ийский] професс[ор]) «Англия и Германия» — книгу, которая бросает ясный свет на империалистические настроения в обеих странах перед мировой войной. Это — идеология вооруженной борьбы за мировую гегемонию; автор вдохновляется идеалом национального величия, проникнут настроением здорового крепкого мужества; он рисует аналогичное настроение в Германии и сам восхищается этим течением среди германских деятелей. С этой точки зрения книга очень любопытна, но странно и порой неприятно читать ее; и ясно видно несмотря на ультра-идеалистический подход автора (мировые судьбы и проч.), насколько культурно-необоснованным остается этот наступательный порыв против другой нации, вытекающий из избытка сил, из желания сильного поглотить слабого. «Религия доблести», противопоставляемая христианству за счет жизни и крови темных миллионов, которых не спрашивали и не просвещали по этому поводу. Их судьбами распоряжаются за них, их жизни бросают в общий котел во имя стремлений «избранных». Можно и должно оправдать самозащиту, оборону самих себя, своего народа, своей культуры, но оправдать этот культ грубой силы, эту открытую идеализацию национального хищничества — нет!..

С интересом читаю сб[орник] «Современный социализм» Элзора, хороший источник для понимания духа 2-го Интернационала, его реформистски-мирных течений, которые отразили в себе спокойный экономический расцвет конца XIX и начала XX века. С неменьшим интересом читаю Протоколы VIII съезда РКП (обсуждение программы партии) и хронику з[ападно]-е[вропейского] рабочего движения в «Комм[унистическом] Интернационале».

Мои соседи мало интересны и малосимпатичны. Каждый — врозь, каждый дрожит над своим «котлом».

8.VIII.

Вчера был ясный жаркий день. Дымная завеса исчезла, воздух очистился, но знойный ветер сушил и палил все живое. Я провел время на воздухе, два раза купался в миниатюрной речке Лехове, которая протекает под стенами монастыря; мелко и мутно, но все же приятно с головой окунуться в прохладную влагу. Осматривал хозяйство Филимонок — поля с капустой, картофелем, брюквой, гумно

со снопами убранный овса, сад с пасекой и яблонями, усыпанными массой яблок. Управляющий, молодой агроном Павел Сергеевич водил меня по всем «угодьям» имения, рассказывал о своей личной жизни и, вероятно, старался доказать свою «лояльность». По его словам, красноармейцы работают прекрасно: чувствуя «землю», свою родную стихию, они дают максимум возможной энергии, так же производителен и дисциплинирован труд местных монашенок, на которых по преимуществу держится все хозяйство. Мне непонятно, зачем было разрушать эту трудовую общину, которая по существу ничем не отличается от обыкновенной хозяйственной коммуны.

В окрестностях появилась холерная эпидемия, утверждают, что соседние больницы завалены холерными, а вчера будто бы умер один рабочий «на той стороне» — в белом особняке. Это подействовало на меня неприятно, тем более, что колодезные насосы испортились и мы пользуемся сомнительной водой из мутной речки. Вчера я уничтожил немало яблок, печеных и сырых, без всякого предварительного обезвреживания. Вообще, яблок, огурцов мы поедаем немало.

Около нас — контора по заготовке топлива. Ежедневно сюда стекаются «паломники» — усталые, вспотевшие, запыленные пешеходы из города, с котомками и чайниками за плечами. Пестрая толпа мужчин и женщин, стариков и юных девушек, которые пришли напилку дров от домовых комитетов. Вечерами они раскладывают здесь костры, ужинают и рано утром уходят за 4 версты на работу. Нередко видишь молодые интеллигентные лица девушек, не привыкших к физическому труду, которые босиком, оживленно беседуя, располагаются лагерем на вырубленной опушке. Жалуются на неорганизованность работ, на отдаленность от пункта, на отсутствие воды. Чувствуется скрытое молчаливое страдание, но в то же время — большая цепкость, приспособленность, умение жить и в этих невыносимо тяжелых условиях.

Сегодня утром я просмотрел вчерашние газеты, красная Армия неуклонно подвигается к Варшаве — русские войска «берут реванш», овладевая городами и местечками, которые так часто упоминались в течение войны и которые так позорно бросались отступающими армиями. На Западе — тревога, кричат о «спасении независимости Польши». Посидинок между Антантой, за которой стоит старый мир буржуазных отношений, привычного уклада, культурных связей, и горстью «безумцев», которые бросили дерзкий самоуверенный вызов всему этому миру, достигает острой напряженности.

9. VIII.

Пасмурный прохладный день. По-видимому, погода меняется: поворот на ненастье после продолжительной томящей засухи. Эта засуха будет роковой для нашей страны: повсюду — страшный неурожай хлебов, и предстоит трагическая голодная зима — более трагическая, чем все предыдущие.

Минула неделя моего отпуска; еще неделя впереди. Она мелькнет так же незаметно-быстро, и там снова — тяжелая полувоенная лямка в условиях партийной диктатуры, месяц за месяцем, год за годом отсрочивающая выполнение моей милой задачи. Желание совместить научную работу со службой в Комиссариате остается желанием... Когда, оставшись наедине, я раздумываю над своим прошлым, настоящим и будущим, я с грустью убеждаюсь, что зашел «в тупик»: мне 35 лет, три четверти жизни прожито, а ближайший итог долголетних стремлений, усилия воли, борьбы с препятствиями — остается не достигнутым. И по-прежнему я мыкаюсь, одиноким и неудовлетворенным, не зная ни личного счастья, ни возможности научной работы. А время идет и идет...

Теперь я стал спокойнее и мужественнее к этим личным невзгодам. И жизненный опыт, и зрелище чужих страданий смягчили и притупили остроту боли. Это сказывается на моем отношении к природе, которое прошло через несколько фазисов. Ребенком я чувствовал к ней бессознательное влечение (наш сад, Косимова!); на переломе к юношеству я испытывал необычайно глубокую и сильную любовь к природе, чутко воспринимал каждое ее движение, жаждал ее близости, реагировал на нее всем своим существом (московские окрестности, Боева дача¹); в годы студенчества, в период напряженной борьбы за существование, утомленный и измученный этой борьбой, я приходил к природе как к источнику отдыха, утешения и бодрости: я черпал ее здоровые силы, чтобы бороться с отчаянием и безнадежностью (Царицыно, Петровско-Разумовское!); теперь мое отношение

к природе спокойнее и... равнодушнее: нет юношеского умиления и радости, но нет и той безысходной тоски, которую я нес, растворял в ощущениях природы в острые моменты жизни. Такой радости отдохновения, какую я чувствовал в ту пору, у меня нет. Ибо нет той силы страдания и разочарования.

Интересно, что с самого начала войны и до недавнего времени ощущение переживаемой трагедии передавалось и впечатлениям природы, я «вчувствовал» в развертывающемся пейзаже сознание происходящей борьбы и массовых человеческих страданий (Богородское, Таруса, Томилино, Мариуполь); непосредственность и радость восприятия обесценивалась и подавлялась «кулисами жизни», еще недавно мне казалось, что я окончательно «выздоровел», что нотка болезненности уже не звучит в моих восприятиях. Но нет!.. Гуляя по лесам и полям, я размышляю только о современности, и кажется мне, что ранено не только человечество, что не только моя родина, но ранена и страдает сама природа.

И все-таки природа — великий источник оздоровления и силы, ибо в ней — начало вечной неиссякающей жизни!

12.VIII.

Последние дни в Филимонках. Природа балует меня ясным небом и ярким солнцем, стало прохладнее и чище в воздухе, все линии обозначаются отчетливее и резче. Я спешу использовать последние часы своего отдыха для более отдаленных прогулок. В понедельник ходил в дер. Пенино, за 4 версты от монастыря, во вторник мы снова были в Валуеве (осматривал библиотеку «Дома Народа», оставшуюся от Лепешкиных; довольно сносная!); вчера я совершил далекую прогулку в рощу на пилку дров. Через березовые кусты и молодой дубняк я углубился в чащу леса: там, на огромной площади, между оставшимися деревьями и грудями сухих ветвей, раскинуты штабеля перепиленных берез, отдельными группами работают пильщики (от домкомов и завкомов Хамовнического района) по 2—4 человека; есть мужские, есть исключительно женские группы. Валят деревья, отрубают сучья, пилят стволы, складывают бревна в большие штабеля. Чувствуется трудовое напряжение людей, непривычных к такой работе, особенно жаль было смотреть на одну пожилую седую даму, которая жаловалась мне на боль в сердце; все ее движения были неумелы и неуверенны. К сожалению, группы пильщиков слишком раскинуты, и мне не удалось подробнее ознакомиться с этой картиной. Я остановился на одной из живописных полян, в лесной глуши, и погрузился в чтение. Лесную тишину прорезал стук белочки, которая перепрыгивала с ветки на ветку, какая-то огромная зеленая стрекоза готовилась произвести на меня нападение. Было тихо и хорошо... Обратно я чуть не заблудился, вышел с другой стороны, но не пожалел: любовался живописными лесистыми обрывами, заросшей долиной, гущей темно-зеленой ольхи, которая буйно разрослась по ее окраинам. Я шел и думал: «Вот она, вечная, молодая, побеждающая жизнь!»

Вчера я кончил книгу Энзора «Современный социализм», рисующую довоенный спокойный мирный социализм «старого доброго времени». Все статьи и программы этого сборника пронизаны одним духом — заботливого приспособления конечных целей к существующему социально-политическому и духовному строю: авторы этих статей — вожди движения — похожи на заботливых садовников, которые искусно прививали свои «разрушительные идеи» к прочному стволу буржуазного государства. Недаром второй Интернационал изображали в виде могучего ветвистого дерева, увенчанного густою кроной: это было красивое тенистое дерево — корни его организации широко охватили почву; его ствол казался крепким и стройным; его листва была зеленой, свежей, пестрела разнообразными и пестрыми цветами; в тени этого дерева было приятно отдохнуть, чувствуя над головой царственную вершину, которая стремится в небесную высоту; этому дереву предстояло великое будущее, казалось, в своем гигантском росте, оно охватит весь мир. Но налетела гроза войны, нахлынул бушующий поток стихийных сокрушающих событий — и дерево поддалось: буря истрепала его красивую крону, обломала его ветвистые сучья, надломила его основы; подмываемое потоком воды, дерево склонялось все ниже и ниже, и вот его могучий ствол — на земле, он не выдержал грозного удара, его вершина, в пыли и грязи, топчется набежавшими хищниками, его цветы и листья превратились в жалкие лохмотья. Дерево оказалось слишком мягким и слабым; оно погибло, и напрасно селятся поднять и оживить его засыхающие части... На смену 2-му идет 3-ий — он еще в колыбели, но обещает стать более крепким, более

сильным, более стойким, хотя и менее красивым. Ему принадлежит будущее, он должен воплотить в дело великое слово социализма.

Международное положение достигло острого напряжения. Красные войска подступают к Варшаве, грозят артерии Варшава — Данциг, английский флот возобновил блокаду, суда Антанты выгружают в Данциге оружие и снаряжение. Кто победит?

13.VIII.

Самочувствие — неважное. Вчера с вечера лихорадило, ощущалась неприятная слабость, головная — и что всего хуже — зубная боль. Нет прежней бодрости, ощущения здоровья и аппетита. Кругом все немило, был бы не прочь сейчас же уехать в Москву. Вчера стало пасмурно, забарабанил дождь. Все к одному: тоскливо и печально...

Окончил Протоколы VIII съезда Р.К.П., в высшей степени интересные. Чувствуется горячее биение жизненного пульса; самокритика жестокая — ораторы не щадят краски для характеристики совершаемых безобразий; ясно видно, как этот хаос мнений и настроений, которые привезены с мест и дробят собравшихся делегатов на распыленную массу, организуется и систематизируется «верхушкой»; ярко выявляется диктатура отдельных вождей, спокойных и уверенных в себе и в своих идеях.

19.VIII.

Снова в Москве. После двухнедельного перерыва и резкой перемены впечатлений я никак не могу войти в старый уклад жизни — привыкнуть к окружающей обстановке, втянуться в работу Военкомата, приняться за прерванные занятия. Первые дни я чувствовал себя чужим на запыленных и засоренных улицах Москвы, в душных стенах квартиры и в бестолковой суматохе Комиссариата.

Понемногу принялся за научные занятия — за Летопись, за Ключевского. Настроение неважное, и только начавшиеся переговоры с Польшей как будто обещают возможность мира и «передышки».

Сегодня продолжал чтение книги Анри Барбюса «В огне» — натуралистическое описание минувшей войны, ее прозаических будней, ее страшного ужаса. Впечатление тяжелой и страшной правды, но... книга, безусловно, односторонняя и написана с предвзятой точки зрения.

25.VIII.

Поражение под Варшавой, десанты Врангеля, гибель мирных перспектив. Тревога коммунистов, новая мобилизация. Сокращение пайка и ожидание голодной зимы. В Военкомате — нервное настроение. Моя малоудачная лекция о декабристах в Школе политруков. Переход в новое помещение. Споры с М[арией] из-за лекторского гонорара. Случай с Гуревичем. Дома — занятия Guizot и Летописью.

13.IX.

Как быстро мчится время!.. Все — некогда, и страницы моего дневника остаются незаполненными. А много интересного и живого проносится через мою жизнь!.. Что было за минувшие 3 недели?

Военное и международное положение все так же неопределенно, но по всем признакам мир, по крайней мере, «худой мир», будет заключен. Наступает осень, за которой идет голодная и страшная зима... Неурожай — ужасный, и последствия его уже чувствуются. По-прежнему более полдня, а иногда почти весь день, я провожу в Военкомате; работаю бодро и осмысленно, в добром согласии с своими подчиненными сотрудниками. Возобновил чтение лекций. Пользуюсь успехом в «сферах». Зато мои научные занятия все больше и больше сокращаются... Последняя неделя была особенно непродуктивной: кроме газет и Guizot, я не имел времени взяться ни за одну книгу. Были интересные выступления (например, в Кунцеве). По утрам ежедневно занимаюсь с Верочкой Степановой историей, географией, литературой. В общем, чувствую себя бодро и хорошо.

Она поступила ко мне в Отделение инструктором-организатором; в субботу я имел с ней долгую беседу о плане нашей работы. Как она мила!.. Порою краска смущения заливает ее лицо. Но, в общем, она хочет казаться строгой и не допускать никакой фамильярности, никакого намека на возможность интимного сближения. В особенности, в глазах других. У нее удивительно нежное лицо и красивые кудри волос.

20. IX.

Сегодня был воскресник; он пролетел быстро и дружно: работа была по силам (кладка дров), и данный урок мы выполнили в 2 часа (сложили «двадцаткой» 4 куба). (Как всегда, Е.П. угостила разнообразным и вкусным обедом). Я читал брошюру М.М-го — о революциях 30 и 48 г.; она написана умно, последовательно, талантливо. Вечером были Голубцовы, снова мы спорили — о современности, о большевизме, о будущем. Их тон мне не нравится. Все больше я убеждаюсь, что жизнь не там — жизнь на обратной стороне.

Неделя прошла в напряженной работе, в лекциях (их было много — у политруков, перед киносеансами), в отрывочном чтении Guizot и Ренара. Все время, как светлый луч, передо мной носился ее образ. Я ждал ее в субботу, но она не пришла. Зачем мечтать? Она чуждается меня, и это счастье — не для меня.

26. IX.

Вчерашний день был светлым, радостным днем. Когда я поздно ночью вернулся домой, я ощущал состояние давно не переживавшегося подъема: внутри меня все пело, все звучало счастливой бодрой песнью. Почему?.. Вероятно, здесь сказалось счастливое совпадение хороших радующих впечатлений.

Утром был удачный урок с Верочкой. Мы занимались с ней ежедневно, от 8 до 9 часов — по усиленной просьбе Веры Яковлевны. Верочка живет только Сухаревкой и хозяйством, а ведь она — подросток, переживает момент усиленного духовного роста, а как раз теперь всякая умственная работа для нее оборвалась... Я счел своим долгом помочь им (несмотря на необходимость усиленно экономить время), тем более, что эти уроки приносят мне известный материальный плюс (1500 р. за урок). Наши занятия носят свободный, «развивающий» характер: я (правда, последовательно и систематически) рассказываю — беседую с ней по истории, литературе, географии. Стараюсь останавливаться на общекультурных вопросах, минуя фактические мелочи. Она пассивна, мало и трудно отвечает (задания уроков у нас нет), но заинтересовывается и слушает внимательно. Меня эти утренние уроки оживляют, я чувствую известный подъем, когда свободно и связно, в красочной форме веду свой рассказ.

В Комиссариате я уже застал Ольгу Николаевну. Мы беседовали с ней больше двух часов: она делала мне свой инструкторский доклад, и мы обменивались мыслями о работе в обследованных ею частях. Между делом я расспрашивал ее об ее студийной работе. Сколько в ней ума, душевной чуткости и вместе с тем необычайной простоты! Она доверчива и откровенна, духовно-независима и деятельно-добра. Но на ее лице, фигуре — изящных, нежных — черты страдальческой грусти. Мне доставляло глубокое удовлетворение беседовать с нею. Она интересуется и привлекает меня. И вместе с тем я чувствую к ней глубокое уважение. С ней можно быть интимно-дружным. А это так хорошо — дружеская связь с молодой, чуткой и умной девушкой!

После обычного приема посетителей (теперь мне нравится этот приток людей, эта смена впечатлений), после административных забот (у нас такая хорошая, дружеская атмосфера!) я читал лекцию у политруков. Эти лекции (по истории революционного движения в России) проходят у меня очень удачно; у нас установилась внутренняя связь, они понимают меня и живо интересуются предметом. Вообще я овладел этим курсом, и первыми лекциями на Учительских курсах Военкомата остался доволен сам.

Я выработал в себе способность говорить свободно, не связывая себя придуманными фразами, заранее прикрепленными в памяти; это придает мне чувство уверенности, языку — свободную и живую красочность; сознание успеха поднимает и окрыляет меня (особенно подбодрил меня отзыв Риммы Робертовны, моей слушательницы: «Я в восторге от Ваших лекций»). Личный успех так много значит в состоянии самочувствия!

В газетах опубликовано заявление ВЦИК о новых условиях Польше. Сделаны громадные уступки, и перспективы мира рисуются отчетливее, чем когда-нибудь. Правда, французским президентом избран Мильеран, а английское министерство заняло позицию, враждебную советской власти. Но влияние европейского пролетарского движения дает себя чувствовать, а состояние Польши вовсе не так прекрасно. Надежда на мир растет и крепнет, а это — такая радость! С этим связаны мои личные планы: я получил на днях лестное предложение — занять кафедру новой

русской истории в Костромском университете (предложение сделал мой гимназический коллега, теперь профессор Университета Алексей Иванович Некрасов, по указанию М. М. Богословского). Нужно взять на себя два исторических курса и два исторических семинария. Ездить на 10 дней каждый месяц. Филимонов выразил согласие на мои отъезды.

Конечно, я понимаю все отрицательные стороны этой комбинации: весь мой досуг поглощается усиленной подготовкой, и занятия магистрантскими темами приостанавливаются окончательно; моя работа в К[омиссариа]те расстраивается, и я неизбежно теряю прежнюю непосредственную связь с лекторами и заведующими лекциями; я подвергаюсь риску заболевания во время постоянных железнодорожных переездов; я рискую не выполнить поставленной задачи, не успеть подготовиться и — провалиться. Но, с другой стороны, это — «освобождение из плена» чуждых административных занятий, возвращение к науке, подъем наверх; это поднимает и ободряет меня, я чувствую в себе смелость, готовность энергично и бодро приняться за новое дело.

Последнее и самое сильное из впечатлений вчерашнего дня — заседание нашего университетского общества, посвященное докладу А. А. Кизеветтера «О своеобразии русского исторического процесса». Круглый зал Правления был заполнен до духоты (гостей — как никогда!). Мои коллеги (была вся историческая молодежь), встретили меня очень любезно. Я секретарствовал. После доклада были прения, в которых участвовали не только русские историки, но и молодые экономисты (Кафенгауз, Каценеленбаум). Это заседание не походит на прежние. И здесь современность вторгалась в научный диспут — жгучая и властная, но прежней мертвечины не было; Кизеветтер и Бахрушин оказались самыми правыми; в словах Савина звучала жизнь, глубокое и серьезное отношение к современности; еще жизненнее, интереснее, глубже были речи экономистов. «Большевизм» и социальная революция перестали быть призраками, фантомами, достойными презрительной скептической насмешки; ощущение громадности и глубины переживаемого переворота, его широкого и трагического захвата преобладало в прениях. Самая проблема, такая захватывающая и важная для нас, русских историков, волновала и поднимала. Я с радостью почувствовал в других те же мысли и чувства, какие волновали меня самого. Мы возвращались с С. А. Голубцовым, и он, сдаваясь, отрицал свое «несерьезное» отношение к происходящим событиям.

Впечатление этого вечера было сильно, сильнее, чем впечатление предыдущего дня, от заседания в Большом театре, где выступали Бухарин, Клара Цеткин, Троцкий, Коллонтай, Радек, Каменев. И, конечно, сильнее этого безалаберно-грубого вечера «современной поэзии», где декламации Брюсова чередовались с завываниями футуристов, с выкриками имажинистов, с ревом и свистом толпы. Наконец, интереснее третьего вечера «развлечений», которые заняли мою последнюю неделю, — открытия красноармейского театра в Александровских казармах, где я «по предложению» т. Марии говорил приветствие от лица Военкомата.

8. X.

Что интересного в моих впечатлениях последней недели? В понедельник — неожиданное посещение Гали и Люли Филатьевых, которые ищут у меня утешения и бодрости в своих тоскливых метаниях. Их эгоизм, отсутствие всякой духовной инициативы начинают тяготить меня. Я затратил немало времени и сил на пробуждение в них умственной жизни. И все осталось бесплодным!..

Во вторник было собрание военных комиссаров, членов комячеек и культработников — в Военкомате. Доклад о мирных переговорах с Польшей читал Погосский, доклад необыкновенно ясный, выдержанный и содержательный. По целому ряду признаков, по задававшимся вопросам, по характеру пения «Интернационала» было заметно оппозиционное настроение собравшихся. Красная Армия отступает, переговоры с Польшей не обещают блестящих результатов, Врангель продвигается все дальше, четвертая зимняя кампания становится неизбежной... По городу ползут всякие политические слухи; обыватели, ударившиеся в мистику, говорят о «скором исполнении пророчеств»; интеллигенты, которые держатся в оппозиции, воспрянули духом; передают о столкновении Троцкого с делегатами фронта (правда ли?), о массовом дезертирстве, об утомлении и нежелании воевать и даже — о близости политического переворота. Я отношусь скептически к этим обывательским слухам, но тоже замечаю несомненный психический надлом. Он сказывается в росте партий-

ной оппозиции среди коммунистов, которая обнаруживается в связи с кампанией по укреплению партии и независимо от нее. Я не верю в возможность переворота, но жду возможных неожиданностей от воинствующей политики Франции. Победа Мильерана на президентских выборах, приготовления к десанту на Черноморском побережье, усиленное давление на Польшу, двусмысленная политика Англии не предвещают ничего хорошего. Судьба российского коммунизма решается в городах Европы. Сумеет ли европейский пролетариат овладеть положением и продиктовать свою волю? Произойдут ли долгожданные роды нового общества или опять — после ужасающего кровавого подавления — человечество вернется к неустойчивому социальному положению, к «худому миру», который неминуемо, рано или поздно, разрешится новым мучительным кризисом?

В четверг я выступал с докладом о французской революции 48 г. («Классовая борьба в капиталистическом обществе») на гарнизонном совещании культкомиссий. Я не успел подготовиться, как хотел, и говорил напряженно и однотонно (так мне казалось). Меня наградили аплодисментами, а Ал. Петр. и Тат. Моис. (они пришли меня послушать) наговорили мне комплиментов. Доклад вышел беглым и в конце — скомканным, а главное, слушатели (по крайней мере, некоторые), с трудом следили за моей речью. Я спешил и комкал, потому что времени было слишком мало — всего 50 минут. Я дал социалистическую окраску событиям 48 года и в частности показал июньские дни, признал закономерность пролетарской борьбы и наметил ее усложняющиеся формы — 48, 71 и 1917 год.

Вечером я окунулся в иную обстановку — был на именинах у Веры Яковлевны и невольно вступил в спор с П. С. и приходским священником о современности. Несмотря на свою мягкость я, вероятно, показался им большевиком.

Вчера, в субботу, мы кончили занятия в 1 час дня; затем начался митинг, и все отправились на субботник. После речей чувствовался подъем и бодрость. Было холодно, снежинки носились в воздухе. Как всегда, работы были организованы слабо (хотя субботник был «образцовым») и чувствовалось недовольство. Но все же работали, и многие работали отлично. Я с увлечением занялся разгрузкой угля, забравшись в высокий ящикообразный вагон и энергично размахивая лопатой. Вернулся несколько утомленный, но довольный. В сущности, эти два часа — только «демонстрация труда», вполне посильная и нетяжелая.

А утро было заполнено напряженным приемом посетителей и «добрыми делами», то есть выдачей авансов, рекомендаций, удостоверений и проч. Два посещения — Ольги Николаевны и вернувшейся Валентины Михайловны Соколовой — осветили мой день. Два женских образа — чистых и ясных, озаренных горением внутреннего огня и болью личного страдания. Они обе прекрасны и веяли передо мной весь день. Какая прелесть в этом интимно-дружеском сближении, в сознании чувства глубокой симпатии, которую внушаешь людям. Их взоры, их улыбки, их пожатие рук говорили, что я им не чужой... В них много общего, но многое их отделяет друг от друга. В. М. хотя и подурнела (год не дался ей даром!), но по-прежнему сохранила тонкие, одухотворенные черты лица, такую тонкую и стройную фигуру; она так же глубоко чувствует, живет тем же высоким строем религиозно-космических порывов.

О. Н. Баратова проще, она — воплощенная простота и правдивость; она изящна и нежна, но черты ее лица, обрамленного чудесными золотистыми волосами, «по-русски» расплывчаты и мягки; сквозь тонкую нежную кожу проступает девический румянец, большие серые глаза смотрят открыто и ясно; движения — спокойны и как-то закруглены; от всей ее фигуры, от звуков бархатного голоса веет спокойной и тихой красотой. В ее словах, в отношении к окружающим, в поступках сквозит такая милая и привлекающая доброта! Она — умна, но ее ум подчинен велениям сердца. И вся она — воплощение «вечно женственного», вся создана для ласки и тихой покоряющейся любви. В ней нет ни тени аристократизма и самолюбования. Ее отношение к жизни — глубокое и серьезное, ее интересы поднимаются над обыденностью и направлены на служение высоким духовным ценностям — искусству и демократии. Она удивила меня своими «гостинцами», которые она предлагала мне так просто и так мило. Я чувствую к ней невыразимо-глубокую нежность и в возвращающихся мечтах ласкаю ее образ, который вдохновляет меня на добро и пробуждает искреннее и нежное влечение сердца. Вот — девушка, которая способна стать одухотворяющей и верной подругой жизни!

18.X.

Время летит так незаметно!.. Поглощенный текущей работой, отдаваясь разнообразным впечатлениям дня, я совершенно остановился в научном смысле. Особенно последние две недели, которые отнимали у меня то Комиссариат, то театр, то посещение гостей... И записи моего дневника становятся все реже и реже!..

От Лины получено письмо! Она — в Кисловодске и умоляет ответить. После двух с половиною лет неведения, отрезанные тысячами верст, мы услышали, наконец, ее голос. Я написал ей ответное длинное письмо — с подробным изложением печальных событий и с выражением моего теперешнего бодрого настроения. Я так был рад этой неожиданной успокаивающей вести!

Сегодня А. И. Некрасов² принес официальное сообщение Костромского университета об избрании меня преподавателем по кафедре русской истории. Мы сговорились о времени и порядке моего отъезда и приезда. Я начинаю работу с 6-го ноября. Нужно готовиться!.. Передо мной открываются новые перспективы и возможности.

Одновременно мне предложили читать курс по истории революц[ионного] движения на Общеобразовательных курсах, предусмотрительно заготовив мне удостоверение для регистрации в МОНО. Я начинаю курс с субботы.

Мой курс на новых учительских курсах имеет успех, в моих лекциях чувствуется увлечение, я овладел материалом и сумел придать своему изложению образный характер. Мне так приятно слышать похвальные отзывы от своих курсантов, чувствовать, что я приношу им пользу, нравлюсь, имею успех...

Теплым, дружеским было и мое расставание с политруками 3-го выпуска. Они преподнесли мне стакан с самостоятельно выгравированным рисунком и надписью: «Глубокоуважаемому лектору» и т. д. Некоторые из них, молодые крестьяне, проникнутые жаждой знаниями работы, производят самое хорошее впечатление. Все это — хорошие, поднимающие впечатления, которые ободряют меня: а волна хорошего дружеского отношения, которое я чувствую к себе в Комиссариате, вносит еще больше света в мою душевную жизнь.

Но ярче и светлее всех сияет передо мной ее образ — образ страдающей и нежной Гретхен. Мы были вместе в Художественном театре, на «Балладине» Словоцкого. Я не чувствовал зрительного зала, толпы — все уходило куда-то вдаль, почти за порог сознания. Я чувствовал только сцену и ее. Она сидела рядом со мной, в изящно-скромном костюме, спокойная и сдержанная; моментами ее лицо выражало страдание (неужели от боли?). Но в антрактах она загорелась, ее щеки запылали, и я понял, что ее тоже заливают волна глубокого, быть может, безотчетного чувства. Я проводил ее домой, дорогой она была оживлена, моментами шутливо-весела, подсмеивалась над моей «заботливостью» и была ею тронута. Мы говорили дружески — о разных вещах, и эта беспорядочная уличная беседа протянула между нами невидимую сближающую нить. В субботу она пришла в Комиссариат — больная, в жару, с трудом собирая свои мысли. Но в этом смутном душевном состоянии, в пылающем лице, в тоне голоса мне почудилось брение нового чувства — чувства влечения. Неужели она любит?.. Я думаю о ней все свободные моменты своего времени. Мне хотелось бы любить и нежить ее милое прелестное существо!..

2.XI.

Все реже и реже становятся записи моего дневника. Сливаясь с людьми, расширяя поле своей работы, я ухожу от самого себя, от уединенного самосозерцания. Хотя самоанализ, наблюдение над своими мыслями и поступками ни на минуту не прекращается во мне.

Сейчас я переживаю состояние подъема, душевной окрыленности. Я чувствую в себе юные бодрые силы, живу идейной жизнью и почти забываю о современном кризисе. Душа полна новых озаряющих впечатлений, кругом — радостно и светло... Почему?

Тут много значит успех моей административной и лекционной работы. Особенно — начало занятий в Костромском университете. Я разработал самостоятельную программу лекций и семинария, стараюсь проявить свою точку зрения, не повторяя шаблонной схемы обычных профессорских курсов. В основу моего плана легла материалистическая точка зрения: экономика — социальные отношения — политика — духовная жизнь. Первая попытка приложения моих марксистских воззрений. Вечером добросовестно готовился к предстоящему дебюту. Поездка оживила меня.

Условия переезда были удовлетворительными (если не считать ночевки на полу в станционной комнате), условия жизни в Костроме — даже хорошими (чистая, теплая, светлая комната, старый добрый хозяин, прислуга, сносное питание). Город — Волга, старинные храмы, фасады екатерининских зданий, общий уклад провинциального быта (правда, я наблюдал его мельком) — произвел на меня прекрасное впечатление.

Я выступил перед своей аудиторией уверенно и, кажется, имел успех: число моих слушателей увеличивалось, аудитория слушала с напряженным вниманием и проявляла несомненный интерес, доходивший до трогательности. Весь день до вечера я проводил за подготовкой, на лекциях и на семинарии переживал счастливые часы научного подъема и духовного слияния с настроенной взволнованной аудиторией. Состав моих слушателей был разнородным — от молодых девушек, представлявших мне рефераты о Радищеве, до пожилых учителей, солидно задававших вопросы. Значительно хуже были мои впечатления от профессуры: часть (молодых!) живо и добросовестно отдается работе, но более почтенные члены коллегии смотрят на эту массу, жаждущую знания, с высокомерным презрением сомнительных «аристократов духа».

Особенно не нравится мне реакционный тон моего старого коллеги и его приятеля — отставного итальянского маркиза. И я им не понравился за свою «левизну». На этой почве у нас произошло объяснение в вагоне на обратном пути в Москву. Первое впечатление от этой неожиданной беседы было для меня впечатлением охлаждающего душа, который ставил на карту все мои планы. Но после некоторых размышлений и беседы с С. Александровичем, который засвидетельствовал безусловную научность моих конспектов, я решил, что я прав и буду вести ту же линию. Университетская лекция должна быть глубоко-научной по содержанию, но в то же время она должна возбуждать научные эмоции, захватывать и пробуждать к самостоятельной работе. Университетская работа увлекла меня, и я отдаюсь ей всей душой.

Другая причина моего подъема — радостная любовная связь с окружающими людьми, сознание приносимого добра и ощущение хорошего теплого чувства, которое я пробуждаю в других. Это чувствуется мной особенно в Комиссариате, среди разнообразной среды лекторов и сотрудников. Это смягчает и искупает все тернии моего «коммунистического» служения.

Третья причина — то новое чувство, которое не покидает меня в течение последних недель, чувство глубокой любовно-дружеской симпатии к этой прелестной девушке, которая исполнена внешней и внутренней грации. Я лелею ее прекрасный образ, с ним пробуждаюсь и с ним засыпаю. Но я не ощущаю с ее стороны ответного сердечного отклика, я не уверен, что она чувствует. Временами она как будто трепещет тем же влечением, временами в ее голосе звучит ирония и я не чувствую в ней ничего, кроме спокойной дружеской благодарности.

Вчера я помянул Толстого (минуло 10-летие со дня его кончины) — одушевленной лекцией на Вечерних курсах. Я говорил с подъемом и вызвал горячие аплодисменты. Стихотворение о Толстом и похоронный марш Шопена усилили впечатление интимности и траура.

Сегодня, в Галлерее Румянц[евского] музея, в кабинете гравюр, я слушал лекцию Н. М. Черемухиной о Рафаэле; лекция была обвеяна мягкостью и теплотой, любовью к искусству и красоте; ряд репродукций воскресили в памяти тонкие и нежные черты великого мастера. Мы возвращались вместе и дружески обменивались мнениями и воспоминаниями о прошлом.

Снова в связи с меняющейся военной обстановкой (мир с Польшей, разгром Врангеля!) открываются новые мирные перспективы, носятся планы реформ и, в частности, коренного преобразования нашего Политпросвета. Возникает надежда на мое освобождение, на возобновление чисто научной работы.

22. XI.

Вчера днем, в Комиссариате, была мимолетная встреча с О. Н. — ласковая и теплая. Мне стало светло и радостно после этой встречи...

Вечером я был в Консерватории, на толстовском вечере. Холодный, тускло освещенный зал, неприветливо-холодно и мертвенно в публике. Слушатели — исключительно из интеллигентной среды. Воспоминания и речи толстовцев не согрели аудитории, не пробудили живого трепета волнующего чувства.

26.XI.

Вчера днем — новая встреча с О. Н., такая же мимолетная и «на людях», как всегда. В ее глазах, в тоне ее ласкового голоса, в пожатии горячей руки я ощутил прилив взволновавшего чувства. Она поразила меня словами о психиатрической лечебнице. Все больше и больше ее прелестный образ связывается с мечтами о будущем, о жизненном союзе, о переломе в моем личном существовании.

28.XI.

Несмотря на футуристическую постановку Камерного театра, мистерия Клоделя «Благовещение» произвела на меня сильное впечатление. Прекрасный образ Виолетты (воплощение любви и самоотречения!), глубокая идея писем, ее религиозно-мистический дух проникал в самую глубину сердца. Когда я смотрел на сцену и слышал отголоски подвигов Орлеанской девы, передо мной носился образ той, которая владеет сейчас моим воображением. Но ее не было около меня, и я чувствовал себя одиноким и покинутым. Кое-что осталось непонятным, и я с удовольствием посмотрел бы эту пьесу во второй раз, но не один, а с нею, в которой сливаются поэтические черты Гретхен, Офелии и Виолетты.

В пятницу вечером Сергей Александрович читал мне и Людмиле Васильевне свои пробные лекции. Первая — об исторических воззрениях Ключевского, вторая — о личности Александра III. Лекции написаны талантливо, вторая — блестяще. Самостоятельная работа мысли пронизывает всю работу, чувствуется и полнота содержания, и тонкое чуткое проникновение в глубины мысли и сердца изображаемых людей. Лекции о Ключевском тесно в этих ограниченно-внешних рамках; ее содержание — в значительной степени новое — «выпирает» из поставленных границ; лекция об Александре — тонко и неразрывно-сплетенная, конкретная ткань, в которой бьется живое чувство, одухотворяющее изложение. Мы обменялись впечатлениями и мыслями и разошлись с хорошим светлым чувством — в ожидании скорой встречи, в день научного крещения нового профессора.

Сегодня я снова был на лекции в Кабинете гравюр Румянцевской галереи; читала молодая Загоскина — о стансах Рафаэля, немного ученически, но так же мягко, тепло, одухотворенно, как и Н. М.

Вчера, идя из Комиссариата, я беседовал с О. Н. об ее душевном состоянии. Ее личико было затуманено и снова чувствовалась в ней скрытая волнующая и мучающая ее тайна. «Я не могу сказать», — ответила она на мой вопрос. Мне было тяжело, я чувствовал, что между нами остается стена, что есть какая-то сила, которая связывает и стесняет ее. Мы расстались, и весь остаток дня я ощущал в себе горький осадок, сознание своей отдаленности. Что чувствует О. Н.? Душевную усталость прекрасной юной натуры, которую смяли разрушающие бури революции? Чистая и светлая, она увидела весь ужас неприкрашенной действительности; красивый и нежный цветок, который склонился под бурным леденящим порывом. Склонился, но не сломался — он держится и цветет, но внутренние живые соки грозят иссякнуть, если его вянущие лепестки не озарятся солнечным светом. О, как бы я хотел стать солнечным лучом для этой чуткой и светлой души!..

5.XII.

Как быстро и незаметно уходит время! И как микроскопически мало я делаю в научном отношении! Весь день в Комиссариате, а вечера нередко гратятся на «постороннее»: в понедельник — поездка в Ивановское, к Леоновым, в четверг — пробные лекции С. А. (хорошо!), в субботу — собственная лекция на Курсах и в гостях у Воскресенской. Работаю урывками и остаюсь далек от намеченного плана.

С О. Н. — две мимолетных встречи: одна — в ее студии, другая — в Комиссариате; она проста, мила и ласкова со мною; в ней чувствуется доверчивая нежность и радостная спокойная удовлетворенность. В студии она бежала ко мне так изящно и легко, как будто летела на крыльях, оживленная и сияющая... Мы видимся так редко, урывками и мимоходом... Но по-прежнему я помню о ней все время.

Вчера на курсах я чувствовал себя несвободным и лекцией был сильно неудовлетворен, хотя по форме она была красивой и увлекательной. Восхищенные взгляды взволнованных красивых девушек были мне незаслуженной наградой.

24.XII.

Впечатления моей второй костромской поездки были менее радостными. Уезжая, я чувствовал себя неподготовленным, несмотря на усиленное чтение, успел

охватить только небольшую часть материала; конспекты к лекциям составлял наскоро, над формой изложения совсем не работал; в результате — менее уверенные и яркие выступления. Семинарии прошли лучше. Проект Сперанского был обстоятельно освещен лучшим из участников занятий Нифонтовым, но остальные были пассивными слушателями — вследствие неподготовленности. Хуже прошли лекции — особенно последние — о Пугачевщине и внешней политике (особенно форма изложения!) Но в общем было сносно; при данных, неблагоприятных, условиях я дал максимум того, что мог дать; правда, этот максимум далек от идеала!.. Мои слушатели остались довольны, я даже сделался «известным» и «популярным». Меня радовали хорошие, близкие отношения, сложившиеся со слушателями. Трогательно внимательное отношение студентов педагогического факультета, безыскусственно мила их вечеринка, на которую я был приглашен в числе немногих «избранных». Хуже, серее впечатление от факультетского заседания; ни одной яркой, выпуклой фигуры. В квартире Вяжилиского я чувствовал себя уютно и хорошо; мои отношения с костромичами — самые лучшие.

В поездке я встретился с А. А. Мануиловым, который усиленно приглашал меня в Ярославский университет. Среди впечатлений поездки несколько интересных образов: бывшей аристократки Сер. Никол. Эрдели, которая гостеприимно принимала меня в своей квартире, еще сохранившей отпечаток прошлого; бывшего генерал-губернатора Князева, изысканного и томного аристократа, который спустился до скромной должности помощника библиотекаря; студентки Птицыной, серьезно-вдумчивой и чуткой, декламировавшей тургеневское стихотворение о розах в обстановке темного зала; ярославской учительницы Шевыриной, с которой мы сразу заговорили так просто и по-дружески — об ее работе, склонностях и надеждах. Люди интересны и хороши, когда к ним подойдешь поближе и отнесешься просто и чутко...

Но милее и лучше всех — она, прелестная и нежная девушка, которой я так обрадовался после десятидневной разлуки. Мне кажется, что ее душа волнуется и трепещет, что в глубине ее сердца таится, крепнет чувство влечения. Правда ли?..

(Продолжение следует)

Примечания

1. В Курске.
2. Некрасов Алексей Иванович — гимназический товарищ Н. М. Дружинина, ставший крупным искусствоведом. В 1930-х годах преподавал историю русской живописи в Московском ин[ститу]те новых языков. Свои занятия проводил в Третьяковской галерее.

Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 годах

№ 108. Донесение начальника Иркутского ГЖУ полковника Балабина директору Департамента полиции

21 марта 1916 г.

Вследствие циркуляра от 22 декабря 1915 г. за № 81744 имею честь донести, что в Иркутской губ. существуют три правых организации: две в г. Иркутске и пос. Иннокентьевском.

1. Иркутский отд. Союза русского народа [СРН] открыт в г. Иркутске в ноябре 1906 года. Во главе отдела стоит Иркутский губ. совет, который собирается раз в неделю. Состав Иркутского губ. совета: председатель — Дриго Василий Трофимович, дворянин, 60 л., служит по вольному найму в иркутской казенной палате. Товарищ председателя — Пушкарев Степан Георгиевич, иркутский мещанин, 55 л., занимается мелкой торговлей. Секретарь — Теплоухов Яков Яковлевич, кр[естьянин] Иркутского уезда, 59 л., служит по вольному найму в иркутской казенной палате. Делопроизводитель — Мухин Валентин Григорьевич, мещанин г. Иркутска, 20 л., занимается письмоводством. Члены совета: Попов Алексей Николаевич, священник, 46 л.; Селиванова Надежда Семеновна, жена отставного полковника, 46 л., начальника женской гимназии Союза; Развадовский Александр Титович, иркутский мещанин, 35 л., домовладелец; Березин Дмитрий Петрович, крестьянин Иркутского уезда, с. Хомутовского, 40 л., цеховой; Рубцов Семен Данилович, иркутский мещанин, 54 л., чернорабочий; Виноградов Кузьма Павлович, крестьянин Енисейской губ., Ачинского уезда, Ужурской вол., 51 г., чернорабочий; Белорусов Родион Алексеевич, красноярский мещанин, 46 л., приказчик; Турбин Даниил Алексеевич, крестьянин Тобольской губ., Тарского уезда, Карсинской вол., 45 л., чернорабочий. Кандидат — Запольский Жан Никитич, потомственный почетный гражданин, 52 л., занимается письмоводством.

Деятельность Иркутского отд. распространяется на Иркутскую губ. и Забайкальскую область. Учрежден Иркутский отдел с целью развития национального русского самосознания и прочного объединения русских людей всех сословий и состояний для общей работы на пользу Отечеству — России единой и неделимой.

Деятельность отдела проявлялась в открытии подотделов в провинции, вербовке членов и распространении книг и брошюр, получаемых от Главного совета. В 1907 г. открыты подотделы: Нижнеудинский и Тунгейский. В 1909 г. открыта в г. Иркутске женская гимназия, принятая под покровительство Государыней Императрицей Александрой Федоровной.

При возникновении Иркутского отд. в нем насчитывалось более 200 членов; в настоящее же время всего числится в отделе 40 членов. Расцвет отдела происходил при первом председателе, начальнике иркутской таможни, действительном статском советнике А. Л. Страшневиче (переведен в Европейскую Россию), который, энергич-

но работая на почве распространения национальных идей, привлек много членов и учредил еженедельные воскресные литературные вечера и беседы, охотно посещавшиеся членами и посторонней публикой. После перевода Страшневича из Иркутска место председателя занял священник Алексей Николаевич Попов, при котором деятельность отдела стала замирать и воскресные вечера были упразднены. Инертность Попова охладила лиц, интересовавшихся Союзом, и число членов стало быстро уменьшаться, а среди небольшого числа оставшихся членов произошел раскол и образовалось несколько партий. Яблоком раздора была женская гимназия. В открытии этой гимназии принимал горячее участие иркутский купец Василий Григорьевич Боровиков, который внес в это дело и свои личные средства, почему и был избран почетным членом Союза. Священник Попов, оставив должность председателя совета отдела, устроился председателем попечительского совета гимназии и, чтобы самостоятельно распоряжаться доходами, выделил гимназию из отдела, оставив с отделом лишь только официальные отношения. В настоящее время в гимназии имеется капитал в 10 000 руб., который хранится в Сибирском банке.

В 1912 г. на должность председателя совета отдела временно попал Василий Дриго, который, не будучи утвержден в должности, продолжает исполнять ее и до настоящего времени. При нем Иркутский отд. пришел в полный упадок. Дриго считается здесь личностью темною; говорят, что вошел он в отдел исключительно в корыстных целях. Дриго ведет усиленную борьбу с Поповым за отчисление 10% из доходов гимназии в полное распоряжение его как председателя отдела.

Товарищ председателя Пушкарев, сообщник Дриго, человек совершенно нетрезвый и малограмотный. Кандидат Запольский — подпольный адвокат и вообще личность темная. Прочие члены отдела — люди малограмотные, совершенно не интересующиеся делами Союза.

Нижнеудинский и Тунгейский подотделы просуществовали некоторое время, заглохли и в настоящее время не проявляют, за отсутствием средств и членов, никаких признаков существования.

2. Иркутский отд. Русского собрания открыт в г. Иркутске Главным отделом Русского собрания в 1911 году. Во главе отдела стоит совет, состав его следующий. Председатель — вакансия. Товарищ председателя — Алексеев Петр Алексеевич, 38 л., статский советник, контролер Гос. сберегательной кассы управления Забайкальской ж. д. Члены совета: Зыков Яков Васильевич, 47 л., чиновник иркутской таможни; Нагибин Дмитрий Андреевич, 45 л., мещанин г. Томска; Зверев Иван Михайлович, 63 л., иркутский цеховой, чернорабочий; Протопопов Максимилиан Аполлинариевич, 40 л., чиновник окружного интендантского управления; Коковихин Гурий Ефимович, 39 л., крестьянин Вятской губ. и уезда, Нагорной вол., торговец; Власова Екатерина Васильевна, 18 л., дочь губернского секретаря, учительница; Комаров Николай Петрович, 55 л., потомственный почетный гражданин, занимается частной конторской службой.

В отделе состоит в настоящее время около 50 членов. Отдел содержит мужскую гимназию. Отдел пользуется симпатиями монархистов.

Товарищ председателя Алексеев состоит в Русском собрании по убеждению: это человек энергичный, преданный своему делу. Среди прочих членов отдела выделяются энергией и преданностью делу: Зыков, Комаров и Власова.

3. Иннокентьевский отд. Русского народного союза имени Михаила архангела [СМА] открыт Главной палатой Союза в августе 1912 года. Управление отдела: председатель — Ленкой Василий Степанович, 65 л., вятский мещанин, торговец; товарищ председателя — Шевченко Иван Иванович, 48 л., личный почетный гражданин, приказчик; секретарь — Байбородин Петр Михайлович, 45 л., иркутский мещанин, домовладелец. Членов насчитывается около 70 чел., но многие из них призваны на военную службу, и потому отдел в настоящее время бездействует. Большинство членов — рабочие.

В Забайкальской обл. существует только одна правая организация: Забайкальский отд. СРН, в состав которого входят низшие служащие Забайкальской ж. д. в районе станции Верхнеудинск в числе 45 человек. В смысле прочности, организованности и партийной самодеятельности отдел не представляет ничего серьезного. Ввиду низкого интеллектуального развития членов отдел влияния на местное население почти не имеет.

Во главе отдела стоял священник Верхнеудинского собора Платон Барышев, ныне находящийся на войне. Его заменил главный кондуктор Верхнеудинских бригад Екатеринбургский мещанин Алексей Григорьевич Мерзляков, действительно убежденный, идейный работник, пользующийся авторитетом в своей среде. Наиболее выдающимся идейным работником на этом поприще в Забайкалье следует признать начальника Забайкальской православной духовной миссии в Чите архимандрита Ефрема, которому удалось сплотить кружок членов СРН в составе около 500 чел. (преимущественно простолюдины). Но это относится к послереволюционному периоду: в настоящее время кружок этот не существует.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 158—160 об.

№ 109. Донесение Бакинского ГЖУ директору Департамента полиции Е. К. Климовичу

22 марта 1916 г.

Вследствие циркуляра Департамента полиции от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу вашему превосходительству, что в районе вверенного мне управления существует одна только монархическая организация — Бакинский губ. отдел Всероссийского Дубровинского СРН, функционирующая в пределах Бакинского градоначальства. В настоящее время в названном отделе насчитывается 122 члена, причем председателем его состоит крестьянин Пензенской губ. Нижне-Ломовского уезда, Головиньшинской волости и села Сергей Иванович Котиков, неразвитый и необразованный человек, имеющий в г. Баку гробовое заведение. По сведениям местной полиции, деятельность Котикова проявляется в подаче различного рода кляузных прошений и в «пустых и нескладных» разговорах о целях своего Союза.

Состав названной организации по своему развитию стоит на низком уровне и потому активной и целесообразной поддержки правительству в борьбе с революционным движением оказать не может. Прочность, организованность и партийная самодеятельность ее какими-либо конкретными данными до сего времени не отмечены, характеристика же самого председателя Котикова и малочисленный состав организации дает основание придти к заключению, что степень влияния ее на местное население весьма слабая

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 160—162. Донесение подписано за начальника ГЖУ полковником Шатовым.

№ 110. Князь А. П. Голицын (Ефремов Тульской губ. — князю Д. П. Голицыну-Муравлину (Петербург)

25 марта 1916 г.

Прилагаю письмо председателя Тульского отделения СРН Михаила Алексеевича Орфенова («Рязанец»).

Неужели допущена будет легализация разных подлых союзов? Дела не пускают отсюда, а необходимо повидаться с тобою, чтобы посоветоваться, как мне жить дальше. Я совершенно извелся, и нужен выход, все равно какой — хотя бы пуля в лоб. Страшно жизнь в деревне осложнилась вследствие отсутствия рабочих рук и дороговизны.

Участвуешь ли ты в аграрной группе Гос. совета? Выбор президиума — не важен.

Обнинский застрелился и хорошо сделал; я этого мерзавца знал. Очевидно, проворовался, как все леваки.

[Приложение:]

«Рязанец» (Тула) — князю А. П. Голицыну (Ефремов Тульской губ.).

1 марта 1916 г.

Ах, все плохо у нас в России... Получаю сведения, что подкоп на Верховную власть подготовлен... Напрасно разрешают съезды союзов земств и городов... Они готовят гибель самодержавной власти, России и всем истинно-русским людям... Напрасно разрешают съезды: промышленный и все другие, исключительно преследующие одну гибельную для государства политику. Еще хуже будет, если допустят легализацию союзов земского и городского... Растрата миллионов налицо, подложная телеграмма Челнокова обсуждалась в Думе, а к ответственности никого не тянут. Всем решительно будет плохо, если, храни Бог, будет какой-либо переворот...

Со вчерашнего дня я просто впал в отчаяние... Гучков с... сын уехал под видом болезни на юг, оставив по Москве и Петрограду свою подлую каверзу. Он напоминает бывшего министра армянина Лорис-Меликова, в конце царствования Александра II... Откройте глаза истинным сынам России...

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1054, л. 20-20 об.

№ 111. Донесение начальника Курского ГЖУ директору Департамента полиции

28 марта 1916 г.

Доношу, что вверенная моему наблюдению губерния покрыта сетью подотделов СРН, руководимых отделом, находящимся в г. Курске. Во главе последнего стоит член 4-й Гос. думы священник Мешковский. Членами как отдела, так и подотделов состоят преимущественно курские помещики и купцы. В рядах союзников также много представителей дворянства и земских деятелей. В настоящее время Союз ничем своей деятельности не проявляет. В период войны заметно уменьшилось число членов, что объясняется призывом их в действующую армию.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 165-165 об.

№ 112. Дополнительное разъяснение к циркуляру Русского народного Союза Михаила архангела от 23 марта 1916 года.

[Март --- апрель] 1916 г.

Участие в мировой войне, вызывающей в России высшее напряжение всех ее народных сил, требует, чтобы всякие внутренние раздоры и несогласия были прекращены на время войны. Не только русские люди, но и все российские подданные всех партий, направлений должны, забыв о своих взаимных несогласиях, сплотиться воедино для защиты общей родины и для достижения полной победы.

Такого единодушия требует от нас и Верховный Вождь земли Русской, и это вполне согласуется со здравым пониманием того серьезного положения, в котором находится наше русское отечество. Необходимость отречения от партийной политики и устремления всех народных сил на подготовку победы были поняты [в начале] войны даже противомонархической интеллигенцией до социал-демократов включительно. Почти в течение всего первого года войны никакой партийной борьбы в России не замечалось ни в Государственной думе, ни в обществе, ни в печати.

При этом должно отметить, что в то время как мы, правые, свято исполняли свой долг перед родиной и воздерживались от обсуждения острых вопросов внутренней политики, левые — главным образом еврейские — газеты вели себя по отношению к монархистам вызывающим образом, толкуя события в том смысле, что война, как бы она ни кончилась, положила конец монархизму (так в тексте. — Ю. К.), т. е. Россия после войны должна стать государством конституционным. Монархисты на эту провокацию левых, в виду военных обстоятельств, не отвечали.

Тем временем настала весна 1915 г., в Галиции началось наступление армий Макензена, а в нашей армии обнаружился недостаток боевого снаряжения. Армии нашей пришлось отступить в глубь России. Родина переживала трудную годину. Крупная конституционная буржуазия, поддерживаемая евреями, решила использовать этот момент для того, чтобы расширить свои права за счет царского Самодержавия и, стало быть, за счет всего русского народа. В Думе образовался так наз. Желтый блок, который начал просить (причем просьба походила на требование) немедленного введения еврейского равноправия и назначения министров по указанию Думы.

Требование Блока, как известно, кончилось роспуском Думы в сентябре истекшего года, но на что в данном случае должно быть обращено внимание, так это на то, что создавшееся политическое положение внесло некоторое несогласие среди видных деятелей нашей монархической партии в Государственной думе.

Одни из думских монархистов, и в том числе председатель Главной палаты СМА В. М. Пуришкевич, полагали, что, несмотря на вызывающий образ действий большинства Думы и идущих вместе с нею учреждений, монархисты по-прежнему должны идти своей дорогой и, не обостряя своим вмешательством в партийную политику разгоревшихся страстей, продолжать служение отечеству на поприще войны и соединенных с нею нужд и потребностей.

Другие столь же выдающиеся монархические деятели, — между прочим Н. Е.

Марков 2-й и Г. Г. Замысловский, — находили нужным выйти из молчаливого положения и дать отпор зазнавшемуся и зарвавшемуся Желтому блоку.

Мы отмечаем прежде всего, что между двумя указанными точками зрения не было и нет принципиального различия. Спор шел лишь о той тактике, которой должно в данном случае придерживаться.

Многие члены Главной палаты СМА, относясь к ближайшим выступлениям гг. Маркова 2-го и Замысловского с искренним восхищением и ценя гражданское значение этих выступлений, нашли, однако, более целесообразным стать на точку зрения своего председателя В. М. Пуришкевича. Такое решение было принято потому, что, согласно их мнению, в партийных выступлениях монархистов серьезной нужды сейчас не ощущается и что правительство, назначенное Государем Императором, само, при желании, может положить предел конституционным вожделениям буржуазии, олицетворенной в думском большинстве. Такая оценка положения тем более правильна, что и самая требовательность Думы возникла из политики уступок, которую усвоило правительство с самого начала войны, уволив, между прочим, в угоду Думе, несколько правых министров¹.

Правильно или неправильно мы действуем, покажут события, но так или иначе всякие слухи о полевении Русского народного СМА и его председателя, поддерживаемые иногда и правыми газетами, основаны на чистейшем недоразумении.

В. М. Пуришкевич и Главная палата СМА по-прежнему непреклонны в своей всегдашней верности и преданности триединому символу Православия, Самодержавия и Русской России.

За председателя Союза Товарищ Председателя Н. Облеухов².

Секретарь Союза Член Главной Палаты Н. Юскевич-Красковский.

ГАРФ, ф. 117, оп. 1, д. 282, л. 1—1 об.

1. Имеется в виду отставка в шоне 1915 г. Н. А. Маклакова и последовавшие за ней отставки И. Г. Щегловитова, В. К. Саблера и др.
2. Н. Д. Облеухов (ум. после 1916 г.) — публицист, в 1906—1916 гг. — редактор различных периодических изданий правого направления: «Колокола» (1906), «На каждый день православному христианину» (1907—1910) и др. Товарищ председателя Главной палаты СМА, близко стоявший к Пуришкевичу. В 1913 г. опубликовал под псевдонимом «П. Ухтубужский» книгу «Русский народ в Азии» (с послесловием Пуришкевича), в которой повествовалось о переселении в Сибирь и о «желтой опасности». В годы войны в связи с отъездом Пуришкевича в действующую армию продолжительное время выполнял роль руководителя Союза. Разделял «особую» позицию Пуришкевича: англофильство, неучастие в совещаниях, съездах и др.

№ 113. Донесение начальника Волынского ГЖУ директору Департамента полиции

6 апреля 1916 г.

Доношу вашему превосходительству, что сведения по циркуляру Департамента полиции (4-е делопроизводство) от 22 декабря 1915 г. за № 81744 о положении монархических организаций в районе вверенной моему наблюдению Волынской губ. представлены мною вашему превосходительству в месячном докладе о настроении населения губернии 28 марта за № 17.

К сведениям, изложенным в означенном докладе и точно характеризующим современное положение и значение существующих на Волыни монархических организаций, считаю необходимым донести более подробные данные о личном составе и деятельности этих организаций.

1) СРН разделяется на самостоятельные отделы: а) в г. Житомире, председателем коего состоит отставной генерал-майор Красильников и членами совета — многие лица местного духовенства, чиновничества и отставные офицеры. Отдел этот имеет в своем распоряжении местную довольно распространенную среди населения газету «Жизнь Волыни». Общих собраний своих членов отделом не устраивается, регистрации членов не ведется, и единственное за время войны выступление этого отдела для патриотических манифестаций в городе по случаю взятия крепости Перемышля показало малочисленность, всего около 200—300 членов отдела.

Председатель Житомирского отд. отставной генерал-майор Красильников — 75-летний старик, но еще бодрый и подвижной. Он же является владельцем выше-названной газеты «Жизнь Волыни». Человек безусловно четный и идейный, пользующийся общим уважением.

б) в г. Овруче — под председательством отставного полковника Тимофея Горбуленко, состоящий всего из 40—50 человек.

в) в м. Норинске Овручского уезда, под председательством местного крестьянина, всего из 30—40 человек.

г) в м. Словечно Овручского уезда, под председательством священника о. Антона Ищука, в составе до 200 человек.

2) СМА в м. Искорости Овручского уезда, под председательством бывшего машиниста Юго-Западной ж. д., членов числится до 300 чел., в большинстве служащие на железной дороге. Деятельности какой-либо этот Союз не проявляет и председатель его пользуется своим положением лишь для проведения своих личных дел, по местным сведениям, не всегда безупречных.

Вышеназванные отделы СРН, слабые по своему численному составу, раздробленные на самостоятельные отделы и не имеющие органа для объединения и направления своей деятельности, вообще на широкие массы населения в настоящее время особого влияния не имеют, и деятельность отмечается лишь в совете Житомирского отд., реагирующего на более выдающиеся события общественной и политической жизни организацией манифестаций, посылкой телеграмм и через имеющуюся в распоряжении председателя совета местную газету «Жизнь Волыни», освещающую и разбирающую злободневные вопросы в определенном патриотическом направлении. Совет Житомирского отд., не располагая в настоящее время определенной силой, за сравнительной малочисленностью своих членов, благодаря нахождению в губернском городе, идейному и интеллигентному составу совета и газете, может иметь значение при выборах: местных, городских и в Государственную думу.

Несравненно сильнее и жизненнее по своему значительному составу и организованности является Почаевский СРН, объединяющий десятки тысяч главным образом крестьян прилегающих к Почаевской Лавре уездов. Союз этот, во главе коего стоит архимандрит Виталий, человек выдающийся по энергии и организаторским способностям, имеет громадное влияние на местное население и может сыграть большую роль для борьбы с революционной агитацией.

В настоящее время он ослаблен и несколько дезорганизован эвакуацией по военным обстоятельствам именно ближайших к Лавре уездов, занятием неприятелем самой Лавры как центра, объединяющего деятельность Союза, и призывом в действующую армию многих членов, но архимандрит Виталий не теряет связи с членами Союза и в настоящее время проявляет весьма энергичную деятельность по созданию в г. Здолбуново Острогского уезда временного приюта на 2 тыс. человек для ожидаемого в будущем возвращения беженцев, что даст ему общение с сотнями тысяч беженцев, еще более укрепит его популярность среди населения и безусловно будет иметь значение для расширения Союза.

Отрицательная сторона этого Союза и руководителя его архимандрита Виталия — некоторая крайность, нетерпимость его к евреям, при известном обострении могущая повести к открытому выступлению против евреев, к предотвращению которого он едва ли проявит присущую ему энергию.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 177—178.

№ 114. Донесение начальника Уфимского ГЖУ генерал-майора Устинова Департаменту полиции

6 апреля 1916 г.

Имею честь донести Департаменту полиции, что в пределах Уфимской губ. монархических организаций в настоящее время не существует. По негласным сведениям, в г. Уфе имеется до пяти тысяч сочувствующих означенной организации лиц, но деятельность их совершенно ни в чем не проявляется.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 176.

№ 115. Донесение начальника Псковского ГЖУ директору Департамента полиции

16 апреля 1916 г.

Имею честь донести вашему превосходительству, что в уездах вверенного мне района монархических организаций в настоящее время не имеется. Объясняется это тем, что отдельные монархисты в огромном большинстве случаев прилагают свою энергию на пользу отечества, поступив на те или другие должности, обслуживающие

войска. Главные представители монархистов, как например, предводители дворянств, все свое время отдают на те же заботы о войсках, их довольствии, об устройстве беженцев и пр. Ввиду этого даже те организации, какие существовали до войны, как, например, в г. Пскове — отдел Всероссийского национального союза, в г. Опочке — небольшая партия монархистов во главе с членом Гос. совета Офросимовым, в г. Великих Луках — бывшие отделы СРН, — даже и эти организации теперь совершенно распались, не составляют собраний и вообще ничем не проявляют своей деятельности. Отсутствие монархических организаций, между прочим, выразилось и в том, что на бывший съезд монархистов в Нижнем Новгороде не было послано из Псковской губ. ни одного человека. Несомненно, это объясняется не малочисленностью монархистов, а стремлением каждого из них в отдельности помочь правительству лично, чем только возможно, в одержании победы над врагом, на что и затрачивается вся энергия, не оставляя времени ни для группировок отдельных лиц в партии, ни для собраний. Несомненно также, что с окончанием войны или же с появлением случаев каких-либо выступлений левых организаций, в настоящее время ничем себя не проявляющих, монархические организации в губернии немедленно возобновятся и приступят с усиленной энергией к выполнению своих партийных задач.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 182—182об.

№ 116. Н. П. Муратов ¹ (Петроград) — А. Н. Нарышкиной

16 апреля 1916 г.

Глубокоуважаемая Александра Николаевна!

Вы не поверите, как бесконечно счастлив я был, получив Ваше письмо, особенно после отправки письма к Марии Александровне, в котором я спрашивал о состоянии Вашего здоровья. До меня дошли слухи, что Вы опять простудились, серьезно заболели и, хотя ничего опасного нет, но у Вас будто бы явилась какая-то апатия... И вдруг на смену этим скверным слухам Ваше письмо с целым рядом вопросов, на которые, конечно, спешаю ответить.

Вполне понимаю Ваш вопрос, каким образом я мог очутиться членом революционного сообщества и не сон ли все, что со мной случилось 9 марта. Увы, не сон, а самая настоящая действительность! Сознаюсь, что действительно требовалась большая сдержанность, чтобы не закричать, не завопить по поводу всех выслушанных речей. Но я предпочел тщательную запись всего виденного и слышанного и сейчас же по этой записи сделал доклад правой группе [Государственного совета], а через два дня поехал к Штюрмеру, сообщил ему все на словах и в дополнение к устному докладу представил и подробнейшую запись. Таким образом я исполнил свой долг, не сокрыл ничего, причем не могу носить титула ни сыщика, ни доносчика, ибо в Комитет я пошел не по собственному побуждению, а был приглашен. Остаются неразрешенными вопросы, зачем меня приглашали, зачем при мне говорили революционные речи? Но на эти вопросы я нашел ответ в предположении о простой ошибке канцелярии: меня считали «заведывающим продовольственным делом в империи», и так как заседал «продовольственный отдел» военно-промышленного комитета, то и послали приглашение «заведывающему продовольствием». По той сумятице, которая поднялась среди жидов по окончании заседания, когда я стал собирать свои записочки, по тем злым взглядам, которыми меня провожали, я догадался, что для всех членов комитета мое появление было действительно сюрпризом и что тому секретарю, который послал мне приглашение, пожалуй, не сдобровать. Во всяком случае и мой доклад Штюрмеру и моя Записка должны сыграть свою роль и если не в состоянии сделать «бывшее не бывшим», то во всяком случае снабдить правительство таким доказательством, против которого никакие защитники военно-промышленных комитетов не в состоянии будут что-либо возразить.

...Дай Бог, чтобы яркая свеча, которую Вы пронесли через всю Вашу жизнь без чада и копоты мелочных интересов, чтобы эта свеча еще долго горела, освещая путь многим, и чтобы от нее зажигались другие, более мелкие, с меньшим светом, но с тем же чистым огнем.

Позвольте обратиться к Вам с усерднейшей просьбой попросить Марию Александровну Аляеву раза два в неделю открытками сообщать мне о Вашем здоровье.

Душевно преданный, весьма благодарный Муратов.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 60, л. 56—59об. Письмо на бланке: «Уполномоченный главного начальника снабжений Юго-Западного фронта и главного начальника Одесского военного округа по очищению 100-верстной полосы. Член Государственного совета камергер Высочайшего двора Н. П. Муратов».

1. *Н. П. Муратов (рожд. 1861 г.) — правовед; с 2 сентября 1906 г. — тамбовский, с 1912 по 19 января 1915 г. — курский губернатор, затем член совета министра внутренних дел, зав. продовольственной частью. С 1915 г. член Государственного совета; был главноуполномоченным по закупке кож для нужд армии.*

№ 117. Н. Н. Родзевич (Одесса) — М. А. Орфенову¹ (Тульский отд. СРН)

24 апреля 1916 г.

Застал Ваше письмо лишь по возвращении с фронта, куда отвозил пасхальные подарки. Рад был воочию убедиться в бодром настроении наших славных войск. Прискорбно видеть предательство в нашем правом лагере, но все же лучше, что ряды наши очищаются от недостойных элементов. Да будет дружина хотя малая, да крепкая. Верю, что дружными усилиями верных сынов родины побеждены будут ложь и крамола и воссияет солнце правды на святой Руси.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 598, л. 607.

1. *М. А. Орфенов — нотариус; с 1913 г. — председатель Тульского отд. СРН.*

№ 118. И. И. Дудниченко (Одесса) — Л. Т. Злотникову (Петроград)

24 апреля 1916 г.

Как только возвратился из Бессарабии, я немедленно начал хлопоты о разрешении вашей лекции. Пришлось бегать из одного места в другое, а в результате — нуль. Оказывается, что «нам нужно единение для победы, а не натравливание одной части населения на другую во время войны», почему все вообще лекции, наподобие Вашей, никому не разрешаются. На мои возражения, что темные антигосударственные силы делают наскок на власть, на мои фактические указания, что сплоченный жидовский кагал сеет сам революцию, мне отвечают, что дело это одно, а организация специфических лекций — дело другое, до окончания войны и думать нельзя о получении разрешения на Вашу лекцию. Впрочем, я знал это и раньше, ибо здесь русская мысль заброшена совсем. Монархические организации взяты в такие тиски, что стыдно, больно и горько становится за русский народ. Ваша же лекция так прошумела в России, что от Вас открещиваются, как черт от ладана. Поживите в Одессе, и Вы узнаете, что значит гнет жида. Все пляшет под его дудку. Дороговизна стоит сказочная. Власти у нас нет. У нас есть жид. Пишу это вам не для опубликования, ибо «Русское знамя» достаточно уделяет этому позорному явлению места, но все это остается гласом, вопиющим в пустыне. Мой Вам совет такой: ничего не говоря и не писав о моих безуспешных хлопотах, Вы лично подайте одесскому генерал-губернатору и одесскому градоначальнику¹ прошения о разрешении Вам прочесть лекцию, причем приложите по 3 экземпляра афиши и по 3 экземпляра программ, указав, что быть ответственным лицом (распорядителем) Вы уполномачиваете меня или кого-либо другого.

Здесь сведущие лица полагают, что Вам побоятся отказать, хотя в эту боязнь не верю — здесь никого и ничего не боятся. Во всяком случае, струны не натягивайте, так как я ищу другие пути к удовлетворению Вашей просьбы.

В Одессе был Замысловский. То, что я услышал от него, о чем я сам догадывался, привело меня в ужас. Мы хлопочем о всероссийском съезде представителей монархических организаций. Помогите в этом направлении, чтобы не получилось отказа².

ГАРФ, ф. 1021, оп. 265, 1916 г., д. 1054, л. 38—38 об.

1. *Одесский генерал-губернатор и командующий войсками Одесского военного округа М. И. Эбелов; одесский градоначальник в 1911—1916 гг. — И. В. Сосновский.*
2. *Учитывая, что Пуришкевич и его ближайшее окружение по Главной палате СМА выступали против проведения «партийных» совещаний и съездов во время войны, просьба была направлена явно не по адресу.*

№ 119. Телеграмма товарища председателя Саратовского губ. отдела ВДСРН К. Барышева (Саратов) — главному совету Дубровинского союза

25 апреля 1916 г.

Члены Союза и организаторы в количестве 100 чел. выражают полное негодование действиями казначея Евдокимова, именующего себя председателем, и других его последователей, посягнувших на чужую собственность, чем разрушают Союз. Убедительно просим ускорить утверждение представленного списка нового состава членов Совета. Считаем законным председателем только Карпенко, под руководством которого и ведутся собрания, как деятельного и полезного человека и главного организатора Союза. Просим утвердить ему мы только и доверяем, а не самозванцам, задавшим[ся] целью личной наживы. Результат благоволите ускорить телеграфом, чем поднимете вновь нашу энергию по Союзу. Товарищ председателя К. Барышев, члены Союза Чернышов, А. Цукин, Адалин, Сердобинцев, Колпаков, Тимофеев, Андриянов, Лапшов. Полещиков, Секретарь Союза Артамонов. Саратов. Уг[ол] Астраханской [и] Большой Горной. Чайная союза, д[ом] Лютова, Барышеву.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 468, л. 96—97.

№ 120. Донесение и. д. начальника Владимирского ГЖУ Департаменту полиции

25 апреля 1916 г.

Вследствие циркуляра Департамента полиции и предложений за №№ 81744, 70306 и 70422 имею честь представить Департаменту полиции список монархических организаций, причем докладываю, что исполнение означенного циркуляра было задержано моим предместником (я вступил в должность лишь 1 апреля с. г.) в силу неполучения сведений от владимирского присутствия об обществах и союзах.

Просимые сведения не доставлены последним и до настоящего времени, вследствие чего допускаю, что представляемый список может оказаться неполным, хотя обязуюсь доложить, что значение монархических организаций во Владимирской губ., независимо [от] их количества, совершенно ничтожно и значительной роли владимирские организации во всяком случае сыграть не могут.

Приложение: Список.

Список монархических организаций Владимирской губ. на 1 апреля 1916 г.

[Название союза или отдела; местонахождение и район действий; руководители; число членов; степень организованности и интенсивности деятельности, характер таковой]

1. Владимирский губ. отд. СРН Дубровинского толка.

Г. Владимир; район — город и Владимирский уезд.

Председатель: Чернов Дмитрий Антонов, хуторянин. Товарищи председателя: Попов Иван Иванович, бухгалтер владимирского губ. акцизного управления; Лукьянов Алексей Андреевич, крестьянин. Члены правления: Подвизнов Петр Иванов, крестьянин; Афонский, о. Алексей, свящ. с. Богословова; Бобков Андрей Иванов, слободской старшина; Курицын Иван Борисов, крестьянин; Корнилов Николай Григорьев, крестьянин.

150 [членов].

Деятельности никакой не проявляет, хотя председатель Чернов участвовал в Нижегородском съезде 22—23 ноября 1915 года. Означенный Чернов человек деятельный, но отдает свои силы не Союзу, а посторонней благотворительной деятельности.

2. Ореховский Покровского уезда СРН Дубровинского толка.

С. Орехово; район — фабрики Орехово-Зуевского округа.

Председатель: Андреев Федор Евсеев, мастер ткацкой фабрики.

700 [членов].

В настоящий момент деятельность этого отдела ни в чем не проявляется. Членские взносы уже не платятся, собраний никаких не бывает, кроме духовно-нравственного чтения по праздничным дням. Члены правления переходят понемногу в общество «Ревнителеев православия», организованное священником о. Георгием Жуком.

3. Ковровский отд. СРН.

Г. Ковров; район — город.

Председатель: Шитов Павел Степанович, секретарь Ковровской гор. управы. Члены правления: Маньков Николай Михайлович, земский начальник.

800 [членов].

Хотя председатель представляется человеком идейным, но работа его не привела к созданию дружной и живой организации. Отдел в настоящее время совершенно

бездеятелен и во всех отношениях слаб. Тем не менее отдел посылал в 1915 г. 22 ноября в Н.-Новгород на съезд Манькова.

4. Муромский отд. СРН Дубровинского толка.

Г. Муром; район — город.

Председатель: Емельянов Владимир Маркович, купец. Товарищ председателя: Елин Николай Матвеевич, мещанин. Делопроизводитель: Гладков Николай Федорович, писец мещанской управы. Члены правления: Андриин, скупщик старья; Гундобин, содержатель ссудной кассы; Ефимов, содержатель ссудной кассы; Стулов, скупщик старья; Князев, каменщик; Суздальцев, кузнец; Патырмин, маляр; Коршунов, мясник; Панов, приказчик; Степанов, приказчик, Волков, плотник; Вязниковцев, кузнец.

14 [членов].

Никакой деятельности не проявляет.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 189—191 об.

№ 121. Донесение начальника Рязанского ГЖУ Департаменту полиции

26 апреля 1916 г.

В пределах Рязанской губ. в данное время являются представителями правых монархических организаций: 1) отдел СРН и 2) отдел Русского народного СМА; из них первый влачит свое существование еще со времен так наз. «освободительного движения», а второй — с 1913 года. Говорить серьезно о том, чтобы обе эти организации в теперешнем их составе могли оказать какую-либо активную поддержку правительству в борьбе с революционным движением, не приходится, так как организации эти на местное население влияния никакого не имеют, да мало кому даже известны.

Из этого, впрочем, не следует, чтобы организации эти, в более опытных и практических руках, не смогли бы развернуться в критический момент в полезную для правительства силу, так как прошлое Рязани (1905—1906 гг.), как видно из нижеследующего примера, показало противное: когда по объявлении Манифеста 17 октября толпу рязанцев, собравшихся в городском саду, два—три юрких еврейчика пытались направить на антимонархические выступления, в толпе этой быстро нашлись лица, под влиянием которых дерзкие еврейчики были избиты до полусмерти. Не имею никаких оснований предполагать, чтобы в настроении рязанцев за истекшее десятилетие произошла такая перемена, которая побудила бы их ныне при аналогичных обстоятельствах поступить с агитаторами не так, как поступали они в октябрьские дни 1905 года.

В данное время ячейки ранее существовавших в более определенной форме организаций СРН сохранились в сколько-нибудь осязательной форме лишь в трех пунктах: в городах Рязани и Зарайске и в Спасском уезде. Руководителем Союза по губернии является преосвященный Димитрий, епископ Рязанский и Зарайский, который своими крайне резкими проповедями гипнотизирует простонародье и восстанавливает против себя как пастыря церкви большую часть положительно настроенного населения г. Рязани.

Собственно Рязанский гор. отдел насчитывает до 200 членов, из коих большинство, малоинтеллигентное, следует причислить не столько чисто к союзникам, сколько к почитателям владыки, религиозным фанатикам, мало способным, по трусости и преклонному возрасту, к борьбе вообще, а к политической в частности. Интеллигентную часть городских рязанских союзников составляют по преимуществу лица духовного звания и — ранее, при вице-губернаторе Колобове (ныне Екатеринославском губернаторе), — многие чиновники и служащие губ. правления, из коих в настоящее время осталось в Союзе очень немного.

Зарайский отд. Союза, насчитывавший ранее 185 членов, ныне состоит всего из председателя — разорившегося местного помещика дворянина Николая Николаевича Оболдуева, и кассира — кассира Зарайского уездного казначейства Михаила Ивановича Попова; наличность кассы отдела — 14 рублей. Оболдуев и Попов — убежденные правые, в особенности последний; нет сомнения, что при нужде они смогут и сумеют окружить себя надежным элементом, а это для Зарайска, фабрики коего кишат иноплеменниками, крайне желательно.

Спасский отд. Союза насчитывает в уезде и городе свыше 50 членов; большинство их — духовенство и крестьяне. Убежденным руководителем отдела является

священник с. Деревенского о. Александр Урбанский и наиболее активным членом — крестьянин с. Инякина Михаил Федорович Овечкин.

В остальных уездах и городах губернии есть, конечно, отдельные лица, продолжающие числиться в Союзе, ничем себя ныне не проявляющие, но при благоприятных условиях могущие сплотить в уездные ячейки распавшихся членов существовавших ранее уездных отделов.

Отдел Русского народного СМА организован в г. Рязани в 1913 г. служившим ранее нижним чином городской полиции в гг. Баку, Киеве и Нижнем Новгороде, а ныне числящимся частным поверенным Николаем Ивановичем Пигнатти — большим практиком и человеком очень ловким, появившимся не более трех лет тому назад в г. Рязани с целью поступить в полицейскую стражу. Кто рекомендовал Главной палате СМА вышеупомянутого Пигнатти и каким путем он получил полномочия на открытие в г. Рязани отдела СМА, мне в точности неизвестно. Несмотря на энергию, с которою взялся за дело Пигнатти, ему едва ли удалось бы в то время организовать что-либо существенное, если бы не начавшаяся война, давшая известное настроение, коим удачно воспользовался Пигнатти, учредив лазарет-патронат на 10 коек под флагом Голубого Креста. Благодаря этому обстоятельству под Голубой Крест потекли пожертвования, а вместе с этим стало увеличиваться число членов Союза, перешедшее ныне за полусотню по г. Рязани и имеющее нескольких пока одиночных представителей почти во всех уездах губернии. Какой-либо активной политической деятельности и этот Союз не проявляет, если не считать делаемых изредка членами Союза заявлений о вредном в политическом отношении направлении того или другого из служащих, общественных деятелей или частных лиц. Держится Союз исключительно на Пигнатти, который в случае надобности в настоящее время сможет организовать крепко спаянное ядро для активной борьбы с подпольем.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 193—195.

№ 122. Донесение и. д. начальника Орловского ГЖУ полковника Долгова Департаменту полиции

28 апреля 1916 г.

Вследствие циркулярного предписания от 22 декабря 1916 г. за № 81744 имею честь донести Департаменту полиции, что в пределах вверенного моему наблюдению района имеется лишь одна правая организация — Орловский отд. СРН, насчитывающий своих сторонников до 500 человек. Председателем отдела состоит присяжный поверенный Яков Афанасьевич Померанцев, ближайшими же сотрудниками и наиболее активными членами организации являются: помещик Петр Лаврентьевич Чистяков, купец Павел Петрович Гайдуков, бывший председатель Иваново-Вознесенского отд. СРН губернский секретарь Иван Петрович Баринов, протоиерей о. Илья Ливанский и потомственный почетный гражданин Константин Сергеев Красильников.

Прочность и организованность названного Союза нельзя считать удовлетворительной: многие сторонники его под влиянием общественного мнения предпочитают оставаться в числе тайно сочувствующих идее названной организации, деятельность которой за последние годы свелась исключительно к изданию местной газеты «Орел», являвшейся резко обличительным органом ненормальных проявлений городской и общественной жизни в губернии, вследствие чего газета эта возбудила против себя неудовольствие многих жителей, хотя тираж ее довольно значительный. Редакторство и издательство газеты возложено на К. С. Красильникова — фанатичного идейного, но резкого по характеру работника, последствием проявления которого объясняется как уклонение многих интеллигентных представителей правой части населения от участия в деятельности Союза, так и попытка их организовать местный отдел общества «За Россию». В состав учредителей последнего вошли: председатель орловской уездной земской управы Сергей Александрович Цуриков, нотариус Вячеслав Васильевич Марков, начальник 1-го отделения казенной палаты князь Леонид Николаевич Волконский, орловский уездный предводитель дворянства Николай Николаевич Бурнашев и полковник в отставке Павел Петрович Гремяченский. Деятельность этого общества до настоящего времени еще не приняла никаких реальных форм.

Отделы вышеуказанного Союза имеются в городах: Карачеве — председатель

мещанин Александр Васильевич Петров, Дмитровске — председатель земский начальник Петр Петрович Шамшев, Ельце — председатель елецкий мещанин Дмитрий Дмитриевич Руднев, и в селе Куракине Малоархангельского уезда — председатель крестьянин с. Куракина Федор Васильевич Ададуров.

Личный состав названных Отделов крайне незначителен и особой деятельности они не проявляют.

Перечисленные лица в местной общественной среде особо выдающейся популярностью не пользуются.

К сему докладываю, что в числе сторонников СРН пока не наблюдается лиц, вошедших в эту организацию из каких-либо побуждений иного характера, кроме стремления их быть полезными деятельности названного Союза.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во 1915 г., д. 151, л. 197—198.

№ 123. Донесение начальника Витебского ГЖУ Департаменту полиции

5 мая 1916 г.

Во исполнение предписания от 22 декабря минувшего года за № 81744 докладываю, что в Витебской губ. функционируют две монархические организации — Отдел СРН и отдел Отечественного патриотического союза.

Отдел СРН насчитывает около 60 членов под председательством учителя приготовительного класса Александровской гимназии С. М. Рафановича; его товарищами состоят служащий в Витебский губ. земской управе Ф. С. Пациорковский и учитель в школе глухонемых (сам говорит и слышит очень плохо) надворный советник И. О. Васютович, секретарем состоит служащий в витебской контрольной палатке крестьянин Л. К. Окуневич и казначеем — отставной фельдфебель, ныне десятник Риго-Орловской ж. д. С. А. Носков.

Названные лица в смысле развития оставляют желать очень многого и среди местного населения авторитетом не пользуются. Никакой самодеятельности отдел Союза не проявляет как в смысле партийной жизни, так и в смысле оказания какого-либо содействия администрации в борьбе с различными проявлениями преступного характера, и все мои неоднократные попытки использовать в этом направлении хотя бы в самой незначительной мере этот отдел успеха не имели.

Ввиду полной бездеятельности этой группы каких-либо отрицательных проявлений с ее стороны не наблюдалось; как мною доложено выше, она является совершенно безжизненной, а стоящие в ее главе лица, видимо, совершенно неспособны проявлять и провести в жизнь какую-либо инициативу.

В начале текущего года в г. Витебске был открыт отдел Отечественного патриотического союза. В состав его правления и число членов вошли более интеллигентные представители местного общества, но организация отдела Союза была проведена, по моему мнению, слишком поспешно, почему, несмотря на короткий промежуток времени существования отдела, состав некоторых представителей правления, и в их числе председатель и его товарищ, уже заменены другими, что свидетельствует о мало продуманном их выборе без предварительных основательных справок.

В настоящее время отдел Патриотического союза насчитывает около 70 членов.

Председателем отдела состоит недавно и временно прибывший в г. Витебск уполномоченный по устройству беженцев — камер-юнкер Двора Его Величества статский советник Юрий Андреевич Маркович, его товарищи — тюремный инспектор Витебской губ. Решетников и пристав в отставке А. Г. Коршун-Орловский. Первые два лица, как вновь прибывшие, пока ничем себя не зарекомендовали, и будут ли пользоваться авторитетом, доложить затрудняюсь, но данными для сего располагают. Бывший же пристав Коршун-Орловский проявляет большую энергию по соорганизованию молодого еще отдела союза. Пока самодеятельность этого отдела, за исключением случая, изложенного в докладе моем от 21 марта сего года за № 887, ничем не проявлялась.

Докладывая изложенное, доношу, что наличность двух монархических групп в столь небольшом городе, как Витебск, едва ли может считаться полезной для дела и, мне кажется, было бы более продуктивным слияние этих обоих отделов в одно целое¹.

Задержка представления настоящего доклада произошла вследствие медленности получения затребованных сведений от моих помощников, перегруженных

работой по обстоятельствам военного времени, каковые сведения получены во вверенном мне управлении лишь 2 сего мая.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 199—200.

1. *Между тем с точки зрения части правых (дубровинцев и др.), объединение с Отчественно-патриотическим союзом В. Г. Орлова, устав которого допускал членство инородцев и иноверцев, было невозможно.*

№ 124. Н. Д. Гальберг (Петроград) — О. В. Полторацкой (Сарыкамьш Карсской обл.)

6 мая 1916 г.

Внутри страны некоторое затишье, объяснимое главным образом отсутствием Думы. К сожалению, через десять дней она снова начнет мучить страну, думаю только, что ненадолго, так как большинство разбежится по домам, где ждет действительная работа.

На днях исполнится год существования военно-промышленных комитетов. Результаты самые печальные, ухлопано сотни миллионов, сделано же чрезвычайно мало. Нажились промышленники, пострадали интересы казны. Год тому назад надо было реквизировать заводы и заставить их по-настоящему работать.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1054, л. 91.

№ 125. Черниговский вице-губернатор Д. Н. Матвеев — Н. Д. Гальбергу (Петроград)

9 мая 1916 г.

Вам, конечно, лучше знать об имеющихся симптомах некоторой твердости, но у нас по крайней мере они ни в чем не проявляются. Во всем виден лишь развал. Общественность совершенно заглушила жизнь и пробивает себе широкую дорожку, по которой надеется дойти до «новой» жизни, пока же делает, что ей угодно. Религия среди народа пала до последней степени, и среди простого люда Вы теперь увидите целую серию, даже большинство «атеистов». Чувствуется полное безвластие во всех областях русской жизни. Власть бездействует там, где ей нужно бы проявить свою силу и твердость. А народ русский и общество нуждаются во власти. Вот почему Вы в моем последнем письме видите ноты пессимизма.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1054, л. 104.

№ 126. Донесение начальника Пензенского ГЖУ директору Департамента полиции

14 мая 1916 г.

Доношу, что в районе Пензенской губ. монархические и правые организации существуют лишь в г. Пензе, а именно: в 1906 г. организовалось Пензенское отделение СРН, в 1912 г. — Национальное общество потребителей Союза русских людей г. Пензы и его уезда и в том же году — Пензенское отделение Всероссийского Дубровинского СРН.

Правление первой организации состоит: из председателя — пензенского цехового Федора Павлова Карнилова, имеющего в Пензе собственную кузницу, двух его помощников — пензенского мещанина Серея Никифорова Калашникова, занимающегося огородничеством, и пензенского цехового портного Григория Тимофеева Костромина; казначея — крестьянина Пензенской губ. приказчика Константина Григорьева Теслава, заместителя его — почетного гражданина сапожника Федора Иванова Сафронова, письмоводителя — пензенского мещанина Николая Ермолаева Ермолаева, занимающегося письмоводством по вольному найму; всего членов до войны числилось до 300 чел., в настоящее же время число членов значительно уменьшилось, но ввиду отсутствия общих собраний наличное число членов неизвестно. Вторая из организаций не функционирует. Правление третьей организации состоит: из председателя — крестьянина Пензенской губ. Николая Семенова Горшкова, служащего в губ. земской управе; двух его товарищей — пензенского мещанина помощника землемера землеустроительной комиссии Николая Матвеева Позднева и потомственного почетного гражданина конторщика депо Пенза Сызрано-Вяземской ж. д. Василия Ивановича Манторова, секретаря — мещанина г. Рязани техника 9-го участка Сызрано-Вяземской ж. д. Ивана Михайлова Трофимова, казначея — крестьянина села Новой Толковки, Н.-Ломовского уезда, слесаря Сызрано-Вяземской ж. д. Даниила Петрова Иноземцева. Всего членов до войны числилось до

200 чел., в настоящее же время число членов значительно уменьшилось, но ввиду отсутствия общих собраний наличное число членов неизвестно.

Лица, стоящие во главе указанных организаций, по своему общественному положению и умственному развитию доверием не пользуются и вряд ли могут влиять на местное население, они даже не имеют достаточного авторитета в своей организации. Вообще указанные организации числятся лишь существующими, но деятельность их ни в чем не проявляется.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 201—201 об.

№ 127. И. И. Дудниченко (Одесса) — Правой группѣ Государственного совета

15 мая 1916 г.

Имею честь при сем представить копию моей докладной записки о графе Игнатъеве, посланной гг. Штюмеру и Алексееву.

Почтительно прошу оказать мне хотя бы незначительную материальную поддержку для выпуска брошюры, которая указана в докладе. У меня громадная семья, на службе получаю прямо гроши и из этих денег расходуя, лишая семью необходимого, на защиту родины от натиска темных сил. Сведения обо мне может дать член Государственного совета Дмитрий Николаевич [Семиградов], знающий меня как работника.

Земно кланяюсь. Заочно всех прошу и молю Христа послать Вам полной победы в государственной работе на благо родины. Храни всех Вас Бог!

Докладная записка И. И. Дудниченко председателю Совета министров

Его высокопревосходительству господину председателю Совета министров.

Его высокопревосходительству господину начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

[От] председателя школьной секции Нижегородского всероссийского съезда представителей и уполномоченных монархических организаций Ивана Ивановича Дудниченко, живущего в г. Одессе по Базарной ул., дом № 16, кв. 4.

Докладная записка.

Стон на Святой Руси стоит от невиданного и неслыханного в анналах отечественной истории развала и распада русской национальной школы.

Группируемый и постоянно печатаемый мною отдельною брошюрою колоссальный фактический материал о незаконной деятельности графа Игнатъева дает потрясающие данные и выводы. Идет не только недозволительное игнорирование с затаенною злою целью священных для каждого верноподданного гражданина, а тем более для министра предначертаний Самодержавнейших Венценосных Монархов, Помазанников Божьих о том, что школа должна быть православной, русской по духу и строго национальной, но еще ежедневно и совершенно безнаказанно нарушается закон с исключительным умыслом сделать школу космополитическою и антinationальной, дабы такими путями под грозный шум небывалой войны погубить Россию по выработанному плану со стороны Прогрессивного блока и еврейства, действующих заодно с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Средние и высшие учебные заведения переполнены, вне закона, права и необходимости, еврейским элементом. Университеты сплошь завоеваны не только студентами-евреями, но и евреями-профессорами. Этот изменнический и тлетворный элемент создает явно революционное брожение, которое лишь ждет удобного момента, чтобы выйти на улицу и создать смутные 1905—1907 годы. Русской молодежи уже теперь не оказывается места в школах. Несмотря на это, граф Игнатъев не только разрешает недостойным лицам, в подавляющем своем большинстве иудеям, открывать всякого рода и наименования учебные заведения и курсы, давая им права казенных школ, разрешает, в открытую, высшие учебные заведения исключительно для евреев, дабы помочь им уклониться от воинской повинности в дни небывалой войны за счет православного народа, несущего неисчислимые жертвы к подножию Церкви и Престола.

Наука убита, молодежь деморализована, в школу введена развратная, преступная, космополитическая улица, полное безделье и неучеба.

Педагогические съезды в Одессе, Киеве, Риге и многих других местах показали всю разрушительную антигосударственную и антиправославную работу в области строительства русской школы. Однако граф Игнатъев чрезвычайно доволен «этою продуктивною работою» и выражает членам съезда глубокую признательность и благодарность.

Школа разгромлена, оплевана и дискредитирована, деморализована. Пойдут выпускники ровно ничему не учившихся детей и юношей, пойдут на поприще государственной и общественной жизни полные неучи и трутни, не приученные со школьной скамьи к интенсивному труду. Уже и сейчас имеются выпускники «молодых врачей», абсолютно ничего не знающих и ничего не понимающих. Граф Игнатъев оправдывает это необычайным требованием лиц медицинского персонала на театр военных действий. Объяснение прямо преступное. Посылать в армию абсолютных неучей, где исключительно нужны люди знания, труда, опыта и неослабной энергии, — факт чудовищный. Можно быть уверенным, что граф Игнатъев никогда не позóвет лечить себя или свою семью «врача», выпускаемого им теперь в армию из университета по особой, совершенно недопустимой программе, идущей вразрез с законом и со специальной профессией врача, призываемого к больным. Можно себе представить, как «эти врачи» будут лечить человечество в будущем...

Сокращение числа лет учения в средних и высших учебных заведениях, отмена экзаменов, уменьшение учебных программ по личному усмотрению каждой школы, вмешательство родительских комитетов, правильное говоря, улицы в учебное дело и в прерогативы учительского персонала, вытравливание из учебников русской литературы и русской истории национальной гордости, самолюбия и достоинства народа-хозяина и народа-строителя, вытравливание исторических корней при посредстве школы, дабы убить идею — Православие, Самодержавие и русская народность — все это факты, от которых содрогается Святая Русь.

Введение антинациональных учебников, устранение православных законоучителей от участия в педагогических съездах и в их влиянии на религиозно-нравственное воспитание подрастающего поколения и вообще вся деятельность Министерства народного просвещения исключительно направлена к полному разгрому христианской, русской, национальной школы. Более этого. Школа уже разгромлена и отдана в полную и неотъемлемую власть еврейства, предающего и продающего родину на каждом шагу.

Сейчас благодаря многочисленным частным курсам и школам можно за небольшие деньги купить какой угодно диплом среднего и высшего учебного заведения, будучи полным неучем, так как все эти школы и курсы, получив права, поставлены графом Игнатъевым в особые привилегированные условия ввиду аннулирования им значения и влияния депутатов, назначаемых на экзамен учебным округом, а равно такого же аннулирования министерством правительственных ревизий со стороны учебно-окружного начальства.

Сейчас в Одесском университете наблюдается нечто сказочное. Он заполнен евреями. Поступившие на первый курс медицинского факультета свыше 500 иудеев, все они остаются на повторительный год с целью избежать военной службы, почему приема в текущем году русской молодежи на медицинский факультет не будет. Таким образом русские юноши, дети православных людей, останутся за бортом школы.

Граф Игнатъев безбоязненно делает свое злое, страшное дело. Являясь точным исполнителем преступных стремлений и домогательств Желтого блока, еврейского кагала и иудейских газет, «министр общественного доверия», «министр, облеченный доверием страны», называемый евреями в своих органах печати «надеждой Израиля», разгромил русскую национальную школу, эту, казалось, неприступную цитадель Святой Руси, разгромил будущую молодую культурную Россию, построив на ней международное, космополитическое и масонское капище, возглавляемое сейчас жидовством, которое в стенах русских школ определяется в 90%, представляя из себя хедеры и талмуд-торы, а отнюдь не русские, национальные учебные заведения народа-хозяина, народа-созидателя и строителя своей родины. Евреи рукоплещут графу Игнатъеву...

И когда в Государственной думе раздался русский голос в защиту молодой России, граф Игнатъев смеялся...

Страшный, ужасный, нигде и никогда неслыханный, безумно-неприличный смех министра, который забыл в своем угодничестве и раболепии пред Желтым блоком и еврейством, что он является носителем и защитником самодержавной Царской власти, Царских велений и Царских законов, которые по долгу верноподданного и по долгу присяги обязан выполнять свято и неукоснительно, покуда таковые не отменены единою только волею Монарха... Это какой-то кошмар, сказка из Тысячи и одной ночи...

Граф Игнатъев смеется тогда, когда русский народ рыдает кровавыми слезами... Явление в летописях нашей отечественной истории небывалое...

Такой образ действий представителя Царского Правительства по ведомству народного просвещения, такой образ действий через посредство русской школы нам вполне понятен — отсюда протягиваются руки темных, антигосударственных сил к Священным бармам и Шапке Мономаха, к судьбам христианского народа...

Веления Самодержавного Государя, а ныне и Верховного Водителя доблестной русской армии были точны и определены: все силы сосредоточить для войны и для победы, употребив все меры к полному спокойствию и единению внутри страны. Однако и здесь граф Игнатъев идет вразрез с велениями Монарха. Он внес в русское общество чрезвычайную тревогу и небывалое расчленение. Среди его членов своими чисто бутафорскими проектами, нелепыми педагогическими съездами и поспешными реформаторскими докладами, своею умышленною злостною шумихою и будированием общества министр создал в дни грозной войны среди русского общества антагонизм и борьбу. Абсолютно ничего не понимая в деле народного просвещения и подбирая себе таких же сотрудников, граф Игнатъев задался целью именно теперь провести затаенную цель Прогрессивного блока и еврейства и спешит быстро завершить свое злое дело, покуда он у кормила власти, покуда его родовитые связи помогают ему совершенно безнаказанно разрушать национальную школьную цитадель — этот оплот будущей здоровой молодой России. Русское общество этот страшный поход на своих детей приняло совершенно правильно, основательно и резонно, как грозный вызов на поединок... Граф Игнатъев, постоянно оскорбляя без всяких к тому оснований народ-хозяин, народ-созидатель и строитель, бросил ему в лицо перчатку... Мы, русские люди, мы, имеющие детей и готовящие из них честных граждан, преданных и любящих Церковь, Царя и родину, а отнюдь не рабов еврейства и космополитизма, эту перчатку подняли и вызов на борьбу приняли. Граф Игнатъев первый стал на этот роковой путь, и к чему последний его приведет — предвидеть нетрудно. Русское общество будет бороться на почве закона с министром до последней возможности, ибо мы наших детей не дадим ему принести в жертву сплоченному преступному кагалу. Довольно с нас позора, что когда наши отцы, братья и сыновья проливают кровь за счастье своей родины, а еврейство бежит от воинской повинности, предает и продает Святую Русь, грабит нас, создает сказочную спекуляцию и дороговизну, наживая в дни лихолетья бешеные суммы, создает революционное брожение, — в это самое время исторические нужды русского народа совершенно сводятся к нулю и на первый план выдвигаются исключительно интересы жидовства и прочих инородцев, а народ-воитель, народ-защитник, народ-хозяин, народ-созидатель оплевывается, поносится, шельмуется, дискредитируется... Граф Игнатъев стремится закабалить наших детей, убить в их душах веру в заветы Христа, веру в Церковь, веру в свой национализм, веру в свою гордость, достоинство и самолюбие, веру в исторические устои родины, видя залог успеха исключительно в неисчерпаемом еврейском золоте... Мы на это не пойдем никогда, лучше бесславно пасть в этой неравной борьбе, чем молчаливо сносить весь этот позор, сносить эти плевки и постоянные пощечины... Однако верится, что национальные стремления народа-хозяина, беззаветно преданного Церкви, Царю, отечеству, Государевой власти, закону и порядку, сильнее воли одного министра, идущего вразрез с этим народом... Мы верим, что отстоим наших детей от порабощения и полного обезличения, отстоим законное и историческое право на их национальное бытие и главенствующее положение в созданном их предками государстве.

Если сейчас граф Игнатъев резко расчленил евреев — учителей талмуд-тор и учителей церковно-приходских школ — на право получения в дни войны особого пособия, найдя, что первые могут получать это пособие теперь же, а вторые — нет, так как вопрос о последних еще не рассматривался в законодательных учреждениях, то станет понятной та постоянная горечь обиды, оскорбления и заушения, коими министр совокупно с большинством Государственной думы ежедневно наделяет русское общество под гром рукоплесканий еврейского кагала и Желтого блока...

Я, в силу присяги, долга и чести, как верноподданный Своего Обожаемого Самодержавного Монарха и точный исполнитель постановлений, возложенных на меня Нижегородским всероссийским съездом представителей и уполномоченных

монархических организаций, приемлю смелость почтительно и покорно ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о немедленной защите наших детей, нашей родной русской школы от незаконных действий графа Игнатьева, его сотрудников, приглашенных им для быстрого и окончательного разгрома молодой России, для каковой цели достойные государственные деятели, защищающие и отстаивающие наше национальное бытие, сметаются министром со своих должностей, как никуда и никому не нужный мусор и хлам...

Граф Игнатьев и его соратники, будучи совершенно новыми людьми в своем ведомстве, совершенно чуждые этому ведомству и незнакомые с возложенным на них делом первостепенной государственной важности, являются игрушками в руках Прогрессивного блока и еврейства, являются марионетками в руках политических бандитов и шулеров, ведущих нашу родину к революции, к государственному перевороту за счет неисчерпаемого еврейского капитала.

И только громкий, нелюбимый голос Вашего Высокопревосходительства, верного и непоколебимого, твердого, как гранитный устой, стража Святой Руси, может положить предел деяниям, творимым графом Игнатьевым и его соратниками.

Спасите наших детей, спасите молодую Русь, эту мощь, гордость, надежду и достоинство народа-хозяина и народа-строителя, от занесенного над нею графом Игнатьевым остро отточенного меча, выкованного на ковальне всемирного международного жидовского кагала и врученного им министру для совершения злодеяния над христианским народом, спасите, пока еще есть малейшая возможность к спасению наших детей от православно-национальной и историческо-государственной смерти, ибо разбушевавшийся девятый вал уже захлестывает почти разбитый школьный корабль.

Пошлите на спасение гибнущего судна опытных, бесстрашных моряков. Такие еще есть у нас, и им нисколько не страшна разбушевавшаяся стихия с ее темными, грязными вздымающимися волнами. Они, эти моряки-борцы, вырвут из бездны гибнущее судно и, введя его в док, быстро исправят все повреждения, нанесенные мутными волнами девятого вала, и вновь судно будет гордо нести на своих реях национальный флаг русского народа, сейчас опущенный книзу графом Игнатьевым...

Эти моряки-герои только ждут законного приказа Вашего Высокопревосходительства, чтобы вывести гибнущий школьный корабль из грязных волн неисчерпаемого еврейского золота, поглотившего собою все наше Министерство народного просвещения, возглавляемое Желтым блоком и сплоченным кагалом.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 780 (Приложение к делу о И. Г. Щегловитове), л. 15, 16—23.

№ 128. Г. В. Бутми ¹ (Петроград) — А. С. Шмакову ² (Москва)

27 мая 1916 г.

Быть может, Ваша мрачная, хотя и справедливая оценка современного положения вещей получила несколько укоризненный характер именно вследствие сознания, что в течение долгих лет борьбы, в которой Вы один стояли на брешу против воинствующего кагала, защищая русское дело, почти никто из русских людей не пришел Вам на помощь, хотя бы только доведением до конца защиты своего собственного дела. Мне всегда казалось неприятною [непонятною?] способность русского человека совмещать беспримерную стойкость в ратном деле [с] почти малодушною склонностью к компромиссу с врагом во всех других делах.

Единение и прогресс — прогресс жидовского засилья. Все же я не хочу отказаться от надежды, что трехлетнее испытание войною позволит некоторым людям выдвинуться на первый план силою ума и характера, а миллионы людей, закаленные ежедневным созерцанием смерти, принесут домой иные настроения. Не из глупой поспешности жида так спешат провести в Гос. думе свое равноправие до окончания войны.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1055, л. 173.

1. Г. В. Бутми де (Кацман) — дворянин, отставной подпоручик, литератор, экономист. Один из основателей и член Главного совета СРН (на начальном этапе). Один из публикаторов «Протоколов сионских мудрецов».

2. А. С. Шмаков (1852—1916) — домовладелец, присяжный поверенный Московской судебной

палаты, публицист. В 1906 г. — участник Всероссийского съезда Русского собрания. Один из истцов на процессе М. Бейлиса.

№ 129. Донесение начальника Астраханского ГЖУ Департаменту полиции

29 мая 1916 г.

На собрании членов Астраханской народной монархической партии, в числе около 35 мужчин и 15 женщин, бывшем 22 мая с. г. в помещении Епархиальной библиотеки под председательством председателя этой партии Тихановича-Савицкого, обсуждались вопросы:

1) О войне: в виду слухов о том, что в левых партиях идут разговоры о мире и что русские должны ограничиться тем, что имели до войны, Тиханович-Савицкий просил присутствующих на собрании высказаться, продолжать войну до конца или закончить ее на означенных выше условиях. Присутствующие на собрании заявили, что войну следует довести до конца.

2) Просить г. астраханского губернатора о награждении орденом местного рыбопромышленника Степанова за труды и благотворительность, оказанную им монархической партии.

3) Просить г. военного министра об опубликовании фамилий лиц, освобожденных по каким бы то ни было причинам от призыва в действующую армию.

4) Просить г. астраханского губернатора о повышении цен на сахар до 26 коп. за фунт.

5) Ходатайствовать перед правительством о неразрешении вольной продажи виноградных вин и об откупе в казну всех частно-винодельческих виноградников.

6) Просить правительство об увеличении наказания, включительно до каторжных работ, лиц, занимающихся тайной продажей спиртных напитков, а также тех, кто выделывает таковые.

Тиханович-Савицкий сообщил собранию, что на днях им послана телеграмма Государю императору, через Главное правление СРН, а также и председателю Государственной думы Родзянко о недопуске в Гос. думе обсуждения вопроса о конституции. Власть в России должна быть монархическая.

Тут же на собрании Тиханович-Савицкий говорил о бесконтрольном и бесхозяйственном расходовании городской управой денежных сумм, принадлежащих городу.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 1, л. 159—159 об.

№ 130. Н. А. Маклаков (Петроград) — А. И. Спиридовичу¹ (Петроград)

7 июня 1916 г.

Многоуважаемый Александр Иванович. Приношу Вам свою искреннюю признательность за присылку мне Вашего труда «Революционное движение в России»², который я прочел с величайшим интересом. Развивающиеся события готовят Вам, по-видимому, большой новый материал, и дай Бог, чтобы он послужил предметом для изучения только историографов революции.

Очень извиняюсь, что не поблагодарил Вас до сих пор. Я уезжаю в имение, возвращаюсь, уезжаю опять, недолго и теперь здесь, в Петрограде, оторванный от своих личных дел, углубляюсь в Вашу книгу и очень благодарю Вас за нее.

Примите уверения в моем уважении и преданности.

Ник. Маклаков.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 726, л. 59—59 об. Автограф.

1. А. И. Спиридович (1873—1952) — генерал-майор отд. корпуса жандармов.

2. Речь идет о книге Спиридовича «Революционное движение в России. Вып. 2. Партия социалстов-революционеров и ее предшественники» (СПб. 1916).

№ 131. Донесение начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде генерал-майора К. И. Глобачева Департаменту полиции

8 июня 1916 г.

Вследствие циркуляра от 22 декабря 1915 г. за № 81744 доношу, что к собранию через секретную агентуру вверенного мне Отделения сведений о направлении и деятельности функционирующих в Петрограде монархических организаций меры приняты, но до сего времени установить что-либо определенное по этому вопросу не представляется возможности, так как представители означенных организаций поче-

му-то исключительно конспирируют все, касающиеся деятельности таковых. По получении каких-либо данных таковые буду представлены беззамедлительно.

ГАРФ, ф. 102, 4-е д-во, 1915 г., д. 151, л. 202.

№ 132. Протокол № 2 заседания Совета совещания монархистов

12 июня 1916 г.

Присутствовали: С. В. Левашов, А. А. Римский-Корсаков, Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский и В. П. Соколов. Председательствовал С. В. Левашов. И. о. секретаря В. П. Соколов.

Слушали: I. Письмо И. Г. Щегловитова на имя С. В. Левашова с отказом от звания председателя Совета.

Постановили: С сожалением принять к сведению, выборов в настоящем заседании, ввиду его малочисленности, не производить.

[Слушали:] II. Денежный отчет по совещанию, выразившийся в следующих цифрах:

Приход от И. А. Колесникова 1000 р., от Глав. совета СРН 2485 р. 43 к. Итого: 3485 р. 43 к.

Расход: Рассылка приглашений, телеграмм, печатание билетов и проч. канцелярские и мелкие расходы — 397 р. 94 к.; наем помещения Русского собрания — 375 р.; буфет — 170 р.; расход по молебствию — 104 р.; стенограммы — 245 р.; печатание краткого отчета и рассылка его — 2193 р. 49 к.; итого — 3485 р. 43 к.

[Постановили:] II. Отчет утвердить и выразить благодарность Главному совету СРН за понесенные им расходы.

[Слушали:] III. Сведения по рассылке краткого отчета о Совещании, заключающиеся в том, что по настоящее время распространено свыше 15 тыс. экземпляров и рассылка продолжается.

[Постановили:] III. Одобрить список лиц и учреждений, коим высылается отчет.

[Слушали:] IV. Об издании полного отчета о ноябрьском Совещании, в количестве 2000 экз., приблизительно около 15 печатных листов, что представит стоимость издания около 3 тыс. рублей.

Постановили: IV. Принимая во внимание, что по меньшей мере 500 экз. можно будет распродать (по 2 руб.), что сведет дефицит на издание к 2 тыс. руб., и что средства на издание предложены председателем Главного совета СРН Н. Е. Марковым, постановили: издать этот отчет, причем редактирование этого отчета поручить В. П. Соколову.

Слушали: V. Об отношении к предполагаемому Совещанию монархистов в г. Петрограде 15 июня с. г., устраиваемому членом Совета Родзевичем.

Постановили: V. Принимая во внимание, что совещание а) не разрешено правительством, б) что устроитель его не счел для себя необходимым войти в сношения по поводу этого совещания с Советом, членом коего он состоит, и г) что программа этого совещания не была предметом обсуждения Совета — в предполагаемом Совещании участия не принимать.

Слушали: VI. О дальнейшей деятельности и существовании Совета.

Постановили: VI. а) признать дальнейшее существование необходимым, б) принять наименование Временного совета монархических съездов, в) назначить следующее заседание Временного совета монархических съездов на 20 августа с. г. в 2 часа дня, г) предметами занятий установить: 1) выборы председателя и должностных лиц, 2) обсуждение проекта устава Постоянного совета монархических съездов, 3) обсуждение вопросов Всероссийского съезда и его программы, 4) заслушивание всех докладов, запросов и проч., как поступивших уже в Совет, так и тех, которые поступят, д) пригласить иногородних членов Совета заблаговременно на это заседание и при этом разослать им протоколы заседания Временного совета монархических съездов в целях осведомления. Поручить приглашения подписать обоим товарищам председателя: С. В. Левашову и А. А. Римскому-Корсакову.

[Слушали:] VII. О всероссийском съезде представителей монархического движения, на котором настоящему Временному совету надлежит сложить свои полномочия для замены его, по избранию Съезда, Постоянным советом.

[Постановили:] VII. Признать желательность такого съезда в ноябре текущего года в Петрограде, подробную же разработку вопроса о съезде отложить до заседания 20 августа.

ГАРФ, ф. 116, оп. 1, д. 792, л. 2—2 об.

№ 133. Записка Совета Харьковского СРН на имя председателя Совета министров Б. В. Штюрмера.

17 июля 1916 г.

Ваше Высокопревосходительство. Во всех почти газетах опубликован проект польской «автономии», составленный польским Коло и громко прозванный Манифестом.

Польскому Коло, таким образом, разрешено открыто высказывать свои мечты и пожелания о государственном устройстве Польши. Тем более позволительно русским людям высказать свои мысли и чувства, вызванные польским «Манифестом».

Ваше Высокопревосходительство. Польский «Манифест» произвел самое тяжелое впечатление на широкие круги русского населения прежде всего несвоевременностью и наполнил сердца их глубокой скорбью.

В то время, когда на поле брани русская армия напрягает все силы, чтобы изгнать врага из пределов России, когда в страшных боях поля устилаются трупами наших воинов-страстотерпцев, а земля дымится от их крови, когда миллионы отцов и матерей трепещут за судьбу своих сыновей-воинов, а миллионы оплакивают своих детей, погибших в боях, — уместно ли польскому Коло тревожить русское правительство и русский народ своими притязаниями и возбуждать вопрос величайшей государственной важности. Нет, не любовь, не уважение, не благодарность, не стремление к теснейшему единению с русским народом мы видим в польских притязаниях, а узкий национализм, пользующийся тяжелым положением России для осуществления своих стремлений к обособленности.

Ваше превосходительство. Вы прекрасно понимаете, что государственные реформы разумно и с пользой могут быть проведены не под грохот пушек, не тогда, когда на поле брани решается судьба государства, когда моральные и физические силы народа напряжены до высшей степени, а в тиши мирной жизни государства.

После войны и победы над врагом должны быть осуществлены реформы в самом широком масштабе, но реформы, удовлетворяющие нужды не инородцев, а прежде всего насущнейшие нужды нашего многомиллионного и многострадального крестьянства. Когда австро-германская фаланга, изрыгая адский огонь тысячи орудий, теснила наши безоружные войска в Галиции, польские легионы были в это время в стане наших врагов, сражаясь не за Русского царя, а во славу Франца-Иосифа и кровавого кайзера... В эту страшную годину русский народ, и главным образом сыны крестьянства, устлав поля Галиции своими трупами и обильно напоив [их] своею кровью, сдержали натиск врага своею грудью. Об этих доблестных героях-крестьянах должна позаботиться Родина; они этого ждут, и русский народ надеется, что это будет так.

Ваше Высокопревосходительство. До сей поры русская жизнь реформировалась преимущественно на основании отвлеченных книжных соображений и принципов, выработанных заграничной жизнью и наукой, но мало обращалось внимания на действительную жизнь русского народа, на его убеждения, на его чувства.

До сей поры наш простой народ уже не тот, что был прежде, школьное образование расширило его кругозор. События последних тревожных лет заставили его о многом думать, усиленно думать, а прогрессивно-революционная пропаганда, к прискорбию, дала значительной части народа ложное, опасное направление. В настоящее время народ наш многое понимает, свободно говорит о таких вещах, о которых в прежнее время опасался и думать, и теперь под влиянием тяжелых переживаемых событий он глубоко, болезненно чувствует. Проводить теперь какие бы то ни было реформы, затрагивающие убеждения и чувства народа, и не считаться совершенно с народным чувством — опасно.

Будет ли осуществлен проект польской автономии или нет и в каком виде, мы не можем знать, но считаем патриотическим долгом доложить Вашему превосходительству, о чем говорят в широких кругах населения по поводу опубликования польского «Манифеста».

Никогда русский народ не примирится в глубине своей души с тем, чтобы православная вера, за которую деды наши и прадеды вели смертельную войну с католиком-поляком, чтобы представители Святой Матери Церкви Православной были бы хотя в малейшей зависимости от католического правительства, будущей автономной Польши. Никогда русский народ не помирится с тем, чтобы хотя пядь земли русской — наследия Св. Владимира и князей Галицких — отошла к Польше

и чтобы русский православный человек испытывал хотя бы тень власти над собой поляка.

Не для того наши деды и прадеды полили эту землю своею кровью, не для того они бились с поляком смертным боем, чтобы потомки их подчинились поляку, хотя бы и в лице правительства автономной Польши. Автономия — дело хорошее, но только в теории; на деле автономия хороша только для господствующей национальности, но для малочисленной народности, принужденной жить в таком автономном государстве, — она злая мачеха. Опыт у нас перед глазами: в Галиции русский человек забыт, обезличен поляком и евреями. В Финляндии — русский человек, победитель без правной партии (так в тексте. — Ю. К.). Чем же могут [быть] гарантированы русские люди, принужденные жить в автономной Польше, что они не очутятся в таком же положении, в каком русские в Галиции, в Финляндии. В тот час, когда русский человек принужден будет склонить свою голову перед своим новым правительством, с страшной силой вспыхнет потухшая было смертельная вражда малоросса к поляку, как искра пронесется по всей Малороссии и толкнет ее в руки сепаратистов.

Польская автономия — это создание польских магнатов. Польские крестьяне о ней не просят и не могут просить, безземельные и бесправные, приобретшие название «быдла», они возлагают всю надежду только на Русского Царя, от которого надеются получить, как русские крестьяне от Александра II, и землю, и улучшение своих прав. Автономия им не нужна. В автономной Польше они будут влачить жалкое существование как тропари в Финляндии.

Пусть польские магнаты сочиняют проекты автономии, пусть мечтают о Польском Королевстве, но пусть они не тревожат русский народ и русскую армию в нынешнюю тяжелую годину своими назойливыми домогательствами о незаслуженных привилегиях.

Ваше Высокопревосходительство. Мы исполнили свой долг и высказали свое откровенное мнение по жгучему польскому вопросу.

Мы просим Ваше Превосходительство о нашем голосе и чувствах Всеподданнейше доложить Его Императорскому Величеству.

Председатель совета Харьковского СРН Ефим Емельянович Котов-Конощенко.
Секретарь Совета Александр Александрович Левицкий.

ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 759, л. 140—141 об.

№ 134. Справка Департамента полиции о председателе Астраханской народной монархической партии Н. Н. Тихановиче-Савицком

19 июля 1916 г.

Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич. Председатель ранее «Астраханского отдела СРН» (ныне «Астраханская народно-монархическая партия») и редактор-издатель листка «Русская правда», астраханский купец, ярый патриот-монархист и решительный противник всяких революционных посягательств. В дело партии ушел весь, в ущерб своим торговым делам. Никаких корыстных целей не преследует, по-видимому, принадлежит к числу правых «дубровинского» демократического толка, неразборчивых в резких, не всегда тактичных нападках как на чужих, так зачастую и на своих. В Департаменте полиции имеется целый ряд его заявлений с осуждением, между прочим, в 1906—1907 гг. астраханского губернатора Генерального штаба генерал-майора Соколовского за его якобы юдофильское и либеральное направление. На политическую арену выступил в 1904—1905 годах.

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 1, л. 211, 202.

№ 135. В. А. Образцов (Екатеринослав) — Г. Г. Замысловскому (Петроград)

30 сентября 1916 г.

О цензуре скажу следующее: цензоры, и без того не понимающие, что преступно, что патриотично, еще завалены секретными циркулярами, а у нас эбеловский [циркуляр]¹ запрещает даже писать о евреях. Видите, куда дело идет... Поэтому сегодня ответчу А. И. Беляеву в Харьков, что находил бы своевременным в половине октября месяца созвать съезд (небольшой) монархических деятелей для выяснения вопроса, какой характер тайные силы придадут новым смутам и нажимам для достижения прежних целей — «равноправия», ответственного правительства и пр.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1056, л. 664.

1. Речь идет о циркуляре одесского генерал-губернатора Эбелова.

№ 136. И. И. Дудниченко (Одесса) — Н. П. Тихменеву (Петроград)

15 октября 1916 г.

Становится неизменным, что мы идем к революции. Бешеная дороговизна толкает население к беспорядкам, ибо власти у нас нет. Вот подождите, откроется Таврический бардак ¹, и оттуда пойдет такая травля, что небо в овчинку покажется. У нас в Одессе творится что-то сказочное и все сходит безнаказанно с рук. Я все время вожусь с одесским Союзом русских людей; здесь хотят добить эту организацию, а ведь у нас пять учебных заведений, в которых обучаются свыше 1000 детей.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1057, л. 766.

1. *Подразумевается Государственная дума, заседавшая в Таврическом дворце.*

№ 137. И. И. Восторгов (Москва) — архиепископу Антонию (Харьков)

15 октября 1916 г.

Теперь, когда воцарились и бесстыдствуют распутицы, мне приходится от них плохо, меня жмут и ходу не дают. И. Г. А. с епископом Иннокентием, добрым и хорошим, но, по-видимому, легко поддающимся влиянию, помогают гонению.

Вчера был у меня Н. Ч. Зайончковский ¹ и нарисовал картину нравов и дел синодских. Ужас берет за будущее, и утешение только в сознании, что невзирая на такую же разруху церковного управления в XVIII в., святые Иннокентии, Иоасафы, Дмитрий и пр. жили, работали, спасали и спаслись. Благочестие народное идет своими отдельными путями от истории чисто внешнего правления Церкви в центре.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1057, л. 769.

1. *Н. Ч. Зайончковский (1859—1918) — землевладелец, смоленский помещик, чиновник Министерства народного просвещения, а с 1906 г. член совета министра внутренних дел. Участвовал в ряде ревизий. С октября 1916 г. сенатор.*

№ 138. Н. Д. Тальберг (Петроград) — О. А. Матвеевой ¹ (Чернигов)

19 октября 1916 г.

Сегодня упорно говорят о назначении Протопопова ² председателем Совета министров, а Бальца ³ — нашим министром. Продовольственное дело передано в наше министерство, что является совершенно правильно.

Но, конечно, не типам вроде Г. ⁴ проводить это дело на местах. Мой шеф пока оставлен в покое, чему я очень рад. С Думой у правительства отношения будут прескверные, не следует только церемониться.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1057, л. 800.

1. *Видимо, жена черниговского вице-губернатора Н. Д. Матвеева.*
2. *А. Д. Протопопов (1866—1918) — симбирский помещик (7000 дес.) и суконный фабрикант, член III и IV Думы, товарищ председателя IV Думы, октябрист, впоследствии перешел на более правые позиции. С 16 октября 1916 г. управляющий, затем министр внутренних дел до Февральской революции 1917 года. В показаниях ЧСК Временного правительства свидетельствовал о поддержке монархических организаций. В 1918 г. расстрелян.*
3. *В. А. Бальц — товарищ министра внутренних дел, в январе 1917 г. вместе с М. В. Волконским подал в отставку, протестуя против политики, проводимой Протопоповым.*
4. *«Г.» — возможно, Г. В. Глинка, товарищ министра земледелия и главноуполномоченный по снабжению продовольствием армии в 1915—1916 гг.*

№ 139. Н. Н. Родзевич (Бердичев) — М. А. Тесленко, для И. А. Аносова ¹ (Одесса)

20 октября 1916 г.

Не мешало бы повторить Протопопову жалобу на Одесское гор. управление. Кажется 20 октября состоится монархический съезд. Хорошо бы иметь своего представителя. Если никто не поедет, дайте полномочия одному из почетных членов, например, Пасхалову, Маклакову или Масальскому-Кошуре.

ГАРФ, ф. 102, оп. 265, 1916 г., д. 1058, л. 809.

1. *Через Тесленко Родзевич поддерживал связь со своим преемником в качестве руководителя одесского Союза русских людей И. А. Аносовым, инженер-технологом (там же, ф. 102, ОО, 1916 г., д. 244, т. 2, л. 85—85 об.).*

23 октября 1916 г.

Ваше Высокопревосходительство, милостивый государь Александр Дмитриевич. Находясь здесь, в Петрограде, уже около трех недель в служебной командировке и навестив за это время многих из своих давних знакомых разных слоев общества и различных положений (былые сослуживцы по судебному ведомству, соседи по моей тульской вотчине, единомышленники правого стана, газетные публицисты, сенаторы, члены Государственного совета и т. д.), я из бесед с ними, в большинстве людьми обеспеченными и безусловно благонадежными, подметил одну общую нотку недовольства дпящеюся неопределенностью политического курса в тех сферах, где, наоборот, довлело бы проявляться твердой воле и сильной власти, сознающий свои конечные задачи и не нуждающейся в опоре будирующих кругов и оппозиционных гнезд. В один голос раздается вопль о том, что с внутренним немцем и с одолевшей нас неметчиной бороться труднее, нежели воевать с германизмом внешним; а деятели верноподданные прямо утверждают, что люди стойкие теперь — не ко двору, под стать же признаются лишь те, кто обладает оппортунистическим складом ума. Затем многие дивятся тому попустительству, каким пользуются Земский и Городской союзы (об этом немало разговоров и в рядах армий, откуда я с Западного фронта прибыл в начале месяца), каковые организации, призванные заботиться в сущности только о раненых и больных воинах, на самом деле стремятся сосредоточить в свои руки все функции правительственной власти, собрав при этом, под видом служения общественным интересам и общему делу, в плодимые ими без всякой надобности многочисленные учреждения все шайки недовольных, и не только фрондеров, но и явных бунтовщиков, которых эти союзы (Земгор) содержат на казенный счет, назначая им такие оклады, какие и не снились им; а ведь ведет это к тому, что на правительственный кошт формируется революционная армия, при малейшей военной задаче готовая обрушиться на Власть и Трон, якобы за все ответственные; давно уже всем известно, что под сень учреждений субсидируемого казной Земгора, упорно не желающего отчитываться, стекаются все те, кто ищет освобождения от воинской повинности в эту годину, казалось бы, всеобщей священной боевой страды; смущает многих (а в войсках прямо указывают на это зло как на источник шпионства) и то, что учреждения Земгора кишат жидами, также получающими львиные оклады и при субсидии правительства, против коего они под сурдинку агитируют, вина его решительно во всем. Мы — перед новым займом, и знаете ли, что говорят: «На войну, на ее победное завершение, на цели государственные дадим сколько угодно», на это средства из народных сбережений потекли щедрой рукою; «но стоит ли вносить свою лепту на заем, осуществляемый опять-таки на кормление тунеядцев, бунтовщиков, жидов и избегающих воинской повинности». Ведь не надо быть финансистом, а достаточно знать арифметику, чтобы сосчитать по пальцам, что предыдущие займы дали 1000 миллионов, на кормление казною Земского и Городского союзов ушло 800 миллионов, — следовательно, влагая свои сбережения в займы, общество и народ тем самым способствуют не победе, а содействуют содержанию на казенный счет оппозиционной армии. При подобном настроении умов верноподданных слоев, полагаете ли Вы, А. Д., что в случае новой вспышки мятежа (повторения 1905 года нам не миновать) у правительства окажется много сторонников, — ведь недовольных все больше и больше. Но всего этого мало: на чеку и вопрос династический. И здесь дельцы Земгора, шныряя на фронт и в тылу, нашептывают и гражданину и воину такие анекдоты, выдаваемые ими за быль, что конечно, подтачивают должное уважение и в народе, и в войске. Ведь может статься, что в грядущем мятеже примут участие и не одни жида и их наймиты, вандейцев не окажется совсем. Расшатывая престиж Власти, распуская самые вздорные, но возмутительные слухи, эти сеятели крамолы развращают души нынешних защитников Отечества, а все заслуги перед страной приписывают себе и Думе. Не могу не привести здесь характерной тирады некоего подвыпившего поручика, без того поклонника земгорян: «На что мне Николай II, когда у нас Дума». Вот его выкрик, уснащенный им еще скверноматерным ругательством по адресу Того, на верность служения Кому он присягал. Право же, я жалею что приехал в гнилой Петроград: там, на фронте, мы боремся с врагом России, не жалея сил и жизни, там во мне

была такая вера в победу, такая неиссякаемая бодрость духа, а здесь — всеобщее недовольство, уныние, шатание умов и растерянность.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отличном уважении и совершенной преданности.

ГАРФ, ф. 1467, оп., 1, д. 858, л. 71—72.

1. *В. А. Балашов — публицист. В 1909 г. редактор «Голоса русского» (Москва). Накануне войны входил в восторговский Русский монархический союз в Москве. Выступил против Восторгова в печати, обвиняя его в растрате партийных средств и стремлении не к объединению, а разобщению правых сил. В 1920 г. эмигрировал и жил в Княжеваце (Сербия).*
2. *На письме этого автора тому же адресату от 21 ноября 1916 г. указывалось: «Мой адрес на фронт: Действующая армия. Штаб 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка. Мне».*

Либералы и массы в годы первой мировой войны

В. В. Шелохаев

В литературе уже предпринимались попытки разработки данной темы¹. Однако имеющиеся в распоряжении исследователей источники (прежде всего архивные) далеко не исчерпаны; использование некоторых из них позволяет продвинуться дальше в изучении истории русских либералов накануне Февральской революции 1917 года.

Для более полного осмысления проблемы необходимо прежде всего остановиться на характеристике организационного состояния основных либеральных партий. Начавшаяся война привела к окончательной дезорганизации «Союза 17 октября». Можно со всей определенностью утверждать, что в годы войны завершилось полное крушение всей партийной структуры октябристов. Постепенно заглохла политическая деятельность ЦК, 1 июля 1915 г. прекратилось издание официального органа партии — газеты «Голос Москвы», развалились местные отделы. Характерно, что попытки Департамента полиции выявить в губерниях и областях Российской империи действующие октябристские отделы не дали существенных результатов. Лишь в Петрограде, Москве, а также некоторых крупных губернских и уездных городах продолжали существовать изолированные друг от друга, крайне малочисленные группы октябристов, отказавшиеся вести какую-либо партийную работу и сосредоточившиеся главным образом на организации помощи раненым и беженцам. Фактически же «Союз 17 октября» как партия прекратил свое существование. В аналогичной ситуации оказались и прогрессисты.

Развала партийной структуры не избежали и кадеты, хотя им, в отличие от октябристов, все же удалось сохранить часть местных партийных организаций. Если накануне войны в стране функционировало 80 кадетских организаций (губернских — 29, городских — 16, уездных — 32, волостных — 3), то с июля 1914 по март 1917 г. их действовало 50 (губернских — 26, городских — 13, уездных — 11). Не в пример октябристам и прогрессистам, кадетам, однако, удалось провести один общепартийный съезд (февраль 1916 г.), три общепартийные конференции (февраль, июнь 1915 г. и октябрь 1916 г.) и областные съезды в Москве, Киеве, Самаре и Саратове.

Рассмотрение организационных вопросов на заседаниях ЦК кадетов выявило удручающую картину состояния партийной периферии. 30 марта 1916 г. кн. Д. И. Шаховской заявил: на местах партийные организации развалились, все «партийные силы поглощены работой в непартийных организациях» и их уже никак «нельзя отрывать от важных практических работ для искусственных партийных дел». По его мнению, восстановить провинциальные партийные ячейки невозможно

Шелохаев Валентин Валентинович — доктор исторических наук, профессор. Российский независимый институт социальных и национальных проблем.

было до тех пор, пока не наладится организация в столицах и не организуется сам «партийный центр». Соглашаясь с этой оценкой, кн. П. Д. Долгоруков подчеркнул: что «касается партийных органов в провинции, то на этом пока надо поставить крест, так как никакая партийная деятельность немыслима без легализации партии, а тем более во время войны, когда все живые силы отвлечены на другие дела»².

Общие рассуждения о состоянии местных партийных организаций конкретизировал Н. А. Гредескул, возвратившийся из поездки с лекциями по Поволжью: «В Царицыне на 200 тыс. жителей удалось найти всего двух членов к. д., в Балашеве — единственного, в Саратове — 5—6, и те в возрасте старше 35 лет». То же наблюдалось во многих местных кадетских организациях, испытывавших хронический дефицит в людях, материальных средствах, мало и неохотно занимавшихся партийной работой³.

Вместе с тем в партии кадетов имелись и значительные как по численности, так и по политической активности их членов организации. Среди них выделялись петроградская и московская, сумевшие сохранить районные комитеты, студенческие фракции и группы среди торгово-промышленных служащих. Активно вели себя кадетские комитеты в Киеве, Нижнем Новгороде, Самаре, Полтаве, Тифлисе и ряде других губернских городов. По сравнению же с предыдущим периодом масштабы и интенсивность деятельности местных организаций, их агитационно-пропагандистской и организационной работы в массах значительно сократились.

Несмотря на затруднения, связанные с военной обстановкой, кадетское руководство все же призывало местные партийные организации активизироваться. На съезде, общепартийных конференциях, заседаниях ЦК и областных съездах обсуждалась система мер, направленных на оживление партийной жизни в стране. В ходе этих обсуждений выявились три точки зрения.

Правое крыло кадетов считало, что партии следует раз и навсегда отказаться от использования нелегальных форм деятельности, окончательно и бесповоротно разорвать с левыми партиями и организациями, сосредоточив внимание на внепартийной легальной работе, мобилизуя силы страны на доведение войны до победного конца. Убежденные, что их партия может успешно работать только в легальных условиях, эти кадеты считали, что на нелегальном поприще «ей никогда не угнаться за революционными и социалистическими партиями»⁴. Поэтому, по их мнению, целесообразнее всего сосредоточиться на работе в таких легальных общественных организациях, как Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ), Военно-промышленные комитеты (ВПК), а также разного рода обывательские и попечительские комитеты, кооперативы и профсоюзы. При этом они настаивали на обязательном соблюдении одного условия, а именно, не создавать там своих фракций и не вести партийную борьбу. Правые кадеты подчеркивали, что основной источник силы кадетской партии все же заключается «не в стране, не в союзах или кооперативах», а прежде всего в Государственной думе и законодательной работе⁵.

Учитывая предшествующий опыт агитационно-пропагандистской работы в массах, кадетское руководство во главе с П. Н. Милюковым тем более не питало каких-либо иллюзий в этом отношении в условиях военного времени и проводило центристскую линию. 18 августа 1914 г. на пленарном заседании ЦК Милюков, не возражая в принципе против участия кадетов в волостных и городских попечительствах, предупреждал, что им все же следует остерегаться, чтобы «этой позиции не отбили у к.-д. левые, как в свое время они отбили Крестьянский союз». Более определенно он высказался в феврале 1916 г. на VI съезде партии. «Что касается поддержания кооперативов и рабочих союзов, — говорил Милюков, — то не надо создавать себе иллюзий: они окажутся в руках левых. И все же необходимо стоять за их поддержание. Практическая работа в общественных организациях — лучшее средство воспитания; когда рабочие встанут на более реальную почву, может быть, они окажутся способными взглянуть шире, понять и нашу точку зрения». В целом же кадетам целесообразнее всего вести работу в более привычной им среде. «Пока мы работаем в буржуазной среде, — подчеркивал он, — с.-д-ты относятся к нам довольно терпимо, но даже влияния на крестьян, на «мелкую буржуазию» они нам не прощают, так как у них пробуждается чувство соревнования». Поэтому он советовал вести работу там, где есть «еще не определившиеся массы, и давать им свои организации».

По его мнению, такие «не определившиеся массы» имелись прежде всего в уже

существующих профсоюзах, кооперативах, обывательских комитетах, попечительствах, а также во вновь возникших общественных организациях: ВЗС, ВСГ, ВПК, работа в которых «создает удобный повод для желательного возбуждения местных организаций»⁶.

В свою очередь немногочисленная группа левых кадетов продолжала выступать за взаимодействие с демократическими партиями, создание народной прессы, распространение партийной деятельности на рабочих, крестьян, студенчество, интеллигенцию, «третий» земский элемент, служащих. Левые кадеты считали необходимым не только не порывать, но, наоборот, расширять и укреплять контакты с левыми партиями и организациями, согласовывать с ними действия либеральной оппозиции. По мнению Шаховского, демократизация партии могла бы осуществиться: во-первых, путем привлечения в нее мелких ремесленников, приказчиков, кооперативных деятелей, представителей больничных касс и профессиональных союзов, а во-вторых, путем постановки и обсуждения жизненно важных вопросов (дороговизна жизни, мелкая земская единица, кооперация и т. п.)⁷.

Какие же имелись в распоряжении либералов средства и каналы идеологического воздействия на массы? Прежде всего, им удалось сохранить (а в ряде случаев и увеличить) число своих центральных периодических изданий. В рассматриваемые годы возникла серия новых журналов и газет: «Проблемы Великой России», «Национальные проблемы», «Известия ВЗС», «Известия ВСГ», «Защита» и «Оборона». Выпущены были специальные сборники: «Вопросы мировой войны», «Война и жизнь», «Чего ждет Россия от войны», научно-популярные брошюры кн. Е. Н. Трубецкого («Смысл войны», «Война и мировая задача России», «Национальный вопрос», «Константинополь и святая София»), С. Н. Булгакова («Война и русское самосознание») и др.

Несмотря на запреты правительства, либералы продолжали вести, правда в сравнительно ограниченных размерах, лекционную пропаганду. Лидеры либеральных партий выступали не только в столицах, но и выезжали на периферию. Пользовались популярностью лекции Милюкова («Война и европейская интеллигенция», «Турция, Константинополь и проливы», «Война и малые народности»), М. М. Ковалевского («Национальный вопрос и империализм»), М. И. Туган-Барановского («Русская интеллигенция и национализм»), М. П. Чубинского («Война и культура»), А. И. Шингарева («Дороговизна жизни»), П. Б. Струве («Война и идея Великой России») и др. Милюков, Гредескул, Изгоев, Шингарев выступали с лекциями в Киеве, Харькове, Казани, Уфе, Самаре, Царицыне и многих других городах. Специальные лекционные отделы имелись при ВЗС, ВСГ и ВПК. Значительную лекционную работу либералы проводили в Вольном экономическом обществе, Обществе грамотности, университете Шанявского и т. д.

В печати и лекционной пропаганде идеологи и политики либерализма основной акцент делали на необходимости доведения войны до победного конца. По их мнению, такой ее исход позволил бы решить целый комплекс проблем, связанных с национальными задачами России и всего славянства; создать предпосылки для проведения объективно назревших реформ; улучшить материальное положение трудящихся и т. п. Считая любые массовые выступления во время войны «вредными» и «деструктивными», идеологи и политики либерализма призывали все классы российского общества к мирному сотрудничеству, консолидации сил во имя защиты отечества и победы.

В июне 1915 г. кадетам удалось восстановить деятельность своего бюро провинциальной печати, закрытого в сентябре 1914 года. На развитие деятельности этого бюро, возглавлявшегося А. В. Тырковой, ЦК ассигновал 250 рублей. По инициативе и на средства Шаховского в 1914 г. в Москве некоторое время издавалась газета «Защита», имевшая около тысячи подписчиков. Именно ее левые кадеты и предлагали превратить в народное издание. 9 октября 1914 г. на заседании ЦК А. А. Корнилов заявил, что «без подобных изданий партии никогда не удастся сколько-нибудь широко опереться на народные массы»⁸. Иначе оценивали попытку Шаховского издать народную газету правые кадеты. По мнению Н. А. Гредескула, газета «Защита» производит впечатление «дела безнадежного, вряд ли окупающего затраченную энергию». Струве считал, что «народная газета — это химера» и поэтому вообще следует прекратить всякие попытки подобного рода партийных изданий. Против издания народной газеты выступил и Милюков. Фактически ЦК

отказал газете в материальной поддержке, и вскоре «Защита» прекратила свое существование⁹.

Не дали результатов попытки либералов привлечь на свою сторону рабочих и крестьян. Одним из каналов либерального воздействия на пролетариат являлись рабочие группы при Центральном и местных военно-промышленных комитетах. Эти группы, подчеркивал на VI съезде кадетов Шаховской, представляют собой «всероссийский рабочий центр, с которым мы можем войти в отношения и вообще поставить определенные задачи. Пусть будет задачей наших партийных сил устроить общение с рабочими группами во время Всероссийского съезда представителей военно-промышленных комитетов». Выступая 13 марта 1916 г. перед участниками съездов ВЗС и ВСГ, собравшимися на банкет в ресторане «Прага», товарищ председателя ЦВПК, член ЦК прогрессистов А. И. Коновалов заявлял: «Под флагом военно-промышленных комитетов возрождаются рабочие организации. На предстоящем рабочем съезде родится Всероссийский союз рабочих. Это будет стройная организация, начиная с мелких ячеек на местах и кончая высшим органом — как бы Советом рабочих депутатов»¹⁰.

Лидеры кадетской партии принимали активное участие в организации и деятельности созданных по инициативе московских капиталистов ВПК всех уровней. В состав руководства ЦВПК входили кадеты Н. Н. Кутлер, Д. С. Зернов, Н. К. Волков; Московского комитета — П. П. Юрнев, Л. Л. Катуар, Н. А. Каблук; Ростовского — Н. Е. Парамонов; Одесского — М. В. Брайкевич; Тверского — А. А. Червен-Водали; Екатеринбургского — Л. А. Кроль и А. А. Ардашев и т. д. Крупную роль в ВПК играла либеральная профессура и техническая интеллигенция, предпринимавшая попытки наладить сотрудничество между рабочими и буржуазией. Либералами была разработана довольно обширная программа по рабочему вопросу, содержащая пункты об организации примирительных камер, создании профсоюзов и кооперативов, организации бирж труда и создании института фабрично-заводских старост, об урегулировании рабочего времени и заработной платы и т. д. «Государством и обществом, — подчеркивал Коновалов, — должны быть приняты все меры к тому, чтобы рабочий класс в сознании своей полной солидарности мог слить свой труд с другими общественными элементами, как истинный сын родины, а не ее пасынок. Улучшение материальных условий рабочего класса, содействие развитию профессиональных рабочих союзов, широкое предоставление рабочему классу прав политических должны лечь в основу рабочей политики государства»¹¹.

Вместе с тем лидеры либеральных партий в общем и целом отдавали себе отчет в том, что рабочие группы ЦВПК и ВПК преследовали собственные цели, отличные от целей либеральной оппозиции. Гучков позднее признавал: «Рабочие пошли в эту группу нашей организации, главным образом, с целью добиться каких-нибудь легальных форм для рабочих организаций. Их не столько интересовала работа на оборону вместе с нами, сколько единственная возможность организации для преследования своих интересов»¹².

По мере обострения политической ситуации, среди реформистских элементов внутри рабочего класса рушились иллюзии о возможности сотрудничества с буржуазией в рамках ЦВПК, ВЗС и ВСГ. Характерно, что руководство ВЗС и ВСГ вообще крайне скептически относилось к экспериментам молодых московских капиталистов Гучкова и Коновалова, пробовавших привлечь рабочих к сотрудничеству с буржуазией. 7 сентября 1915 г., когда в московской городской думе проходило пленарное заседание съездов ВЗС и ВСГ, главноуполномоченные этих союзов кн. Г. Е. Львов и М. В. Челноков категорически отказали в просьбе группы рабочих (около 70 чел.) допустить их на заседание, хотя бы с правом совещательного голоса. В ответ на эту недружелюбную акцию рабочие приняли резолюцию протеста, в которой осудили поведение руководителей союзов земств и городов и потребовали созыва Учредительного собрания¹³.

Вопрос об отношении к рабочим неоднократно обсуждался и на заседаниях кадетского ЦК. В сентябре 1915 г. ЦК избрал специальную рабочую комиссию под председательством В. А. Степанова. Комиссия планировала через посредство технического персонала ряда крупных фабрик и заводов Петрограда, а также представителей больничных касс войти в контакты с рабочими, чтобы оказать им помощь в восстановлении профессиональных союзов. Была ли реализована эта

попытка, сказать трудно, ибо больше на заседаниях ЦК к этому вопросу не возвращались.

Гораздо чаще там рассматривались меры, направленные на предотвращение забастовочного движения во время войны. При этом прослеживается стремление кадетов ни в коем случае не втягивать рабочих в политическую борьбу. 15 сентября 1915 г. В. И. Вернадский предложил обратиться к рабочим со специальным воззванием, в котором предполагалось дать разъяснение позиции кадетов по отношению к роспуску Думы и правительственному курсу. Однако большинство присутствовавших высказалось против публикации воззвания к рабочим, считая это «рискованной мерой»¹⁴.

Между тем рост стачечного и демонстрационного движения рабочих, их все большая политизация свидетельствовали о безуспешности попыток либеральной буржуазии подчинить пролетариат своему идейно-политическому влиянию, канализировать набиравшее силу пролетарское движение в парламентское русло.

Практически мало что было сделано либералами и в отношении деревни. На совместных совещаниях думской фракции с представителями местных групп 22 февраля и 6—8 июня 1915 г. выявилась следующая картина. Представители из Весьегонского и Новоторжского уездов Тверской губ. отметили, что «часть интеллигенции вошла в волостные попечительства». Делегат из Екатеринбурга заявил, что «крестьяне-рабочие на заводах — большевики, а средние торгово-промышленные круги примыкают к к.-д.». Представитель из Нижнего Новгорода вообще считал, что «надежды на будущее влияние к.-д. напрасны», а делегат из Киева подчеркнул, что «о крестьянах у партии сведений нет, т. к. она исключительно городская»¹⁵.

Представители из Орла, Рязани, Уфы, Самары, Казани обратили внимание на тот факт, что крестьяне с большим нетерпением ждут наделения их земель, охотно читают политические новости, публикуемые в газетах. Делегаты из Саратова и Екатеринослава считали необходимым вновь выдвинуть программный лозунг принудительного отчуждения помещичьих земель. Однако большинство ЦК кадетов самым категорическим образом высказалось против выдвигания этого лозунга во время войны. Резюмируя позицию кадетского руководства, Ф. Ф. Кокошкин сказал: «Нельзя сейчас отбросить классы землевладельцев и промышленников, ибо нельзя обойтись без их сотрудничества»¹⁶.

В марте 1916 г. охранкой была зафиксирована попытка левых кадетов во главе с Шаховским воссоздать Всероссийский крестьянский союз (ВКС). На квартире Шаховского состоялся ряд частных совещаний, в которых приняли участие социалисты Н. В. Чайковский и С. Н. Прокопович. Рассматривался вопрос о путях и средствах организации ВКС. Чайковский считал, что «единственный подход к крестьянской деревне лежит через мелкие кооперативные организации». Прокопович предлагал пойти по пути привлечения «третьего» земского элемента, а также использования Московского общества сельского хозяйства. Под флагом этого общества, считал он, можно было бы «создать Всероссийский сельскохозяйственный съезд с участием представителей крестьянства и на этом съезде заложить основы крестьянского союза»¹⁷. В какой мере были проведены в жизнь эти идеи, выяснить не удалось.

Определенные результаты были достигнуты либералами в социально однородной для них среде. Удалось внедриться в обывательские комитеты, городские попечительства, связанные с решением острейшего продовольственного вопроса. Значительных успехов достигли кадеты и в кооперативном движении, масштабы которого неизмеримо возросли в годы войны. По данным Прокоповича, в 1915 г. в стране функционировало 35 тыс. кооперативных организаций различного типа, объединявших в своих рядах более 12 млн. человек. Один только московский союз потребительских обществ, в котором кадеты пользовались сильным влиянием, к 1 июля 1915 г. объединил 1390 обществ с 345 761 руб. паевого капитала и с 10 343 549 руб. годового оборота.

В годы войны центром кредитной кооперации стал Московский народный банк. В 1914 г. его оборот превысил 110 млн. руб., а в октябре 1915 г. уже превзошел 141 миллион. Наряду с всероссийскими кооперативными центрами была создана широкая и разветвленная сеть потребительских союзов в областных, губернских и уездных городах; в ней большую работу вели представители либеральной оппозиции¹⁸.

По инициативе кадетов в конце 1915 г. в Москве была заложена основа для создания потребительского общества «Кооперация». Учредителями общества «Кооперация» и членами его исполнительного бюро являлись кадеты Ф. А. Головин, Д. И. Шаховской, П. А. Садырин, Н. И. Астров и др. В январе 1916 г. председателем совета этого общества был избран Шаховской.

К 1917 г. в стране действовало более 220 союзов потребительской кооперации. Основной их костяк составляли средние городские слои. Члены общества «Кооперация» (на 20 декабря 1915 г. их насчитывалось 17 562) распределялись следующим образом: рабочие, ремесленники, прислуга — 10,4%; служащие торговых учреждений — 9,9%; служащие общественных и государственных учреждений, банков и контор — 28,2%; лица свободных профессий — 18,7%; хозяева торгово-промышленных предприятий — 3,2%; лица, чья профессия не была определена, — 29,6%¹⁹. В руководстве кооперативными учреждениями не последнюю роль играли кадеты. Руководящая роль принадлежала им также в Обществе помощи жертвам войны (председатель — член ЦК Головин), в Обществе помощи полякам — жертвам войны (председатель — также член ЦК А. Р. Ледницкий), в Самарском обществе «Самопомощь» (кадет Н. А. Гладыш) и т. д. Под идейным влиянием кадетов находились журналы «Кооперативная жизнь» и «Вестник кооперации».

Значительного влияния добились либералы в центральных и местных органах ВЗС и ВСГ. К концу 1916 г. число земских учреждений разного типа в тылу и на фронте составляло до 8 тыс., в них работали сотни тысяч людей. Земсоюзом руководили в основном октябристско-прогрессистские деятели. Однако в работе ВЗС принимало участие и значительное число кадетских лидеров: П. П. Гронский, В. А. Маклаков, В. А. Харламов, П. В. Герасимов, П. Б. Струве, И. П. Демидов, В. П. Обнинский, С. А. Котляревский и др. Немало членов кадетской партии было и среди работников ВЗС на местах. Участие кадетов в деятельности центральных и местных учреждений ВЗС расширяло их связи с земскими кругами, придерживавшимися октябристской ориентации, способствовало их сближению с помещичьей оппозицией²⁰.

Более значительным и активным, чем в ВЗС, было участие кадетов в организации и деятельности ВСГ. К началу 1917 г. к ВСГ присоединилось 474 города, было создано 13 областных организаций, а общее число служащих союза в тылу и на фронте достигло 40 тыс. человек. Главноуполномоченным ВСГ был избран М. В. Челноков, а его заместителем Н. М. Кишкин. В центральный комитет ВСГ входили 5 кадетов (Астров, Кишкин, Щепкин, А. Д. Алферов и Н. В. Тесленко), 4 прогрессиста (В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Федоров, С. А. Смирнов, Д. В. Сироткин) и лишь один октябрист (Н. И. Гучков). Кадеты верховодили и в местных отделениях ВСГ²¹. При ВСГ существовал специальный комитет «Война и культура», организовывавший в провинции лекции на военно-патриотические темы Миллокова, Шингарева, Котляревского, Струве и др. кадетских лидеров.

Заслуживают изучения сведения о социальном составе 101 местного отделения ВСГ. В них почти две трети составляли представители городской интеллигенции: врачи (24%), бухгалтеры и статистики (19%), юристы (9,3%), инженеры (5,4%) и учителя (4,9%)²². В процессе повседневной работы происходило сближение интеллигенции и служащих с кадетскими функционерами.

В конечном счете либералам, таким образом, не удалось найти общего языка с широкими массами рабочих и крестьян, нейтрализовать идейно-политическое воздействие на них со стороны леворадикальных, социалистических партий и организаций. Характерно, что либералы не смогли привлечь на свою сторону и подчинить своему идейному влиянию даже реформистски настроенные элементы среди рабочих, которые утвердились в убеждении о полной неэффективности мирных парламентских форм борьбы как с царским режимом, так и с крупной торгово-промышленной буржуазией, не желавшими идти на удовлетворение интересов пролетариата и крестьянства.

Либеральная оппозиция, и прежде всего кадеты, укрепили и значительно расширили свое влияние в кругах средней и мелкой буржуазии, среди интеллигенции и демократических городских слоев населения. Этому прежде всего способствовали как сама логика капиталистического развития страны, количественный рост соответствующих социальных слоев, так и формирование новых общественных структур (кооперативы, ВЗС, ВСГ, ВПК и т. п.). Участие в работе союзов и общественных

организаций способствовало вовлечению в активную деятельность наиболее дееспособных элементов либеральных партий, расширению сферы их влияния в средних и мелкобуржуазных слоях города и деревни.

В процессе совместной работы в легальных союзах и общественных организациях не только укреплялись связи между либералами, но и выявилась лидирующая роль кадетов, значительно расширивших свои контакты с земскими элементами октябристского толка и особенно с прогрессистски настроенной буржуазией.

Создание по инициативе и под руководством либералов разветвленной сети союзов и общественных организаций способствовало переходу власти в руки буржуазии в центре и на местах в февральско-мартовские дни 1917 года.

Примечания

1. См. ДЯКИН В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967; АВРЕХ А. Я. Распад третьеиюньской системы. М. 1985; ДУМОВА Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М. 1988.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 523, оп. 3, д. 9, л. 31об. — 32об.
3. Там же, л. 33об.; см. АВРЕХ А. Я. Ук. соч., с. 191—243.
4. Русская мысль, 1916, № 3, с. 34.
5. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 144об.; оп. 3, д. 9, л. 69об.
6. Там же, оп. 1, д. 31, л. 187; оп. 1, д. 32, л. 147; оп. 3, д. 15, л. 58, 58об.
7. Там же, л. 192об.
8. Там же, л. 165, 38.
9. АВРЕХ А. Я. Ук. соч., с. 195—196.
10. ГАРФ, ф. 523, оп. 3, д. 15, л. 33об.; Буржуазия накануне Февральской революции. М.-Л. 1927, с. 95.
11. См.: ДУМОВА Н. Г. Ук. соч., с. 46; Производительные силы, 1916, № 1, с. 3.
12. Падение царского режима. Т. 6. М.-Л. 1926, с. 283.
13. Буржуазия накануне Февральской революции, с. 52.
14. ГАРФ, ф. 523, оп. 1, д. 32, л. 198.
15. Там же, д. 17, л. 1 об., 3 об., 4, 5об.
16. Там же, д. 18, л. 19.
17. Буржуазия накануне Февральской революции, с. 97, 98.
18. Русские ведомости, 22.X.1915.
19. См. ДЯКИН В. С. Ук. соч., с. 155.
20. Подробнее см.: ДУМОВА Н. Г. Ук. соч., с. 33—51.
21. Там же, с. 36—37.
22. Там же, с. 38.

М. П. Погодин и Кирилло-Мефодиевское общество 30—50-х гг. XIX в. о славянском единстве (сравнительно-исторический анализ)

Джонг Хи-Сок

Рост национального самосознания в славянских землях Юго-Восточной Европы с присущим ему критическим восприятием окружающей действительности, интересом к прошлому своих народов и верой в их будущее способствовал возникновению разных направлений в идее славянского единства — австрославизма, иллиризма, полонофильского панславизма и др. В то же время в России по мере накопления сведений об истории и современном положении юго-восточных и западных славян усиливалось понимание общеславянских исторических и культурных связей, делались неоднократные попытки уяснить роль славян в мировой истории. Усиленное изучение языков, литературы, истории, этнографии, права, фольклора славянских народов сопровождалось размышлениями о возможности их политического объединения. Идея славянского единства вошла в сферу интересов декабристов, славянофилов и сторонников идеологии официальной народности. В числе последних выдающуюся роль играл историк и писатель, редактор журнала «Москвитянин», профессор Московского университета М. П. Погодин.

Начиная со второй четверти прошлого века идеи славянского единства развивались и мыслителями славянских народов, входивших в состав России, в частности, украинского. Основная часть Украины входила в состав Российской империи, но значительные ее территории принадлежали Австрии. Украинское население испытывало не только национальный, но и жестокий феодальный гнет. Уже в конце XVIII в. на Украине зародилось украинофильское движение, первоначально далекое от политики и не шедшее дальше идеализации народного быта и старины. С 20-х годов XIX в. возникали тайные политические общества, включавшие в свои программы требование политической автономии¹. Самым значительным из них являлось Кирилло-Мефодиевское общество, действовавшее в конце 40-х годов XIX века.

Рассматриваемая проблема исследована весьма слабо. Одним из первых коснулся взглядов Погодина на славянский вопрос его биограф, Н. П. Барсуков. Однако постановка Погодиным проблемы славянского единства мало привлекла его внимание. Связи Погодина со славянскими деятелями вызвали интерес Н. А. Попова, который опубликовал «Письма к Погодину из славянских земель», снабдив их своими комментариями. При этом он ограничился лишь анализом научно-исследовательских вопросов, содержащихся в переписке. Более подробно о славянских

Джонг Хи-Сок (Республика Корея) — докторант Института российской истории Российской Академии Наук.

связях Погодина писал А. Н. Пыпин². Анализируя статьи Погодина по славянским делам, он обратил внимание на некоторые положения его политической программы, на осторожность Погодина в высказывании своих взглядов и на те опасения, которые они тем не менее вызвали в правительственных кругах.

Славянская программа Погодина долгое время оставалась вне внимания советских историков. Но в обобщающей работе В. А. Дьякова о славянском вопросе³ рассмотрены генезис славянских идей Погодина и связь их с теорией официальной народности. Автор уделил внимание политическим письмам Погодина периода Крымской войны, где развивалась мысль о славянском союзе. Однако организационные и идеологические принципы славянской федерации, пути решения славянского, русского, польского и украинского вопросов, предложенные Погодиным, в монографии Дьякова не раскрыты.

В зарубежной историографии славянским идеям Погодина посвящена работа У. Пихта, коснулись их также Г. Кон, М. Петрович и Ф. Фэднер⁴. Взгляды Погодина характеризуются ими в качестве примера идей реакционного панславизма, без учета национальных интересов славянских народов, находившихся под иноземным владычеством. Зарубежные исследователи не пытались также выявить демократические элементы в идеях славянского единства у российских мыслителей, хотя они прослеживаются в культурных и языковых сферах.

Программа славянского единства в идеях кирилло-мефодиевцев исследована более подробно. Ей уделяли внимание Н. И. Костомаров, М. П. Драгоманов, В. И. Семевский, А. Н. Пыпин, а также П. А. Зайончковский, В. А. Дьяков, Ю. А. Пинчук, Г. Я. Сергиенко и другие⁵. В 1990 г. в Киеве издан трехтомник материалов Кирилло-Мефодиевского общества, куда включены программные и следственные документы⁶.

Попыток сопоставить взгляды российских и украинских мыслителей второй четверти XIX в. на проблему славянского единства до сего времени как в российской, так и в зарубежной историографии не делалось.

Идея славянского единства интересовала Погодина с юности. В феврале 1821 г., будучи студентом Московского университета, он писал в своем дневнике: «Говорил с Кубаревым о соединении всех славян в одно целое, в одно государство. ...Главное дело — отнять славянские земли у австрийцев. Сербию ничего не стоит завоевать. За остальную часть Польши пруссакам можно отдать Остзейские губернии»⁷. Достижение славянского единства мыслилось, таким образом, путем присоединения славянских земель к России. В дальнейшем точка зрения Погодина на славянское единство усложнилась. В 30-х годах XIX в., посетив славянские земли, он пришел к выводу о противоположности славянского мира Западной Европе и о преимуществе его, в особенности русского мира, перед Западом. Если последний, считал Погодин, основан на завоевательных началах, то славянские земли были не завоеваны, а «заняты». Другое отличие, по его мнению, состояло в том, что в западных государствах духовная власть преваляровала над светской, в славянских же землях искони духовная власть подчинялась светским владетелям. Наконец, если все европейские государства «приближались к старости», то Россия находилась в полном расцвете сил, в «веке мужества»⁸.

Обращает на себя внимание то, что Погодин, противопоставляя Восток и Запад в историческом отношении, тем не менее считал их разными частями единого целого: «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и следовательно, по... необходимости должна разделять судьбу ее, и участвовать в движении, как планеты повинуются законам солнечной системы». Таким образом, Погодин признавал общие закономерности развития человеческого общества, о чем свидетельствует и его представление о генезисе российской государственности: «Два государства были в древнем мире, римское и греческое; на развалинах римского государства основывались все западные государства; греческое представляется Россией. Западные государства приняли христианскую веру из Рима, Россия из Константинополя».

Погодину рисовалась будущая интеграция этих двух миров, т. е. сочетание «нового полного образования западно-восточного, европейско-русского». При этом он не забывал подчеркнуть исключительную роль России и православия: «Моему отечеству суждено явить миру плоды этого вожденного, вселенского просвещения и осветить западную пытливость восточною верою»⁹. Закономерностью историчес-

кого развития Восточной Европы полагал он и то, что Россия не разделила судьбы других славянских государств, потерявших политическую независимость и покорившихся чужеземному игу. Главной причиной этого явления он считал то обстоятельство, что она занимает среднее положение между славянскими и западными государствами.

Беседуя в 1839 г. в Париже с Ф. Гизо, он упрекнул «знаменитого профессора» в одностороннем освещении истории европейской цивилизации, указывая, что «истории Запада нельзя выразуметь вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно, Востока, который представляет значительные для науки видоизменения всех западных учреждений и явлений»¹⁰.

Для обоснования идеи о том, что именно сейчас пришел черед славянских народов и России выступить на авансцену мировой истории, Погодину было необходимо прежде всего выделить самобытные «стихии» русского и других славянских народов. В статье «Исторические размышления об отношениях России и Польши» (1831 г.) Погодин писал: «Славянские народы составляют почти десятую долю всемирного народонаселения и треть европейского, населяют десятую часть земной поверхности и, наконец, в лице России занимают первое место в системе государств, следовательно, имеют всемирно-историческое значение». По понятиям Погодина, у славянских народов, рассыпанных по всей Европе — от Константинополя до Венеции и от Мореи до Балтийского и Немецкого морей, одна кровь с русскими, общий праязык, культурная близость и, следовательно, по закону природы, они сочувствуют русским, с которыми «составляют одно нравственное целое»¹¹.

Погодин пытался представить общую направленность устремлений западно-славянской интеллигенции, ее естественное русофильство как желание во что бы то ни стало соединиться с Россией: «Славяне смотрят на Россию, как волхвы смотрели на звезды с востока. Туда летят их сердца. Туда устремлены их мысли и желания. От нее чают они себе спасения подобно евреям от Мессии, и ждут с нетерпением, когда ударит желанный час... Смотря на Россию, славяне ободряются, чувствуют в себе новые силы, сносят терпеливее несчастную свою участь... Славяне еще не забыты богом, утешают они себя, пусть все их государства пали,... зато Россия восстала, зато Россия первое государство в мире, зато в России славяне благоденствуют. Она избавит нас от наших врагов, чтоб и мы явились, наконец, в мире и исполнили свое предназначение»¹².

Среди всех славян первенствующее место, полагал Погодин, принадлежит русскому народу, как самому многочисленному, создавшему мощное государство, обладающее богатейшими в Европе ресурсами. В отличие от Западной Европы, которую раздирали восстания и революции, в России, как утверждал Погодин, царствовал социальный мир, народ единодушно объединялся вокруг престола и церкви, что придавало империи внутреннюю крепость и обеспечивало ее процветание. Погодин верил во всемогущество монарха и его решающую роль в преобразовании славянского мира. Он писал, что «все силы России составляют одну огромную [силу], расположенную самым простым, удачным образом, управляемую рукой одного человека, рукой русского царя, который во всякое мгновение единым движением может давать ей ход, сообщать какое угодно ему направление и производить какую угодно быстроту»¹³. Поэтому призвание довершить и увенчать развитие человечества принадлежит России. Словом, в руках ее находится судьба Европы и, следовательно, судьба мира (по мнению Погодина, другие части света подчинены Европе).

Таким образом, уже в ранних работах Погодина отчетливо выявились такие черты его мировоззрения, как апология самодержавия, национально-консервативный патриотизм, вера в национальную самобытность России. В его идеализации славянского мира чувствовалось влияние немецкой романтической философии и построений Шеллинга, идеи которого были широко распространены в кругах русской и европейской интеллигенции, а также среди западнославянских ученых и которым Погодин очень увлекался. По Шеллингу, каждый народ, когда настанет его время, определяемое волей провидения, может выйти на авансцену мировой истории и внести свой неповторимый вклад в сокровищницу общечеловеческой цивилизации, если вполне осознает и разовьет в себе собственные национальные «стихии», откажется от бессмысленного подражания иноземному.

Немецкий философ, отводя ведущую роль в мировой истории последовательно древнеазиатским народам, грекам, римлянам, останавливал бег истории на романских и германских народах Европы. В противовес этому среди западославянских и русских деятелей, усматривавших в такой схеме дискриминацию славян, бытовали теории о великом предназначении славянских народов и России в мировой истории. Погодин испытал на себе воздействие взглядов славянских деятелей, с которыми встречался во время своих поездок в славянские земли Австрийской империи в 1835, 1839, 1842 и 1846 годах.

Путешествия Погодина были предприняты с целью ознакомления с жизнью славянских народов Габсбургской империи. Он посетил Вену, Чехию, Галицию, встречался с П. Шафариком, Ф. Палацким, Я. Колларом, В. Караджичем и другими деятелями славянского возрождения. Результатом поездок Погодина стали его знаменитые политические письма. Адресованные наследнику престола, а затем министру народного просвещения С. С. Уварову, они предназначались для опубликования. В письмах Погодин не только изложил свои впечатления о поездках, но и наметил политическую программу решения славянского вопроса.

По мнению Погодина, южные и западные славяне в отличие от русских, благоденствующих ныне и в будущем, оказались в разряде народов «огреченных, онемеченных, отуреченных» из-за недостатка у них того или иного компонента из уваровской триады — православия, самодержавия, народности. Он отмечал неравноправное положение славян в Габсбургской империи, угнетение там православной церкви, распространение католицизма и униатства среди православных, усиление процессов германизации, что вело к утрате славянской культуры.

Беспокоило Погодина и растущее влияние западных идей в среде образованного славянства, а также интерес последнего к прогрессивным политическим процессам, развивавшимся на Западе. В письме 1842 г. Уварову он указывал, что среди чехов, сербов и болгар распространяются идеи независимости, молодежь стремится обучаться в Париже и Лейпциге. Погодин связывал это с интригами западных держав и их антирусской агитацией среди славян, не осознавая, что значительная часть славянской интеллигенции воспринимала российское самодержавие негативно и связывала будущее славянства с Западом.

По мнению Погодина, европейские страны, в особенности Англия, Австрия и Пруссия, опасаясь усиления России на Балканах, стремятся создать там ей противовес в лице славянского государства прозападной ориентации «на манер Польши». С этой целью они усиливают свои позиции в славянских странах, как, например, в Сербии и Болгарии. Россия, считал Погодин, должна приложить все усилия к тому, чтобы «западный дух, французское и немецкое влияние, римская церковь не пускали там корней». Ввиду очевидного стремления славянских народов к освобождению из-под ига Габсбургской монархии Погодин полагал, что все они безусловно ориентируются на Россию и «всякий успех России считают своим собственным». Идеи панславизма, по его мнению, в особенности господствовали у словаков; что же касается положения украинцев в Австрии (в Восточной Галиции), то этот регион, как населенный «чистыми русскими», должен принадлежать к России, и Погодин порицал австрийские власти за содействие пропаганде среди них католицизма и униатства¹⁴.

В самой России Погодин указывал на социальное угнетение украинских крестьян польскими помещиками. Выход из этого положения он видел в широкомасштабной операции правительства по скупке имений польских помещиков и предоставлении последним взамен земельных владений в собственно Польше. В целях укрепления связей с украинцами Восточной Галиции Погодин, отмечая пробуждение в них национального самосознания, предлагал российскому правительству оказывать им помощь в развитии культуры, в печатании книг.

Славянский вопрос он определял как вопрос об освобождении «многочисленного племени человечества» и возвращении ему «гражданских и человеческих прав». Под этим он понимал, однако, лишь освобождение от национального угнетения, а отнюдь не демократические свободы. Однако проблема, по Погодину, заключалась не только в освобождении угнетенного славянства; речь шла об «обновлении ветхой европейской жизни»¹⁵. Славяне должны были влить свежую кровь в жилы дряхлеющей Европы, призвав ее к «новой жизни».

Сути этого перерождения он не раскрывал, но подчеркивал «увенчание русской

истории», иными словами, приобретение Россией первенствующего места не только среди славянства, но и в Европе, а может быть, в мире. Следует обратить внимание на то, что в идее Погодина о славянском единстве, как видно, в качестве основного объединяющего начала выступали племенное родство, язык и культура. Православие было отодвинуто на второй план. Это объяснялось тем, что австрийские славяне, с которыми призывал упрочить связи Погодин, в большинстве являлись католиками, и Погодин проявил здесь известный реализм.

В результате нескольких путешествий в славянские земли Габсбургской монархии у Погодина создалось впечатление, что большинство славян убеждено в неизбежности распада Австрийской империи с отделением от нее славянской части. Последующее создание славянами независимого государства он считал маловероятным, как и объединение значительной части славянского мира под эгидой Пруссии. По его мнению, «самой вожделенной» возможностью славянам казалось покровительство России. «Тогда, — считал он, — образуется славянское государство с Россией во главе, от Восточного океана до Адриатического моря, государство, которому история не представляет подобного»¹⁶. Это государство представляло бы собой славянскую федерацию, в которой составляющие ее народы получают национальную и физическую независимость и государственность.

Во время Крымской войны картина славянского союза у Погодина приобрела более определенные очертания. В отличие от своей ранней позиции, когда речь шла главным образом о славянских народах Австрии, теперь Погодин полагал, что в союз войдут также славяне, находящиеся под гнетом Османов. Погодин определял их численность в 30 млн человек, что было явно завышено. Перечисляя славянские земли, он называл Болгарию, Сербию, Герцеговину, Черногорию, Сирмию, Крoацию, Далмацию, Славонию, Краину, Штирию, Каринтию, Богемию, Моравию, Буковину.

В письме, датированном 27 мая 1854 г., идея славянского союза наполнена конкретным содержанием. Образец формы союза Погодин видел в Рейнском союзе немецких государств, находившемся под покровительством Франции. Славянский союз должен был представлять собою (кон)федерацию монархий. Помимо славянских земель Погодин допускал включение в него Венгрии, Греции, Молдавии, Валахии, Трансильвании и называл новый союз «Дунайским», «Славянским», «Юго-Восточным» или «Европейским»; столицей его мыслился Константинополь. Покровительствовать союзу должна была Россия как наиболее могучая и многонаселенная славянская держава. Погодин считал, что «Россия должна сделаться главой славянского союза, не по своему желанию, не по произволу, не из честолюбия и властолюбия, а по необходимости, по естеству вещей, точно как русский язык должен со временем сделаться общим, литературным языком для всех славянских племен, не по принуждению русского правительства, а по законам филологии, как настоящий их представитель, соединяющий в себе свойства всех наречий славянских, северных и южных, восточных и западных».

Состав союза говорит о том, что на данном этапе Погодин мыслил его задачу как чисто освободительную — совместную борьбу народов, входивших в Османскую и Австрийскую империи, против национального угнетения и за национальную независимость. Таким образом, цементирующей силой союза Погодин считал в первую очередь общность политических задач. Он был уверен, что неславянские народы охотно войдут в славянскую федерацию, потому что получают независимость, «будут управляться сами собой, *conditio sine qua non*, без малейшего участия прочих»¹⁷.

Польскому вопросу посвящено несколько писем Погодина. Считая необходимым освобождение славянских народов от иноземного угнетения, он распространял этот принцип и на Польшу. В политическом письме «О Польше» Погодин утверждал: «Мы должны отказаться от Польши... Для чего нам желать держать ее при себе? Это болезнь на нашем теле. Это одна из причин, или, по крайней мере, предлогов европейской ненависти к России». Освобождение Польши, полагал Погодин, сделает ее из врага союзником России; независимая же Польша, будучи сейчас орудием в руках Германии и Австрии, направленным против России, войдет в славянский союз как его равноправный член. Одновременно тем самым решится еще ряд внешнеполитических и внутренних вопросов России. Улучшится ее международное положение и создастся благоприятный образ в глазах западноевропейского общественного мнения, а «славяне, видя наше бескорыстие, удостоятся в чистоте

наших намерений, отбросят все западные наветы, освободятся от всех подозрений и сомнений и предадутся России окончательно, безусловно, от всей души, на жизнь и смерть»¹⁸. Имея врагов в лице Германии и Австрии, Польша неминуемо примкнет к славянскому союзу.

Касаясь вопроса о границах будущей Польши, Погодин указывал, что области, населенные украинцами и белорусами (Волинь, Подолия, Восточная Галиция, Белоруссия), не войдут в нее, а должны находиться в составе Российской империи. Погодин подчеркивал стратегическую роль славянского союза для России: «Россия отделится тогда от Европы целой стеною союзных с ней государств славянских и может делать у себя дома, что угодно, пользуясь силами своего союза и не имея нужды в ежегодных рекрутских наборах»¹⁹.

В проектируемую федерацию вступили бы на правах членов только те славянские народы, которые до того входили в Османскую и Австрийскую империи, Украина же и Белоруссия по-прежнему состояли бы в Российской империи, не имея никакого собственного государственного статуса. Это соответствовало официальной правительственной политике, подвергавшей преследованию национально-освободительные движения в России. Не избежали этого преследования и украинофилы, выступавшие не только за автономию Украины, но и против социально-политических основ деспотического режима Российской империи. На первый план ставило национально-освободительные задачи и Кирилло-Мефодиевское общество.

Идейно-политическая концепция его была основана на принципах христианства: Бог — творец истории, христианская религия — движущая сила ее, указывающая человечеству путь в царство справедливости, свободы, равенства и братства. Основная задача ближайшего будущего — борьба за претворение в действительность этих христианских идей²⁰. Подобные взгляды были распространены в первой половине XIX в. в ряде западноевропейских стран (например, польское Общество объединенных братьев, возникшее при ближайшем участии А. Мицкевича в середине 30-х годов в Париже).

Тесное общение кирилло-мефодиевцев с идеологами славянского движения в Австрии во многом влияло на формирование их идей (здесь можно провести определенную аналогию с Погодиным), что подтверждается рядом документов. У Н. И. Гулака, члена общества, во время ареста были найдены письма чешского активного деятеля национального движения В. Ганки, в бумагах другого члена общества В. М. Белозерского — ряд выписок из произведений деятелей славянского движения, у П. А. Кулиша — адреса всех видных представителей этого движения, которых он намеревался посетить при поездке за границу²¹. Нельзя не отметить влияния на формирование программ Кирилло-Мефодиевского общества и проектов декабристского Общества соединенных славян, а также Конституции Н. М. Муравьева.

Относительно выбора средств для достижения цели мнения кирилло-мефодиевцев были далеко не одинаковыми. Существовали два тактических течения — либеральное и радикальное. К первому принадлежали Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, В. М. Белозерский, Д. П. Пильчиков, А. П. Тулуб, А. В. Маркович и др., ко второму — Т. Г. Шевченко, Н. И. Гулак, М. И. Савич, Г. Андрузский, А. А. Навроцкий, И. Я. Посяда и другие²². По мнению первых, следовало «избегать насильственных мер, а когда придет пора — противопоставить насилию силу мысли, силу сплоченного народа»²³. Главное значение придавалось ими мирной, литературной пропаганде, воспитанию юношества, умножению числа членов Общества. Радикальные кирилло-мефодиевцы высказывались за насильственный переворот.

В программных документах Кирилло-Мефодиевского общества («Законе Божьем», Книге Бытия украинского народа, Уставе, Главных правилах Общества, а также в «Автобиографии» Костомарова, который был главным основателем этого общества), содержалась критика российского самодержавия, порицался бюрократизм, осуждалось взяточничество чиновников. Социальному неравенству противопоставлялось идеализированное прошлое славян, свободное от сословных противоречий. В Законе Божьем было написано: «Племя славянское еще до принятия веры Христовой не имело ни царей, ни господ, и все были равны»²⁴. По мысли кирилло-мефодиевцев, Украина, до включения ее в состав России, не знала социальной розни, а Петр I насадил чуждые славянам европейские порядки.

Ожидалось, что в борьбе против самодержавного деспотизма славянские наро-

ды объединятся в федерацию. Белозерский предполагал, что самостоятельное существование Украины невозможно; она находится между нескольких огней, будет теснима и может претерпеть еще более горестную участь, нежели поляки. По его мнению, единственный путь славянских народов к свободному развитию — соединение их в одну семью на основе равенства и социальной справедливости. Тогда они защитят себя от всякого «варвара» и получают возможность жить идеями «общины христианской, привнести их в жизнь, потерявшую главнейшую общественную подставу — религию». «Облекитесь в свойственную славянам любовь к человечеству, — взывала Книга Бытия украинского народа, — вспомните также о братьях ваших, томящихся и в шелковых цепях немецких, и в когтях турецких, и да будет целью жизни и деятельности каждого из вас: славянский союз...»²⁵.

Таким образом, в отличие от Погодина, выделявшего в союзе роль России, в программах Кирилло-Мефодиевского общества предусматривалось создание такой федерации, где бы все славянские народы были равноправными членами. Целью федерации объявлялась борьба за свободное социальное и национальное развитие славян, независимых как от Запада, так и от Востока.

Члены общества подчеркивали роль Украины в деле создания славянской федерации. В Книге Бытия украинского народа говорилось, что в создании славянской федерации решающую роль сыграет Украина: «Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам... и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни царевны, ни князя, и ни графа, ни герцога, ни сийательства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа ни в Великой России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар. И Украина сделается независимою Речью Посполитою в союзе славянском». Это убеждение базировалось на мысли о том, что именно украинский народ является хранителем удельно-вечевого федеративного начала, идущего еще от традиций древней Руси²⁶.

В отличие от Погодина члены Кирилло-Мефодиевского общества предполагали, что славянская федерация (конфедерация) должна состоять из ряда славянских демократических республик и формироваться по принципу самостоятельности, свободы, братства (любви), народовластия, совершенного равенства сограждан, уважения права собственности. За образец были взяты древнегреческие республики и США. Члены федерации, находясь в прочной связи между собой, сохраняли бы, однако свою автономию.

В ее устройстве, по Костомарову, сочетались бы национальный и территориальный принципы: «Россия должна была разбиться на части или штаты: северный, северо-восточный, юго-восточный, два волжских — верхний и нижний, два малороссийских, один средний, два южных, два сибирских, один кавказский. Белоруссия составила бы отдельный штат, также Польша, Чехия с Моравией, Сербия, Болгария; часть Галиции присоединялась к Польше, другая к западному малороссийскому штату и т. п.». В южные штаты наряду с украинскими губерниями должна была, по-видимому, войти и Область Войска Донского. Ряд западно-славянских народностей (черногорцы, лужичане, сербы) объединялся в один сербский штат. В составе федерации оказались бы и неславянские народы, как это видно из предположения создать специальный кавказский штат. Киев, не принадлежа ни к какому штату, рассматривался как центральный город, место собрания общего сейма.

Таким образом, можно сказать, что в основу федерации Костомаров заложил не только этнографический, национальный, но и административно-территориальный принцип. «Федерация только по одним народностям не оказалась для нас вполне удобной... — писал он, — в особенности по количественному неравенству масс, принадлежавших к народностям. Какое в самом деле союзничество на основаниях взаимного равенства могло существовать между ничтожными по количеству лужичанами и огромной массой русского народа с неизмеримыми пространствами его отечества?» Предстояло, сохранив права народностей, разделить будущее славянское государство на части независимо «от того, к какой из народностей принадлежит это племя в той или другой полосе обитаемого им пространства»²⁷.

Если Погодин в своем плане не касался внутреннего устройства федерации, то Костомаров в «Автобиографии» подробно излагает план управления федерацией. Высший ее орган — двухпалатный сейм, который собирается не реже одного раза

в четыре года. В каждом штате свой сейм, который собирается ежегодно, избирая своего президента и сенат. Верховная или центральная власть предоставлена президенту, избираемому на четыре года, и двум министрам: иностранных дел и внутренних дел. Федерация располагает небольшим регулярным войском, но в каждом штате есть своя милиция, а на случай формирования общего ополчения все граждане обучаются военному искусству. К компетенции федеральной власти относятся внешняя политика, армия и флот, но каждый член федерации полностью автономен в отношении внутреннего управления, судопроизводства и народного образования. Во всех частях федерации предполагались одинаковые основные права граждан, равенство веса, мер и монеты, отсутствие внутренних таможен и свобода торговли ²⁸.

Несмотря на попытки польского дворянства поработить Украину, она в будущем могла бы, как считали кирилло-мефодиевцы, соединиться в федерации с Польшей, так как между ними существует племенное родство, но это могло бы произойти только после изгнания дворянства и иезуитов. Такое понимание условий присоединения Польши отличалось от представлений Погодина: проводилась грань между польским дворянством и широкими народными массами, польское освободительное движение рассматривалось как союзник.

Встает вопрос, являлись ли программы славянского объединения Погодина и кирилло-мефодиевцев выражением панславистских идей? В понятие «панславизм» в разные времена различные деятели вкладывали свое понимание. Если рассматривать это понятие как выражение агрессивности объединенного славянского мира, во главе с Россией в отношении Запада, то обе интерпретации идеи славянского единства — как Погодина, так и кирилло-мефодиевцев — далеки от такой трактовки.

Российские мыслители (И. С. Аксаков, например) первой половины XIX в. понимали панславизм как стремление объединить славян в едином государстве и категорически отвергали эту идеологию ²⁹. Иначе понимал панславизм Костомаров. По его мнению, это была идея самостоятельного развития славянских народов, долгое время находившихся под иноземным игом: «Это идея в числе других, порожденных нашим мыслительным веком, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизненно и полная надежд. Это стремление целого племени славянского выйти из вековой запоздалости, стремление каждому из славянских народов даровать собственное развитие при помощи других родственных наций, всем вместе братскою семьею принять живое участие в движущейся сфере образованности человечества и дабы явиться перед судьбою с незарытым в землю талантом. Ничего не может быть справедливее такой идеи, ничего, потому что подобного явления история до сих пор нам не представляла» ³⁰.

Таким образом, если исходить из определенного понимания термина «панславизм», и погодинскую, и кирилло-мефодиевскую программы славянского единства можно считать панславистскими, поскольку они предусматривали объединение славянского мира на том или ином этапе его развития. Однако программа Погодина содержала некоторые положения, сближающие ее с современным понятием панславизма (исключительность славянского мира, стремление его охватить всю занятую славянами территорию, главенство России).

Как Погодин, так и кирилло-мефодиевцы уделяли большое внимание вопросам практической реализации славянского единства в единственной доступной тогда для этого области — в сфере культуры. Погодин много сил отдал, чтобы убедить русское правительство осуществлять широкую программу помощи славянским деятелям культуры. По его мнению, славяне нуждались в помощи со стороны России и в дипломатии, военном деле, судебном и др., но особенно в области образования, культуры. Петербург же проявлял излишнюю осторожность в отношении славян. Погодин призывал к немедленным действиям для сближения со славянами и полагал, что священная обязанность, христианский долг «повелевают русским пособить своим злополучным единоплеменникам, пособить, сколько позволяют политические отношения, пособить для религии, для науки, для просвещения, с мирной целью».

Подчеркивая роль в данной области Министерства народного просвещения, Погодин предлагал адресовать русскую помощь прежде всего болгарам, ведь именно из болгарских земель на Русь пришли грамота и первые богослужбные

книги. Погодин настаивал на необходимости содействовать распространению русского языка в Сербии, чтобы воспрепятствовать австрийскому влиянию. Выступая против русификаторской политики царского правительства в Польше, Погодин считал необходимым оказать помощь польским литераторам, живущим в Варшаве. В случае реализации его предложений, покровительство языку, литературе, истории и вообще просвещению в Польше могло иметь, по его мнению, благотворное влияние и на другие славянские народы, которые на примере Польши могли бы познакомиться с принципами русского управления в национальных районах Российской империи. Это весьма важно, считал он, для будущности отношений России со славянским миром.

Заботясь о своих друзьях — деятелях науки и культуры в славянских землях Австрийской империи, Погодин даже называл сумму пособия тем из них, кто бы мог в дальнейшем содействовать распространению славянской общности: «25 тыс. рублей ассигнациями ежегодного пособия удовлетворили бы оные с избытком; 10 тыс. отчасти». Такая щедрость имела политический подтекст: «Эту помощь считаю необходимою, если Россия не решилась оставить славян совершенно на произвол судьбы и европейских интересов», — писал он в 1842 г. Уварову и, чтобы политический характер этих акций не был слишком явным, советовал оказывать помощь от имени Российской Академии наук и исторических обществ. Как следует из текста письма, идея о помощи славянским деятелям Австрийской империи исходила от них самих. В противном случае, указывал Погодин, «они могут принять помощь от чужих».

Кроме этой материальной помощи Погодин выдвинул план издания «Общего словаря всех славянских наречий» и «Всеславянского журнала»; он также предлагал пригласить в Россию нескольких ученых и педагогов — славян. В частности предусматривал он оказание российской помощи украинцам Галиции, считая, что «в ожидании благоприятных случаев необходимо поддерживать их возникающую литературу, т. е. доставлять пособие авторам, печатать книги, назначать премии за работы на заданные темы об истории, языке, посылать в библиотеки русские книги, содействовать сочинению лексикона, грамматики, собранию преданий, песен»³¹. Любопытно отметить, что такая позиция Погодина в отношении украинской культуры была более прогрессивна в сравнении с тогдашней позицией некоторых славянофилов. В письме к К. С. Аксакову по поводу его известной брошюры о «Мертвых душах» А. С. Хомяков полностью солидаризировался со своим адресатом в том, что «Малороссия получила возможность полного выражения, только подчинив себя великорусскому началу»³².

Что же касается отношения к религии, то программа кирилло-мефодиевцев существенно отличалась от позиции Погодина. Предполагалось, что в вопросах религии должна быть полная свобода и все вероисповедания должны пользоваться одинаковыми правами. Однако предусматривались меры по пропаганде введения славянского языка при католическом богослужении. Кроме того, программа общества относилась негативно к папству: «Они лучше приняли святую веру, нежели греки, — сказано в Законе Божиим о «романском племени», — однако и они не совлеклись ветхого человека со страстями и похотями, оставили королей и господ и выдумали главу христианства — папу, и этот папа выдумал, будто имеет власть над целым миром христианским, и никто не может судить его, а что вздумает, все то хорошо». Своей задачей кирилло-мефодиевцы ставили также соответствующее разъяснение славянам-христианам догматов неправославного исповедания, а славянам-мусульманам — «вопроса о первоначальном введении ими веры греческой» как наиболее истинной религии³³.

Касаясь проблемы языка в федерации, как кирилло-мефодиевцы, так и Погодин придерживались того мнения, что общим литературным языком в славянской федерации должен стать русский язык, как самый распространенный. Однако отвергались насильственные меры и признавалось равноправие языков.

Погодин считал, что сближение славян, укрепление культурных связей между ними может стать самым важным средством для их окончательного политического объединения. Однако он преувеличивал степень близости славянских культур. Ему казалось, что русский язык без всяких насильственных мер превратится в общий литературный язык для всех славян. Эта идея, по существу, противоречила его же мысли о необходимости сохранить национальные особенности культуры и языка.

Не выдерживает критики и его ставка на развитие связей со славянским миром путем материального поощрения отдельных деятелей и обществ. Эта цель могла быть достигнута только на путях свободной общественной деятельности и целенаправленной государственной политики, открыто заявляющей о сочувствии угнетенным народам.

Между тем вопросы культурных и научных связей вообще мало кого интересовали в тогдашних высших кругах. Этим объясняется тот факт, что к домогательствам Погодина царь отнесся отрицательно. На докладной записке Уварова от 23 февраля 1840 г., сопровождающей письма Погодина, сохранились пометы, сделанные рукой императора: «Очень любопытно, но требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно»³⁴. Таким образом, благодаря ходатайству Погодина, все же получили поддержку многие славянские патриоты (письма Коллара к Погодину содержат сведения о том, что словацкий ученый получал деньги из России)³⁵.

Планы Погодина и кирилло-мефодиевцев, связанные с принятием русского языка в качестве общеславянского, также были нереальны. В период национального возрождения каждый славянский народ стремился основать свою литературу, развивать просвещение на собственном языке. По Пыпину, в славянских землях существовало 12 национальных литератур на национальных языках. В торговле же и международных сношениях употреблялись немецкий (у западных), итальянский, турецкий, греческий (у южных славян), что обуславливалось экономически³⁶.

Отношение царского правительства к идеям славянского единства не свидетельствует об использовании их в интересах внешней политики, строившейся, как известно, на принципах легитимизма. Борьба с европейскими революциями и подавление польского восстания 1830—1831 гг. сплотили реакционные режимы Петербурга и Вены и ослабили остроту русско-австрийских противоречий. С другой стороны, заинтересованность царского правительства в сохранении черноморских проливов в руках «слабого соседа» не позволяла как-либо подрывать целостность Османской империи и обязывала с чрезвычайной осторожностью и даже подозрительностью относиться к идеям независимости, единства славянских народов и т. д. Россия решительным образом открещивалась от всех обвинений со стороны Запада в политике панславизма.

Не случайно, когда И. С. Аксаков был в 1849 г. арестован по подозрению в сочувствии славянской борьбе, Николай I на полях его объяснений начертал знаменательные фразы: «Под видом участия к мнимому утеснению славянских племен таится преступная мысль о восстании против законной власти соседних и отчасти союзных государств и об общем соединении, которого ожидают те не от Божьего произволения, а от возмущения, губительного для России!..». Далее царь написал, что все идеи славянского объединения — «мечта: один Бог может определить, что готовится в дальнем будущем; но ежели бы стечения обстоятельств и привели к этому соединению, то оно будет на гибель России»³⁷. Николай I представлял себе освобождение и воссоединение славян как революционные акты, последствием которых могут быть восстания и в России.

Заметки царя на полях объяснений Аксакова наряду с другими документами опровергают распространенное представление о Николае I как о панслависте. Наоборот, он, боявшийся любых народных движений, полный легитимного уважения к «законным» монархиям Австрии и Турции, терпеть не мог даже упоминаний об освобождении западных и южных славян из-под чужеземного гнета, тем более об идее славянского единства.

Однако царское правительство по-разному относилось к трактовкам славянского единства Погодиным и Кирилло-Мефодиевским обществом, что объяснялось различием социальных аспектов их программ. Николай I с интересом прочел письма Погодина, но все-таки принял их весьма прохладно (хотя Погодин получил награду в виде денежной суммы, пожалованной императором), и те перспективы, которые наметил Погодин, посчитал делом очень далекого будущего³⁸. Программа же Кирилло-Мефодиевского общества вызвала гнев правительства, его члены были арестованы и отправлены в ссылку. По словам начальника III Отделения А. Ф. Орлова, расправа была вызвана в частности тем, что кирилло-мефодиевцы стремились соединить в одну державу все славянские народы во главе с Украиной «в том виде, в каком она находилась до присоединения к России»³⁹.

Специальным циркуляром, разосланным Уваровым в 1847 г., преподавателям было запрещено не только пропагандировать славянскую идею, но и просто упоминать о солидарности славянских народов, в то же время поощрялось изъятие «безусловной приверженности к православию и самодержавию». Уваровым своеобразно интерпретировалась идея славянского единства. Циркуляр начинается указанием на то, что родившаяся в Богемии мысль о слиянии славянских народов в одно целое и образовании славянского государства неправомерна. Славяне являются разными народами, а идея славянского единства может быть употреблена «злонамеренными» лицами для «возбуждения умов и распространения опасной пропаганды, преступной и возмутительной»⁴⁰. Устанавливалось, что рассмотрение славянских проблем в университетах должно иметь сугубо научный характер и не являться предметом политических рассуждений.

Таким образом, царское правительство попыталось затормозить развитие идей славянского единства в русской общественной мысли. Однако и дозволенное обсуждение научных проблем естественно переходило к политическим аспектам, так как именно они были чрезвычайно злободневны и для самих славян и для русской политической действительности. Особенно наглядно это проявилось в период Крымской войны, когда славянский вопрос живо обсуждался не только в консервативных, но и в либеральных и радикальных кругах.

Сравнение интерпретаций идеи славянского единства во взглядах Погодина и членов Кирилло-Мефодиевского общества позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего, нельзя не согласиться с мнением Дьякова о том, что идею славянского единства можно считать составной частью различных, в том числе противостоявших друг другу, политических доктрин, по-разному понимавших ее социально-политическую обусловленность. Погодинский проект славянского союза под эгидой России имел консервативный характер. Он был подчинен главным образом внешнеполитическим задачам России и отражал экспансионистские устремления определенных общественных кругов.

Погодин, а затем Ф. И. Тютчев полагали необходимым изменить внешнеполитическую линию России, переориентировать ее со Священного союза европейских монархий⁴¹ на своих «естественных союзников» (славян), что, по их мнению, позволило бы России достигнуть своих целей. Такая перемена означала предпочтение во внешней политике легитимизму — «принципа национальностей»⁴². Вне внимания Погодина оставались центробежные (децентрализационные) процессы на национальных окраинах России. Впрочем, мысля империю только как единое целое, он не допускал какой-либо возможности участия двух ее славянских народов — украинского и белорусского — в славянской федерации на правах членов. Исключение делалось только для Польши, где сепаратистское движение уже доказало свою силу.

Программные положения кирилло-мефодиевцев отражали устремления демократической украинской интеллигенции. Национально-освободительная направленность их идеологии выражала интересы украинского народа. После разгрома общества идея демократической славянской федерации не заглохла, а длительное время была распространена в идеологии передовой украинской интеллигенции, приняв более развитую форму.

Обе интерпретации идеи славянского единства имели утопический характер и обнаруживали недостаточно разностороннее знакомство авторов с состоянием славянского вопроса; впрочем как Погодин, так и члены Кирилло-Мефодиевского общества считали, что реализация проекта славянской федерации требует известной подготовки и является делом будущего. Но и при этом обе программы являлись политической иллюзией их создателей. Действительность же была значительно сложнее. Европейские события 30—40-х годов XIX в. показали это.

Революции, прокатившиеся в 1848—1849 гг. по странам Европы, охватили славянские земли Австрийской империи и выявили довольно пеструю картину экономического, социального и политического развития славянских народов, которая и определила степень и характер их участия в событиях. Оказалось, что нельзя более говорить о славянах вообще, как об одном племени. Каждый из этих народов вырабатывал свое национальное самосознание и намечал свои пути достижения независимости и решения национальных задач. В славянских землях одна за другой возникали программы нового политического устройства славянских народов.

Примером тому может служить идея австрославизма (федерализации Австрийской империи), ставшая в период революции основной политической программой чешского национального движения, а затем распространившаяся и шире. Австрославизм зародился в Чехии во второй половине 30-х годов XIX века⁴³. Он был в какой-то степени реакцией на подавление польского восстания 1830—1831 годов. Протест передовых кругов чешской интеллигенции против политики России в Польше положил начало их отходу от позиций русофильства. Тем не менее новые программы базировались также на федеративной идее. Поэтому объединительные идеи, аналогичные существовавшим в Германии и Италии, не соответствовали задачам славян. Там речь шла об объединении одного народа в единое унитарное государство, славяне же представляли собой разные народы со своими особыми национальными задачами, своим языком, историей и традициями.

После революций 1848—1849 гг. стало очевидно, что идея славянского единства не соответствовала общественным реалиям: социальное расслоение в славянстве, особенно в западном, было неоспоримым фактом, и высшие классы зависимых народов сближались с господствующей национальностью.

Таким образом, политическое мышление даже выдающихся представителей общественности России, принадлежавших к разным идейным течениям, не воспринимало всего разнообразия и сложности славянского мира, оставаясь замкнутым в пределах иллюзорных представлений. Но, констатируя это, нельзя отрицать достоинств программ Погодина и кирилло-мефодиевцев, которым было свойственно признание права на национальное самоопределение (правда, ограниченное у Погодина), уважение к национальности, пропаганда культурного единения и др. Идеи кирилло-мефодиевцев в целом способствовали росту славянского национального самосознания.

Примечания

1. СИДОРОВ А. А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М. 1912, с. 25.
2. БАРСУКОВ Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1—13. СПб. 1888—1893; ПОВ Н. А. Письма М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). М. 1879—1880; ПЫПИН А. Н. Новые данные о славянских делах. — Вестник Европы, 1893, № 6.
3. ДЪЯКОВ В. А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М. 1993.
4. Подробнее см: PICHT U. M. P. Pogodin und die Slavische Frage. Stuttgart. 1969; KOHN H. Pan-Slavism. Its History and Ideology. N. Y. 1960; PETROVICH M. B. The Emergence of Russian Pan-Slavism. N. Y. 1956; FADNER F. Seventy Years of Pan-Slavism. Georgetown University. 1961.
5. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М. 1959; ДЪЯКОВ В. А. Ук. соч.; ПИНЧУК Ю. А. Николай Иванович Костомаров как историк. В кн.: КОСТОМАРОВ Н. И. Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев. 1992; СЕРГИНКО Г. Я. Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодіївське товариство. Київ. 1983.
6. Кирило-мефодіївське товариство. Київ. 1990. Т. 1—3.
7. БАРСУКОВ Н. П. Ук. соч. Кн. 1. СПб. 1888, с. 56.
8. ПОГОДИН М. П. Исторические афоризмы. М. 1836, с. 29—30; его же. Об ученом сословии и его историческом назначении. В кн.: ПОГОДИН М. П. Сочинения. Т. 3. М. 1874, с. 39.
9. ПОГОДИН М. П. Петр Великий. — Москвитянин, 1841, № 1, с. 12, 24.
10. ПОГОДИН М. П. За русскую страницу. — Москвитянин, 1845, № 3, Смесь, с. 27.
11. ПОГОДИН М. П. Историко-критические отрывки. М. 1846, с. 422; его же. Соч. Т. 4. М. 1875, с. 2.
12. ПОГОДИН М. П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М. 1874, с. 21—22.
13. ПОГОДИН М. П. Соч. Т. 4, с. 6.
14. Русская беседа, 1859, № 1, с. 59, 63—64, 76, 84—86.
15. ПОГОДИН М. П. Соч. Т. 4, с. 122.
16. Там же. С. 24.
17. Там же. С. 120.
18. Там же. С. 126, 127.
19. Там же. С. 131.

20. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Ук. соч., с. 79.
21. Там же. С. 89.
22. См.: БОРТНИКОВ А. И. Кирилло-Мефодиевское общество и польское национально-освободительное движение. В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М. 1970, с. 184; СИМОНОВА И. А. О взаимосвязи славянофильства с идеологией Кирилло-Мефодиевского общества. — Советское славяноведение, 1988, № 1, с. 50.
23. СЕМЕВСКИЙ В. И. Н. И. Костомаров. — Русская старина, 1886, № 1, с. 188.
24. КОСТОМАРОВ М. И. «Закон Божий» (Книга буття українського народу). Київ. 1991, с. 21.
25. Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1, с. 392; К истории Общества святых Кирилла и Мефодия. — Былое, 1906, № 2, с. 67—68.
26. Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 169; ПИНЧУК Ю. А. Ук. соч., с. 72.
27. КОСТОМАРОВ Н. И. Автобиография. С. 131—132; ДРАГОМАНОВ М. П. К сведениям об Украинао-славянском обществе. — Русский архив, 1893, № 7, с. 402; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Ук. соч. С. 48.
28. КОСТОМАРОВ Н. И. Автобиография. С. 132; СЕМЕВСКИЙ В. И. Ук. соч. С. 187—188.
29. См.: Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 2. М. 1888, с. 160.
30. Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1, с. 264.
31. ПОГОДИН М. П. Отрывки из писем о положении славян..., с. 61, 70, 87; его же. Соч. Т. 4. С. 28.
32. ХОМЯКОВ А. С. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 330.
33. КОСТОМАРОВ М. И. «Закон Божий»... С. 19; Киевская старина, 1897, т. 56, с. 179.
34. РОКИНА Г. В. Идея славянской взаимности в России. В кн.: Ян Коллар — поэт, патриот, гуманист. М. 1993, с. 90.
35. См.: Письма к Погодину из славянских земель. М. 1880, с. 36; РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб. 1902, с. 224; ДЪЯКОВ В. А. Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения. В кн.: *Stúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. Storočia*. Bratislava. 1978, с. 16.
36. ПЫПИН А. Н. Будущность славянства. — Вестник Европы, 1877, № 6, с. 808. Характерно, что, когда представители разных славянских народов собрались в 1848 г. на Славянский съезд в Праге, они не смогли общаться на каком-либо из славянских языков. Языком общения между ними стал немецкий. Вопрос о судьбах славянских народов Австрийской империи решался съездом на базе австрославизма. Подробнее см.: ПЫПИН А. Н. Вопрос о национальности и панславизм. — Современник, 1864, № 3—4, с. 84.
37. И. С. Аксаков в его письмах, с. 154—155, 160; СУХОМЛИНОВ М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб. 1889, с. 510.
38. БАРСУКОВ Н. П. Ук. соч. Кн. 13. 1888, с. 118; ПЫПИН А. Н. Данные о славянских делах. — Вестник Европы, 1893, № 6, с. 756; его же. История панславизма. — Там же, 1893, № 9, с. 287.
39. Цит. по: МАРАХОВ Г. И. Социально-политическая борьба на Украине в 20—40-е годы XIX в. Киев. 1979, с. 109—110.
40. Русский архив, 1892, № 7, с. 348, 347.
41. В частности, Погодин активно обличал «проавстрийскую» ориентацию петербургского кабинета, политику «жандарма Европы», вследствие которой «народы возненавидели Россию... и с радостью ухватились теперь за первый открывшийся случай сколько-нибудь поколебать ее» (цит. по: КОШЕЛЕВ В. А. Славянофилы и официальная народность. В кн.: Славянофильство и современность. СПб. 1994, с. 124).
42. ДЪЯКОВ В. А. Идея славянского единства в общественной мысли дореволюционной России. — Вопросы истории, 1984, № 12, с. 25.
43. См.: ЧУРКИНА И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М. 1978, с. 9.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Экспедиция Б. А. Вилькицкого

В. К. РЫКОВ

20 сентября 1916 г. правительство России обратилось к иностранным государствам с посланием, в котором, в частности, говорилось: «Значительное число открытий и географических исследований в области полярных стран, расположенных к северу от азиатского побережья Российской Империи, произведенное в течение столетий усилиями русских мореплавателей и купцов, недавно пополнилось новейшими успехами, коими закончилась деятельность флигель-адъютанта Его Императорского Величества, капитана 2-го ранга Вилькицкого, начальника Гидрографической экспедиции, которой в 1913—1914 гг. было поручено исследование Северного Ледовитого океана.

Этот офицер Императорского Российского флота произвел в 1913 г. опись нескольких обширных местностей, расположенных вдоль северного побережья Сибири,.. засим, поднявшись к северу, открыл обширные земли, распространяющиеся к северу от Таймырского полуострова, коим были даны наименования Земли Императора Николая II, острова Цесаревича Алексея и острова Старокадомского.

В течение 1914 г. капитан Вилькицкий, сделав новые и важные исследования, открыл другой новый остров близ острова Беннета. Название «остров Новопапенного» было дано этому острову.

Императорское Российское Правительство имеет честь нотифицировать настоящим правительствам союзных и дружественных держав включение этих земель в территорию Российской Империи»¹.

Трехлетняя задержка этой дипломатической акции объяснялась мировой войной. Из газетных сообщений мир давно уже знал об открытиях экспедиции Вилькицкого². Однако прежде, чем официально заявить об открытии такой огромной территории, как Земля Императора Николая II, следовало удостовериться в том, что речь не идет об очередной мифической «Земле Санникова».

Проблемами Северного морского пути до русско-японской войны 1904—1905 гг. интересовались лишь энтузиасты-одиночки. Однако дипломатические и иные сложности, связанные с посылкой через три океана эскадры адмирала З. П. Рожественского, а затем и цусимская трагедия вынудили русские власти всерьез задуматься над тем, что существует вчетверо более короткий, но совершенно не изученный путь к восточным владениям империи³.

Вскоре после окончания русской-японской войны Морское министерство приняло решение построить два паровых транспорта ледокольного типа специально для исследования северных морей. Весной 1909 г. со стапелей Невского судостроительного завода в Санкт-Петербурге сошли ледоколы «Таймыр» и «Вайгач»⁴. Характерной особенностью этих ледоколов, подобно знаменитому «Фраму», были обводы. Сила льда должна была как бы выдавливать, поднимать вверх округлый корпус кораблей, не причиняя серьезных повреждений бор-

---

Рыков Виктор Константинович — публицист.

там. 1200 л. с. в машине и 1500 т водоизмещения при полной нагрузке позволяли ледоколам продавливать проход во льдах до 2—3 футов толщиной. 500-тонный запас угля обеспечивал преодоление 12 тыс. миль при скорости 8 узлов в течение двух месяцев без захода в порты. Каждый корабль — на случай вынужденной зимовки — мог взять запас провизии на 16 месяцев, необходимое количество теплых вещей, палаток, саней, инструментов и пр. Экипажи состояли из пяти флотских офицеров, одного инженера-механика, 39 нижних чинов и одного вольнонаемного кока. Был на каждом корабле и судовой врач.

28 октября 1909 г. «Таймыр» и «Вайгач» вышли из Кронштадта. Пройдя обычным путем — через Суэцкий канал и Индийский океан, 3 июля 1910 г. благополучно прибыли во Владивосток. Спустя месяц была учреждена Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Новые ледоколы составили ее материальную базу. 26 июня 1913 г. Владивосток в третий раз провожал Гидрографическую экспедицию, настойчиво пытавшуюся пройти Северным Морским путем в Европу. Совершить этот путь, правда, в обратном направлении, из Европы в Азию, удалось лишь трижды: шведскому исследователю Арктики Н. А. Э. Норденшельду в 1878 г., норвежскому исследователю Арктики Ф. Нансену в 1893 г. и русскому полярному исследователю барону Э. В. Толлю в 1901 году. «Таймыр» и «Вайгач» делали, таким образом, четвертую попытку.

Помимо главной задачи — пройти северными морями в Европу, экспедиции предстояло выполнить обширную программу исследований и работ⁵. В том числе отыскать на мысе Дежнева и покрасить крест, продолжить морские описи от устья Лены вдоль восточного и северного побережья Таймырского п-ва, провести гидрологический разрез по меридиану мыса Челюскин возможно дальше к северу. Именно это поручение предопределило звездный час экспедиции.

11 июля, на пути к Берингову проливу тяжело заболел начальник экспедиции генерал-майор И. С. Сергеев — удар парализовал левую часть тела. Пришлось идти в Ново-Мариинск, в устье Анадыря, где начала работать станция беспроволочного телеграфа. Отсюда через Петропавловск и Владивосток связались с Петербургом, доложили о случившемся. 20 июля пришло телеграфное приказание морского министра принять начальствование над экспедицией командиру «Таймыра» капитану 2-го ранга Б. А. Вилькицкому⁶.

Борис Андреевич Вилькицкий родился в 1885 г. в Пулкове. Здесь, в Николаевской обсерватории, вел тогда практические занятия со слушателями Академии Генштаба его отец, лейтенант Андрей Ипполитович Вилькицкий, будущий генерал-лейтенант, знаменитый полярный исследователь, начальник Главного гидрографического управления⁷. Сын, как это часто водилось в среде русских поляков, пошел по стопам отца. И вот теперь волею судеб он принял под свое командование экспедицию, созданную заботами отца.

Проводив генерала Сергеева с попутным транспортом в Петропавловск, ледоколы двинулись дальше. 23 июля показался мыс Дежнёва. Попробовали запустить змей с приборами. Но сильный ветер обрывал змеи, унося приборы в океан. Все же один из пунктов программы выполнили — покрасили крест. Его в 1910 г. поставил генерал-губернатор Приамурского края Унтербергер в память русского землепроходца казака С. И. Дежнёва, первым совместно с Поповым (Ф. Алексеевым) обогнувшего в 1648 г. на шлюпке восточную оконечность Азии. Мысом Восточным назвали тогда это место. Лишь в 1879 г. Норденшельд дал мысу нынешнее его имя.

Бросив по старой морской традиции при смене вахт за борт очередную бутылку с запиской, ледоколы вышли в Ледовитый океан. В записке на трех языках (русском, английском и японском) указывалось время и координаты кораблей. Тут, чтобы охватить исследованиями возможно более широкую полосу, условившись о месте встречи, корабли разошлись. «Таймыр» пошел вдоль берега, «Вайгач» взял севернее.

Первый лед встретился 25 июля. Он был тонким и не представлял серьезного препятствия. Приближаясь к Новосибирским островам, 7 августа моряки заметили неизвестный остров. Позже по воле императора его назовут именем умершего 11 марта 1913 г. генерала А. И. Вилькицкого. Остров оказался совершенно голой скалой в полторы мили в поперечнике. Установив на ее вершине российский национальный флаг — бесик (аббревиатура от «белый — синий — красный»), экспедиция направилась к о-ву Беннета. Но льды не позволили приблизиться к берегу.

Продолжая путь, «Таймыр» прошел как раз там, где должна была располагаться замеченная исследователем Новосибирских о-вов русским промышленником Я. Санниковым в 1811 г. неведомая земля. Загадочную землю видел и Толль в 1885 году. И тоже, как и Санников, с о-ва Котельный. Даже пеленговал ее как «Столовые горы». Больше никто никогда не видел Земли Санникова. Ничего не увидели и с «Таймыра».

Таймырский п-ов открылся 10 августа. Сюда пришли оба ледокола. Ведя обследование и описи, они садились на мель, стаскивали друг друга. На пятый день работ на траверзе мыса Челюскин начались плотные льды. Толщина льда достигала 3—4 футов. После тщетных попыток отыскать полынью 19 августа приняли решение взять курс на норд, чтобы обойти ледяное поле. 20 августа днем на горизонте возникла узкая полоска неизвестной земли. Земля оказалась довольно большим островом — около 15 миль длиной и миль 5—6 шириной. Поскольку шел год 300-летия Дома Романовых, вполне естественным стало желание назвать новооткрытый остров именем цесаревича Алексея — наследника царствующей династии.

Описав южное и восточное побережье и положив остров на карту (78° северной широты, 107° восточной долготы), двинулись дальше на север. Шли среди битого льда вдоль белого поля. Впервые за все время пути стали попадаться айсберги. К утру 22 августа по левому борту открылись контуры высокого гористого берега. Широкая темная полоса уходила далеко на северо-запад. Ледяное поле вплотную примыкало к южному берегу скалистой гряды. Исчезла всякая надежда выйти к европейским берегам, так как экспедиция поднялась в высокие широты, где трудно было рассчитывать на свободную воду. Порешили, насколько позволят льды и остаток навигационного времени, заняться обследованием обширной земли, единодушно названной именем императора Николая II.

Приблизились к берегу, стали на ледяной якорь, подняли метеорограф. Высадились на берег, установили астрономический инструмент и определили координаты: 80° 04' северной широты и 97° 12' восточной долготы. Вкопали в этой точке столб, а в нескольких саженях в стороне между камнями укрепили флагшток. В 18 час. всех свободных от вахты построили возле флагштока и на кораблях, зачитали приказ начальника экспедиции об открытии новых земель и присоединении их к российским владениям. Под дружное «ура» на флагштоке взвился национальный флаг. Нагрузившись образцами горных пород, вернулись на корабли. Команду ожидал хороший ужин. Кроме сластей, желающим выдали по чарке водки. В обычные дни спиртное в экспедиции матросам не полагалось.

Продолжая идти вдоль берега, достигли крайнего северного мыса Земли императора Николая II, и далее до самого горизонта простирался сплошной лед. Ничего не оставалось, как повернуть назад.

Вечером 24 августа вернулись к мысу Челюскин. Возле о. цесаревича Алексея корабли ненадолго остановились. Пока моряки занимались своими делами, врач «Таймыра» надворный советник Л. М. Старокадомский отправился осматривать остров. Через 8—10 верст вышел на северный берег. Вдали виднелись горы Земли императора Николая II. А перед горами доктор заметил еще один остров — этот остров и получит имя своего первооткрывателя.

Потом, у берега Таймыра удачливый доктор вместе с лейтенантом Лавровым и пятью матросами отправится в ледовую разведку. Пройдя довольно далеко на запад за мыс Челюскин, разведка на следующий день вернется с неутешительными вестями — нигде на горизонте не удалось заметить даже признака чистой воды. Потерпела неудачу и последняя попытка протаранить во льду канал одновременными параллельными ударами двух ледоколов. Пробив канал миль в пять, отказались от этой затеи. Надежда выйти в Карское море рухнула окончательно. Выжидать улучшения ледовой обстановки было крайне рискованно. Надвигалась полярная зима, заканчивался уголь. 31 августа экспедиция легла на обратный курс.

Снова прошли сквозь Землю Санникова. И снова ничего не заметили. 5 сентября показались берега о. Беннета. На этот раз удалось подойти к «заколдованному» месту и укрыться от урагана за утесом баронессы Толль. На остров отправилась группа моряков искать остатки коллекции Толля.

Русская экспедиция под руководством Толля на шхуне «Заря» была снаряжена в 1900 г. специально для исследования Земли Санникова. Перезимовав у западного побережья Таймыра, «Заря» в следующем году безуспешно искала загадочную землю. И столь же безуспешно пыталась подойти к о. Беннета. Пришлось стать на новую зимовку возле о. Котельный.

Весной 1902 г. Толль с тремя спутниками решился на отчаянный шаг — пройти от о. Котельного, где вмерзла «Заря», через льды и торосы к о. Беннета. А оттуда дальше — к легендарной земле. К осени, когда подтают льды, «Заря» должна была снять смельчаков с острова. Но осенью «Заря» пробиться к начальнику экспедиции не смогла. Тогда с «Зари» на помощь товарищам отправился на вельботе с несколькими матросами лейтенант А. В. Колчак, будущий адмирал, один из главных организаторов белого движения в гражданскую войну. Пробираясь в ледяной каше, перетаскивая вельбот через торосы, по пути обследовав шесть островков, лейтенант достиг о. Беннета⁸. Отыскал избушку Толля, нашел коллекции, докумен-

ты, а также записку, датированную 26 октября 1902 г., — Колчак опоздал совсем ненамного. Отчаявшись дожидаться «Зари», Толль на двух байдарках вместе со спутниками покинул остров, направляясь на материк.

И вот, спустя 11 лет, лейтенанты Жохов, Неупокоев, Петерсен и доктор Старокадомский, взяв с каждого ледокола по восемь матросов с санями, руководствуясь наброском острова, найденным Колчаком, отправились на поиски того, что могло еще уцелеть от коллекции Толля. Преодолев к вечеру 15 верст, моряки вышли на южный берег острова. Среди замшелых бревен бывшего жилища нашли четыре полуразвалившихся ящика с образцами пород — те, которые не смог погрузить на свой вельбот Колчак. Кое-где на образцах еще сохранились следы бумажных этикеток. Рядом валялась ржавая берданка без затвора, пила из оленьего рога, пустые банки из-под пикулей, старая обувь. Распределив находки по возможности поровну, на следующее утро посланцы вернулись на корабли. На «Таймыре» уже был готов большой деревянный крест с медной луженой доской и надписью: «Памяти погибших в 1902 году: начальника экспедиции барона Эдуарда Толль, астронома Фридриха Зеберг, проводников Николая Горохова и Василия Протодьяконова. Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. 5 сентября 1913 г.»⁹.

Крест водрузили на самой вершине утеса баронессы Толль. 9 сентября, обойдя с описью вокруг о. Беннета, экспедиция Вилькицкого легла курсом на выход из Ледовитого океана.

22 сентября вошли в Берингов пролив, угодили в сильнейший шторм. Ночью корабли потеряли друг друга из виду. Лишь на третий день, когда шторм утих, корабли встретились у о. св. Лаврентия. Выяснилось, что за время шторма истрачен почти весь уголь. Дойти до Петропавловска не было никакой возможности. Решили за углем идти на Аляску.

Утром 27 сентября бросили якорь на рейде Сан-Майкла. Когда-то здесь был русский пост Михайловский. Свидетельством тому служили несколько русских пушек, хранившихся в сарае. Одну маленькую пушку городские власти презентовали экспедиции. Сохранилась в городке православная деревянная церковь. Приход ее составляли две русских семьи и около ста крещеных чукчей. Пока корабли принимали уголь, занимались ремонтом, грузили провизию, матросы починили и покрасили крышу церквушки. Имелась в городке и мощная радиостанция, державшая связь со всем миром. Тотчас по прибытии были разосланы официальные телеграммы о сделанных экспедицией географических открытиях. Сенсацию мигом подхватили и разнесли по свету газеты всех стран.

12 ноября, оставив за кормой более 13 тыс. миль, «Таймыр» и «Вайгач» стали на якорь во владивостокской бухте Золотой Рог. В то время, пока ледоколы здесь зимовали, в Петрограде состоялся приказ морского министра: «Государь Император в 6-й день января 1914 года по всеподданнейшему моему докладу отчета о плавании в 1913 году Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана Высочайше повелеть соизволили: Присвоить земле, расположенной к северу от мыса Челюскин, наименование: «Земля Императора Николая II-го»; острову, лежащему к северу от того же мыса, — «Острова Цесаревича Алексея» и островку к юго-востоку от острова Беннета — острова генерала Вилькицкого». А неделей позже высочайшим приказом император «изъявил особую свою признательность... капитану 2 ранга Вилькицкому». Тем же приказом офицерам экспедиции объявлялось монаршее благоволение, а нижним чинам — царское спасибо. Вскоре капитан Вилькицкий был пожалован аксельбантом флигель-адъютанта¹⁰.

С началом навигации 1914 г. ледоколы вновь ушли на Север. По пути пришлось зайти на Аляску, чтобы отремонтировать гидроаэроплан, появившийся в экспедиции¹¹. И тут узнали: в Европе война. Немедленно в Петроград была отправлена депеша с просьбой офицеров разрешить им принять участие в боевых действиях. Ответ из столицы потребовал выполнять задачу экспедиции.

14 августа прошли мимо о. генерала Вилькицкого. На вершине по-прежнему крепко держался флагшток с лоскутками изодранного штормами бесика. Через три дня прошли мимо неизвестного острова. В прошлом году его, оказывается, ошибочно приняли за о. генерала Вилькицкого. Вновь открытый таким образом остров оказался намного больше — 20 миль в окружности. Тут тоже водрузили российский флаг. Позже остров будет назван по имени командира «Вайгача» капитана 2-го ранга П. А. Новопашенного¹². А после революции — именем лейтенанта А. Н. Жохова. К 20 августа достигли мыса Челюскин. Опять подошли к новооткрытым землям. Обследовали и нанесли на карту южные берега Земли императора Николая II. Определили западные очертания о. цесаревича Алексея. Нанесли на карту еще один остров, тот, который первым заметил доктор Старокадомский. Но 11 сентября стало окончательно ясно, что в этом году из-за мощного льда продвигаться на запад экспедиция больше не может, что постановка на зимовку уже совершилась.

16 февраля от острого воспаления почек скончался лейтенант Жохов. Моряка похоронили по его желанию на берегу, рядом с недавно умершим от аппендицита кочегаром Ладоничевым. На могильном кресте укрепили образ Христа, рядом — доску с написанной самим лейтенантом собственной эпитафией¹³. К июню лед стал быстро таять. Вскоре корабли вышли на открытую воду и взяли курс на Архангельск, куда и прибыли 3 сентября¹⁴. На Соборной пристани для их торжественной встречи собрался весь город. В поднесенном Вилькицкому от имени Городской думы приветственном адресе он был назван Русским Колумбом.

Дальнейшие арктические исследования заставила отложить война. 1 октября 1915 г. экспедицию расформировали¹⁵. Офицерам и матросам «предоставили возможность перейти на другие суда и должности, чтобы принять непосредственное участие в действиях боевого флота». Ледоколы же остались служить Северу. Любопытно, что на карте Арктики, подготовленной к изданию в связи с открытиями Вилькицкого, видимо, еще до революции, но изданной в 1918 г., севернее мыса Челюскин — пустота¹⁶, будто и не было вовсе экспедиции, открывшей обширные земли со столь «одиозными» названиями. Советы, однако, все же попытались использовать полярный опыт Русского Колумба¹⁷. В 1918 г. Вилькицкий был назначен начальником Первой советской гидрографической экспедиции. Но гражданская война смешала все карты. А сам Вилькицкий в 1920 г. эмигрировал в Англию. В 1923—1924 гг., возглавляя карские товарообменные экспедиции по приглашению советских внешнеторговых организаций, Вилькицкий проводил суда из Европы в устья Оби и Енисея. Много лет он работал гидрографом в Бельгийском Конго. Похоронили Вилькицкого в Брюсселе весной 1961 года.

В 1928 г. в связи с экспедицией Нобиле все-таки была выпущена советская карта с обозначением контуров открытых Вилькицким земель под названием Северная Земля. Без каких-либо нотификаций. На картах, изданных в следующем году, Земля императора Николая II станет именоваться Таймырским архипелагом, а о. цесаревича Алексея — Малый Таймыр¹⁸. Имя это сохраняется и поныне. В начале 30-х годов после работ Г. Л. Ушакова и Н. Н. Урванцева новооткрытый архипелаг обретет свое нынешнее имя. А составляющие его острова получают созвучные эпохе названия — Октябрьская Революция, Большевик, Комсомолец, Пионер. Не пришло ли время вернуть истинные имена Земле императора Николая II и о. цесаревича Алексея, как и о. Колчака?

Примечания

1. Правительственный вестник, Петроград. 4.10.1916, № 212, с. 1.
2. Летопись Морского сборника, СПб, октябрь 1913, с. 1.
3. ТЕХИН П. Русская экспедиция в Северном Ледовитом океане в 1914 г. — Морской сборник, Петроград, 1915, № 7, с. 62.
4. БСЭ. Т. 25. М. 1976, с. 212; т. 4. М. 1971, с. 234.
5. СТАРОКАДОМСКИЙ Л. Открытие новых земель в Северном Ледовитом океане. — Морской сборник, 1915, № 1, с. 5, 6.
6. ЕВГЕНОВ Н., КУПЕЦКИЙ В. Русский полярный исследователь Б. А. Вилькицкий. — Летопись Севера, т. 4., М., 1964, с. 224.
7. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб. 1912, с. 386.
8. КРАСНОВ В. Путь к ангарской проруби. — Советский воин, 1992, № 8, с. 58—64.
9. СТАРОКАДОМСКИЙ Л. Ук. соч., с. 51.
10. Морской сборник, 1914, № 2, с. 6; № 4, с. 8.
11. ЕВГЕНОВ Н., КУПЕЦКИЙ В. Ук. соч., с. 225.
12. СТАРОКАДОМСКИЙ Л. Через Ледовитый океан из Владивостока в Архангельск. — Морской сборник, 1916, № 12, с. 46.
13. Там же, с. 16.
14. Северное утро, Архангельск, 4.IX.1915.
15. СТАРОКАДОМСКИЙ Л. Через Ледовитый океан из Владивостока в Архангельск, с. 44.
16. Карта Ледовитого океана в границах Российской Империи, № 222. Морское министерство. 1918.
17. ЕВГЕНОВ Н., КУПЕЦКИЙ В. Ук. соч., с. 227.
18. Карта Арктики. Ленинград. 1928; Карта части Северного Ледовитого океана. Главное гидрографическое управление. 1929.

Ю. А. ПОЛЯКОВ. *Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки.* М. «Аиро — ХХ». 1995. 216 с.

Что произошло за последние десять лет на фоне гигантских перемен в мире и на постсоветском пространстве с наукой, призванной изучать прошлое — с исторической наукой? В каком направлении она менялась? Как изменились наши представления о днях минувших. Эти отнюдь не праздные вопросы напрямую связаны с общественно-политической жизнью страны. А главное, имеют существенное значение, ибо наука не может двигаться вперед, не осмыслив опыт своего собственного развития.

Книга известного историка члена-корреспондента РАН Ю. А. Полякова — попытка разобраться в этой проблеме. «Хоть и не велика историческая вышка, но можно уже оглядеться», — пишет автор (с. 6).

Автор признает субъективность своих оценок, дискуссионность рассматриваемых вопросов. Книга остра, полемична, читатель с первых же строк чувствует, что она написана не бесстрастным летописцем, а непосредственным участником событий. В книгу включены (целиком или в отрывках) статьи или интервью автора в различных газетах и журналах в 1987—1992 годах. Это повышает документальную оснащенность труда, помогает соблюдать принцип историзма — дает почувствовать атмосферу недавних, но уже порядком забывшихся лет. Вместе с тем в книге содержится и современное видение автором рассматриваемых явлений.

Изложение в основных главах доводится до 1993 года. Выделение 1987—1992 гг. как определенного историографического периода представляется обоснованным — заканчивается определенная фаза в развитии исторической науки, начинается новый этап.

Поляков показывает, что положение в департаменте Клио менялось не сразу. В 1985—1986

гг. «понимание прошлого походило на закрытый котел, нагревание которого было незаметно постороннему глазу. Но котел все же нагревался, и в 1987 г. для многих неожиданно выявилось, что температура уже достаточно высока» (с. 9). Существенные перемены проявились именно в 1987 году. В печати публикуется множество материалов, критикующих негативные явления прошлого, организуются «круглые столы», общественность активно выступает за ликвидацию «белых пятен» в истории. Поляков развивает и обосновывает мысль — одну из ключевых в данной книге — о том, что история становится болевой точкой общественного сознания. Общество все решительнее встает на путь преобразований, и для успешного движения вперед нужно было отрешиться от всего негативного, что накопилось в прошлом. 1988 и 1989 гг. ознаменовались заметным подъемом общественного интереса к истории. В условиях обострения экономического, политического, межнационального кризиса в СССР развернулась обвальная критика марксистского взгляда на историю, социализма. Октябрьской революции и всей истории советского общества. После августовских событий 1991 г. и распада СССР эти тенденции стали преобладающими.

В книге подробно рассматриваются проявления «трех болезней», существовавших и ранее, но развившихся в новом измерении. Это — догматизм, конъюнктурщина, дилетантизм. По мнению автора к 1993 г. догматические стереотипы прошлого были сведены к минимуму. Однако появился новый, «перестроечный» догматизм, новые стереотипы, утвердились лишние сколько-нибудь серьезной научной основы односторонние взгляды на многие узловые проблемы исторического процесса. Среди новых клише — критика марксизма как

утопического, антинаучного учения; отрицание классовой борьбы в истории; идеализация предоктябрьской истории России, истории церкви.

Поляков приводит ряд примеров, когда историки и публицисты меняли — и не один раз — свои оценки, следуя зигзагам политических веяний. Поднятый автором вопрос о влиянии политики на историческую науку имеет принципиальное значение. Конечно, было бы наивно отрицать это влияние. Но вопрос, думается, гораздо сложнее. Историк, как гражданин, имеет право придерживаться любых политических взглядов. Он вправе трактовать исторические события в соответствии с этими взглядами. Он может менять свои оценки в связи с появлением новых документов, новых фактов. Но всегда обязан неуклонно следовать фактам, учитывать их совокупность, определять значимость, достоверность. К сожалению, значительная часть исторических работ, особенно рассчитанных на широкую публику, по-прежнему следует в фарватере политики, а не науки.

Возрастание общественного интереса породило волну дилетантизма особенно в средствах массовой информации. Эта болезнь приобрела широкий и весьма опасный характер. Спрос на исторические материалы явно превышал предложения. Некомпетентные авторы не проявляли должного внимания к историческим фактам, достоверность приносилась в жертву сенсационности. Автор приводит многочисленные примеры грубейших ошибок в современных публикациях на исторические темы.

В книге настойчиво проводится мысль, что «искажение или незнание даже незначительного факта — отнюдь не пустяк. Уважение к факту — основа профессионализма в исторической науке. Неправильная, взятая с потолка, посылка неизбежно ведет к неправильным выводам» (с. 106). «Сначала поделка, потом — подделка» (с. 51), метко замечает автор.

Среди российской интеллигенции распространено мнение, что среди историков произошла дифференциация на «консерваторов» и «прогрессистов». Так считают и многие западные ученые. Поляков высказывает несколько иную, более верную точку зрения. Он пишет, что расслоение среди историков не прямой линией обозначено. Одни очень быстро повернулись на 180 градусов, но это вовсе не обязательно говорит о прогрессивности их взглядов. Другие медленно, порой мучительно, стремятся изучить ранее недоступные документы, осмыслить и оценить исторические явления, новые факты. Но это отнюдь не означает, что они занимают консервативную позицию. Как отражение политического раскола общества все более углубляется различие взглядов ученых на советский период отечественной истории.

Главным показателем позитивной работы историков и архивистов автор считает широко развернувшуюся публикацию документов, ставшую возможной благодаря открытию многих архивов.

Введение в научный оборот ранее закрытой и недоступной для историков огромной документальной массы «создало принципиально новую ситуацию в изучении целого комплекса важнейших проблем современной истории. Прежде всего это относится к истории коллективизации, внешней политики предвоенных лет, самой войны, ряда крупнейших внешне- и внутривнутриполитических событий, состояния экономики» (с. 199). Расширилась исследовательская тематика, развернулось изучение новых проблемных пластов. Увеличилось количество выпускаемых книг, хотя тиражи их, как правило, ничтожно малы.

Автор предлагает свое определение этапов развития отечественной историографии за рассматриваемые годы. Это определение несомненно привлечет внимание и скорее всего вызовет споры. «Начинавшийся в 1987 г. этап расшатывания и разрушения марксистских исторических концепций как главной основы исследовательской работы, завершился к 1993 году. С 1993 г. начался новый этап — перехода к позитивной работе на основе плюрализма» (с. 202).

Отмечая положительные сдвиги, автор подчеркивает, что разум и объективность еще не взяли верх над эмоциями. Историческая наука еще не обрела народного доверия, историк не возвратил себе утраченного общественного достоинства. «Когда возникла столь долго ожидавшаяся возможность писать правду — начнут ли историки писать, не поддаваясь очередным поветриям? Когда возникла возможность создавать «роман без вранья», подлинно научные труды — упустят ли историки этот шанс?» (с. 205). Ответим за автора: этот процесс набирает сегодня силу. Прежде всего это подтверждает изданная к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне в стране обширная исследовательская и мемуарная литература. За редким исключением это результат сложного творческого поиска, открытия новых документов и имен, объективных оценок. В то же время это свидетельство памяти и уважения общества к мужеству народов Советского Союза, уходящему поколению фронтовиков, тружеников тыла, их героизму и верности Родине. Неоценима нравственная, патристическая значимость этой литературы для молодых поколений, их исторического здравомыслия. Развернулись дискуссии по таким острым вопросам как оценка советско-германских договоров 1939 г.; расследование «Катынского дела»; нацистская версия о превентивной якобы войне Германии против СССР; тезис о том, что СССР будто бы победил в войне «вопреки бесчеловечной системе»; причины холодной войны и др.

Автор не только справедливо критикует историческую публицистику, но и отдает ей должное за то, что именно она сорвала покров тайны со многих запретных ранее тем.

Статьи и книги Полякова всегда отличались живостью, добротным русским языком, отсутстви-

ем казенных, избитых выражений. И в новой книге читатель встретит немало ярких и точных оценок, образных сравнений, афоризмов.

Жаль, что автор не затрагивает проблем всеобщей истории, средневековой и древней истории России, работы академических журналов. Следовало бы больше внимания уделить зарубежным оценкам перестройки нашей исторической науки.

Спорной представляется трактовка взглядов некоторых историков. Но это частности. Достигнута главная цель — на основе профессионального анализа пройденного отечественной историографией пути, намечены рубежи и перспективы укрепления авторитета российской исторической науки.

О. А. РЖЕШЕВСКИЙ

А. И. БЕРНШТЕЙН, В. П. КОРАБЛЕВ, М. И. ПАВЛУШЕНКО. *Отечественное воздухоплавание.* М. Московская федерация воздухоплавания. 1994. Т. 1 (1906—1941 гг.). 476 с.; т. 2 (1939—1994 гг.). 663 с.

Двухтомный труд «Отечественное воздухоплавание» вышел в свет к 50-летию Великой победы.

Открытие воздухоплавания в 1783 г. во Франции было важным событием. «В самом деле, — пишут авторы, — не было еще железных дорог, паровозов, пароходов, автомобилей, электричества, радио, токарных станков и многого другого, а человек, создав аэростат и нагрев в нем воздух, преодолел силу земного притяжения, оторвался от земли и поплыл к облакам». Огромная роль в развитии воздухоплавания принадлежит русским ученым: М. А. Рыкачеву, Д. И. Менделееву, Н. Е. Жуковскому, К. Э. Циолковскому, В. А. Семенову и многим другим.

Авторы по крупицам собирали сведения в архивах, изучали зарубежные материалы, работы периода войны, пополняли информацию из бесед и переписки с участниками войны. На первом плане для авторов люди: инженеры, пилоты-аэронавты, фронтовики-офицеры, сержанты и солдаты, их мужество и героизм. Авторы с самого начала определили свою позицию — «Мы не делили историю на белых и красных».

В первом томе повествуется о творческой группе офицеров энтузиастов воздухоплателей, которым пришлось преодолевать трудности, связанные с косностью царских чиновников и недостаточной развитостью отечественной промышленности. Эти офицеры проявили героизм на полях русско-японской и первой мировой войн, развивая тактику боевого применения аэростатов наблюдения на фронтах, порой жертвуя собой. Авторы показали, что число воздухоплавательных рот в процессе боевых действий увеличивалось, им удалось установить их дислокацию, списочный состав командиров частей того времени и т. д.

После революции многие воздухоплатели оказались по разные стороны баррикад. В книге приведен следующий пример. Организатор военного воздухоплавания в царской армии, талантливый изобретатель, фронтовик генерал-майор А. М. Ковалько в 1919 г. был зачислен в Красную Армию, а его сын Александр, ученик отца, летчик оказался в рядах белых.

В книге подробно излагается боевое применение аэростатов наблюдения в Гражданской войне. Красные командиры, выдвинувшиеся из рядовых, смогли собрать брошенную технику, привлечь старых офицеров и организовать отряды аэростатов наблюдения. Совершенствовалась и тактика применения аэростатов благодаря организации эффективного их взаимодействия с бронепоездами и речными судами. За период Гражданской войны было совершено около семи тысяч подъемов аэростатов, находившихся в воздухе около 10 тысяч часов. В книге приведены имена первых воздушных наблюдателей, награжденных орденами в 1919—1920 годах: П. Федосеевко, В. Конокотин, А. Банкер, А. Гролле, Н. Шабашев, И. Кириллов.

В 1921—1941 гг. развилось дирижаблестроение, начинается освоение стратосферы, а армии формируются части аэростатов воздушного заграждения. В аэрофлоте создаются Дирижаблестрой, эскадра дирижаблей, учебный центр подготовки инженеров и пилотов с воздухоплавательной школой при нем. Из 24-х мировых рекордов 17 было завоевано советскими аэронавтами. В научных целях аэростаты поднимались на высоту в 19 и 22 километра. В книге впервые указывается, что из 5 научных подъемов в стратосферу в 1933—1939 гг. четыре было аварийными. Из 16 членов экипажей погибло 7, спаслось, воспользовавшись индивидуальными парашютами. 5.

Впервые подробно описаны совместные маневры кораблей Балтийского флота с дирижаблями. До последнего времени эти данные хранились в секретных архивах. Во время второй мировой войны американцы широко применяли свои дирижабли на морских акваториях, от чего неоправданно отказалось наше военное руководство.

Во втором томе приведены обобщенные данные о подразделениях аэростатов, входивших в годы Великой Отечественной войны в состав сухопутных и воздушно-десантных войск, частей ПВО и ВМФ. В боях участвовало около 50 тысяч воинов аэростатных частей, которые принимали участие в боях с авиацией, танками и артиллерией противника. На фронтах действовало около 30 отрядов

артиллерийского наблюдения, сведенных в восемь дивизионов аэростатов наблюдения. Действуя днем и ночью на всех фронтах, они совершили 19985 подъемов, разведали 4617 артбатарей, 155 танковых колонн, 506 скоплений пехоты и других целей, по которым открывался и корректировался огонь на поражение. В книге упомянуты имена воздушных наблюдателей, проявивших особенно высокий профессионализм, стойкость и героизм.

В труде достаточно полно представлены тактика, дислокация, роль и место в бою аэростатов заграждения в войсках ПВО. На 22 июня 1941 года в составе нашей армии планировалось иметь 6 полков и 10 дивизионов аэростатов заграждения, но укомплектованность составила только 38%, то есть насчитывалось всего 850 постов аэростатов заграждения. Архивные данные свидетельствуют: за первые сутки войны на западной границе было утрачено 5 дивизионов аэростатов заграждения. В боевой комплекс корпусов и армий ПВО части аэростатов заграждения входили вместе с истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Аэростаты поднимали ночью на высоту 3—5 километров, каждый трос, имея инерционное звено с клиновым зажимом, был вооружен миной осколочно-фугасного действия с взрывателем и тормозным стабилизирующим парашютом. Таким образом создавалась минированная завеса в воздухе над охраняемыми объектами, затрудняя противнику внезапные налеты на малых высотах и мешая прицельному бомбометанию. В ходе войны, как указывается в книге, численность аэростатов заграждения была увеличена в 4—5 раз. Они прикрывали 20 крупных промышленных стратегических городов и дислоцировались от Баренцова до Черного и Каспийского морей. Ими было совершено около 300 тысяч аэростатоподъемов.

В приложении ко второму тому опубликованы перечни частей аэростатов наблюдения и аэростатов заграждения, входивших в состав действующих армий. Книга повествует и о том, что впервые в мире, по предложению воздухоплавателей, в воздушно-десантных войсках с 1942 г. началось обучение парашютистов-десантников прыжкам с высоты 500—600 м с аэростатов наблюдения. Поскольку не требовались самолеты и аэродромы, обучение десантников стало оперативнее и экономичнее. С 1942 по 1945 г. с аэростатов совершенно было более 500 тысяч прыжков. Три дирижабля ВДВ впервые в истории доставляли водород для питания аэростатов в отряды своих корпусов, а построенный в феврале 1945 г. дирижабль «Победа»,

совершая полеты на малой высоте, помогал обнаружить в черноморской акватории затонувшие суда и мины.

В книге содержится характеристика аэростатов заграждения и наблюдения стран-союзников (США и Англии) и фашистской Германии, показана активная роль эскадр боевых дирижаблей США, которых Красная Армия не имела.

В период холодной войны США и другие западные страны на основе достижений научного прогресса, создали новые высотные аэростаты длительного свободного полета, оснащенные автоматической аппаратурой и способные вести разведку и фотографирование местности.

В СССР в конце 50-х годов была создана новая воздухоплавательная служба в армии и научный испытательный центр. Ныне российская армия располагает высотными аэростатами-разведчиками с привязанными аэростатами-носителями радиоэлектронной аппаратуры, созданы и специальные аэростатные эскадрильи.

Наши военные воздухоплаватели принимали некоторое участие в боевых операциях в Афганистане, Сирии и ряде других горячих точек. Книга приводит список офицеров, участвовавших в этих операциях и основные характеристики техники.

Читатель ознакомится с проектами и моделями летательных аппаратов нового поколения: дирижаблей, термoplanов, вертолетов, аэростатов различного функционального назначения, разрабатываемых конструкторами-общественниками, а также прочтет о возрождении воздухоплавательного спорта, в том числе, о молодой Московской федерации воздухоплавания.

Мне было особенно интересно прочесть этот двухтомник, так как моя судьба конструктора, испытателя и организатора производства парашютной техники более полувека тесно переплеталась с воздухоплаванием и воздухоплавателями. Я участвовал в проектировании и снаряжении совершенно новых спасательных парашютов для стратостатов «СССР — 1 бис», «СП — 2» и других. Конструктор тормозно-стабилизирующегося парашюта типа ПКП — 5 для вооружения тросов аэростатов заграждения. Участвовал я и в подготовке аэростатов и их экипажей к высотным уникальным полетам и хорошо знал стратонавтов, героев стратосферы, о которых идет речь в книге.

Труд этот является весьма полезным справочно-учебным пособием.

И. Л. ГЛУШКОВ

В 1995 году исполнилось семьдесят лет со дня смерти русского историка Павла Гавриловича Виноградова. Напоминанием об этой дате, а в какой-то мере и укором нам, его соотечественникам (работы историка не переиздавались на его родине в советское время) является данное репринтное издание в США Библиотекой юридической классики его двухтомного собрания сочинений. Библиотека была основана в 1982 г. с целью факсимильного издания работ наиболее выдающихся правоведов. За короткое время существования Библиотеки на полках ее подписчиков появились произведения многих юристов и теоретиков-правоведов. Очередной, сто четвертый выпуск посвящен Виноградову.

В двух томах собраны сорок шесть исследований, тщательно отобранных для первого, оксфордского издания вдовой и сыном ученого при помощи его учеников и сотрудников, которые стремились дать полное представление об исследовательских интересах Виноградова. Их широта, и по тематике, и по хронологическим рамкам, значительна. В собрание включены работы, в которых автор анализирует исторические и юридические проблемы, начиная с античности и вплоть до современных ему дней, написанные на английском, немецком и французском языках. Основная часть публикаций первого тома, названного «Историческим», посвящена вопросам, тесно связанным с известными исследованиями Виноградова об английском средневековье¹. Это — статьи о фолкленде и бокленде, об особенностях права распоряжения землей в англо-саксонском законодательстве, о содержании сельскохозяйственных повинностей английского крестьянина, о времени замены их денежной рентой и исчезновении в этой связи вилланства, о системе открытых полей и распорядках манора. В них, в зависимости от времени их написания, либо намечались, либо получали дальнейшее развитие различные аспекты решения проблемы, составлявшей сердцевину вышеназванных книг, — становления и развития феодализма в Англии.

В статье «Работа Рима» проявилась лишь надводная часть того айсберга знаний, который был накоплен Виноградовым в семинаре Т. Моммзена в Германии. Вместе с рядом статей о ранненорвежских и раннегерманских законах и уже упоминавшимися исследованиями о англо-саксонском законодательстве она показывает, на каком материале базировалась идея историка о синтезе элементов римского права, которые привносила христианская церковь, и обычного права, кодифицированного варварскими правдами. Наиболее полно эта идея была реализована в лекционном курсе Виноградова «Римское право в средневековой Европе»².

Одним из примеров своеобразной рецепции норм римского права для Виноградова был трактат Х. де Брактона «De legibus et consuetudinibus

Angliae». Однако его интерес к Брактону, оценке текстов которого посвящены три статьи двухтомника, отличается от увлечения Ф. В. Мэтланда этим известным английским средневековым юристом. Если Мэтланд видел в трактате Брактона (по аналогии с развитием римского права) свидетельство завершения цикла складывания общего права в Англии³, то русский ученый характеризовал этот трактат как один из «курьезов смешанных образований, вид которых приобретали римские доктрины в руках средневековых юристов» (т. 1, с. 238). Поэтому там, где Мэтланд видел досадные ошибки и непонимание Брактоном некоторых римских правовых институтов. Виноградов стремился показать мотивы использования средневековым юристом норм римского права применительно к своеобразной практике английских судов⁴.

Постепенно научное творчество Виноградова эволюционировало от истории к правоведению. Второй том издания так и назван — «Правоведение». Основное место в нем занимают статьи по теоретическим и методологическим вопросам сравнительного правоведения («Цели и методы правоведения», «Правовые стандарты и идеалы», «Некоторые соображения о методах установления правовых обычаев» и другие), которые содержали основные идеи первого тома последней работы Виноградова, так и не завершённой при жизни — «Очерки исторического правоведения»⁵. Ряд статей (об Аристотеле как юристе, о судебных тяжбах в Афинах и о греческом праве в целом) развивали положения ранних публикаций автора в русской периодике и его лекционных курсов, читанных в 80—90-е годы в Московском университете⁶. Они послужили своеобразным мостиком ко второму тому «Очерков», посвященного изучению правоведения греческого полиса.

Последней работой Виноградова был текст «Некоторые проблемы истории англо-норманского права», подготовленный на французском языке для выступления в Обществе истории права в Париже. Из-за болезни автора он был прочитан французским историком. В нем Виноградов, основываясь на том, что право — это выражение социальных интересов, отмечал: «Тринадцатый век, таким образом был эпохой конфликтов и различных компромиссов между традиционными понятиями, с одной стороны, и интересами и идеями служилого сословия (феодалов), с другой стороны. Эти конфликты происходили между определенными социальными группами, отражая их идеи и воплощаясь в практике местных судов, прежде чем они слились в однородное целое, сформированное и утверждённое королевским судом общее право Англии» (т. 2, с. 437). Он расходился с господствовавшей в английской историографии традицией, в соответствии с которой энергичная королевская власть,

утвердившаяся в Англии после норманского завоевания, рассматривалась как главная сила в формировании системы общего права при ведущей роли королевского суда в этом процессе. Эта статья, как и две не публиковавшиеся при жизни главы о церкви и источниках права, подготовленных для третьего тома «Очерков», указывает в каком направлении шло развитие идей Виноградова, прерванное его кончиной 19 декабря 1925 года.

Наряду с научными интересами Виноградова в издании отражены и личные симпатии историка. В нем помещены заметки о тех, кто был близок ему или повлиял на его взгляды на историю и право.

Либерал, по своим политическим убеждениям, Виноградов высоко оценивал систему управления в Англии и ряд работ, помещенных в двухтомнике, посвящен именно этой теме. При этом он никогда не был апологетом существующих на западе общественных порядков, а всегда подходил к их оценке взвешенно и критически (т. 1, очерк XX, т. 2, очерк XI).

Второй том издания завершается единственной на сегодняшний день и, к сожалению, не совсем полной библиографией работ Виноградова, в которую включены и списки его семинаров и публичных лекций, прочитанных в Европе и США, а также рецензии в английских и французских журналах на его книги.

Издание сопровождается отдельной брошюрой-заметками издателя. Введение к ним написано американским профессором истории и права Томасом Барнесом. Поместив рядом с Виноградовым его учителей и коллег — Моммзена и Ключевского, а также друга и оппонента — Мэтланда, автор тем самым воссоздал достаточно полную картину формирования исследовательских принципов русского историка и особенностей его творчества. Однако я готов принять идею Барнеса о глубоких знаниях Виноградова истории древнего Рима и восприятию им Москвы как третьего Рима, как основы для формирования сравнительно-исторического метода, лишь в качестве литературной метафоры. Особое внимание Барнес справедливо уделил пе-

дагогическому мастерству Виноградова. Не без удивления Барнес замечает, что литература о Виноградове незначительна; это не соответствует тому вкладу, который русский ученый внес в развитие мировой исторической и правовой науки. Можно только присоединиться к мнению Барнеса о том, что «требуется полный и научный анализ трудов Виноградова, и чем скорее — тем лучше».

А. В. АНТОЩЕНКО

Примечания

1. VINOGRADOFF P. G. Villainage in England. Oxford. 1892, ejusd. The Growth of the Manor. Oxford. 1905; ejusd. English Society in the Eleventh Century. Oxford. 1908. С основными положениями этих работ можно познакомиться по русским изданиям. В 1887 году были опубликованы «Исследования по социальной истории Англии в средние века», ставшие основой для английского издания «Вилланство в Англии», «Рост манора» был переведен в 1911 году под названием «Средневековое поместье в Англии».
2. VINOGRADOFF P. Roman Law in Mediaeval Europe. Lnd, N. Y. 1909.
3. См.: BARNES TH. G. «Notes from the editors» to F. Pollock and F. W. Maitland. «The History of English Law from the Time of Edward I» (The Legal Classics Library. Birmingham. 1982, vol. 1, pp. 14—16, vol. 2, pp. 10—11).
4. Ср.: MAITLAND F. W. Introduction. — Selected Passages from the Works of Bracton and Azo. Lnd. 1895, vol. VIII, p. XIX и след.
5. VINOGRADOFF P. Outlines of the Historical Jurisprudence. 2 vols. Oxford. 1920—1922.
6. См. АЛПАТОВ М. А. Лекционные курсы П. Г. Виноградова 80-х гг. по античной истории. — Вестник древней истории, 1957, № 4.

J. BABEROWSKI. *Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864—1914.* Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann. 1996. 845 S.; P. LIESSEM. *Verwaltungsgerichtsbarkeit im späten Zarenreich. Der Dirigierende Senat und seine Entscheidungen zur russischen Selbstverwaltung (1864—1917).* Frankfurt am Main. Vittorio Klostermann. 1996. 385 S.

И. БАБЕРОВСКИЙ. *Самодержавие и юстиция. Соотношение правовой государственности и отсталости на исходе Российской империи (1864—1914)*; П. ЛИССЕМ. *Административная юстиция в поздней Российской империи. Правительствующий Сенат и его решения по вопросам самоуправления в России (1864—1917).*

Две книги молодых немецких ученых, вышедшие одновременно в серии, издаваемой Институтом ев-

ропейской истории права Общества Макса Планка (Jus Commune), посвящены близкой тематике —

правовым реформам российского самодержавия на заключительном этапе его существования. В их основе лежат диссертационные исследования, осуществлявшиеся в течение ряда лет, в том числе и в российских архивах. Несмотря на различие тем и методов исследования (в первом случае — более исторического, во втором — историко-правового) оба труда сходны в постановке проблемы, круге источников, подаче материала и отчасти полученных выводах.

Книга Й. Баберовского посвящена судебной реформе и истории ее проведения в Российской империи. Автор рассматривает эту реформу в контексте модернизации российского общества и государства. В книге охарактеризована структура дореформенных судебных учреждений, рассмотрены важнейшие последствия этого их изменения. Подробно описана институциональная и нормативная система судостроительства. Автор нарисовал достаточно мрачную картину дореформенного царского суда с его административным произволом, коррупцией и инквизиционным процессом дознания. Пореформенная система судопроизводства охарактеризована в основном по дореволюционной литературе. Эта часть книги очевидно представит меньший интерес для российского специалиста.

Причина реформы усматривается в осознании просвещенной бюрократией необходимости модернизации страны после Крымской войны. Традиционная же интерпретация судебной реформы как следствия освобождения крестьян отвергается автором на том основании, что сама эта аграрная реформа не только не преодолела правового дуализма, но даже, напротив, несколько усилила его (укрепив общинноправовые отношения в крестьянских общинах). Судебная реформа 1864 г. рассматривается как последовательное выражение длительного процесса «догоняющей» модернизации, осуществляемой государством сверху, по западному образцу, и преследующего цель преодолеть правовой и социальный дуализм. Однако следствием реформы, считает автор, объективно оказалось усиление последнего. Ошибка реформаторов усматривается в том, что они заимствовали западные образцы без учета российской специфики.

Новая система учреждений не соответствовала реальной практике судопроизводства. В книге показан и суммирован конфликт между нормами и действительностью, правовыми программами и характером их реализации. Автор подверг анализу правовую практику реформированного суда за период 1864—1914 гг. как раз в тех областях, где это несоответствие проявилось особенно четко (суд присяжных, институт мировых посредников). Энтузиазм первых лет реформы постепенно сменяется неуверенностью в правильности избранного курса и, наконец, завершается всесторонней критикой реформ и созданной ими системы правовых институтов как неэффективных в условиях России.

Заимствование института суда присяжных пре-

следовало в числе прочего и цель преодоления существующего правового дуализма, выразившегося в разделении традиционного народного правосознания (в основе которого лежали нормы обычного права) и официальной правовой системы, насаждаемой государством сверху в целях правовой модернизации. Именно поэтому суд присяжных стал для русской либеральной юриспруденции 60-х гг. XIX в. важнейшим условием правового государства, а правовой документ, которым они вводились — «Судебные уставы» — манифестом эпохи реформ (символическое значение которого оказалось гораздо больше его формального значения как кодекса организации судопроизводства). На практике, однако, считает автор (вслед за дореволюционными критиками этого института), суд присяжных оказался неспособным преодолеть правовой дуализм.

Причины этого автор ищет в контексте социальных проблем, связанных с отсталостью страны, которые представляли наибольшую трудность для нового судопроизводства, особенно в сельской местности и полиэтнических окраинах многонациональной империи. Это относится прежде всего к институту мировых посредников и суду присяжных. Преодолению правового дуализма и эффективному функционированию новой системы судопроизводства мешало также тяжелое материальное положение судов — отсутствие персонала, системы коммуникаций, а также правовой квалификации.

Изначальный дефект комплектования судов возникал благодаря искусственному соединению в составе присяжных элементов образованных классов и представителей крестьянства и национальных меньшинств. Последние не могли эффективно выполнять свои обязанности в силу элементарной неграмотности, зависимости от мнений аудитории или профессиональных адвокатов, наконец, из-за груза традиционных крестьянских представлений о справедливости, часто противоречащих рациональным нормам европейского права.

Все это стало причиной критики самого принципа суда присяжных в консервативной прессе (М. Н. Катков, К. П. Победоносцев) и стремления царского правительства ограничить компетенцию суда присяжных. Борьба между его сторонниками и противниками разворачивалась на протяжении всего рассматриваемого периода в обществе и правящей бюрократии, концентрируясь в Сенате, где существовало два принципиально различных типа департаментов — административных и кассационных, по-разному представлявших себе характер отношения судебной и административной власти. Результатом этой борьбы стал в конечном счете отказ от многих нововведений эпохи судебной реформы 1864 г., в частности, отмена института мировых посредников с параллельным усилением органов исполнительной власти на местах.

Баберовский приходит к выводу, что отказ от

либеральных принципов судебной реформы должен интерпретироваться не как контрреформы, а как стремление разрядить напряженность между современными правовыми формами и традиционалистскими социальными структурами. В этой связи особое внимание уделяется деятельности комиссии министра юстиции Н. В. Муравьева, которая, по мнению автора, стремилась создать правовой порядок, отвечающий гетерогенности многонационального государства. Эти принципы отразились в стремлении этого министерства усилить административный контроль за выборами присяжных, ограничить круг обсуждаемых ими вопросов и изменить порядок обжалования принятых постановлений. В деятельности министерства юстиции переплетаются стремления ограничить независимость правовых институтов и в то же время продолжать курс на создание правового государства. Поэтому нельзя, считает автор, однозначно говорить о торжестве контрреформ. Фактически это был вынужденный компромисс консервативных и либеральных сил в сложной социальной обстановке, своего рода саморегуляция системы и перегруппировка бюрократии в условиях социальной и правовой модернизации.

Политические следствия судебной реформы, по мнению автора, также имели двойственный характер для самодержавия. С одной стороны, она несомненно, открывала путь рецепции западноевропейского правосознания и представления о правах личности, в первую очередь — политических. С другой, она оказывала деструктивное воздействие на существующий режим. Реформа не ослабила социальное напряжение, но, напротив, усилила его, расширив возможности для институционализации и артикуляции политической оппозиции. Этот тезис аргументирован в книге материалами политических процессов против революционеров и анализом роли адвокатуры в их защите.

Российская адвокатура видела в противодействии самодержавию едва ли не главную цель своего существования. Лишенная социальных корней, она аккумулировала оппозиционные настроения в широких слоях общества кануна революции, выступавших с либеральной программой ограничения самодержавия. Этот протест, однако, в условиях России имел деструктивный характер, расшатывая нестабильные связи общества и государства, способствуя в конечном счете торжеству экстремистских партий. Попытки власти преодолеть оппозиционность профессиональной юриспруденции, выразившиеся в стремлении ограничить независимость судей, выведении политических дел из компетенции общего судопроизводства, ограничении доступа к ним либеральных адвокатов оказались неэффективными, поскольку вели к дискредитации самой власти. В этих условиях единственным способом преодоления революционного кризиса при сохранении существующей системы судебных учреждений становится режим чрезвычай-

чайного положения, использовавшийся самодержавием в преддверии первой русской революции и в ходе нее очень широко.

Таким образом, выступив первоначально как идеальное, казалось бы, средство модернизации — создание гражданского общества и правового государства по западному образцу, судебная реформа стала в конечном счете жертвой этой модернизации, а отчасти и ее тормозом в условиях социального кризиса. С этим связан переход к модернизации в новой форме, начавшей осуществляться в советское время уже вне правовых форм. Это означало огромный шаг назад, фактически — к дореформенным порядкам самодержавного произвола.

Вывод автора о неэффективности судебной реформы в России из-за ее несоответствия традиционалистским структурам аграрного и многонационального общества не представляется бесспорным. Он напоминает точку зрения части отечественных историков, которая отрицала «буржуазные» реформы именно на том основании, что они не имели опоры в народном сознании, были непонятны массам, проводились бюрократией сверху, а потому имели ограниченный характер и не могли прижиться. Этот тезис оставляет, однако, нерешенным вопрос об оптимальной стратегии реформ в традиционалистском обществе. Фактически исследователь проецирует результаты реформы на весь ход преобразований.

Причиной подобного пессимизма автора является излишне прямолинейная трактовка проблемы правового дуализма. Этот тезис старой русской правовой науки акцентирует внимание на антагонизме официального и обычного права, отсутствии перехода одного в другое. Эта проблема стояла, однако, не только перед Россией, но имела место во всех странах Восточной Европы в эпоху крупных кодификаций гражданского права. Многие из них, например в германских государствах, не удавались именно потому, что не могли интегрировать в единую систему нормы обычного, статутного, римского и ученого права. В этом смысле Россия, следовательно, не была исключением.

Можно, конечно, спорить о том, что представляло собой само обычное крестьянское право в России, и было ли оно вообще правом. С этой точки зрения, основной конфликт при проведении судебной реформы 1864 г. состоял не в проблеме правового дуализма, а в более или менее успешном стремлении государства привить элементы рационального правосознания в неправовой среде. При такой интерпретации реформа достигла своего результата уже тем, что создала рациональные (в веберовском смысле) судебные институты для борьбы с традиционным правовым нигилизмом.

В этом контексте по другому должна выглядеть и проблема связи судебных реформ с крестьянской реформой. Автор справедливо отвергает упрощенный тезис о классовом характере этой свя-

зи (в рамках теории буржуазных реформ), однако он не раскрывает другой аспект этой связи — чисто административный. Крепостное право представляло собой не только и не столько чисто правовой институт, сколько определенную систему управления, интегрировавшую огромные массы населения в единую (и весьма эффективную, по крайней мере в военном отношении, до XIX в.) военно-административную систему самодержавия. Ликвидация института крепостного права, дестабилизировавшая эту систему, поставила вопрос о замене старых институтов управления новыми. Заполнить этот вакуум и были призваны новые административные и судебные институты, призванные в условиях России осуществлять как функции управления, так и задачи социальной мобилизации в условиях модернизации.

Другое дело, насколько они оказались эффективны в выполнении этих задач, но связь всего цикла реформ (крестьянской, судебной и земской) не подлежит сомнению. Поэтому значение реформационного процесса не сводится к констатации конкретных изменений в системе управления и преодолении правового дуализма, но включает прежде всего проблему нового правового сознания и его воздействия на социальные отношения. Важно иметь в виду, насколько социально-психологическая атмосфера реформ выражала основное направление институционализации гражданского общества. Воля к преобразованиям традиционалистского общества со стороны государства и либеральной интеллигенции выступает как объективный фактор, вытекающий из условий модернизации. В этом контексте конфликт общества и просвещенной бюрократии по вопросу о масштабах реформ приобретает новое измерение. Психологический фактор реформ и контрреформ начинает оказывать обратное гипнотическое воздействие на социальные установки и поведение элитных групп.

В исследовании П. Лиссема правовая норма и действительность сопоставляются применительно к отношениям между институтами местного самоуправления и имперской администрации губернского и центрального уровней. В центре оказывается проблема административной юстиции. Изучение этой проблемы помогает определить, как далеко зашло разделение административной и судебной власти, в частности, каковы были гарантии прав общества и личности перед лицом власти. Соответственно, основными источниками исследования послужили материалы дискуссий и проектов устройства административной юстиции в предреволюционной России — выступлений в печати о ее организации, структуре и функциях в обществе, а также архивные документы Сената, отражающие функционирование института административной юстиции на разных уровнях управления.

Прослеживая основные тенденции административной юстиции в деятельности Сената, автор констатирует двойственную природу этого учреж-

дения, изначально соединявшего как высшие административные, так и высшие судебные функции. Он прослеживает этапы трансформации этого учреждения из чисто административного в высшее судебное учреждение. Переломным этапом он считает судебную реформу 1864 г., заложившую основы для автономной административной юстиции.

Анализ законодательства и использования судебных прецедентов (в решении департаментов Сената) позволил автору говорить об устойчивой преемственности в развитии начал законности и административной юстиции на всем протяжении рассматриваемого периода. Анализ судебных решений Общего присутствия Сената и его кассационных департаментов (где на рубеже веков сосредоточились лучшие юридические силы страны) и их мотивировок позволил автору сделать вывод об их чрезвычайно высоком юридическом уровне. Параллельно институционализации шел процесс профессионализации юриспруденции, интегрировавшей теорию и практику судебных решений в рамках единой либеральной правовой культуры.

Завершение процесса создания административной юстиции в России приходится, по мнению Лиссема, на реформы декабря 1916 и мая 1917 года. Будучи проведены незадолго до и сразу же после Февральской революции 1917 г., эти реформы впервые вводили в России современный процесс административного судопроизводства, что создавало возможность частным лицам отстаивать свои права по отношению к администрации через судебные институты, независимые от действующей исполнительной власти. Новый порядок, позволявший отстаивать свои права в публичном судебном разбирательстве, расширял возможности судебного преследования против административных институтов до предела, даже больших, чем в германском праве того времени. Указанные реформы, однако, не имели практических последствий в результате Октябрьской революции.

Другая сторона проблемы административной юстиции в России — соотношение администрации и выборных органов местного самоуправления после земской реформы 1864 года. Создание земств и городских дум создавало возможность двух типов конфликтов — между администрацией и этими органами местного самоуправления, с одной стороны, и между последними и населением, с другой. Разрешение этих конфликтов также требовало развития административной юстиции. Прослеживая эволюцию законодательства о земстве (положения 1864 г. и 1890 г.), автор, однако, отказывается от традиционного противопоставления реформы и контрреформы, видя в изменении земской политики скорее ответ на практические нужды государственного управления. Конфликт администрации и земства теряет свою политическую остроту и приобретает характер спора относительно компетенции в вопросах управления, становясь разрешимым с позиций административной юстиции.

Конфликты между учреждениями местного самоуправления и населением или отдельными лицами были связаны с неупорядоченностью юридического статуса земства и, особенно, материальной базы его существования, приводили к постоянным спорам по вопросам сбора налогов, организации управления и судопроизводства, реализации норм гражданского права. Эти конфликты могли быть разрешены только на вышестоящем уровне — губернской администрации или даже в центре — Сенате. Проанализировав жалобы, поступившие в Сенат по этим вопросам, автор стремился показать, каким образом под влиянием чисто управленческой необходимости сформировалось решение о целесообразности рассматривать земство как вспомогательный орган при администрации.

Автор справедливо констатировал, что картина существующих конфликтов не сводится к простому противопоставлению администрации и земства, но отражает серьезные противоречия внутри органов местного самоуправления и этих последних с населением, выражающие в конечном счете незавершенность гражданского общества, объективные противоречия между городом и деревней, а также между различными социальными слоями аграрного общества в условиях его трансформации.

Но проблема отношений самодержавия и земства не сводится к вопросам административной юстиции: спор шел как раз по вопросу о масштабах участия земства в управлении (начиная с проектов политической реформы М. Т. Лорис-Меликова). Ограничение проблемы вопросами административной компетенции государственных органов и самоуправления выводит ее за рамки той политической дискуссии, которая придавала земскому движению остроту и актуальность в условиях предреволюционной России. Это была по-существу проблема организации всей системы публичного права, которая объективно могла быть решена только с созданием правового (конституционного) государства.

Две рассмотренные монографии отражают несомненный рост интереса к правовым институтам в России, степени их укорененности и трудностям развития, очевидно связанный с современными реформами. Оба автора исходят из единой парадигмы развития российской государственности, в основе которой лежит ее рассмотрение в контексте теории модернизации, из правильного тезиса старой либеральной историографии о том, что после реформ 60-х гг. самодержавие медленно, но неуклонно эволюционировало в направлении правового государства (в том понимании данного термина, которое существовало в германской правовой науке того времени). Данная эволюция противопоставляется советской системе, уничтожившей элементы гражданского общества и правового государства и отбросившей Россию к дореформенным

порядкам. Авторы, подобно представителям германской исторической школы права, высказывают свой пессимизм относительно возможностей западнически ориентированных правовых реформ в традиционалистском обществе в силу несоответствия сложившимся традициям обычного права и духу народа.

В германской правовой традиции этому взгляду противостояло учение Р. фон Иеринга, писавшего о необходимости активного преобразования, «борьбы за право». Этот взгляд соответствовал воззрениям и российских либералов, их желанию создать гражданское общество и правовое государство сверху. На практике правовая модернизация всегда сталкивалась с большим числом объективных трудностей, вызванных непониманием реформ народом. Именно эту сторону проблемы раскрывают рецензируемые книги.

В обеих книгах концепция социального давления уступает место концепции административной целесообразности. С этой точки зрения, концепция контрреформы (как стремления консервативных сил повернуть развитие вспять) должна уступить место идее саморегуляции административно-правовой системы в условиях модернизации. Однако, обе концепции скорее дополняют друг друга: осознание трудностей, с которыми сталкиваются реформаторы, всегда ведет к артикуляции тех сил внутри правящей элиты, которые стоят на консервативных позициях. Справедливо и обратное — поражение традиционных сил (например, в условиях войны) создает благоприятную обстановку для выдвижения реформаторской инициативы. При такой интерпретации идея смены реформ и контрреформ выражает осознанное отношение элиты к процессу преобразований, и не более того.

Социальный конфликт, возникший при переходе от традиционного аграрного общества с выраженными формами личной зависимости к гражданскому обществу нового времени с фиксированными в законодательстве гарантиями прав личности, не мог быть, вероятно, разрешен исключительно правовыми реформами. Он настоятельно требовал политического решения, которое фактически ставило под сомнение или даже исключало сохранение преемственности правового развития. Ошибка самодержавия состояла в том, что оно не осознало этот факт в преддверии революции и не выработало адекватную программу социально-политических реформ, соответствующих методов и темпов их проведения. Это, однако, ни в коей мере не отрицает значения либеральных преобразований, самой крупной попытки целенаправленного строительства гражданского общества и правового государства сверху в России.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Когда рушатся империи...

Сборник работ историков из Исторического института Абоской Академии (Финляндия, г. Турку) — первый результат реализуемого с 1990 г. проекта «Распад империй в XX веке и структурные изменения в Европе». Уже тот факт, что книга вышла не обычным академическим изданием и ограниченным тиражом для сведения узкого круга научной общественности, а выпущена коммерческим издательством и к тому же в другой стране — Швеции, говорит о том, что она рассчитана на то, чтобы заинтересовать широкие читательские круги, при всем том, что имеет научный характер, как по формальным признакам (научно-справочный аппарат, язык), так и по методам исследовательского подхода.

Авторский коллектив в основе своей состоит из исследователей — специалистов, не первый год занимающихся данной проблемой и стремящихся максимально отчетливо и выпукло выявить особенности процесса распада империй в XX в., и в первую очередь — после первой мировой войны, чему, собственно и посвящен этот том. Одна из целей авторов состоит в выявлении сходства, повторяемости, однопорядковости процессов, происходивших при распаде империй как после первой мировой войны, так и по окончании холодной войны в 90-х годах XX века. Это помогает вскрыть определенные закономерности новейшей истории, показать, или по крайней мере попытаться увидеть, в каком направлении пойдут дальнейшие структурные изменения в Европе в области нового государственного и национального строительства. Особое внимание исследователей обращено на процессы, происходившие в России, Югославии и Австро-Венгрии.

Выявление сходства и различий в процессах, происходивших в 1917—22 и в 1989—1994 гг., по мнению руководителя коллектива Макса Энгмана, может иметь не только теоретическое значение, не только показать возможности современной исторической науки правильно познать и оценить пути развития европейского общества, но и крайне важно также из чисто практических соображений современной политики. Такое исследование может показать современникам верную перспективу, дать необходимый материал для реальной оценки, реальных суждений об особенностях своего времени, специфике той исторической среды, в которой они живут. Исследование историков, по мнению авторов, является, таким образом, отрезвляющей и правдивой альтернативой всевозможным спекулятивным прогнозам политологов и футурологов, основывающих свои построения на разного рода домыслах и оторванных от реальной жизни философско-психологических умозаключениях.

Авторский коллектив исходит из того, что со-

временники могут извлекать уроки из истории, если исследовать ее добросовестно, сознательно и прилежно у нее учиться. Авторы стремятся показать, что развал веками создававшихся империй, не может сводиться к формальным изменениям границ, ликвидации авторитаризма, тоталитаризма, жесткого государственного, «самодержавного» управления. Распад империй, это прежде всего развал сложившейся экономики и экономических связей, общественной структуры и обычно — глубочайшие потрясения в области культуры. «Прогрессивность» развала империй относительна, особенно если учесть, что он всегда ведет к страданиям массы людей, миллионам беженцев и голоду. Материалы комиссии Ф. Нансена 1918—1922 гг. дают обширнейшие сведения на этот счет, которые поразительно повторяются и в процессах 90-х годов. Социальные и демографические, а также национальные проблемы, порождаемые распадом империй, способны превращаться в кровоточащие раны и «не заживать» в течение ряда последующих десятилетий, на многие годы тормозя прогресс в области экономики, социального развития и культуры.

Развитие самых отрицательных сторон национализма — также неизбежное следствие развала империй. Оно способно надолго отравить дальнейшее историческое развитие любой страны, поскольку всегда находятся силы, стремящиеся подменить проблему преодоления социальных и экономических трудностей возбуждением или обострением вражды и ненависти к «чужакам», как за пределами, так и внутри национальных и государственных границ. Наконец, касаясь варварства в области культуры, авторы приводят массу фактов, относящихся к 1918 г., и в 1991—92 гг., совпадающих по своему характеру: в частности — разрушение памятников невежественными люмпенами.

Авторы показывают, как сбитые с толку люди начинают искать утешение в иррациональном, как набирает силу пропаганда мистики, как нарастают пессимистические настроения разного толка, также крайне характерные для исторической обстановки краха империй, — о «конце света», «непознаваемости будущего», и т. п., которые обычно используются разными шарлатанскими или политически реакционными группировками в корыстных целях.

На фоне того, что даже наши отечественные, бывшие советские историки обращаются ныне из конъюнктурных соображений к мистификации истории, не гнушаясь ее прямым искажением и подлогом, финские историки дают пример объективного и компетентного обращения с фактическим материалом и делают из него логические, лишенные

пристрастий и идеологически конъюнктурной ориентации, выводы.

Вот почему есть все основания представить этот авторский коллектив, тем более, что ныне полностью исчезла та информированность о деятельности и личностях наших финских коллег, которая существовала в советское время, особенно в 60-80-х годах.

В этой институтской работе равномерно представлены все три поколения современных историков Финляндии: старшее поколение довоенных лет рождения (1936—1939 гг.), среднее (послевоенное — 1945—1950 гг.) и, наконец, младшее (1964—1968 гг. рождения).

К числу «старших» относятся проф. Суне Юнгар, руководитель исторического института Абосской Академии, специалист по скандинавской истории и скандинаво-русским и русско-финским отношениям. Ему принадлежит крупное оригинальное исследование о скандинавском капитале в России в период 1880—1917 гг. и о концессиях в СССР 1918—1931 гг., к сожалению, не переведенное до сих пор на русский язык, и потому остающееся малоизвестным современным специалистам, изучающим историю иностранного капитала в России.

Другим представителем старшего поколения является специально приглашенный в 1994 г. для участия в проекте — бывший школьный учитель истории Бенгт Кюммель, специалист по малоиз-

вестному «всешведскому движению», которое в 1917—1923 гг. пыталось воспользоваться развалом Российской и Германской империй для «собрания» «шведских земель» этих империй, т. е. Прибалтики и Аландских островов (Россия) и Шведской Померании (Германия).

Среднее поколение представлено сильными исследователями. Проф. Макс Энгман — ведущий шведско-финляндский исследователь, главный редактор «Исторического журнала Финляндии», профессор всеобщей истории Абосской Академии, автор диссертации «С.-Петербург и Финляндия». Следует упомянуть и о магистре Микаэле Корхонене, видном специалисте по архивному делу и по вопросу о русских долгах после первой мировой войны, в частности о царских долгах Финляндии и скандинавским странам.

Наконец, младшее поколение историков, представлено магистром Томом Гульбергом, специалистом по истории нацменьшинств, национальному вопросу и правам наций на самоопределение, а также двумя молодыми дамами — Моникой Янфельт, пишущей о положении женщин и детей после первой мировой войны и о других демографических и социальных проблемах, порожденных войной, и — Маарит Пиетикяйнен, защитившей диссертацию о паневропейском движении после первой мировой войны.

В. В. ПОХЛЕБКИН

Человек античности: идеалы и реальность. М. Просвещение. 1992. 384 с.

Подготовленная доктором исторических наук И. Л. Маяк и безвременно ушедшей В. И. Исаевой хрестоматия представляет собой взгляд на историю античности не через призму отвлеченных социологических категорий, но через идеалы и менталитет человека той эпохи. Составители решительно уходят от догматизма в восприятии античности, когда она рассматривалась как нечто статичное. Книгу пронизывает стремление проникнуть в духовный мир человека древности, раскрыть сам феномен античности как бы изнутри и найти нравственные точки соприкосновения с этой эпохой.

По мнению составителей, переориентация в изучении античности должна начинаться с прочтения источников под новым углом зрения, более углубленного изучения тех, что отразили повседневную жизнь разных слоев населения, а не только функционирование государственных и социальных структур. В книге предпринята плодотворная попытка воссоздать не только идеалы, но и жизненные реалии античного мира, представленные в зеркале человеческих отношений.

Именно поэтому в хрестоматии вместо привычного хронологического принципа комбинирования источников принят проблемный, позволяющий лучше передать специфику мышления, общественных и личных отношений, психологии людей той далекой эпохи. Богатый, тщательно отобранный материал сгруппирован в двух разделах: «Греция» (составленном Исаевой), и «Рим» (подготовленном Маяк).

К достоинствам хрестоматии относятся оригинальные иллюстрации и подробные указатели исторических деятелей, античных писателей, политических институтов, терминов, связанных с наукой, искусством, религией, бытом, трудом и досугом.

Во вступительной статье к разделу «Греция» Исаева стремится сжато охарактеризовать основные этапы общественно-политического развития Эллады, раскрыть сущностные черты античного полиса, проследить духовную эволюцию греческого общества — от архаики до эллинизма. Особое внимание обращается на изменение внутреннего мира человека, усложнение политико-идеологических воззрений, господствовавших на каждом отдель-

ном этапе идей. Многообразие поднятых проблем проявляется уже в названиях подразделов: «Человек — существо политическое», «Я женщина — ума не лишена», «Познай самого себя», «Торговец, покупатель и вор». Исаева ставит во главу угла не просто государственное устройство, но именно идею государства, идеал гражданина, патриота и в то же время делает акцент на представлениях греков об индивидуе как о части общественного устройства, о цели существования государства.

Она словно превращает нас в участников бушевавших тогда дискуссий философов и публицистов о назначении полиса, о преимуществах монархии либо демократии и тут же помещает суждения древних на издержки последней, такие как расцвет демагогии, манипулирование народом в личных корыстных интересах, что приводило к перерождению личности, извращению общепринятых норм, особенно правящей элитой. Изложение этих идей сочетается со свидетельствами о реальной повседневной жизни людей, воспитании, отношении к женщине и семье, врачевании и поведении на рынке и во время пира.

Второй раздел — «Рим» также предваряется кратким, но емким обзором истории Рима от основания города до заката мировой Римской империи. Особо высвечивается уникальность гражданской организации Рима, как символа всей античной цивилизации, достигшей наивысшего расцвета. Автор выделяет вопросы, связанные с развитием и дифференциацией принципов и форм гражданства, ибо римлянин не мыслил себя вне государства. Даже частная жизнь проходила под строгим контролем общества и определялась государством. Поэтому в центре внимания Маяк — воззрения римлян на свое государство, как на достояние народа. Источники демонстрируют важность и святость законов и гражданских свобод. Они пропагандируют идеалы республиканского устройства и ненависть к тирании. С этим связаны воспевание воинской доблести, высокая оценка воинских талантов и заслуг, как необходи-

мых качеств и простого гражданина, и тем более политического деятеля.

Особенно насыщен информацией подраздел «Идеал гражданина». Скрупулезный отбор пассажей из разных типов источников, включая эпиграфику, выявляет гражданский идеал в представлениях римлян как служение отечеству на поприще магистратур и простым трудом, прежде всего на земле. Недаром особо ценилось трудолюбие, а образцом гражданских добродетелей почитались идеализированные «нравы предков» времен Ранней республики: высокая нравственность руководителей, скромность, суровый кодекс староримской чести и морали, который римские писатели (Кантон, Цицерон, Сенека) противопоставляли развращенным нравам Поздней республики и Империи.

Во многом неожиданно проиллюстрировано положение женщины в Риме, ее довольно широкие права и свой кодекс чести, отношения в семье и процедура разводов. Следуя генеральной линии хрестоматии, Маяк уделяет особое внимание воссозданию римского быта и нравов, повседневной жизни людей, их заботам и часам досуга, излюбленным развлечениям и торжественным обрядам, общественным играм и зрелищам, правилам поведения и системе воспитания, т. е. всему тому, что составляло сущность жизни людей античного Рима, формировало их привычки, мировоззрение и систему ценностей. Не случайно этот раздел завершается картиной состояния образованности римского общества на разных этапах, развития знаний, учения, восприимчивости к новым знаниям, что обусловило высокий уровень римской культуры, ставшей ценнейшим вкладом в последующие цивилизации.

Хрестоматия отвечает современным требованиям, как с точки зрения принципов отбора и критической интерпретации исторических источников, так и в плане обновления методологии преподавания истории античности в учебных заведениях.

В. Н. ТОКМАКОВ

По страницам зарубежных журналов

«Беларускі гістарычны агляд»

Редакция журнала «Белорусское историческое обозрение», который начал выходить в Минске, стремится к национальной органичности, к нахождению «белорусского эквивалента» привнесенным и обычно тенденциозным историографическим концепциям и взглядам на историческое прошлое Белоруссии. Специфика этого журнала состоит во

внимании к вопросам теории и методологии исторической науки, с упором на проблемы этногенеза и истории белорусской науки.

Обоснованию данной установки посвящена в номере первая статья основателя и редактора этого журнала Г. Н. Сагановича «Национальность истории как науки». Автор развивает идею о значе-

нии национального фактора, рассматриваемого им в широком плане (природа, пейзаж, климат, язык, историческая память, менталитет народа), для понимания субъективности историка и адекватного осмысления объекта его исследования.

В статье «Национальное возрождение и национальное сознание белорусов в первой половине XIX в.» продолжает эту же тему на конкретно-историческом материале С. А. Куняева. Автором рассмотрен весьма важный и слабо изученный период в истории Белоруссии, связанный с зарождением (точнее — с возрождением) новой белорусской профессиональной культуры, после ее затяжного кризиса и упадка в XVII—XVIII веках. Проблема исследуется с учетом патриотических импульсов и ценностей, присущих представителям местной, в основном полонизированной и, в меньшей мере, русифицированной культурной элиты. На примере творчества писателей-возрожденцев (Я. Чечот, В. Дунин-Марцинкевич, Вл. Сырокомля, П. Шпилевский и др.) прослежено перерастание регионального, «краевого» патриотизма в национально-белорусский, выразители которого, закладывая основы новой белорусской литературы, опосредовано, но необратимо «возвращались к родной культурной почве», преодолевая и творчески перерабатывая господствовавшие в крае польскую и русскую культуры (с. 62).

Интересна переведенная с английского языка статья Филиппа Л. Уайта «Что такое национальность», содержащая анализ гносеологических, историко-культурологических, политологических аспектов, а также понятийной эволюции самой категории национального (нация, национальное государство, национальный дух, национальное самоопределение, национальная идентификация, патриотизм и т. д.).

Не менее интересна и другая из переведенных в журнале, на сей раз с французского, статья известного польского специалиста по «литовским» древностям, профессора Ю. Бардаха «Отношения между католиками и православными в Великом княжестве Литовском (конец XIV—XVII вв.)». Автор стремится не столько выявить национальные и религиозные конфликты, сколько раскрыть традиции мирного и даже дружественного сосуществования различных конфессий в данном восточно-европейском регионе, что, как подчеркнуто в статье, отнюдь не случайно нашло законодательное закреп-

ление в Статуте Великого княжества Литовского третьей редакции (1588 г.).

К глубокой древности отсылает нас статья археолога А. М. Медведева «Население Беларуси в железном веке (VIII в. до н. э. — VIII в. н. э.)». Р. В. Боровий рассматривает историю получения Магдебургского права Брестом с учетом обстоятельств политической борьбы в Великом княжестве Литовском на рубеже XIV—XV веков. В номере начата публикация воспоминаний Ф. Кушеля (1895—1968 гг.) «Попытка организации белорусского войска при немецкой оккупации Белоруссии» (рукопись хранится в Белорусской библиотеке — музее им. Ф. Скорины в Лондоне). Автор воспоминаний — представитель военного крыла в белорусском национальном движении. Он начал свой путь в нем еще в 1918—1919 гг. вместе с А. И. Луцкевичем, А. А. Смоличем, Б. А. Тарашкевичем, А. З. Прушинским и другими деятелями Белорусской Народной Республики. В США он был предводителем ветеранских и других эмигрантских белорусских организаций. В годы первой мировой войны он офицер русской армии, в межвоенный период служил на разных должностях в польской армии. В сентябре 1939 г. был интернирован и помещен в Старобельский лагерь для военнопленных поляков, но завербованный для сотрудничества чекистами избежал участи жертв Катыни. По словам автора воспоминаний, белорусские националистические деятели стремились выстоять в схватке двух тоталитарных, одинаково чуждых Белоруссии режимов — большевистского и фашистского, создать политико-военные предпосылки для грядущей независимой Белоруссии.

Немало полезной информации почерпнет читатель из рецензионной, заключительной части журнала. В первом номере приводится перечень кандидатских и докторских диссертаций, защищенных в Белоруссии в 1993 — первой пол. 1994 года.

Обобщая содержание первого номера, еще раз подчеркнем, что в центре внимания авторов и редакции стоит главная проблема — белорусская концепция истории, с размышлений о которой несколькими годами ранее начал свой путь «Беларускі гістарычны часопіс», как мне кажется, не совсем корректно прокомментированных на страницах «Вопросов истории» (1994, № 10, с. 186).

К. А. Атрашевский

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Russian Review. Columbus. Vol. 54, № 2. April 1995.

Американский журнал «Russian Review» опубликовал два дискуссионных материала, позволяющих судить о современных подходах американских историков к изучению истории и последствий Октябрьской революции в России 1917 года.

Джон Эрик Марот разбирает взгляды Рональда Суни, известного «социального историка», выступившего в этом же журнале в 1994 году со статьей «Пересмотр и отход в историографии 1917 года: социальная история и ее критики». Марот

поддерживает «социальную» интерпретацию этой революции и защищает ее от критики возрождающейся «политической» интерпретации, наиболее видным представителем которой является Ричард Пайпс. Новую книгу последнего — «Россия при большевистском режиме» разбирает в том же номере «Russian Review» Питер Кенез.

Марот обращает внимание на то, что Суни призывает историков, принадлежащих к обоим направлениям и занятых изучением указанной темы, наладить сотрудничество — в интересах «супермодернистского синтеза» с тем, чтобы добиться «истинного понимания» смысла и значения русской революции.

Автор констатирует, что установки «политических историков», и Пайпса в том числе, мало изменились за прошедшие годы. Они по-прежнему утверждают, что большевики несут полную ответственность за революционный взрыв и все свое внимание сосредотачивают на деятельности политических партий и принимаемых ими решениях. «Социальные» же историки (Суни в их числе) настаивают на том, что большевики пришли к власти прежде всего благодаря тому, что их представители были избраны в советы, поддержанные широкими народными массами. Вместе с тем Марот считает, что «социальные историки» могут укрепить свои позиции, если перестанут игнорировать роль большевистской партии в развитии взаимосвязанности обоих факторов: самостоятельной активности рабочих и политической деятельности партии, к чему собственно и призывает Суни в упомянутой выше статье. Эта взаимосвязь не была прямой и непосредственной, но явно обнаруживала себя в политической сфере, которую «социальным историкам» надо исследовать более основательно. Автор обращает внимание и на то, что Суни признает: «экономические и социальные реалии» не могут сами по себе определить ни политический курс, которому следовали русские рабочие, ни реальные результаты революции.

Однако, по мнению Марота, позиция Суни отличается известной непоследовательностью, поскольку он предлагает «социальным историкам» обращаться к событиям в сфере политики лишь для заполнения «белых пятен» в своих исследованиях и практически уходит от прямых ответов на вопросы о степени ответственности большевиков за революцию и о роли политического авангарда в сложившейся революционной ситуации. Он ограничивается призывом к «социальным историкам», изучающим историю революции 1917 г., «согласовывать цели (участников революции) и обстоятельства, социальные и политические детерминанты» (с. 261).

«Рассудочные конструкции» историков о менталитете рабочих, крестьян, солдат, как и буржуазии часто носят чисто умозрительный и эксплицитный характер, считает Суни. Но эти сюжеты должны присутствовать в трудах «социальных историков». Эти проблемы должны разрабатываться обоими направлениями историков. Более того, он считает, что «исследование структуры мнений и идентичностей» должно занимать главное место в трудах историков, как в отношении «психоанализа» выдающихся исторических личностей, так и при изучении «объективных социальных или политических интересов». Эти суждения явно направлены против установок «политических историков». Они прямо перекликаются с характеристикой «политических историков» в заметке Кенеза, содержащей критику непоследовательности и субъективизма, политической ангажированности Пайпса, склонного игнорировать роль народных масс и тенденциозно определять интеллигенцию как группу интеллектуалов, жаждущих власти.

Дискуссия в среде американских историков — советологов свидетельствует о том, что они вплотную подошли к проблеме политического самосознания масс в период русской революции. Марот считает, что историки не сумели описать реальность и действительные результаты русской революции в терминах, относящихся исключительно к партийно-политическому соперничеству и процессу выработки партиями своих политических решений. Конечно, эти решения имели своими истоками «материальные интересы» рабочих, но тем не менее их нельзя связывать исключительно с этими последними, как это делают «социальные историки», хотя, разумеется, недопустимо и игнорировать указанные обстоятельства, подобно «политическим историкам». Партийное соперничество несомненно влияло на выбор рабочими своих политических решений, наиболее соответствующих их жизненным интересам. В первую голову это относилось к вопросу: поддерживать ли Временное правительство, или бороться за его свержение.

«Политические историки» настаивают главным образом на том, что партия большевиков играла руководящую роль в революционных событиях (хотя, по мнению автора, неправильно эту ее роль интерпретируют). «Социальные историки» делают акцент скорее на том, в какой мере пролетарские массы связывали возможность реализации своих устремлений с программными установками политических партий. Задача историков, считает автор, состоит в том, чтобы точно определить, насколько программа большевиков выражала упования трудящихся масс.

К. Е. Погос

Американский ученый Гар Алпровитц, известный в недавнем прошлом своей принадлежностью к ревизионистскому (и даже леворадикальному) направлению в историографии, в статье «Хиросима: историки переоценивают», предвосхищающей выход его книги «Решение об использовании атомной бомбы», пытается по-новому рассмотреть это событие, используя ранее недоступные источники, и в более широком историческом контексте.

Основная мысль автора состоит в том, что у США не было военной необходимости применять против Японии ядерное оружие. Это признавали и многие американские авторитеты в области ядерной политики. Принятое в 1945 г. решение мотивировалось стремлением избежать огромных потерь американской армии, неизбежных, если бы ей пришлось бы осуществлять высадку на Японских островах, а также добиться скорейшего окончания войны. Однако «существовали и альтернативы использованию (атомной) бомбы, о которых было известно и Трумену и его советникам» (с. 15), — цитирует автор С. Уокера «главного историка» одной из американских комиссий, занимающихся ядерными проблемами (отнюдь не ревизиониста!).

В докладе Управления стратегическими бомбардировками (1946 г.) указывалось, что Япония и без использования против нее атомных бомб и даже, если бы Россия не объявила ей войну, все равно бы капитулировала в 1945 г. и скорее всего еще до 1 ноября, вне зависимости от того высадились бы американские войска на Японские острова или нет. Сходные мысли содержались и в докладе военного министерства, относящемся к тому же периоду, а также в трудах видных историков и военных специалистов.

Овладев тайной японских шифров, американцы еще 12 июля 1945 г., т. е. до Берлинской конференции, узнали о решении японского императора, опасавшегося требований союзников о безоговорочной капитуляции и ликвидации монархии, прекратить военные действия (с. 18). Вопрос об условиях японской капитуляции весьма оживленно обсуждался в американских правящих кругах, принимавших решение об атомной бомбардировке Японии. Учитывая преклонение, даже обожествление японцами особы императора, многие весьма авторитетные американские деятели предлагали специально оговорить в условиях капитуляции сохранение правящей династии.

Автор приводит многочисленные и достаточно авторитетные свидетельства о том, что американское руководство в полной мере отдавало себе отчет в отношении того, какое значение будет иметь для принятия Японией решения о капитуляции (даже без непосредственной угрозы высадки

на островах американской армии) наступление советских войск в Маньчжурии. Трумен записывал в своем «Потсдамском дневнике» после того как получил заверение Сталина о непременном вступлении СССР в войну против Японии: «Конец япошкам, когда это произойдет» (с. 21). Кстати говоря, и об этом также свидетельствуют приводимые Алпровитцем документы; многие влиятельные лица в американском руководстве отнюдь не были уверены, что атомная бомбардировка решит вопрос о капитуляции Японии и устранил необходимость американской высадки на острова.

И тем не менее Трумен стремился осуществить бомбардировку японских городов, и непременно до вступления СССР в войну против Японии. О бессмысленности этой акции с военной точки зрения высказывались авторитетные политики и генералы. Начальник штаба верховных главнокомандующих У. Леги писал в 1950 г. в своих мемуарах: «Применение варварского оружия против Хиросимы и Нагасаки не могло бы существенно поддержать наши войска в действиях против Японии. ...Используя его первыми, мы стали выглядеть как средневековые варвары. Я думаю, что нельзя вести войны таким образом; нельзя добиваться победы ценой уничтожения женщин и детей» (с. 24).

Почему же альтернативные применению атомного оружия соображения не возымели силы? В ряде исследований, посвященных этой проблеме, на первый план выдвигались соображения оперативно-стратегического и военно-технического характера. В последнее время, подчеркивает Алпровитц, все больший интерес историков вызывают соображения, относящиеся к политико-дипломатическому аспекту этой проблемы. «С апреля 1945 года американское руководство рассчитывает, что атомное оружие в огромной степени усилит позиции американской дипломатии при обсуждении вопросов послевоенного устройства Европы и Дальнего Востока» (с. 28). Атомная бомба рассматривалась как «козырная карта» в дипломатическом противоборстве с СССР. До испытания и практического применения этого оружия эта позиция широко не афишировалась: «пусть наши действия говорят сами за себя», указывал военный министр Г. Стимсон. Трумен не случайно оттягивал дату начала Берлинской конференции (с. 30).

Теперь, замечает автор, практически не оспаривается, что Трумен стремился покончить с Японией до вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. «Президент и его высшие советники, пишет Алпровитц... с конца апреля (1945 г.) основывают свою дипломатическую активность на посылке, что новое оружие... способно усилить позиции США против Советского Союза» (с. 31). Не случайно

и то, что в это время возрос политический вес государственного секретаря Дж. Бирнса, убеждавшего президента, что обладание атомным оружием позволяет США «диктовать свои условия окончания войны... делает Россию более сговорчивой» (с. 32). Для многих историков (например, С. Гед-

диса) несомненно: решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки определенно было связано с враждебным отношением Трумена к Советскому Союзу (с. 33).

Р. Е. Котов

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Киби-кокусай-дайгаку кэнкю: киё. Такахаси. 1995, № 5

Известный японский специалист в области аграрной истории дореволюционной России профессор Международного университета Киби (г. Такахаси) С. Хинада высказывает свою точку зрения относительно российской крестьянской общины XIX — начала XX века. В статье учитываются концепции современных российских историков-аграрников, с которыми автор знакомит японских читателей. Автор указывает на важность для него контактов с учеными России во время его работы в архивах Москвы и Санкт-Петербурга в 1988 году. Особое внимание Хинада уделяет отработочной системе в российской деревне после отмены крепостного права в 1861 году. Он полагает, что «противоречия отработочной системы, как переходной, являются одним из звеньев противоречий сложного капиталистического общества России и органически сливаются с ними» (с. 44).

Основываясь на «приговорах» крестьянских общин в России (которые он оценивает как важный и до настоящего времени недостаточно использованный источник), японский ученый полагает, что основным требованием крестьянского движения в России, в частности, в период революции 1905—1907 гг., было не только требование земли, как это зачастую описывалось в литературе, посвященной данному периоду российской истории. Преобладали, по мнению Хинады, требования, касающиеся системы оплаты труда и арендной платы при отработках. В этой связи автор указывает на материалы Тамбовского архива, приведенные в 1954 г. в статье Г. М. Птушкина «Крестьянское движение в Тамбовской губернии в конце XIX в.»¹, из которых видно, что в Лебедянском уезде Тамбовской губернии уже до революции 1905—1907 гг. крестья-

не боролись против высокой земельной ренты и низкой оплаты труда в аграрной сфере (с. 45).

Хинада считает, что эти выступления можно с полным правом охарактеризовать как «новый тип крестьянского движения», в чем-то аналогичный забастовочному движению рабочих в российских городах. По мнению автора, на формирование этого нового типа крестьянского движения большое влияние оказало отходничество. Крестьяне, уходившие на заработки в города, возвращались в деревню с новыми представлениями об оплате их труда, которую они, усвоив городской опыт, считали чрезвычайно низкой.

Весьма характерным для России, полагает Хинада, было то обстоятельство, что требование повышения заработной платы в аграрной сфере формулировалось солидарно всем крестьянским «миром», т. е. общиной. По мнению японского исследователя столыпинская аграрная реформа была направлена именно против такого типа крестьянского движения. Хинада характеризует русскую общину как важный институт в аграрном строе России; она, по его мнению, имела как общие черты с японской крестьянской общиной, так и существенные различия (с. 46, 43).

И. А. Дьяконова

Примечания

1. См. Труды историко-филологического факультета Воронежского государственного университета. Т. XXIX. Воронеж. 1954, с. 44.

О РОЛИ ГЕНЕРАЛА Р. ГАЙДЫ

Soudobé dějiny. Praha. 1993, № 1.

Чешский историк Роберт Сак предпринял попытку проследить жизненный путь и осветить роль генерала Радолы Гайды (Рудольфа Гейдла) (1892—1948).

Амбициозный офицер, сделавший стремительную карьеру от капитана до генерала в течение чуть ли не одного — 1918 — года, но одновременно пронизательный политик, Гайда, как считает автор,

был обречен поступить на службу к адмиралу А. В. Колчаку после того, как чехословацкому корпусу не удалось добраться до Владивостока. До этого — в мае-ноябре 1918 г. корпус считался «нейтральным», а входящие в него военнопленные — частными гражданами, хотя оружия они не сдавали и приняли участие в антисоветском мятеже. На это время и приходится головокружительная карьера Гайды.

Но уже к концу 1918 г. Гайда не верил, что «верховный правитель» сумеет восстановить Россию, поскольку крайне круто расправлялся со своими противниками. Во время продвижения чехословацкого корпуса на восток Гайда вступил в переговоры с теми, кто стремился создать альтернативное колчаковскому несоветское правительство на сибирских землях. В их числе умеренные социалисты и даже большевики. Путч 17—18 ноября 1919 г. во Владивостоке проходил под лозунгом созыва Сибирского Учредительного собрания, допускались мирные переговоры с большевиками. Колчаковцы сумели быстро подавить его, а Гайда покинул Россию. Его усилия по возвращению граждан Чехословакии на родину были отмечены наградами.

В архиве обнаружены некоторые подробности его маньчжурской авантюры. Выявилась его близость к русским фашистам. Он сам был с 1926 г. одним из лидеров группы фашистов в Чехии и даже входил от нее в парламент. Как полагает автор, русофильство Гайды, с одной стороны, а с другой фашистские пристрастия побудили его восстановить связи с бывшими русскими офицерами — активными участниками «белого дела» — А. Н. Пепеляевым, В. Моравским, с офицерами Воткинской дивизии, Ижевского полка, а также с «капеллецами». Многие из них стали членами эмигрантской русской фашистской партии на Дальнем Востоке.

И все же более подходящими для него оказа-

лось в конце 20 годов предложение престарелого генерала Дм. Хорвата, который считался главой русской эмиграции на Дальнем Востоке. Этот генерал, придерживаясь довольно патриархальных взглядов, вознамерился не только объединить эмигрантские группы, партии и союзы, разбросанные по всему миру, но и дать им общую цель — возвращение в Россию. «Он хотел использовать беспорядки в Маньчжурии и создать там небольшую армию из бывших русских офицеров и отборных солдат. После эффективного обучения тридцать тысяч человек должны были вторгнуться в Забайкалье, организовать там антисоветский мятеж и при поддержке крестьян, борющихся против только что начавшейся коллективизации, равно как и нерусских народов (в первую очередь мусульманских) пройти через восточную Россию вплоть до Москвы. Радола Гайду Хорват хотел видеть в качестве командующего этой армией и будущего диктатора» (с. 78). И тот без колебаний принял это предложение. Его уполномоченным был Владимир Бжетанарж — бывший капитан в Чехословацком легионе и помощник Гайды.

Гайда начал собирать приверженцев нового «белого дела» в Европе. Но как раз в это время началось расследование его якобы разведывательной деятельности в пользу СССР. В пражской прессе время от времени появлялись материалы, ставившие под сомнение его яростный антибольшевизм. Гайда пытался выкрасть компрометирующие его документы, но неудачно. Дело было решено не в его пользу: генерала лишили депутатской неприкосновенности, а затем и звания. О Маньчжурии не могло быть и речи, вместо нее он отправился в тюрьму. Многие ответы на вопросы, была ли это оплошность или провокация, вероятно, хранятся в так и найденном пока личном архиве генерала.

Э. Г. Задорожнюк

КРЕСТОНОСЦЫ И ТОРГОВЛЯ С ЯЗЫЧНИКАМИ

Journal of Medieval History. Cambridge. 1994. № 20.

В XIII—XIV вв. Литва становится объектом крестовых походов, организованных Тевтонским орденом. Но так как эти походы частично финансировались за счет прибыли от торговли, а торговые пути пролегали и через территорию язычников, питовцы нередко становились деловыми партнерами крестоносцев. Об этих торговых связях повествуется в статье П. Мажейки «О капусте и рыцарях. Торговля и торговые договоры с язычниками на северной границе, 1200—1390».

Хорошо известно о подобных экономических связях между арабским миром и Испанией, но меньше внимания уделяется этому вопросу при

изучении истории северных крестовых походов. Папские буллы запрещали торговые контакты с язычниками, особенно продажу оружия. Налагались штрафы на тех, кто вел такую торговлю. В середине XIII в., когда литовский князь Миндовг принял христианство, он предоставил немецким купцам торговые привилегии, гарантировавшие им мирную торговлю в литовских землях. Но поскольку союз с Миндовгом не означал покорения всех прибалтийских народов, Тевтонскому ордену пришлось заключить договоры, предусматривавшие условия перемирия для торгующих сторон на фоне не прекращавшихся военных действий.

С 1257 г. с разрешения папы римского Александра IV Тевтонский орден начал развивать собственную торговлю, в том числе и с Литвой, которая представляла для него интерес и как противник (язычники), и как торговый партнер.

В XIV в. было заключено не менее пяти торговых договоров с Литвой, которые свидетельствуют не только о прямых торговых контактах Тевтонского ордена с Литвой и принадлежавшими ей русскими землями, но и о важной роли пролегавших через Литву торговых путей для поддержания экономических связей с Венгрией и Причерноморьем.

С 1356 г. по-видимому начался спад торговой активности, возможно по причине предшествовав-

ших крещению Литвы переговоров с папством и вызванных этим участвовавшим походам на Литву тевтонских рыцарей. В 1386 г. литовский великий князь Ягайло принял христианство и стал королем польским Владиславом II. Последний торговый договор Тевтонского ордена с язычниками (жемайтами) был заключен в 1390 году. После 1422 г. отношения между двумя теперь уже христианскими государствами постепенно нормализуются.

Статья содержит богатый источниковый материал (на языке источника и в переводе на английский язык) и снабжена многочисленными указаниями на новейшие исследования по этой теме.

В. И. Матузова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Самарские масоны: Елшин и другие

В начале XX в. некоторые петербургские и московские политические деятели состояли в масонских ложах. Они стремились также вовлечь в свои ряды провинциальных политиков. Одним из них являлся А. Г. Елшин, известный в ту пору самарец. Он родился в старинной дворянской семье, окончил Петербургский университет, работал присяжным поверенным Самарского окружного суда и был председателем местного Археологического общества. Активный кадет, Елшин в 1905 г. стал одним из организаторов самарского Комитета общественной безопасности (воссоздан в июле 1917 г.). В 1904—1906 гг. он редактировал газету «Самарский курьер», позднее написал книгу «Самарская хронология». После Февральской революции Елшин был избран членом исполкома либерального Комитета народной власти, сотрудничавшего с Советами рабочих и солдатских депутатов, а потом — и крестьянских депутатов. Будучи секретарем губкома Партии народной свободы, Елшин пользовался большим авторитетом среди единомышленников, выдвигался кандидатом в депутаты Учредительного собрания, избирался гласным городской думы, поддерживал тесные контакты со столичными кадетами¹.

В Госархиве Самарской области хранится дневник Елшина, касающийся его приема в масоны. Произошло это 12 июня 1914 года. Спустя несколько лет он так описал памятный эпизод: тогда в Самару приехали трудовик А. Ф. Керенский и кадет Н. В. Некрасов. Они остановились в гостинице и пригласили к себе Елшина. Приезжие предложили ему вступить в организацию, «объединяющую все прогрессивные партии страны». Он догадался, куда его хотят ввести. Собеседники условились встретиться на следующий день на квартире Елшина. Там они рекомендовали ему стать членом

масонской ложи (в записках не упомянуто ее название). Как писал Елшин, его «чрезвычайно удивило это предложение», так как он полагал, что масонская организация «с ее ритуалом давно минувших времен давно не существует». Разговор с петербургскими эмиссарами закончился согласием Елшина вступить в «масонское братство»².

Спустя день он пришел в дом князя В. А. Кугушева, помещика и известного общественного деятеля. Вячеслав Александрович еще в 1883 г. вступил в петербургскую революционную группу Д. Н. Благоева, неоднократно арестовывался, ссылался в Олонецкую губернию. С 1901 г. он оказывал большую денежную помощь РСДРП и выполнял ее поручения. В то же время он тесно контактировал с лагерем либералов и в 1906 г., ради конспирации, стал кадетом, избирался по 1910 г. в Государственный совет от уфимского земства. С 1911 г. он жил в Самаре. Работая долгие годы в Донском земельном банке, продолжал подпольную революционную деятельность, будучи гласным Самарской городской думы. В 1917 г. выступил на стороне советской власти, в ноябре 1918 г. бывший князь как уполномоченный ВЦИК помог освобождению заложников, арестованных колчаковцами в Уфе. Позднее он трудился в управлении Наркомпрода РСФСР по Уфимской губ. и состоял в 1919—1923 гг. членом Комитета помощи голодающим. С 1923 г. работал инспектором Всероссийского кооперативного банка. Став в 1930 г. персональным пенсионером, умер в 1944 году³.

Елшин писал: принятие в масоны «было назначено на квартире В. А. Кугушева — Казанская ул., № 30 (дом Субботина). На другой день я пришел утром к Кугушеву». Хозяин в это время отсутствовал, и Александра Григорьевича встретил «Алихан». То был Султан Алихан Нур-Магометович Бу-

кейханов, видный местный кадет, депутат I Государственной думы от Семипалатинской губ., основатель киргизской (киргизами тогда называли казахов вместе с киргизами) национальной партии Алаш. Он проживал в Самаре с 1912 г. и имел широкие связи в Туркестане. Активный участник гражданской войны в составе Алашской автономии и Алаш-орды, он был расстрелян в 1937 году⁴.

Букейханов «провел меня в дальнюю с балконом на двор комнату и сказал, что, по требованию устава, я не могу никого из собравшихся братьев видеть. Затем он принес вопросный лист об отношении к самому себе, к семье, к обществу, государству и человечеству и предложил дать письменный ответ. И сам удалился. Через некоторое время он пришел, и я передал ему заполненный лист; и сказал он, что братья рассмотрят мои ответы и решат, отвечаю ли я критериям масонских убеждений. Через четверть часа он возвратился и сказал, что теперь порядок приема пойдет дальше. Он завязал мне платком глаза и предложил мне подождать в таком положении некоторое время и не снимать без него повязки. Через некоторое время я услышал шаги вошедших людей, и затем голос Керенского заявил мне, что я нахожусь перед делегатами Верховного совета братства масонства. Было задано несколько вопросов, и затем, стоя, я повторил за Керенским клятву. После этого с ме-

ня сняли повязку. Меня все трое поздравили, и мы расстались по-братски»⁵.

Из записей Елшина видно, что членами масонской ложи были еще два самарских члена Партии народной свободы и что ложа объединяла либерально настроенную часть общества различных направлений ради создания такой организации, которая координировала бы действия всей легальной оппозиции самодержавию. Иных свидетельств о масонах дневник Елшина не содержит.

И. В. Топорков (Ульяновск)

Примечания

1. Историко-культурная энциклопедия. Самара. 1994, с. 25.
2. Государственный архив Самарской области (ГАСО), ф. 352, оп. 3, д. 3, л. 627.
3. Историко-культурная энциклопедия, с. 81; ШЕЙНИС Э. Повесть о князе Кугушеве, беспартийном большевике. — Юность, 1967, № 6.
4. Историко-культурная энциклопедия, с. 15; Гражданская война и военная интервенция в СССР. М. 1983, с. 30.
5. ГАСО, ф. 352, оп. 3, д. 3, л. 6—8.

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century. I. I. Zhilinskij. The Blockade Diary. Articles: I. I. Zelenin. Peasantry and Power in the USSR (1933—1937); V. K. Shatzillo. The USA and Germany's Submarine Warfare 1914—1918. Historical Profiles: O. R. Ajrapetov. Nikolaj Nikolaevich Obruchev. State Power and Intellectuals: The Record of the 1944 Conference at the CC CPSU(B) with Historians. Historians on Time and Themselves. The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914—1917. Contributions: V. V. Shelokhaev. The Liberals and Masses During the First World War; Jung Hee Suck. M. P. Pogodin and Cyrillo-Methodievskoje Society of the 1830—50s on Slavic Unity (Comparative Historical Analysis). People. Facts. Events: V. K. Rykov. The Expedition of Wil'kitzkij; Historiography. Reviews on Books: Ju. A. Poljakov. Our Unpredictable Past. Polemical Comments; A. I. Bernshtejn, V. P. Korablev, M. I. Pavlushenko. Russian Aeronautics; P. G. Vinogradov. Complete Works; J. Baberowski. Autokratie und Justiz. Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich. 1864—1914, P. Liessem. Verwaltungsgerichtsbarkeit im später Zarenreich; When Empires Shatter; The Person of Antiquity: Ideals and Reality; On the Pages of Foreign Journals. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 7, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2 Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 21.05.96. Подписано в печать 10.07.96. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,65. Тираж 10 500. Заказ 1702. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала „Вопросы истории“»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**